

ИЗ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ
СОРОКОВЫХ ГОДОВ

*Дневник
Елизаветы Ивановны
Поповой*

Под редакцией кн. Н. В. Голицына

Государственная публичная историческая
библиотека России

Вглядываясь в прошлое

*Дневник
Елизаветы Ивановны
Поповой*

1847–1852

Под редакцией князя Н. В. Голицына

Москва
2013

УДК 94 (47) (093)
ББК 63.3(2)47-7
П 58

Печатается по книге: Попова Е.И. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / под ред. кн. Н.В. Голицына. — СПб., 1911. — XV, 283, [6] с.; 3 л. портр. — (Из московской жизни сороковых годов).

Попова Е.И.

П 58 Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847—1852 / под ред. кн. Н.В. Голицына; предисл. Л.В. Беловинского; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2013. — 320 с.: ил. — (Вглядываясь в прошлое).
ISBN 978-5-85209-306-6

Дневник Елизаветы Ивановны Поповой (?—1876) — это прежде всего памятник бытовой культуры и свидетельство современника и очевидца о людях, оставивших глубокий след в русской культуре. Елизавета Ивановна вводит читателя в интимный мир кружка московских славянофилов и близких к ним лиц. Дневник написан с откровенностью и свободой, живыми диалогами, прекрасным литературным слогом.

УДК 94(47)(093)
ББК 63.3(2)47-7

ISBN 978-5-85209-306-6

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2013
© Л.В. Беловинский, предисловие, 2013
© ЗАО «Репроникс», оформление, 2013

ДНЕВНИК ПРИЖИВАЛКИ

Читателю предоставляется возможность познакомиться с любопытными дневниками Е.И. Поповой. Их необычность двоякого рода.

Прежде всего, в огромном массиве дневниковых записей и воспоминаний представителей дореволюционной эпохи мы имеем сравнительно мало личных документов, оставшихся нам от женщин той поры. И это вполне понятно. Женщина в прошлом, а особенно в первой половине XIX в., до эпохи Великих реформ и последующих событий, представляла, так сказать, второстепенный, вспомогательный элемент общества: она почти исключительно находилась «при» мужчине — муже или отце. Мужчина был военным, придворным, чиновником, ученым, профессором, художником, литератором, политическим или общественным деятелем и т.д. Женщина же — только женой или дочерью. Исключение составляли разве что фрейлины и статс-дамы Высочайшего двора (впрочем, получавшие свое звание большей частью за заслуги отца или мужа), а в лучшем случае — хозяйки более или менее известных аристократических или литературных салонов; записки Екатерины II или Е.Р. Дашковой, разумеется, составляют исключение. Лишь во второй половине столетия, а лучше сказать — в самом его конце и в начале XX в. появляется самостоятельная, независимая женщина — педагог или литератор. Достаточно просмотреть переизданные в последние несколько десятилетий мемуары и дневники, чтобы убедиться, сколь незначительно число женских воспоминаний и дневников в сравнении с личными документами, оставшимися от мужчин.

Другая особенность этих дневников, охватывающих, так сказать, героико-трагический период истории нашей культуры (1847—1851 гг., эпоха самой жесткой «николаевской» реакции и цензурного «террора»), заключается в положении их автора. Е.И. Попова живет в знаменитом доме А.П. Елагиной у Красных Ворот, где и конституировалось славянофильство. Она, можно сказать, свой человек в семействе Киреевских. Она бывает у Ак-

саковых. Семейство Свербеевых для нее — свои люди. Она, хотя и шапочно, знакома с С.П. Шевыревым. Недавно скончавшиеся поэт Н.М. Языков (для его погребения она даже уступила землю в Даниловом монастыре, приобретенную для себя) и историк, археограф и издатель Д.А. Валуев, принадлежавшие к кругу славянофилов, — тоже люди ей очень близкие. Не понаслышке она знает и В.А. Жуковского, П.Я. Чаадаева и многих других выдающихся людей того времени.

Можно представить себе, какие сокровища должны таиться в этом дневнике! Сколько подробностей общественной жизни, идейных баталий, политических событий, споров и суждений...

И — ничего! Ну, разве что история с магистерской диссертацией Константина Аксакова, история, которую не описал только ленивый современник. Ну, холерная эпидемия 1848 г., и то затронутая вскользь... А в остальном — глубоко личные переживания, отношения с людьми, их субъективные оценки. При беглом просмотре дневников Е.И. Поповой может даже создаться впечатление о ненужности их переиздания. Стоило ли из-за личных переживаний никому из нас неизвестной дамы, пусть и вращавшейся в кругу знаменитейших людей той поры, печатать довольно пухлую книгу, охватывающую всего-то 5 лет (1847—1851 гг.).

Стоило! Стоило, потому что перед нами в глубоко личном, даже интимном документе с огромной полнотой раскрывается личность необычного человека той эпохи.

Мы привыкли к дневникам и воспоминаниям, оставленным хорошо осведомленными и активно вращавшимися в обществе людьми, занимавшими в нем заметное место. Мы привыкли к документам, наполненным подробными рассказами о наиболее значимых событиях и о сколько-нибудь заметных в общественной, литературной, художественной, театральной или политической жизни происшествиях. Но... за описаниями этих событий практически исчезают сами авторы. Много ли мы можем сказать о внутренней сущности таких людей — современников Поповой, как П.В. Анненков, И.И. Панаев, А.В. Никитенко, Б.Н. Чичерин, А.И. Кошелев и др., оставивших нам свои воспоминания и дневники? Разумеется, при тщательном анализе можно составить более или менее полное представление о них, но... только о взглядах этих людей. А их психология, их характеры? Были ли они похожи на нас, или все же отличались? И если отличались, то чем? Или человек не изменился за прошедшие 150 и более лет?

Но главный интерес дневников Е.И. Поповой даже не в этом. Необычайно для нас положение автора. Дело не в том, что она живет в доме Елагиных-Киреевских, а в том, что она живет в чужом доме. И не просто в доме, а в семье крепостного управителя дома, и душевно она близка именно с этой семьей. Не снимает помещение в доме, а именно живет, хотя и платит Соколовым за стол. Живет в долг, постоянно занимая у одних и возвращая долги, иной раз в несколько рублей, другим. Она почти нищая, имеющая пустяковый доход в виде процентов за отданные когда-то своим благодетелям деньги. При этом она постоянно исполняет чужие поручения: покупает по спискам нужные вещи, переносит из одного конца Москвы в другой чужие письма, отправляется с чужими людьми в деревню, чтобы развеять скуку от их вынужденного деревенского безделья. Да еще и подвергается от них порицаниям и даже насмешкам. Что это за странная фигура?

А очень просто. Это приживалка.

Мы с детства встречали на страницах русской классики приживалов и приживалок. Да хотя бы сонм старух, окружавших владелицу немого Герасима, чей каприз так отразился на судьбе Муму. Таких образов, большей частью «служебных», немало разбросано по страницам русской литературы. Но все они или упомянуты, или, так сказать, очерчены одним движением пера, обобщенно, и роль их в этих произведениях крайне незначительна. Полунищие мелкопоместные дворяночки, чьи-то воспитанницы, бесприданницы, взятые «в дом» из милости и состарившиеся там, старые девы или вдовы мелкопоместных помещиков либо разорившихся любителей цыган, лошадей и псовой охоты, унылые «соломенные вдовы», дочери или вдовы священников, дьяконов и даже дьячков... Удел их был печален. Развлекать патронессу сплетнями, сносить ее капризы и попреки куском хлеба, исполнять прихоти и быть на побегушках, вплоть до выполнения функций какой-либо почетной ключницы из крепостных... Читать зевающей покровительнице на сон грядущий или играть с нею в карты «по маленькой», опасаясь выиграть и трепеща при мысли о копеечном проигрыше, поправлять ей ленты чепчика или сползшую с плеча шаль, мечтать даже не о блестящем гусарском офицере, а хотя бы о маленьком чиновнике и слышать в ответ: «У, дура!..» и с ужасом отгонять мысль о том, где преклонить голову после смерти стареющей патронессы...

Естественно, люд это был и невежественный, и суеверный, и малограмотный, если не вовсе безграмотный. А уж характеры в такой обстановке складывались — не приведи Господь!

И вот — дневник приживалки.

Любопытно было бы препарировать личность Елизаветы Ивановны (звучит, конечно, цинично, но, в сущности, верно), разложить ее самое и ее положение на составные части.

Во-первых — происхождение. Из дневников явствуется только, что она — дочь купца. Однако первый издатель ее дневников, автор обширной вступительной статьи и пространных комментариев, князь Н.В. Голицын, сообщает, что она была дочерью не просто купца, но издателя и книгопродавца И.В. Попова, близкого к Н.И. Новикову и Н.М. Карамзину, содержавшего типографию Московского университета, заведовавшего изданием «Вестника Европы». Не чужд он был и литературного творчества, хотя славы на этом поприще не стяжал. Разумеется, уже в силу своего социального положения и, надо думать, положения материального, сколько-нибудь приличного (по тем временам) образования дочери своей он дать не мог. О таких, как она, в ту пору писали: «Воспитания домашнего». Тем не менее воспитание это было отнюдь не характерно для купеческой среды. Елизавета Ивановна не только прибегает в дневнике для изложения наиболее сокровенных мыслей к французскому языку, которым, видимо, владеет свободно, но и цитирует Вольтера и французскую поэзию. С поэзией она вообще на короткой ноге: ее дневник пестрит стихами и цитатами из Константина Аксакова и Жуковского, Евдокии Ростопчиной и Дмитриева, Хемницера и Вяземского, Языкова и Лермонтова, Грибоедова и Ивана Долгорукова, даже Бёрнса, а также фрагментами народных песен и, не исключено, стихами самой Поповой (она редко указывает авторство). Вероятно, близкие люди ценили ее образованность: она записывает, как «В конце марта 1844 г... Валуев предложил мне заняться переводами для предполагаемых им изданий по отделу истории и воспитания.

До этого времени, если и случалось мне переводить, то все это оставалось у меня и только для меня. Никогда не думала я, чтобы мои переводы могли годиться для печати; поэтому я предложила... сделать опыт, и чтобы он решил прямо, продолжать или нет. Назначенный им перевод был о Славянах, из книги Ами Буэ о Европейской Турции... Валуев, получа мой перевод, просил меня продолжать, и прислал по-

сле первой книги другую, еще более занимательную: о Черногорцах, сочинение Вука Стефановича Караджича». А в описываемое в дневнике время Елизавета Ивановна зарабатывает хлеб свой воспитанием и обучением детей. Конечно, в ту пору даже и столичное дворянство за качеством учителей и воспитателей своих отпрысков не гналось: в менторы юных дворян нанимали и немцев-булочников, и французов-парикмахеров, и англичан-сапожников, и русских семинаристов. Но все же...

Не чужда Елизавета Ивановна политических пристрастий и антипатий. Она уже по своим связям с Киреевскими, Аксаковыми, Валуевым, Языковым — ярая славянофилка, патриот всего русского и православного и ненавистница Петербурга, по ее словам — «болота». И здесь, при ее скромности и понимании своего места в обществе, она, после смерти Языкова, ставит себя наравне с К.С. Аксаковым и П.В. Киреевским: *«Остаемся только мы трое верными сынами православной Руси: я, простой человек, Константин Великий (К.С. Аксаков — Л.Б.) и Петр Васильевич Киреевский, т.е. Петр Пустынник! Увы! нашего полку ubyло, полку вольных людей Москвы православной! О, горе нам!»*

Она даже бо́льшая славянофилка и патриотка, чем сами создатели славянофильского учения: они все же были люди широко образованные, а потому и более терпимы ко всему нерусскому. Немцев, а особенно немок она ненавидит всеми фибрами души: *«...Он думает этою речью отмстить... мне... (вовсе нехстати) за немцев! Дело ясно для меня в отношении к немцам и к подлейшей половине их, немкам... я считаю их нечто вроде собак, следовательно, вовсе не членами общества».* *«...Я вышла бы для прения и заметила бы сочинителю, что он мало развернул весь вред, произведенный у нас иностранцами, и что пора отречься от них и дунуть и плюнуть на них».*

Но... все это — при том, что как раз с немцами-то у нее и оказываются близкие отношения: *«Герхен и другой немец Бургер были единственными моими гостями».* Герхену она даже немного помогает материально из своих более чем скромных достатков. А более всего, более самой себя любит она Ф.Б. Тидебеля — остзейского немца, племянника врача Мойера, в котором она видит своего любимого внука. В этом вся Елизавета Ивановна: она ненавидит из принципа, ненавидит как бы абстрактные явления, при этом до самозабвения простирая теплоту своей души на конкретных людей.

В своих крайних антипатиях она даже дерзает, пусть и в сугубо личном дневнике, резко высказаться о политической системе, правда, по конкретному поводу: запрету на публичное произнесение К.С. Аксаковым его магистерской диссертации и аресту его книжек: «... Слезы выступили у меня на глазах, и грустная дума о будущем стеснила мою душу. На какое рабское, скотское молчание осуждаемся мы жестоким тиранством! Что далее, то хуже». Впрочем, это едва ли не единственная инвектива Поповой против препон национальной мыслительности. Да нас это и не должно занимать: кто же из современников Елизаветы Ивановны не раздражался негодованием по этому поводу? Разве что сами гасильники мысли...

Итак, это незаурядная женщина, волею судеб оказавшаяся в заурядном и весьма незавидном положении.

Материальное ее положение крайне тяжелое. Это просто нищета, постоянная жизнь в долг. Из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день — постоянные заботы о деньгах, и не о каких-то значительных суммах, а, иной раз, о двух-трех рублях, которые нужно где-то добыть, и даже о копейках: «Иногда встретишь бедного и подашь ему копейку, а, смотря по человеку, и 30 к. сер. Кроме того — расход на письма и за получение писем, бумага, сургуч, пакеты». «...Сведя счет, сколько в июле месяце истрачено на почту, я отложила писать в Белев до прибытия Ивана Васильевича (Киреевского — Л.Б.). Мне надобно отвечать Анне Петровне, Наталье Петровне, Марье Васильевне, за 3 письма надобно отдать 30 к. сер.; я лучше поберегу эти деньги... Из этих Белевских дам я скорее пожертвовала бы 10 к. сер. для Натальи Петровны, потому что она великодушно подала мне руку на помощь, без всякой моей просьбы». Вот такая жизнь: копеечный расход на переписку уже составляет для нее затруднение, и она иной раз вынуждена отказываться от этого, что для одинокого человека — не последнее дело.

«В настоящее время мне предстоит большой недостаток в деньгах: надобно занять их для отдачи Ив. Вас. Киреевскому 26 р. сер. и такой же суммы Кат. Фед. Селивановской, но у кого занять? К кому обратиться? О чае мне и думать нечего!» (выделено нами — Л.Б.).

Стыдно просить, а горше того, как в ответ на просьбу получишь отказ: «Вот три дня, как льет проливной дождь: куда пойдешь за деньгами? Придешь в гости чучелой, выкажешь, что пришел от крайности, и получишь отказ даже от доб-

рых людей». Предоставляем читателю самому оценить положение этой женщины, отметив при этом, что она бьется, как рыба об лед, не только для своих нужд. Она занимает у одних, чтобы отдать долги другим (а отдает она неукоснительно), она закладывает и продает последние вещи, чтобы помочь своему легкомысленному брату и его жене и детям, чтобы похоронить, в сущности, чужую ей старуху-богаделенку — няньку брата... «Мне мешала болезнь старой няни моего брата, болезнь жестокая, приведшая ее на край могилы; вторая забота была о приискании денег и на прожитие и на погребение старухи. До сих пор мои заботы были напрасны. Строева отказала в деньгах, и в маловажной сумме — в 10 р. сер.; К. дала почувствовать издалика, что сама взяла бы с живого и с мертвого. У Свешниковой просить не хочется, она за проценты захочет обратить человека в невольника <...>

Дела житейские, дела мои собственные становятся очень затруднительны. Следует мне возвратить Катерине Александровне 50 р. сер. Чем их отдать? Должно расстаться с тем сокровищем, которое я хранила 5 лет на свое погребение; эту сумму я получила из милых рук Валуева... Второе затруднение состоит в отдаче Наталье Петровне Киреевской 97 р. асс., для этого надобно заложить часы мои и серебряные ложки. Третье затруднение — найти денег на погребение старой Марьи, если только она умрет; наконец, четвертое — отдать старой Селивановской 25 р. сер.; деньги на два последние предмета попросить у Машеньки Спиридоновой». «Сегодня заложены мои часы и ложки за 25 р. сер. Выкупить можно и через год. На свою собственную трату надобно достать денег продажей некоторых вещей, только бы уплатить частные долги». «С почты зашла я к Скорняковой, которую не застала дома. Мне хотелось попросить ее продать некоторые из моих вещей для уплаты долга Свешниковой. Этот долг состоит из 3 руб. сер.; они заняты были на погребение Марьи (все издержки на оное составляют более 10 р. сер.). От Марьи Ивановны я пошла в Сущево к старой Федосье и ту не нашла дома, но решила дожидаться ее, потому что очень устала и была голодна. Старуха возвратилась в 4 часа и напоила меня чаем. Из Сущева пошла я к Свербеевым и опять вышла неудача: Свербеева уехала к своему дяде... Домой я не могла уже идти пешком и взяла извозчика». «Я ушла пешком в Москву (из Симоновой слободы; читатель-москвич пусть по-

пробует проехать туда хотя бы на трамвае, и не соскучиться — Л.Б.), чтобы писать к Федору Борисовичу и отдать самой на почту письмо, или послать его с верным человеком. Необходимость заставила меня расстаться с драгоценною моею ассигнациею...» (по всей видимости, речь идет о деньгах, подаренных ей на собственные похороны — Л.Б.). «Я ушла пешком от Селивановской (опять из Симоновой слободы — Л.Б.) для того, чтобы по просьбе Федора Борисовича быть у Мамонова, расспросить его о болезни Катерины Ивановны, успеть все это написать в... Воронеж, а после того в час пополудни быть в доме Свербеевых для урока». «...Я истратила на извозчика 25 коп. сер., что для меня очень много».

Итак, уже немолодая женщина (в описываемые годы ей должно быть около 50 лет, по тогдашним меркам — старуха) вынуждена мерить не маленькую и тогда Москву ногами и даже ходить пешком за ее пределами, иной раз по чужим делам, чтобы сэкономить на извозчике 15—20 коп.

Поиски денег отравляют жизнь Елизаветы Ивановны. «Куда идти больному? За какие приняться обороты? А средства для существования сыскать надобно!» «Катерина Александровна (Свербеева — Л.Б.)... предложила мне давать уроки Терновским и... зная, что плата 10 р. сер. была бы недостаточна, обещала прибавлять от себя по 15 в месяц... Конечно, я не могу учить всех даром, и мои стесненные дела заставляют меня принять эти уроки... Кроме того, ими стала бы заниматься Анна Александровна (Елагина — Л.Б.); это служило бы ей развлечением в ее горести... На меня находит в этом случае сомнение: хорошо ли я делаю, что принимаю такую обязанность и между тем оставляю более возможности Анне Александровне предаваться печальным мыслям, потому что дома ей вовсе нечем заняться». Обратите внимание, читатель, что для Елагиной эти уроки служили бы развлечением, поскольку ей нечем заняться дома, для Поповой же они были источником хлеба насущного!

Записи о деньгах и долгах постоянны, и если все их приводить здесь, то это составит добрую долю дневников, так что приходится ограничиваться. «Первого июня кончатся мои доходы, останутся долги. Одни дети уедут в деревню, других я сама оставляю. Исполню то намерение, которое таится в душе моей, а потом — должно будет пойти в рабство, для насущ-

ного хлеба. Сегодня надобно пойти к моей невестке, отнести ей 80 р. асс. и выкупить мои золотые часы».

«...у Терновских. Родственники этих девочек платили мне по 10 р. сер. по окончании каждого месяца. В первых числах апреля они переслали мне деньги... но эти деньги следовали за март месяц, а не за апрель. Сегодня мне отдали только 10 р. сер., а мне следует получить за апрель и за май 20! Я не требовала денег по исходе апреля оттого, что не хотела стеснять плательщиков, и моя деликатность мне же обратилась во вред». Итак, при полном безденежье и многочисленных, хотя нередко и мелких долгах, Попова стесняется обременить известного в ту пору священника Терновского напоминанием о заработанных и недоданных деньгах. Позже деньги были отданы, но «Я отдала назад деньги (20 руб. сер.), переданные мне Анной Александровной от имени священника Терновского. За многопрошедшим временем он мог забыть, что действительно был мне должен, т.е. недодал 10 руб. сер., а если забыл, то может подумать, что я требую лишнего, так я хочу лучше лишиться денег, нежели доброго о себе имени».

«Нынче я сказала Николаю Алексеевичу (Елагину — Л.Б.), чтобы он заплатил мне 700 руб. из числа 2000, которые взяла у меня мать его. Половину пошлю к Федору Борисовичу, авось возьмет! а другую надобно употребить на уплату моих долгов. Мне надобно отдать 100 руб. Свербеевой. Она прислала мне эти деньги 1 июня, полагая, что я буду продолжать уроки у Терновского в доме, а я не могу этого сделать, потому что зиму проведу в Петрищеве. Надобно возвратить 70 руб. Анне Александровне Елагиной. Они истрачены на домашний расход. 50 руб. серебром — Марье Богдановне Спиридоновой. Я знала, что, следуя своему сердцу, она без всякого сомнения дала бы мне эту сумму, но была несколько в сомнении оттого, что Машинька должна была просить этих денег у своего мужа, а я с ним так недавно знакома, что он мог не довериться моей честности». Прочтя эту выдержку из дневника нашей героини, иной читатель, пожалуй, воскликнет: «Сама в долгах, как в шелках, чаю себе купить не может, а туда же — посылает 350 рублей чужому, в сущности, человеку!» Что делать! Такова была эта женщина.

«Великодушная Катерина Александровна дала мне взаймы 50 руб. сер., до июля». «Она (М. Спиридонова — Л.Б.) посылает мне, по моей просьбе, 50 руб. сер. Итак, эта молодая

женищина не забывает прежних услуг! Это чудеса в наше время!» «Катенька опять пришла мне на помощь: я взяла у нея 15 р. сер., а Бог знает, когда отдам!» «Нашла письма... другое от Натальи Петровны (Киреевской — Л.Б.)... с вложением 30 руб. сер. на путешествие мое в Петербург! Честь и слава Наталье Петровне за любезную предупредительность; я не просила этих денег, а просто написала, что отыскала дядю и что отправила к нему брата. Наталья Петровна поняла, что я не могу сама ехать в Петербург по недостатку средств, и сама вызвалась помочь мне».

Наступают именины нашей героини. «Марья Васильевна принесла мне прекрасный и полезный подарок, именно — летнюю шляпу. Я собиралась купить ее, но видя, что у племянницы нет шляпы, истратила свои деньги на покупку для нея необходимой вещи, а сама должна была дожидаться 10 числа мая, когда получу 15 р. сер. от Свербеевых. Другие подарки хороши, прекрасны, но не так полезны; лучше было бы получить деньгами: я сделала бы помощь деньгами моей невестке. Николай Алексеевич подарил мне 40 пакетов с казенными печатями. Я продам их для уплаты в лавку за чай и сахар, которые брала в этом месяце для себя и для невестки...» Увы, Елизавета Ивановна даже не может позвать близких людей, чтобы отметить свои именины: деньги нужны для других людей; да и места у нее нет. «По недостатку моих денежных средств я ничего не готовлю, никого не зову и никому не отказываю... Николенька Елагин здесь, но и его угощать мне нечем. Куда затевать какую-нибудь стряпню, когда невестке нечего почти есть?..

За недостатком помещения в моем углу, я не могла пригласить никого из любезных мне людей, а те, у кого просторно, не догадались предложить мне своего простору» (Очевидно, речь идет о семействе Елагиных, в доме которых Попова живет — Л.Б.).

«Я заплатила долг мой Вариньке 45 р. 50 к. монетою. Деньги 25 р. сер. прислала мне Анна Петровна, да благословит ее за то Бог. Заплатила я за ноябрь месяц 5 р. сер. Соколову. Ему нужны деньги, у него двое больных. Катиньке я осталась должна 15 р. сер., она отложила плату до ее возвращения из чужих краев».

«Мои расходы: В лавку за чай, сахар и пр. — 15 р. сер.
Кудрявцевой.....2 р. (отданы)

А. Вас. Пелопидас.....3 р. (отданы)

За Ваню портному.....2 р. 10 к. (отданы)

Деньги, которые получу я в конце января, пойдут в уплату в лавку Ив. Дмитриева, к 1 февраля у меня останется ровно ничего. Сколько ни стараюсь, никак не могу прикопить какой-нибудь суммы на уплату важнейшего и приятнейшего долга, и потом — для уплаты через год Катерине Дмитриевне Свербеевой.

1 февраля должно будет заплатить за стол 5 р. сер., крестнице в день ее рождения 1 р. сер., на чай, сахар и кофе 3 р. сер. в месяц, итого выходит 9 р. сер.

А доходу мне 15 р. сер. в месяц, но следует положить на извожиков, прачке и проч. 5 р. сер.

В остатке — один рубль серебром!

Каким образом мне устроить судьбу свою, чтобы иметь довольно денег на прожиток? Где же взять на обувь, на платье?»

Угнетает Елизавету Ивановну не только катастрофическая нехватка средств. Угнетает и связанная с этим несвобода, вынужденность ходить по людям, может быть, неприятным, может быть, чуждым. «На душе тоска и уныние; за тем хочу я быть дома, чтобы давать себе свободу. В обществе надо скрывать себя. Если бы я была богата, то давно разорвала бы связь с ним». «... Без ужаса не могу подумать о том, что в четверг надобно выехать, надобно войти в свет и сойтись с людьми. О, как счастливы богатые! Они могут жить, как хотят». «Как отрадно и льготно в уединении! Как тяжела мысль, что надобно будет его оставить и взять на себя цепи рабства! Счастливы богатые! Им возможно по своей воле жить в обществе и жить в уединении. Я же должна идти в неволю ради насущного хлеба. Полную свободу даст мне только одна смерть».

Читатель, верно, уже обратил внимание, что нередко Елизавета Ивановна деньги заработанные, полученные от заклада или продажи небогатого имущества или взятые в долг отдает на нужды других. Самопожертвование — ее сущность. Весь жар неутоленной женской, материнской любви она отдает людям, нередко далеким от нее, например, дальнему родственнику Елагиных, врачу Ф.Б. Тидебелю, которого она любит, как внука.

«Ходила в ряды и в лавки, чтобы закупить для него (Тидебеля — Л.Б.) разных припасов и вещей, чтобы его избавить

от хлопот. Между прочим купила для него и курительного табаку, чаю и пр., и всему поставила меньшую цену». «Федор Борисович, увидев, что письменный стол его был покрыт новою клеенкой, сказал мне: «Я должен вам отдать деньги за те вещи, которые вы для меня купили и которые мне были нужны, да время не позволяло об этом думать. Сочтем-тесь». — Хорошо, отвечала я, и всякую вещь говорила в половинную цену. Надобно же мне помочь ему тайно, если он не допускает этого явно...

Я была очень рада, что он согласился на мое предложение, что за малую цену я доставлю ему достаточное количество хорошего белья». «Федор Борисович возвращает мне деньги, посланные мною ему... Кроме того, он приложил еще 20 руб. сер. за доставленное мною ему белье, но этих денег много. Я хочу, чтобы это белье обошлось внуку моему в полцены, и вследствие хотенья, без всякого медленья решила возвратить ему 15 р. сер.».

И уж вполне естественны беспрестанные заботы о легкомысленном брате, живущей в бедности невестке, племянниках, племяннице и даже о сироте, которого покойный отец когда-то взял в дом. Детей надобно одеть, приголубить, пристроить в учебные заведения, а пуще того — спасти от рекрутчины, поскольку брат, бывший в свое время в государственной службе и получивший на ней чин, не озаботился соответствующими документами, так что племянники Елизаветы Ивановны остались в мещанском сословии. «...Удача, что я могла записать моего племянника в рисовальную школу и что буду иметь средства платить за него...». «Заключено условие с директором 2-й рисовальной школы о том, что я отдаю в эту школу моего племянника на 6 лет и представлены мною деньги, 9 руб. серебром». «С января текущего года я заплатила 10 р. сер. за Ваню, на 3 р. сер. купила Васе пальто, 10 р. сер. дала Герхену, 10 р. сер. брату на путешествие в Петербург, 22 р. сер. невестке, теперь надобна Ване шинель, что, верно, будет стоить 10 р. сер., итого 65 р. сер. А эти деньги чужия! 30 р. сер. дала мне великодушная Наталья Петровна, 5 р. сер. Зыкова, да Свербеева прислала деньги Ване 10 р. сер.». «Купила своему Ване теплые калоши, заплатила 2 руб. серебром. Дорого! тяжело! да жаль мальчика: ноги отморожит». «Дала 3 рубля сер. племяннику моему Васе на летнее пальто». «На деньги, которые дала мне для Вани великодушная Свербеева, я купила ему сукна

на теплую шинель, отдала портному. Все это будет стоить 11 р. сер.». «День рождения меньшого племянника Васи. Я купила для угощения добродушного мальчика кувшин молока и белый хлеб, чем он был очень доволен». «Нынче день рождения моего Саши; я могла подарить ему только белый хлеб, 10 яблок и 30 коп. сер.». «Дмитрий Николаевич подарил мне ящик вяземских пряников, чему я очень была рада; в тот же день пошла к моей невестке и оделила там всех по прянику, а потом Машу, Дуняшу, братьев их, мать и отца» (последние, по-видимому, — просто прислуга). «Я послала брату вместе с Васиным письмом 2 рубля сер., которые заняла у Анюты Кудрявцевой».

«Честь и слава Наталье Петровне Киреевской... Ее ответ на мое извещение о нашей радости был — высылка по первой почте 30 руб. сер. на ускорение дела и краткое поздравление.

Взяв из этих 30 р. — 25, я поспешила возвратить их милой Катеньке Свербеевой. Я заняла их у ней... чтобы помочь моей невестке переехать из убыточной огромной квартиры... в маленькую... 3 рубля сер. дала я Васе на производство дела». «Катерина Александровна не отстала в благотворении: она прислала мне... 10 р. сер., с тем, чтобы я послала их брату... Но я отдам эти деньги в годовое учение Вани в рисовальную школу, а то Ване откажут. Кроме того, я отдала 3 р. сер. за шитье ему сюртука... Брату послала я 2 р. сер... Кроме платы за ученье Вани и за работу его платья, невестке надобно дать на дрова; чаю и сахару я купила ей на две недели на 1 р. сер. Бедной девушке Пелагее Федяшевой 25 к. сер.». «Невестка моя была в крайности, и я, видя то, дала ей 22 руб. сер.». «...Денег дала им (невестке и племяннице — Л.Б.) золотой, Юле 1 р. сер.». «...Катерина Александровна... прислала мне 10 р. сер. на бумаги. Из этих денег я купила Ване сапоги, племянникам башмаки, 1 р. сер. дала невестке на платье и заплатила 3 р. сер. за стол». «Бедный Ваня вовсе не имеет белья, а у меня нет денег. Надобно будет взять ему на рубашку ситцу в долг...». «Заставила говеть всех моих племянников и племянниц, что стало мне 3 р. сер., сделала платье и разные вещи для Васи на 20 р. сер.». «Надобно пока сделать себе шубу, но посредственную, чтобы осталось рубля три сер. на одежду для Вани, и потом про запас...»

«Шуба моя будет стоить 100 р. асс., легкая одежда мне и Конкордии — 5 р. сер.; обувь для меня, для Вани, для Юлиньки и Конкордии — 6 р. сер. За стол за август и будущий сентябрь 10 р. сер.».

«Невестка моя решилась наконец отдать меньшую дочь свою в Александровский институт, а хлопотать надобно мне...». «...Хлопотала, чтобы достать от двух священников свидетельства о рождении и крещении Вани и Конкордии». «Мое хождение по делам все продолжается... я купила гербовой бумаги 2 листа по 90 коп. сер. на свидетельство о рождении и крещении Ивана и Конкордии, 2 листа по 30 к. с. для приложения и лист в 60 к. для написания прошения. Деньги на это заняла я у доброй Марьи Васильевны...». «При содействии Мурзелимова и денег (5 р. сер...) дело моих племянников кончено здесь вполне...». «Семен, сирота, призренный моим отцом, пишет мне из Курска и просит о своей ревизской сказке; вот еще хлопоты». «Наконец, мои судебные хлопоты кончились! Все свидетельства, и духовные, и гражданские, для моих племянников получены. Дело стало мне 12 р. сер. Получив бумаги... я пошла прямо к Свербеевым, с ними первыми порадоваться успехом, и потом, чтобы они видели своими глазами, что я не обманывала их, что бумаг много, а следовательно — и денег за них довольно».

Мало хлопот Елизавете Ивановне о брате, невестке, племянниках. Скончались духовно близкие ей поэт Языков, а за год до него — Валуев (под могилу Языкова она отдала прикупленное для себя место рядом с Валуевым), а память их для нее священна. Опять хлопоты и опять расходы. *«Имея недостаток в деньгах, я думала отнестись к моей милой Катерине Александровне и просить ее пожертвовать 5 руб. на обложение могилы дерном, но она предупредила мою просьбу... Через несколько времени после того она дала мне деньги на оправу могилы».* Здесь надобно объяснить читателю, что Елизавету Ивановну заботит могила Языкова, оказавшаяся в полном небрежении, так что свежая насыпь оказалась размыта дождями. Приходится хлопотать и об установке памятника на могилах Языкова и Валуева. Надобно почтить память Валуева, скончавшегося в Новгороде: *«Второе письмо было в Новгород Великий с вложением 2 рублей сер. к священнику... с просьбою отслужить по Валуеву заупокойную обедню...». «...Успешное ходатайство о пожертвовании 100 руб. асс. на довершение риз в Новгородскую церковь».*

«Истинно добрая Анна Петровна подарила мне 25 р. сер., а я поспешила послать их в Новгород к священнику Орнатскому для дополнения к покрову, сделанному... по Валуеве».

Наиболее милы сердцу Елизаветы Ивановны Соколовы, семья крепостного управителя дома Елагиных-Киреевских, у которых она и живет. Естественно, и здесь не без хлопот и расходов. *«Анне Ивановне Соколовой в подарок на случай выселения из здешняго дома в другую страну света 10 р. сер.»*. Увы, Анна Ивановна неожиданно умирает, а сын ее тяжело занемог горячкою, и Попова хлопочет об его определении в больницу и о похоронах Соколовой. *«День кончины... Анны Ивановны... Я взяла 15 р. сер. у Свербеевой, чтобы дать их Михайле Никитичу на необходимые издержки; я знаю, что у него денег нет»*. *«Марья Васильевна исполнила мою просьбу, не оставила при смерти Анну Ивановну; она прислала на ее погребение 15 р. сер., но как этих денег было недостаточно, то я прибавила к ним 10 р. сер.»*.

Елизавета Ивановна — человек с чувством собственного достоинства, свое место в тогдашнем обществе знает и всячески избегает такого положения, когда бы ей могли хотя бы косвенно указать на это место. История с запрещением публичного чтения К.С. Аксаковым его магистерской диссертации чрезвычайно взволновала Елизавету Ивановну, и она не могла удержаться от того, чтобы не явиться с визитом в дом Аксаковых, которым, однако, не была ранее представлена, в соответствии со строгими правилами светского общения той поры; к тому же Аксаковы — известное, хотя и не знатное дворянское семейство, а Елизавета Ивановна, напомним, дочь купца, очевидно, мещанка по сословному положению, да к тому же еще и приживалка. *«... Поспешила я к Аксаковым в первый раз в дом, вечером. Но сердце, полное любви к Отечеству, влекло меня, и все общественные приличия были забыты!»* *«Я была там, где по законам света мне не следовало быть, но можно ли помнить эти законы, когда говорит в сердце любовь к Отечеству?»* *«Ольга Семеновна (жена С.Т. Аксакова — Л.Б.) приглашала меня как-нибудь приехать для того, чтобы отобедать у них. Не знаю, можно ли будет мне исполнить по этому приглашению: теперь необходимости нет быть у них в доме, и снова законы приличия становятся между нами»*.

Но с Аксаковыми все еще может быть понято. Однако же Елизавета Ивановна проявляет деликатность и в отношении

близкого ей Панова: в его именины она лишь заезжает с поздравлением, передавая его через прислугу, и лишь увидевший ее в окно Панов, выбежав на улицу, принуждает ее войти в дом: *«... Имянинник удержал меня, а между тем послал тихонько за шампанским».*

Не дождавшись конца завтрака, я уехала, желая предоставить полную свободу любезному хозяину и гостям его, которые меня не знали».

Щепетильность Поповой, кажется, уже сверх всякой меры. Любившая Попову и помогавшая ей К.А. Свербеева *«сама назначила мне приехать в воскресенье, а стало быть ей почему-либо не хотелось, чтобы я приехала к ней сегодня. Вследствие этого я осталась дома...»*. *«Катерина Александровна оставила меня обедать. Зная мои чувства она велела накрыть стол для нас двух в своем кабинете»*. *«Обедала у Катерины Александровны в ее кабинете. Дмитрий Николаевич был тут же. Я хотела его просить о доставлении места моему брату, да приехала Анна Александровна, и речам моим тут уже не было места. Родные имеют семейные дела, надобно предоставить им свободу обсуживать их»*.

А между тем покровители просто пользуются услугами этой гордячки, как чем-то само собой разумеющимся: *«...Елагины прислали мне роспись разным вещам, которые поручали мне купить»*. *«Марья Васильевна (Киреевская — Л.Б.) поручила мне купить для нея разных вещей в Москве»*. Попова просто служит на посылах в этом семействе. Мы-то уверены, что это были умные, образованные и мыслящие люди, соль земли Русской, цвет нации и проч. и проч. Да видно, это было еще не все. Ко всему прочему это были типичные дворяне с толикой пренебрежения низшими: *«В Бунине может быть и получено письмо (от Ф.Б. Тидебеля), да мне никогда не позаботятся сообщить приятного известия. Здесь тоже, получая письма из разных мест, не сказывают мне никогда ни содержания писем, ни от кого они писаны»*.

«Ходила в Петровский парк для доставления письма от М.В. Киреевской Анне Александровне Елагиной... Отдохнув у Катерины Александровны не более часу, я пошла назад в Москву, куда пришла в 6 часов вечера». Между прочим, от Красных Ворот, с Басманной, где жили Киреевские, до Петровского парка (ныне — района стадиона и метро «Динамо») путь не близкий. Что бы, поручив Елизавете Ивановне отнести письмо,

дать ей четвертак на извозчика! Да сытый голодного не разумеет. Можно даже, на случай скуки от безделья, пригласить ее в деревню: все же веселее будет: *«Бестужевы зовут меня с собою в деревню. Как тяжело оставить Москву!» «Авдотья Петровна приглашает меня в деревню к себе, на случай какого-то бездействия. Какого? Я действую теперь для своего существования, т.е. даю уроки; когда же они прекратятся, тогда надобно будет искать новых, а поехать в деревню пользы не будет. Кто же мне даст одежду и обувь, не говоря о том, что мне нельзя будет и рублем помочь родным своим!»*

Но это еще ладно — просто невнимание к мизерабельному человечку. Но это умное, образованное, мыслящее и воспитанное семейство еще и лишено деликатности: *«...неприятны некоторые речи Марьи Васильевны; по обычаю семейства Елагиных, принятому им с незапамятных времен, она старалась представить меня в виде шутихи. Другой рекомендации ждать от них нечего». «Бедный Петр Васильевич в первый раз был на могиле своего брата и друга... обсаженной деревьями и цветами усердием простого человека, а не родных, посеща-емую не от родных, не от знакомых, но от того, кто в семье умных называется дураком».*

«Недавно сама Авдотья Петровна дала мне почувствовать, что она ставит меня в ряд людей гораздо низших ея... Великодушные люди и тут нашли случай жестоко огорчить меня. Авдотья Петровна тотчас сказала: «С чего ты взяла, что можешь благодарить за Федора Борисовича? Он гораздо ближе к нам, нежели к тебе». — Я это знаю, был мой ответ, знаю, что он ближе к вам по родству, и по званию, и по образованию. — «Нет, не только потому, но и по чувству дружбы; а ты туда же равняешься!»...

За что было так жестоко напоминать мне, что я не могу быть любимой Федором Борисовичем в равной с ними степени? Когда и в чем выказала я неумеренные какие-нибудь требования на его дружбу? Я даже не говорю о нем с Елагиными... Сознаю умственное превосходство Елагиных и превосходство их породы предо мною, но чувствую в душе моей, что по праву, данному всем людям от Бога, праву любить, я имею такое же право и на взаимную любовь... Любить могут и знатные и незнатные, и умные и невежды, и прекрасные и безобразные».

Оно и верно: стоит ли считаться с тем, кто живет в их доме Христа ради? Ведь высокие мысли о судьбах России — это одно, а жизнь какого-то ничтожества — совсем иное! *«Вечером я виделась с новыми владельцами... Иван Васильевич говорил мне еще, чтобы я оставалась по-прежнему жить в их доме и что порядок будет тот же, как и при маменьке. Я поблагодарила его и отвечала, что уверена, что Киреевские меня не выгонят, пока судьба не расположит мной иначе.*

Позволением Киреевских оставаться в их доме, кажется, я не долго буду пользоваться. Здесь я жила с семьей Анны Ивановны, а теперь она, и муж ее, и дети здесь не останутся. Авдотья Петровна предлагает своему прежнему поверенному в делах, дворецкому и управителю, или получить вольность, или переехать в деревню. Он выбрал первое, и когда будет вольным, то пойдет странствовать по свету, а я не останусь в доме без людей».

Да, горька была жизнь Елизаветы Ивановны Поповой. Горше же всего было то, что она, уже в силу своей незаурядности, образования и несомненного ума, все видела и все понимала. Это-то и отравляло ей жизнь более всего: *«Никому не велела я рассказывать о том, куда отъезжаю. Кого мне спрашивать? С кем советоваться? Кто обо мне вспомнит сам и пожелает меня видеть просто для меня самой? Если кто занеможет, тогда обо мне вспомнят и станут меня выписывать в сиделки, но во дни спокойные и счастливые никто и не подумает о том, счастлива ли я, или, по крайней мере, жива ли».*

Однако же не следует видеть в авторе дневника такого белоснежного ангела, всю жизнь посвятившего нуждам других людей. О, она может быть и желчной, и предвзятой, и злой. Она остро не любит женщин (как и немцев — из принципа!): *«О себе скажу... что я человек... мало верящий женищинам...»* «Дня три тому назад, томимая печалью, я подумала было зайти к одной женищине, но потом отложила свое намерение. Во время прежнее я приходила туда похвалиться своими успехами, вниманием и участием других, и внутренне посмеяться зависти, с которою она меня слушала, и заботливости, с какою старалась внушить мне дурные мысли о тех людях, которые мне изъявляли приязнь. Теперь идти незачем: эта женищина не поймет моей печали и не возьмет в ней участия». «Была я у одной женищины и снова видела свидетельство их переменчивости и подлости. Я хотела попросить у нея совета, но

удержалась, и моя мысль осталась при мне». «... Приехала я к одной женщине; она всегда говорит мне о разных пустяках и безделках, которые для нея дороги, а меня всегда старается остановить в речах, когда я говорю о тех, кто мне дорог... Чувства бескорыстные и безотносительные понимают только мужчины да моя, чистая душой, несравненная Катерина Александровна. А в прочих женщинах:

*Нечисто в них воображение,
Не понимает нас оно,
И призрак Бога, вдохновенье,
Для них и чуждо, и смешно!»*

«Какая разница в обращении с близкими и встречными мужчин и женщин! В первых тотчас видишь открытое, любезное добродушие, чувства последних скрыты и сомнительны».

Но вот настает трагическая минута: Панов, человек, которого она любит, как единомышленника, собирается жениться!

«Увы! я подумала в эту минуту, что будто бы довольно будет желания Панова, чтобы наше знакомство продолжалось и после его женитьбы, и забыла, что с его желанием, может быть, несогласна будет его невеста. Может быть, надменная, суетная, тщеславная, она отвергнет мое знакомство, то что же тут будет удивительного? Разве это будет неожиданный удар? Разве не знаю я женщин? Разве ожидаю от них чего-нибудь хорошего?». «Этот проклятый брак истощит его вовсе. А там пойдет лечение, а там жена поговорит докторов сказать, что надобно ехать в чужие края, и вот обыкновенная история, обыкновенные последствия нынешних браков!». «О горе! Вольным человеком менее, невольником более!» «...Ведь он переменится, бросит прежних друзей, и друзьями его будут такие люди, которые будут уметь льстить жене его». «Но я писала к нему, что я не требую и не жду от него писем, потому что ему теперь не до того: он сидит, разинув рот, и глядит на Анну, навязанную ему на шею судьбою». Расстроенная предстоящим браком, Попова увидела во сне Панова: «...Последний пришел ко мне в комнату... и стал говорить... что он расстроен своим нравом и прихотями своей невесты... Огорчась его огорчением и тревожась за его будущее, я поспешила сказать ему: «не правду ли я говорила, что жена есть большое зло? Но разве нельзя отступить?... Я

стала повторять ему все известные мне эпиграммы против супружества...» Психологически было бы понятно, если бы не бывавшая замужем и, может быть, пережившая разочарование старая дева пылко не любила мужчин, но женщин?.. Хотя... Кто может постичь тайну женской души?..

Вот такая странная, сложная, противоречивая натура, способная вызвать и неприязнь, и сочувствие, и восхищение... Насколько типична такая фигура? Трудно сказать. Ведь, повторяю, дошедшие до нас или, по крайней мере, опубликованные дневники и воспоминания современников именно и не позволяют нам составить внятное представление о личностях. Приживалки же и вовсе не оставили по себе следа. И в этом — уникальность представляемых вниманию читателя дневников Елизаветы Ивановны Поповой.

Думается, не лишними будут несколько слов об издании дневников Е.И. Поповой 1911 г., по которому печатается данное издание. Имя князя Н.В. Голицина, подготовившего издание 1911 г., почти неизвестно. Между тем в данном случае мы имеем прекрасный образец научного издания книги. Помимо обширного очерка об эпохе и круге людей, в котором вращалась Е.И. Попова, голицинское издание сопровождается столь же обширными и до мелочей детализированными примечаниями и тщательно выполненным указателем. Это образчик научного академического издания, на что мы считаем нужным обратить внимание читателя.

*Л.В. Беловинский,
доктор исторических наук*

ВВЕДЕНИЕ

I

Решаясь обнародовать дневник Елизаветы Ивановны Поповой, мы сознаем, что предлагаем читателю книгу, мимо которой ученый историк мог бы пройти равнодушно, не сочтя даже нужным заглянуть в нее. Действительно, в этом дневнике нет ни описаний крупных исторических событий, ни глубоких и многосторонних характеристик известных деятелей русского просвещения 1840—50-х годов, ни выдающихся по новизне данных о движении общественной мысли в тот знаменательный период, когда складывались основы одного из позднейших направлений русского социально-политического мирозерцания, славянофильства. Автор дневника стоял в одном из центров духовной жизни Москвы в николаевское время, вращался постоянно среди людей, наложивших на эту жизнь печать своей самобытной индивидуальности, — и тем не менее в его показаниях нечего искать каких-либо общих взглядов на развитие славянофильского учения или хотя бы новых фактических подробностей, касающихся условий этого развития. Е.И. Попова была тесно связана с семьей Елагиных и Киреевских, постоянно видалась с Аксаковыми, Хомяковыми, Свербеевыми, была вся проникнута интересами славянофильских кружков сороковых годов; однако она не внесла в свой дневник чего-либо такого, что проливало бы новый свет на историю зарождения славянофильства.

И все-таки, несмотря на это видимое отсутствие строго научной ценности у дневника Е.И. Поповой, мы думаем, что издание его далеко не является делом бесполезным или случайным. Мы, напротив того, глубоко убеждены, что внутренние достоинства этого дневника всецело оправдывают нашу решимость, не говоря уже о том, что наша мемуарная литература слишком бедна, чтобы можно было пренебречь новым памятником этого рода, в особенности если принять во внимание, что судьба поставила автора этого памятника в такую умственную среду, которая еще

долго будет привлекать внимание всякого интересующегося и дорожащего историей развития русского самосознания. Ведь для славянофильства наступило наконец время оценки его, как плодотворного течения русской общественной мысли, как одного из наиболее знаменательных проявлений русского духа за истекшее столетие. Прежняя боевая точка зрения на него, навеянная борьбою мнений, партийной нетерпимостью и часто недобросовестным искажением взглядов противников, должна уступить место спокойному исследованию происхождения, развития и степени влияния славянофильской доктрины*.

Придерживаясь указанной точки зрения, мы убеждены, что всякий вновь появляющийся сырой материал, способствующий освещению условий возникновения славянофильства, хотя бы

* Что славянофильство вызывает в настоящее время иное отношение со стороны исторической критики, чем раньше, это мы можем усмотреть из вступительной статьи Н.Л. Бродского к сборнику «Ранние славянофилы (Хомяков, И. Киреевский, К. и И. Аксаковы)». М., 1910 (вып. V «Историко-литературной библиотеки» под ред. А.Е. Грузинского). Вот что говорит автор, характеризуя первых славянофилов (с. IX—X): «До сих пор еще приходится считаться с фактом, что славянофильское учение окружено толщей неправильных толкований, ложных, неверных взглядов, выросших то на почве предубеждений того или другого критика против данной доктрины, то ввиду смешения основных частей учения с второстепенными, мелочными деталями, то в силу привычки пускать в оборот суждения, основанные на непроверенных фактах и пользующиеся доверием только благодаря санкции различных авторитетов. Но мало-помалу туман, окутывавший ранних славянофилов, начинает рассеиваться; выступают живые лица с печатью яркой индивидуальности. Вместо чудаков, односторонних сектантов, видишь людей с богатой душевной жизнью, с высокими думами, возвышенными стремлениями. В речах их не только ненависть слепых фанатиков... нет, вся сложная гамма человеческих настроений — и скорбь, и радость, муки сомнения, горящая вера, кротость любви, пламень протеста... Вместо отживших, устарелых взглядов находишь зерна вечных истин, непреходящего значения, глубокого смысла... А главное, чувствуешь, что это были живые люди, кипевшие, волновавшиеся, думавшие, страдавшие, боровшиеся с противными мнениями, но уважавшие честное убеждение, ценившие честного врага; не застой и спокойную жизнь, но развитие и движение считавшие ценным; звавшие не к мраку, не к примирению с действительностью, но жаждавшие сияния солнца истины, счастья свободной личности...»

даже в тех скромных рамках, какие уделяет этому вопросу дневник Е.И. Поповой, должен встречать благосклонный прием со стороны читателя, привыкшего в прошлом развитии русского самосознания почерпать руководство для определения своего отношения к его современному направлению.

Дневник Е.И. Поповой есть прежде всего памятник бытовой истории. Со страниц его так и веет Москвой сороковых годов. Проникнутая чисто славянофильским, в духе и по примеру Константина Аксакова, преклонением перед Москвой и соответствующую степени этого преклонения ненавистью к Петербургу, Е. И. Попова на страницах своего дневника с любовью рисует картины быта близко знакомого ей московского общества, и под ее пером, часто помимо намерения самого автора, возникают отдельные сценки из этого быта, носящие печать той наивной непосредственности восприятия, которая всегда так привлекательна в свидетельстве не мудрствующего над явлениями внешней жизни современника. Этот бытовой интерес усугубляется тем, что многое из описываемого в дневнике касается личностей, известных всякому образованному русскому человеку. Автор вводит читателя в интимный мир кружка московских славянофилов и лиц, близких к ним по тем или другим причинам, и своим живым пером рисует их характеры, образ жизни и взаимные отношения. Биографических черт в дневнике разбросано много, но в большинстве случаев все это — черты мелкие, малозначащие, которые могли бы быть опущены в научно составленном жизнеописании того или иного лица, но которые именно тем и ценны, что сообщают каждому портрету особую свежесть и рельефность. От горячих споров славянофилов с западниками, от всей совокупности воззрений волновавшейся этими спорами группы лиц передового московского общества Е.И. Попова восприняла только внешние и случайные черты, не забираясь далеко вглубь исторической и философской сущности складывавшегося на ее глазах учения. В этом учении ее внимание привлекали главным образом те стороны, которые наиболее бросались в глаза при поверхностном знакомстве с ним; да и можно еще сомневаться в том, сознавала ли она в то время, когда писала свой дневник, что присутствует при зарождении новой доктрины, которой суждено было оказать своеобразное влияние на культурное и политическое развитие русского общества, хотя бы не столько своими положительными элементами, сколько вызванной ею борьбой мнений и обменом критической мысли.

II

Кроме интереса бытового и значения, как свидетельства современника и очевидца о людях, оставивших глубокий след в истории русской культуры, предлагаемый дневник привлекателен и по своим внутренним литературным достоинствам. Как упоминает сам автор его, он писался им с полной свободой и откровенностью; страницам его Попова поверяла то, чего не сказала бы и духовному отцу (см. с. 75). «Если бы кто видел этот дневник,— пишет она,— то мог бы подумать, что я ничего не делаю; но я пишу для себя, для облегчения своей души, а не для других, и, следовательно, не нужно мне объяснять, чем занято мое время» (с. 88). Поэтому она заносит в свой дневник лишь то, «что душу волнует, что сердце живит», а не дает, как это делает большинство лиц, ведущих дневники, более или менее полного и обыкновенно сухого перечня всех происшествий и поступков за каждый день; иногда она пропускает несколько дней, если не пережила в течение их ничего такого, что так или иначе взволновало бы, обрадовало или опечалило ее, если ничто не вызвало в ней потребности «облегчить свою душу». Эта черта придает особую притягательную силу бесхитростным, нередко наивным, но всегда искренним строкам дневника. Попова вводит нас в интимный мир радостей и печалей своей любвеобильной души и заставляет переживать вместе с нею все ее тревоги, чаяния и разочарования. К этому основному достоинству дневника, свободе и искренности его тона необходимо добавить другое: прекрасный слог, от которого так и веет литературной образованностью двадцатых-тридцатых годов, веком Карамзина и Жуковского, и особую живость в диалоге, в описании душевных переживаний и в характеристиках отдельных лиц.

Относительно жизни самого автора дневника мы имеем мало точных фактических сведений; мы знаем только, что Е.И. Попова умерла в 1876 г. в глубокой старости, следовательно, рождение ее должно быть отнесено к последним десятилетиям XVIII века или к первым годам XIX. Она была дочерью московского книгопродавца и издателя Ивана Васильевича Попова, в свое время близкого к Новикову и к Карамзину и содержавшего университетскую типографию в Москве под фирмой «Люби, Гари и По-

пов». Это был человек начитанный, но крайне своеобразный; вот что пишет о нем в своих записках Ксенофонт Полевой*:

«Брат мой (Николай Полевой) и я были уже несколько лет знакомы с Иваном Васильевичем Поповым, одним из величайших оригиналов, каких только встречал я в жизни моей. Это был тот самый Попов, который некогда содержал университетскую типографию и книжную лавку, вместе с Люби и Гари. Памятником этого сообщества остаются на многих русских книгах начала XIX столетия слова: «В университетской типографии Люби, Гария и Попова». Не знаю первоначальной жизни Попова. В 1823 г. он был уже человек пожилой, чтобы не сказать старый, потому что никто не знал настоящего возраста его; тщательнее всего скрывал он свои лета. В парике, краснолицый, всегда веселый, спокойный, подвижной, он ни в чем не отставал от молодых людей; но все показывало, что он, как говорится, бывал и на коне, и под конем, прошел сквозь огонь — воды. Воспоминания его восходили до времен Новикова и старинных литераторов, с которыми он бывал в сношениях. Трудно сказать, что такое был он сам. Званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков, некогда студент университета и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых, — он был все, знал все и всех, и при этом трудно сказать: что такое был он? Верно только одно — что он был самый жалкий писатель и рифмотворец, исписавший горы бумаги. Всю жизнь свою писал он беспрестанно и почти ничего не печатал из своих сочинений — к счастью читающей публики. Не показывает ли это самое человека вовсе не глупого, который признавал себя плохим писателем или, по крайней мере, не доверял своим силам, потому что, в то же время, знакомясь со всеми постепенно возникавшими журналистами, он истощал и лесть, и разные ухищрения, чтобы заставить их напечатать в своих изданиях что-нибудь из бесчисленных его сочинений? И никто никогда не печатал ничего им написанного, конечно, потому, что и проза, и стихи его были... из рук вон! Только в то время, когда он заведовал «Вестником Европы», после Карамзина, в «Вестнике» и в других тогдашних изданиях напечатано было несколько его стихов и статей. Кстати скажу, что он был настоящим издателем

* Полевой К. А. Записки. СПб.: А. С. Суворин, 1888. С. 86—88. За сообщение этого указания приносим искреннюю благодарность Павлу Константиновичу Симони.

«Вестника Европы» с самого основания этого, некогда знаменитого, журнала. Сделавшись хозяином университетской книжной лавки и типографии, он придумал очень умно: издавать журнал, где соединялась бы с литературой политика. С этой мыслью он обратился к Карамзину, который был тогда не в блестящем положении. С величайшею готовностью принял Карамзин предложение Попова быть редактором журнала за определенную плату (кажется, за 2000 р. в год!), обдумал и составил план издания с обычным своим искусством, и предприятие оказалось так удачно, что Карамзин сам не ожидал подобного успеха. По выходе первой книжки он сказал Попову, что, по справедливости, можно увеличить плату, условленную за редакцию. — «Совершенно согласен и прошу вас самих назначить прибавку», — отвечал Попов. Сколько, думаете вы, назначил Карамзин? Тысячу рублей!.. Разумеется, Попов согласился беспрекословно. Карамзин был редактором «Вестника Европы» два года*. После него Попов приглашал быть редактором «Вестника Европы» Макарова, последователя Карамзина, Панкратия Сумарокова и Каченовского, к которому «Вестник» и перешел окончательно. Оставив книжную торговлю и университетскую типографию, Попов проходил разные мытарства жизни и в 1823 г., кажется, не занимался ничем исключительно, а разыгрывал роль какого-то сентиментального философа, что было чрезвычайно оригинально при его образе жизни и привычках, какие могут быть у ходатая по делам и поверенного винных откупщиков. Он жил близ тюремного замка или острога, в своем доме, где на обширном пространстве было несколько отдельных, самых разнообразных зданий.

К этой характеристике следует прибавить, что стихотворные произведения И.В. Попова появлялись в различных русских повременных изданиях, начиная уже с 1791 г. Умер Попов 4 ноября 1839 г. Сохранилось письмо В.А. Жуковского к нему о дворовых людях, которые были куплены Поповым на имя Жуковского: в качестве купца Попов не мог сам владеть крепостными. Из этого письма, написанного в 1822 г., видно, что Жуковский был в хороших отношениях с Поповым; оно свидетельствует и о близости последнего к семье Елагиных. Предлагая Попову деньги на выкуп дворовых людей, Жуковский просит его взять с этой целью вексель в 2000 р. у Авдотьи Петровны Елагиной. «Ежели она от этого не откажется, — пишет он, — то прошу вас, получив

* 1802 и 1803 гг.

от нее вексель, дать вашим людям отпускную. Очень сожалею, что не могу заплатить вам чистыми деньгами, но на нет слова нет! Впрочем, вексель Авдотьи Петровны стоит чистых денег». В конце письма Жуковский добавляет: «Мой поклон вашей милой Елизавете Ивановне»*.

III

Из предыдущего видно, что Е.И. Попова росла в среде, близкой к литературным кругам начала XIX века, и умственная атмосфера, окружавшая ее с ранней молодости, наложила яркую печать на ее взгляды, как и на ее слог и манеру выражаться. В детстве она жила вместе с матерью в семье Юшковых, затем перешла в дом Авдотьи Петровны Елагиной (рожденной Юшковой), а с 1840-х годов сблизилась с семьей Свербеевых. Один из близко знавших ее членов этой семьи, Александр Дмитриевич Свербеев (сын многократно упоминаемых в дневнике Дмитрия Николаевича и Екатерины Александровны Свербеевых), любезно предоставил нам для настоящего издания выдержку из своих воспоминаний о Е.И. Поповой, где он в самых теплых выражениях рисует ее образ.

«Добрее ее трудно было встретить человека,— пишет А. Д. Свербеев.— Спаситель завещал нам любить ближнего, как самих себя, но она любила ближних гораздо более, чем самоё себя, и была постоянно занята скорбью, несчастьем, нуждою кого-либо из многочисленных своих друзей и знакомых, не разбирая, кто бы они ни были, от самых богатых людей до простых нищих. Где бы ни появлялись горе, нужда, болезнь, беспокойство, она уже и тут. Мы так к этому привыкли, что если чем были озабочены, то искали ее глазами вблизи себя, и где бы она ни пропадала, иногда исчезая без вести на неопределенное время к другим озабоченным и горьким, сейчас же, внезапно, вырастала ее маленькая, сгорбленная фигурка с умным, добрым лицом между нами, и тепло становилось от ее доброго, участливого слова.

Первые мои о ней воспоминания восходят до 1840-го, так называемого «голодного» года. По случаю неурожая и мы прожили зиму всей семьей в подмосковной, милом нашем Солнышкове. Мне было пять лет, и я словно вижу себя ребенком, стоящим

* Рус. арх. 1865. Изд. 2-е. С. 1299—1302; см. также: Уткинский сб. М., 1904. Вып. 1. С. 32—34, 36.

в верхнем этаже в нашем деревенском доме у закрытого, разумеется, балкона, ведущего в сад, с видом на шоссе и Лопасню (реку и село того же имени в Серпуховском уезде). Вот за садом у часовни, напротив балкона, показывается экипаж; то возвращается маменька и везет нам, так говорят нам, грозную русскую гувернантку. До тех пор мы жили с нашей любимой няней, англичанкой, добрейшей м-м Деннет, бывшей няней маменьки. И действительно, приехавшая тогда к нам Елиз. Ив. Попова показалась нам грозной и требовательной. Часто дирала она нас с братом Владимиром за вихры и за уши, даже не стеснялась это делать публично во время наших ежедневных прогулок по Тверскому бульвару в Москве. Долго мы ее боялись и не любили, пока не узнали всю глубину ее любви, т. е. когда подросли и стали отличать странность ее оригинальных выходок от воображаемой нами суровости ее нрава.

Она была дочь купца Попова, друга издателя и писателя, мазона Новикова, времен Екатерины II. Отец ее был первый московский книгопродавец и издатель некоторых книг под фирмой «Люби, Гари и Попов». Мать ее воспитывалась в доме Юшковых, где выросла Авдотья Петровна Елагина, сестра ее Анна Петровна Зонтаг (писательница), обе — дочери Юшковой, и поэт Жуковский, брат Юшковой по отцу (от турчанки). Для меня неизвестны подробности молодости Е.И. Поповой, знаю только, что она была близка Жуковскому, что его и Карамзина она просто обожала, также и императора Александра I, песню о коем («Ехал русский белый царь») мы у нее научились петь детьми. В прекрасном слогe ее писем так и слышится карамзинский стиль. Училась она кое-как и дома, но читала много и память имела необыкновенную. Русским языком владела она в совершенстве, разве отец мой мог с нею сравниться, а он его знал как весьма немногие. Его любила она, как мы, его дети, и отрадно вспомнить, как она наслаждалась, да — просто наслаждалась, беседою с ним. Стоит, бывало, у печки, заложив руки за спину, и слушает его словно какую-то райскую музыку, пока отец ее не раздражит, похвалив немцев, либо как-нибудь вспомнив русское управление в Польше. Из своего маленького 100 или 150-рублевого годового дохода раздавала она две трети, а жила на одну треть, постоянно проживая то здесь, то там у друзей и сохраняя при этом полную независимость характера, мнений и убеждений. Как теперь помню ее грозное слово «дурак», сказанное знаменитому профессору Грановскому после одной из его блестящих публичных лекций, не знаю за какое-то, по ее мнению, незаслуженное порицание

одного из ее героев, кажется — Александра Македонского, у которого он нашел какое-то пятнышко. Зато на следующей лекции, о св. Людовике, она публично и громко сказала ему свое одобрение, и оно не могло не польстить красноречивому оратору, ибо было умно и красноречиво сказано.

Вот какова была эта старушка, бедная материальными средствами, богатая духовными качествами, светлым умом и горячим сердцем. Ими жила она, в них черпала сокровища и раздавала их всем неимущим. При бедности своей и постоянной от других зависимости, находила она возможность постоянно подавать другим, более себя неимущим; бывало, выпросит у кого-либо из нас, детей, мелкую монету, копеек в двадцать, дашь ей, думаешь — на извозчика домой, а она жила верст за семь от нас у Красных Ворот в Москве, ан нет: она пешком пробирается в эту даль и несет завоеванный двугривенный какому-нибудь бедняку. Сколько таким образом, постоянно думая и ища, как бы помочь ближнему, поместила она бедных сирот в разные учебные заведения, одела бедных невест, похоронила странных и нищих — сказать нельзя! А сколько выходила больных, как всегда приходила словно на зов какой, негаданно! Только, бывало, подумаешь: вот нет Елизаветы Ивановны, а тут ведь больной лежит; и она опять-таки тут у этой постели, и сама довольна, что пришла как бы по зову сердца. Мир ее праху и вечная ей память в семье нашей, столь много ей обязанной!»

IV

В настоящем введении к дневнику Е.И. Поповой мы считаем необходимым, для облегчения читателю понимания его, сообщить, кроме сведений о самом авторе, и некоторые данные о лицах, особенно близких автору и упоминаемых им чуть ли не на каждой странице. Попова была одной из тех любящих женских натур, которым, вследствие ли одиночества или отсутствия обычных для женщины, как жены и матери, интересов, присуща способность обожания, преклонения перед тем или другим лицом; объекты преклонения могут меняться, но потребность его живет в душе неизменно. То полное самозабвение, та бескорыстная любовь к героям, если не своего романа, то своего дневника, которыми проникнуты все страницы последнего, придают образу писавшей особую яркость и привлекательность. И вот для того, чтобы характеристика ее была полна, необходимо сказать, что

мы знаем о каждом из избранных ее сердцем людей в отдельности, тем более что не все они известны широкой публике.

Первое место среди них должен по праву занять Дмитрий Александрович Валуев. Он уже умер в то время, когда Попова принялась писать свой дневник, а между тем образ его неизменно носится перед ее взором, вдохновляет всякую ее мысль; она постоянно обращается к висящему в ее комнате портрету Валуева и поверяет ему свои задушевные думы. Это огромное посмертное влияние Валуева на автора дневника заставляет нас с особым вниманием остановиться на образе этого рано ушедшего из жизни деятеля зарождавшегося славянофильства. Д.А. Валуев родился в Симбирской губ. 14 сентября 1820 г., умер от чахотки по дороге за границу в Новгороде 23 ноября 1845 г. Племянник А.С. Хомякова по жене последнего, Екатерине Михайловне, рожденной Языковой (мать Валуева, Александра Михайловна, была ее сестрой), студент Московского университета, который он окончил в 1841 г., близкий человек к семье Елагиных и Киреевских, Валуев вынес из впечатлений своей юности горячую любовь к знанию и такое же горячее стремление к просветительной деятельности на благо России. Все свидетельства современников сходятся на том, что это был человек неутомимо деятельный, кипевший любовью к науке, задававшийся самыми широкими просветительными целями. В кружке первых славянофилов он, несмотря на свою молодость, занял сразу выдающееся место. Им впервые поднят был вопрос о соединении православной церкви с англиканской, вопрос, впоследствии разрабатывавшийся Хомяковым; мысль эта, по выражению Е.И. Поповой, «родилась не в премудрой голове Филарета, но в младенчески чистой душе Валуева» (с. 68). С другой стороны, его интерес был направлен на разработку данных по истории допетровской Руси. Плодом его изысканий в этой области явилось замечательное, не потерявшее своего научного значения и до настоящего времени, исследование о местничестве, напечатанное в изданном им «Симбирском сборнике» (1845). Кроме этого сборника, им же редактирован «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовверных и единоплеменных» (М., 1845), обыкновенно именуемый «Московским сборником», и подготовлено издание второго «Московского сборника», появившегося после его смерти под редакцией В.А. Панова в 1847 г. Наконец, с 1843 г. Валуев издавал журнал «Библиотека для воспитания», явившийся в свое время лучшим периодическим изданием для юношества.

В 1842 г. он заболел и в следующем году уехал за границу; по возвращении в Москву он снова усиленно принялся за работу, но силы его не выдержали, развилась чахотка, и осенью 1845 г. он собрался снова ехать в чужие края; однако, доехав до Новгорода, он не мог продолжать свой путь и здесь умер. Тело его было перевезено в Москву и погребено в Даниловом монастыре близ могилы Юрия Венелина.

«Из нашего круга отделился человек, которого никто мне никогда не заменит,— писал Хомяков Юрию Самарину,— человек, который был мне и братом и сыном. Его молодость, деятельность, чистота, миротворящая, хотя ни в чем не уступающая кротость нрава, и наконец, его совершенная свобода и независимость от лиц и обстоятельств,— все делало его драгоценнейшим из всех сотрудников в общем деле добра и истины»*. «Он весь был любовь и вера,— писал о Валуеве другой его современник, по-видимому,— Кавелин,— вот причина, почему деятельность его была так смела и неутомима, почему он действовал так сильно и вместе с тем так кротко»**. В письме к поэту Языкову, дяде Валуева, Хомяков, еще при жизни последнего, писал о нем: «Валуев не только дорог, но нужен; он менее всех говорит, он почти один делает». «Как много я ему обязан,— писал он же после кончины Валуева,— как много он охранял меня от лени и праздности! Его жизнь и дружба были мне Божиим благословением»***. Все друзья Валуева отмечают эту способность его будить других к деятельности, заставлять работать. «Ни Киреевским, ни Языкову, ни г-же Зонтаг, ни мне,— вспоминает о нем ориенталист Каэтан Коссович,— он не давал покоя, сам постоянно работая и умея заставлять каждого делать свое дело»****. Он ежедневно обходил своих друзей, чтобы убедиться, что они заняты делом, почему Д.Н. Свербеев прозвал его часовщиком,веряющим по домам всякого рода часы*****.

Таков был этот юноша, привлекательный образец богато одаренной и пылкой натуры, горевшей постоянным внутренним ог-

* Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. VIII. С. 259.

** Там же. С. 458 (приведено Хомяковым в письме к Вильямсу).

*** Там же. С. 115—117.

**** Там же. Т. V. С. XIV.

***** Свербеев Д.Н. Записки М., 1899. Ч. 1. С. 260.

нем, который и сжег его некрепкий организм*. Е.И. Попова была одной из многочисленных его сотрудниц в его просветительных предприятиях, и общение с ним оставило в ней неизгладимое воспоминание. Когда он умер, она, несмотря на свою материальную стесненность, отправилась в Новгород и вернулась в Москву вместе с его прахом. С тех пор культ Валуева занял главное место в ее душевной жизни, и дневник ее ярко отражает ту беззаветную преданность, с которой она относилась к памяти своего «чистого ангела». Часть той любви, которую Е.И. Попова питала к Валуеву, она перенесла на того, кто был продолжателем его начинаний, Василия Алексеевича Панова.

Панов, так же, как и Валуев, рано умерший (в ноябре 1849 г., 30 лет от роду), принадлежит к числу *dii minores* зарождавшегося славянофильства. Менее богато одаренный, чем его друг и родственник Валуев, добросовестный труженик просвещения, но не двигатель его по новым путям, Панов является одной из тех полезных сил, которые необходимы для пропаганды всякого начинающегося направления общественной мысли. Он помогал Валуеву в издании «Синбирского сборника», редактировал оба «Московские сборники», из коих второй был только вчерне намечен Валуевым, сотрудничал в его «Библиотеке для воспитания», но сам писал немного: известны только отдельно изданный им очерк «Путешествие по землям западных и южных славян» (это путешествие он совершил в 1842 г., после того как проводил Гоголя в Рим), брошюра о Валуеве, написанная по всем признакам им и также отдельно им изданная после смерти последнего, статья в «Московских ведомостях» 1845 г. о публичном курсе Шевырева по истории русской словесности и несколько статей о южных и западных славянах в «Библиотеке для воспитания». Панов слишком рано умер, чтобы успеть разработать богатое духовное наследие Валуева и осуществить многое из того, что было тем задумано. Но, может быть, у него не хватило бы на это ни таланта,

* Биография Валуева, написанная, вероятно, В.А. Пановым, появилась отдельным изданием без имени автора в Москве в 1846 г. (перепечатана в «Рус. архиве». 1899. Кн. 9. С. 130—139); С.П. Шевырев напечатал в «Моск. ведомостях». 1845. № 156, «Воспоминание о Валуеве»; А.С. Хомяков напечатал статью о нем в «Библиотеке для воспитания». 1846. Отд. I, ч. VI. С. 249—269 (перепечатано в «Сочинениях». М., 1900. Т. III. С. 394—404). См. также: Свербеев Д.Н. Записки. М., 1899. Т. I. С. 258—260; Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. Т. VII. С. 422—428.

ни того внутреннего жара и увлечения, которыми была проникнута кипучая деятельность Валуева*. Под влиянием последнего Панов примкнул к кружку славянофилов, но этому же, вероятно, способствовала и близость его к семейству Аксаковых, с которыми он был в свойстве (сестра его, Екатерина Алексеевна, была замужем за Николаем Тимофеевичем Аксаковым, братом Сергея Тимофеевича). По этому поводу не излишне будет отметить мимоходом, насколько многочисленны были родственные связи между большею частью деятелей первоначального славянофильства. Панов, как мы сказали, был в свойстве с Аксаковыми и с Валуевым; Валуев же приходился племянником А.С. Хомякову через жену его, рожденную Языкову. Хомяковы в свою очередь состояли в родстве с Киреевскими, ибо мать А.С. Хомякова, Мария Алексеевна, была рожденная Киреевская. Наконец, Свербеевы, не принадлежа сами к славянофильскому лагерю, являлись связующим звеном между вышеперечисленными семьями: Панов приходился двоюродным племянником Д.Н. Свербееву, так как мать его, Мария Александровна Панова, рожденная Обрескова, была родной племянницей матери Свербеева, также рожденной Обресковой; с другой стороны, Д.Н. Свербеев был, также по женской линии, троюродным братом Языковых и потому — дядей Валуева; наконец, Свербеевы находились в свойстве с Елагиными, а следовательно, — и с Киреевскими, вследствие брака сестры Ек. Ал. Свербеевой, Анны Александровны, с Александром Николаевичем Елагиным, родственником Авдотьи Петровны по ее второму мужу. Это переплетение родственных связей дает нам право заключить, что в первоначальной своей стадии славянофильство распространялось в кругу лиц, не только близких по своему словесному происхождению и общественному положению, но и более или менее тесно связанных друг с другом отношениями родства и свойства в разных степенях. Не желая придавать этому обстоятельству какого-либо исключительного значения для объяснения хода распространения славянофильства в первые годы его существования, мы не сочли, однако, возможным умолчать о нем главным образом потому, что дневник Поповой служит прекрасной иллюстрацией этой не только идейной, но и родственной близости, существовавшей между большинством ранних славянофилов.

* Биография Панова, составленная Б. Л. Модзалевским, напечатана в «Русском биографическом словаре». Т. «Павел—Петр». СПб., 1902. С. 261—262.

V

От двух юношей, привлечших любовь Е.И. Поповой и одинаково рано унесенных могилой, перейдем к характеристике третьего лица, играющего на всем протяжении дневника первенствующую роль. Отношение Поповой к Екатерине Александровне Свербеевой иначе нельзя назвать, как поклонением. Прекрасная наружность, вдохновившая восторженные строфы Баратынского и Языкова, ум и образованность, собиравшие вокруг нее лучших представителей современной литературы и науки, приветливый нрав, располагавший к ней всякого, кто подходил к ней, — таковы те черты личности Е.А. Свербеевой, которые объясняют полное любви и преданности отношение к ней Поповой. Дочь князя Александра Федоровича и княгини Варвары Петровны Щербатовых, Е.А. Свербеева родилась 25 марта 1808 г., умерла в Москве 25 октября 1892 г. В 1827 г. она вышла замуж за Дм. Ник. Свербеева (род. 8 сентября 1799 г., умер 13 февраля 1874 г.). Личность последнего ярко обрисовывается из его же «Записок», изданных в 1899 г. Это был характерный образец умного, высокообразованного и органически внепартийного русского человека*. В сороковых годах салон Свербеевых в Москве занял то же место, какое несколько раньше занимал салон Авдотьи Петровны Елагиной. Вспоминая о последнем в своем некрологе А.П. Елагиной, Кавелин писал: «Такою же благодатною средой был для нас салон Свербеевых, открывшийся, кажется, несколько позднее, чем у Авдотьи Петровны; в сороковых годах он уже был в полном блеске»**. Подобные литературные салоны создались в николаевское время неслучайно; они отвечали назревшей потребности во взаимном общении; стесняемая тяжелой рукой цензуры в своем печатном проявлении, общественная мысль искала выхода в непосредственном обмене мнений; словесный спор заменял журнальную полемику. Потому и любили люди сороковых годов сходиться в гостеприимные дома для бесед и споров, в которых затрагивались самые существенные вопросы современности, вырабатывались отдельные мирозерцания, создавались целые системы. Одним из таких домов и был дом Свербеевых.

* См. прекрасную характеристику Д. Н. Свербеева в статье г-на Д.Х. «Несколько слов о Д.Н. Свербееве», приложенной в виде предисловия к т. I его «Записок».

** Кавелин К.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. III. С. 1122.

Здесь встречались образованные люди всех направлений и возрастов: наряду со всей группой славянофилов, с Языковым и Гоголем, здесь бывали Чаадаев, Грановский, Кавелин; Александр Иванович Тургенев, постоянный посетитель этого салона, привык, когда бывал в отсутствии, адресовать Е.А. Свербеевой свои «циркуляры», как называли его друзья объемистые послания его из разных мест России и Европы, передававшиеся из рук в руки. Е. А. Свербеева состояла в переписке с Жуковским, Вяземским, Гоголем*, хорошо знавала Пушкина, но рядом с этими корифеями русской литературы умела привлекать к себе все то, что маломальски выдавалось из общего уровня; таким образом, она сделалась центром оживленного умственного кружка, сыгравшего немаловажную, хотя и трудно учитываемую роль в культурном развитии эпохи.

Необходимо наконец упомянуть и о четвертом лице, которое часто появляется на страницах дневника Поповой, а именно — о Федоре Борисовиче Тидебеле. К сожалению, мы можем дать о нем лишь самые скудные сведения. Мы знаем только, что он был племянником Ивана Филипповича Мойера, дерптского профессора, женатого на Марии Андреевне Протасовой, которую так долго и трогательно любил Жуковский. Тидебель воспитывался в Дерпте в доме Мойеров после смерти своего отца (в 1819 г., женатого на сестре Мойера**). Под руководством последнего он получил медицинское образование и в 1840—1850-х годах был врачом ведомства военно-учебных заведений. Он был близок к семье Елагиных не только вследствие своего родства с Мойерами, но и потому, что его двоюродная сестра, Екатерина Ивановна Мойер, вышла замуж за Василия Алексеевича Елагина, старшего сына Авдотьи Петровны. Вся вторая часть дневника Е. И. Поповой полна изъявлений самой трогательной любви и заботливости ее об этом «внуке» ее, как она его называет.

Относительно других лиц, часто упоминаемых в дневнике, как например об А.П. Елагиной, братьях Киреевских, Языкове и др., мы не признали нужным говорить особо в настоящем введении, считая, что о каждом из них хорошо известно всякому образованному русскому читателю; все же по возможности отдельные

* Письмо ее к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» помещено ниже в примеч. 34.

** См: Уткинский сб. М., 1904. С. 182, 230, 231, 242.— Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой.

сведения об этих, а также и других, эпизодически упоминаемых в тексте лицах, необходимые для понимания показаний дневника, помещены в примечаниях к нему.

Рукопись дневника Поповой принадлежит Л.Д. Новосильцовой, рожденной Свербеевой, которая любезно предоставила ее в наше распоряжение для обнародования ее. Мы печатаем ее без пропусков, за исключением самых незначительных, например, в тех случаях, когда автор выписывает на страницах своего дневника какую-нибудь понравившуюся ему статью или отрывок (нередко — на французском языке или производит подсчет своих расходов за месяц. К настоящему изданию приложены: 1) портрет Е.И. Поповой с эскиза карандашом и акварелью, писанного в 1840-х годах Э.А. Дмитриевым-Мамоновым и принадлежащего Александру Дмитриевичу Свербееву; 2) портрет Д.А. Валueva — в копии (карандашом) с акварельного портрета его, написанного в 1839 г. Р.К. Горбуновым и принадлежащего Марии Васильевне Беэр, рожд. Елагиной; 3) портрет Е.А. Свербеевой с акварели 1833 г., принадлежащей Ольге Дмитриевне Свербеевой.

Февраль 1911 г.

Князь Н.В. Голицын

*Дневник
Елизаветы Ивановны
Поповой*

1847—1852

Елизавета Ивановна Попова
(С рисунка карандашом и акварелью
Э. А. Дмитриева-Мамонова)

1847 год, в который исполнится Москве 700 лет

ЯНВАРЬ

1 января, день Василия Великого и день именин прекрасного душою В.А. Панова, брата несравненного Валуева, не по плоти и крови, но по духу и сердцу.

Накануне было объявлено от генерал-губернатора Москвы кн. Щербатова¹, что в Новый год будет праздноваться 700-летие Москвы и город будет освещен. Хотя праздновать следует 28 марта, но если в церквях совершаются молебствия о благоденствии Москвы, то как же не пойти во храм и не участвовать в молитвах со всеми сынами ее? Это первый отечественный праздник, и тем, что он был учрежден, хотя и не в тот день, как надобно, но все учрежден и отпразднован, тем обязаны мы пламенно любящему Москву Константину Сергеевичу Аксакову. Он первый начал писать и говорить о том, что в 1847 году исполнится Москве 700 лет²; за Аксаковым и другие стали говорить и писать о том же, и наконец, сам Уваров, министр просвещения³, прослышав об этом, во время пребывания своего в Москве, спрашивал у Степана Петровича Шевырева⁴, почему должно праздновать 700-летие Москвы? Шевырев представил министру пример городов западных и тем решил его сомнения насчет подобных праздников. Потом, напомнив ему о заслугах Москвы в отношении к государству, заставил его согласиться, что граждане Москвы вправе праздновать 700-летнее существование своего города. Уваров, а может быть, и князь Щербатов напомнили это историческое событие императору Николаю, который дал превосходное решение на письме кн. Щербатова: «Празднуйте, как хотите, и делайте, что хотите».

Если бы жив был покойный князь Дмитрий Владимирович Голицын⁵, то, вероятно, получив подобное дозволение от им-

ператора, он посоветовался бы о том, как отпраздновать этот день, с московским дворянством и купеческим сословием. Но князь Щербатов один решил способ празднования; впрочем, надобно сказать, что мы должны порадоваться, что общее мнение и желание жителей Москвы взяло верх над невниманием и неприязненностью Петербурга. В соборе совершал молебствие Филарет, по церквам священники, и в числе их Николай Петрович Другов, протопоп церкви Трех Святителей⁶, говорил от себя краткую молитву о благоденствии Москвы и граждан ее.

Праздник Руси, праздник Москвы и день именин Панова. Я не хотела быть в этот день в черном платье и надела одежду праздничную. Однако печаль оставалась в сердце; как жаль, что на этом празднике недостает двух прекрасных душою, полных любви и усердия к отечеству Валуева и Языкова! Чувство любви к отечеству заставило меня в этот день плакать о них, и только при начале молебна я преодолела эту скорбь, думая о славе Москвы и вспомнив об имениннике.

С молитвою о Москве соединяя мысль об имениннике, я просила вынуть за здоровье его просвиру и хотела отослать ее к нему. Но по окончании обедни, возвратясь к доброй моей Анне Ивановне, я не нашла дома ни мужа ее, ни Ивана. Следовательно, послать было не с кем, и я решилась сама отвезти просвиру, но не входить к Панову, а только велеть отдать ему просвиру, а, взглянув на нее, он уже догадался бы, что во время молитвы думали о нем. От ворот его я думала возвратиться домой; не надеясь иметь отрады видеть в этот день кого-либо из людей, мне любезных, я не хотела видеть женщин, исключая моей доброй Анны Ивановны и милой Маши⁷.

Подъехав к дому Панова, я позвонила у крыльца и отдала вышедшему ко мне слуге его просвиру, а сама пошла назад; но именинник сам выбежал в залу и начал стучать в окошко, давая мне знак, чтобы я возвратилась. Опасаясь, чтобы Панов не вздумал сам выйти из комнаты, я вошла в дом, и мы взаимно поздравили друг друга с праздником нашей матушки Москвы, а потом я поздравила его со днем его ангела.

У Панова сидел друг его Ефремов⁸, человек для меня занимательный потому, что он обратил внимание на милую мне молодую девушку. Панов доканчивал какое-то письмо, а мы с Ефремовым разговаривали о празднике Москвы. Нам подали чаю и крендель, и хотя мне не хотелось есть, однако я взяла

кусок, потому что на именинах всегда едят и пьют. Кончив письмо, Панов подошел к нам, между прочим спросил, есть ли у меня диссертация Аксакова? — Нет. — «Как же это? Надо бы ему сказать, чтобы он просил вас принять ее». — Пожалуйста, не говорите ему: я не люблю ничего выпрашивать, да не хочу, чтобы и другие за меня выпрашивали⁹. — Через несколько времени я хотела ехать, но именинник удержал меня, а между тем послал тихонько за шампанским. Мы продолжали разговор, между тем вошли племянники хозяина, трое молодых мальчиков, на которых приятно было смотреть и думать о добром сердце милого их дядюшки, достойного брата Валуева. Мое особенное внимание обратил на себя меньшой Наумов, который недавно расстался с матерью, для ученья, гимназии, мученья и т. п.¹⁰ Мне вспомнилось то время, когда привезли в Москву Валуева.

Принесли шампанское. Хозяин налил мне и себе бокал, и мы пили за Москву, а я прибавила к тому: «и за достойного сына ее», т. е. за хозяина. Между тем подали завтрак, приехали еще два гостя: Катков¹¹ и какой-то Воронов или Воронков. Не дождавшись конца завтрака, я уехала, желая предоставить полную свободу любезному хозяину и гостям его, которые меня не знали.

После такого общества, которое было мне совершенно по душе, куда могла я пойти? Разве только к Катерине Александровне [Свербеевой], но она сама назначила мне приехать в воскресенье, а, стало быть, ей почему-либо не хотелось, чтобы я приехала к ней сегодня. Вследствие всего этого я осталась дома до 7 час. вечера, а тогда поехала смотреть освещение. Дорогою, повторяя прекрасные стихи моего родного брата по любви к Москве Языкова, мне пришло на мысль, что немногие знают музыку, а в эти дни хорошо было бы охотникам до пения составить какую-нибудь песню о Москве на голос, всем известный.

Здесь всего приличнее повторить стихи Аксакова [Константина]:

Столица древняя, родная,
Тебя ль не ведает страна?
Ее назвать — и Русь святая
С ней вместе разом названа.
У ней с землей одна невзгода,

Одно веселье: общий труд;
Ее дела, любовь народа
Ей право первенства дают.
За Русь не раз она горела,
Встречая полчища племен;
За Русь не раз она терпела
И поношение, и плен.
В напастях вместе с нею крепла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь из пепла,
И с нею Русская земля!
Ее удел — всегда тревожить
Врагов России записных;
Ее унижить, уничтожить
Не раз пыталась злоба их!
Но в страх врагам, но в радость краю
Она, великая, жива!
И старый клич я поднимаю:
«Да вечно здравствует Москва!»

Но так как эти прекрасные стихи вылились из сердца, полного любви к Москве, то и другие, написанные по тому же чувству, могут быть помещены здесь:

Уж как слава Богу на небе, слава!
Царству Русскому между царств земных, слава!
Матушке нашей, родимой Москве, слава!
Ее маковкам блеснуть, золотым не тускнеть, слава!
Ей возражать в красоте, а Кремлю во чести, слава!
Ее храмам святым быть для нас не чужим, слава!
Ее белой одежде не меняться, слава!
Русским песням меж русскими повторяться, слава!
Чтоб служить ей усердно и любить ее верно, слава!
Чтоб с нею век жить, о чужом не тужить, слава!
Чтобы матери сыновьями да радоваться, слава!
Чтобы матери дочерьми красоваться, слава!
А мы песню поем, Москве честь воздаем, слава!
В честь ее мы пьем, дружно чарки берем, слава!

2 января. Последняя песня, заимствуя достоинство свое от святочных вечеров, когда дозволяются в хоромах русские песни, была мною разослана сегодня к Николинке Свербееву¹², к Панову и к Фединьке Свешникову¹³. Последний был очень ею доволен и благодарил меня. Он сказывал мне, что вчера у них в семье за обедом читали стихи Аксакова, которые были мною же сообщены ей.

3 января. Ничего примечательного. Впрочем, в этом дневнике я последую прежнему правилу: писать о женщинах как можно менее, говорить только о том, «что душу волнует, что сердце живет».

4 января. Сегодня девятый день по кончине дражайшего сына Отечества Языкова; и между тем не было ни обедни, ни панихиды. Я познакомилась с Каэтаном Косовичем¹⁴ у m-me Peterson¹⁵. Каэтан похож на своего брата Викентия, который влюблен в «Илиаду» и греческий язык. Каэтан рассказывал мне об обеде, который Языков заживо еще приказал приготовить для друзей своих для угощения их после того, как они проводят его до могилы. Косович обещал писать к Петру Васильевичу Киреевскому и сообщить все подробности.

Языков приказывал верному своему Селиверсту¹⁶, что когда друзья его возвратятся с похорон в дом к нему, то угостить их обедом и чтобы все были веселы. Последнего приказания нельзя было выполнить. Проводившие поэта возвратились в дом его, где уже не было радушного хозяина, и сели за стол. Обед оканчивался: ждали, что кто-нибудь из друзей начнет говорить речь в память Языкова, и всех глаза обращены были на Шевырева. Но последний молчал, горесть переполняла сердце его. Видя это, речь начал доктор Иноземцев¹⁷. «Господа, — сказал он, — я 20 лет был другом Николая Михайловича. Я лечил его и делал все, что только мог, для пользы, но выше Бога стать мы не можем! Мы лишились нашего друга! Но мы должны доказать, как мы чтим его память. Он оставил нам два примера: один — своего поэтического труда, которому подражать мы не можем, потому что такого дара не получили в удел, а другой пример есть его благотворительность. Должен ли этот последний умереть с ним? Мы должны воскресить его, и вот каким образом: друзья Языкова, мы должны составить капитал, процентами с которого можно было бы содержать одного бедного студента по словесному отделению,

и студенту этому называться Языковским. Выбор студента предоставить Степану Петровичу Шевыреву, если даже он и оставит профессорство. Мы не касаемся до наследства Николая Михайловича; капитал будет составлен из пожертвованных друзей его и продажи его сочинений».

Все присутствующие одобрили мысль Иноземцева и спрашивали только о том, какой должно составить капитал для содержания студента. Кто-то сказал, что 500 руб. достаточно на годовое содержание и что, смотря по этому, определится капитал.

Тогда встал Каэтан Косович. «Господа, — сказал он, — этого мало для студента: вы дадите ему на 500 р. квартиру и стол, но ему надобно одеться, ему надобны книги и, вместо ученья собственного или занятия словесностью, он должен будет давать частные уроки. Нет, если хотите благотворить так, как благотворил Языков, то дайте этому студенту 1000 р. в год». «Этого много». — сказали некоторые. «Господа, — возразил Косович, — а позвольте вас спросить: сколько каждый из вас проживает в год собственно для себя?» Все замолчали и потом сказали: давайте бумаги, сделаем подписку и дадим 1000 рублей.

Иноземцев первый подписал 500, за ним Хомяков — столько же, Н.С. (?) 10 р. серебром, прочие — неизвестно.

Как жаль, что я не богата и что не могу участвовать в воздвижении живого памятника верному сыну Отечества!

5 января, воскресенье. По приглашению Катерины Александровны [Свербеевой] я поехала к ней обедать. У нее нашла Петра Мих. Языкова¹⁸ и Панова. Прежде я никогда не видывала Петра Михайловича, но, увидя его теперь, я смотрела на него с предубеждением или, лучше сказать, даже почти не хотела смотреть. А Варенька [Свербеева]¹⁹ говорила мне, что ее поразило сходство его с Валуевым. После обеда молодые девицы пристали ко мне, и я начала говорить с ними о происшествиях, бывших на похоронном обеде, разумеется, столько, сколько можно. Между тем Панов начал в гостиную что-то читать, мы взошли туда, но он доканчивал уже чтение. Я узнала стих Языкова, и когда Панов произнес последний: «Да слышит, кто имеет уши», тогда невольно язык мой произнес: слышу! и сердце повторило то же.

Катенька²⁰ и Варенька и (я), мы вышли опять в маленькую гостиную и возобновили прежний разговор. Через несколько времени пришел к нам Панов и сел тут же, подле Вареньки; он предложил нам, не хотим ли мы снова выслушать читанные им стихи, и мы все просили его об этом. Этот получасовой промежуток времени был очень усладителен.

7 января, вторник. Сегодня только я получила от управителя П.М. Языкова деньги, 50 р. сер., за могилу, купленную мною в Даниловом монастыре подле Валуева и уступленную мной, по просьбе Панова, Николаю Михайловичу.

Сегодня было мне, не знаю почему, очень скучно. Кроме известного горя, все как будто ждешь еще чего-то, но не радостного.

8 января, среда. Писала в Петрищево к Лилушке²¹ и Марье Васильевне²². Авдотья Петровна [Елагина] все нездорова, это очень грустно!

9 января, четверг. День грусти и тревоги невыразимой! Приехав к Свербеевой, я вошла к ней, и она, почти не дав мне времени поклониться, вдруг спросила: «Знаете ли, что Иван Васильевич [Киреевский] получил письмо, что Авдотья Петровна очень больна?» Николинка [Свербеев] в то же время сказал: «Знаете ли, что рассуждение Аксакова о Ломоносове запрещено гр. Строгановым²³ и что он требует перепечатания этого рассуждения?» Едва только я успела отвечать Катерине Александровне, пораженная обоими известиями: — я сейчас поеду к m-me Peterson, — как Николинка прибавил: «Дело несколько поправлено: Степан Петрович [Шевырев] и другие подписали возражение и подали его Строганову; книга послана к Уварову, а гр. Строганов от себя послал тайного курьера тоже к министру просвещения». — «Так чем же поправлено дело? — спросила я, — конечно, честь и слава Степану Петровичу, что он вступился за обвиненного, но что еще будет из проклятого Петербурга?»

— «Знаете ли вы, — продолжали почти в один голос Катерина Александровна и Николинка, — что, судя по новой книге Гоголя, видно, что он с ума сошел?» — «Да, это может случиться», — отвечала я, почти сама не зная, о ком говорят²⁴. Николинка хотел непременно, чтобы я выслушала несколько замечаний на Гоголя, напечатанных в «Отечественных записках»²⁵, но для меня это было жестоким принуждением: я

не знала, как дожидаться конца. В мыслях моих были Авдотья Петровна, милый брат мой по любви к Москве и герой, образец гражданского мужества, Степан Петрович. Катерина Александровна наконец встала, чтобы идти обедать, я вышла из ее дома, но все эти вести до такой степени взволновали меня, что голова у меня закружилась, и я принуждена была просить Федора, чтобы он довел меня до извозчика. Скорее всего я бросилась к m-me Peterson и в письме от мужа ее увидела, что Авдотья Петровна была так больна, что исповедовалась и приобщалась Св. Тайн. В конце письма прибавлено было, что ей лучше, но и минувшая опасность так живо мне представилась, что во мне произошла как бы лихорадка. После самого краткого тут пребывания я поехала к Степану Петровичу, чтобы благодарить его за изъявленное им гражданское мужество. К сожалению, не застала его дома. Оттуда поспешила я к Аксаковым в первый раз в дом, вечером, но сердце, полное любви к Отечеству, влекло меня, и все общественные приличия были забыты! Я не знала ни дома, ни улицы, однако нашла. Вошед в сени, на левой стороне увидела дверь и услышала в бывшей за нею комнате голос Константина Великого. Я вошла к матери его, которая обняла меня от всего сердца, потому что почувствовала, что меня привело сюда участие к ее сыну²⁶. Милая дочь ее тоже мне показала много ласки. Позвали Константина, он вошел с светлым и спокойным лицом, я смотрела на него с удивлением и уважением. Я изъяснила свое желание, чтобы спасти как можно более книжек от заключения; почтенный и великий гражданин Москвы отвечал мне, что если он обещал что-либо кому бы то ни было, хотя бы и квартальному, то он не нарушит своего обещания. Как мне стало горько в эту минуту, что я не знала о всем этом происшествии прежде, в то время, когда еще не была дана Константином подписка, которую он не хочет нарушить, то я могла бы взять несколько книжек; но он не хочет нарушить своего слова; более, нежели Вольтерова Альзира, сохраняющий честность, он говорит:

J'ai promis, il suffit, n'importe à quel diable,
тогда как Альзира говорит:

J'ai promis, il suffit, n'importe à quel Dieu.

Избави Бог, чтобы я стала отвращать кого-либо от правил честности, хотя бы то было и в отношении к чертям и дья-

волам, т. е. квартальным и частным приставам; но мне прискорбно, что я не предупредила этого.

Но слезы выступили у меня на глазах, и грустная дума о будущем стеснила мою душу. На какое рабское, скотское молчание осуждаемся мы жестоким тиранством! Что далее, то хуже! О благословенное царствование Александра, счастливое время, когда мысли и души не знали стеснения! Теперь пожалеют о тебе все нынешние люди и не будут более удивляться моей любви к великому государю, уважавшему права человечества.

Ольга Семеновна [Аксакова] тоже казалась спокойною и говорила с милым сыном своим чрезвычайно ласково. Она не сказала ничего похожего на упрек за тревогу, происшедшую чрез него в их доме. В эту минуту я внутренне восхищалась ею: мне казалось, что я вижу в ней римлянку, для которой слово *отечество* имело значение. Ольга Семеновна звала меня в воскресенье, но Николинька сказал, что я дала слово им.

Приехав домой, я с горестью взяла новую книгу и положила ее перед портретом Валуева. О, взгляни, взгляни, существо милое, взгляни на труд твоего друга, мною тебе посвящаемый! Увы, без тебя она является! Ты не участвуешь ни в радости нашей, ни в скорби!

10 января, пятница. Мрачные и жестокие мысли меня терзают. Действительно теперь можно сказать: Блажени, яже избрал и приял еси! Но кто же останется в России, если все хорошие люди перейдут в вечность? Бедное Отечество!

11 января, суббота. Та же тоска и мрачность.

12 января, воскресенье. Вчера Панов уехал к брату на свадьбу²⁷. О Боже! Благослови хоть кого-нибудь, благослови Николая и Лизавету!

Нынче ничего не было замечательного.

14 января, вторник. Вчера Катерина Ивановна Облеухова возвратилась из Орловской губернии, от своего брата. Она заезжала по дороге к Елагиным. Авдотья Петровна выздоравливает, а бедный Петр Васильевич [Киреевский] томится неизвестностью о Языкове и грустит, а ему все не сказывают! Но разве легче будет в конце января узнать о смерти Языкова, чем в начале?

16 января. Утешительные вести из Петрищева: здоровье Авдотьи Петровны поправляется. Сдается мне, что свадьба

Николая Алексеевича Панова и Лизаветы Александровны Валуевой была вчера. О Боже! смилуйся и дозвожь им быть счастливыми!

17 января. Письмо от Николинки Елагина²⁸: он беспокоится о здоровье Ивана Васильевича [Киреевского], потому что смущен сам известием о кончине Николая Михайловича [Языкова]. Письмо Николинкино принесли поздно, отвечать нельзя прежде понедельника.

Катерина Александровна [Свербеева] опять была нездорова, потому что слабое здоровье ее не вынесло неприятности, нанесенной верным сынам нашей Москвы.

Давно не была я у Елены Федоровны Свешниковой и наконец решилась навестить ее. Я нашла ее больною, но бедная Надинька больнее матери²⁹.

Куда ни пойдешь, куда ни обратишься, везде или горе или болезни: Авдотья Осиповна тоже больна³⁰.

На душе тоска и уныние; затем хочу я быть дома, чтобы давать себе свободу. В обществе надо скрывать себя. Если бы я была богата, то давно разорвала бы связь с ним.

19 января, воскресенье. Чудно и странно, что день проведешь иногда приятно, видишь достойных уважения людей, слышишь согласные с сердцем речи, и несмотря на все это, к вечеру приходишь к тому же горю и возвращаешься к той же тоске.

Не вынесла я долгого ожидания известия о том, будет ли дозволено рассуждение о Ломоносове. Я была там, где по законам света мне не следовало быть, но можно ли помнить эти законы, когда говорит в сердце любовь к Отечеству? Рассуждение дозволено с переменами, но из проклятого болота еще ничего нет.

Видела сегодня Армфельда³¹. Говорили с Ольгой Семеновной [Аксаковой] о том, что нет поминовения по Николае Михайловиче [Языкове], выключая в приходской церкви. Ольга Семеновна просит меня дать знать Балдову³² или Петру Михайловичу, что друзья Николая Михайловича желают быть в сороковой день по кончине его на торжественном поминовении. Я отвечала, что если брат не будет поминать брата, то найдется человек, который на свои деньги будет служить обедню в сороковой день. Мы обе вместе сказали, что если бы в Москве был Панов, то он сделал бы то же. «Жаль, что его

нет здесь», — сказала Ольга Семеновна. — «Но, — возразила я, — нам стыдно желать, чтобы эта обедня была совершена или Пановым, или Селиверстом на их счет. Это обязанность брата». — Ольга Семеновна приглашала меня когда-нибудь приехать для того, чтобы отобедать у них. Не знаю, можно ли будет мне исполнить по этому приглашению: теперь необходимости нет быть у них в доме, и снова законы приличия становятся между нами.

От Аксаковых поехала к И.В. Киреевскому, там нашла Борисовича [Ф.Б. Тидебеля] и очень была рада, видя его здоровым. Он заслужил еще более мое благоволение за то, что не поддержал разговора, для меня неприятного, хотя его старались вызвать на то.

Домой возвратилась я в 5 часов. Здесь нашла племянника моего Сашу, который нарочно пришел повидаться со мною. Он благодарил меня за доставленные мною ему книги, «Библиотека для воспитания», изд. Валуева³³. Сами надзиратели и учителя говорили Саше: откуда у тебя такие прекрасные книги? Ах, нет уже того, кто задумал это полезное предприятие, и много, много других, кто хотел посвятить свой достаток на поддержание деятельности людей с талантом, но недостаточных! Оставленное им имение будет расточено от дядей [Языковых] на дела пустые, на сигары и на путешествие жен их — в чужие края!

20 января, понедельник. Катерина Александровна [Свербеева] оставила меня обедать. Зная мои чувства, она велела накрыть стол для нас двух в своем кабинете. Она прочла мне свое письмо к Гоголю; оно писано от любящей и верующей души, и потому прекрасно. Она просила меня его поправить, но, кроме некоторых неважных ошибок, мне хотелось сохранить прелесть душевной простоты и свободы ее писем к друзьям своим. Дмитрий Николаевич [Свербеев] читал также мне два свои произведения: письмо к С.Т. Аксакову о Гоголе и письмо к дворянскому предводителю об определении самими дворянами отношений крестьян к первым. Слог и того и другого письма совершенно русской и потому приятен русскому уху, но письмо против Гоголя невыносимо: Катерина Александровна сказала, что оно ей не нравится, и мне также не понравилось. Я угадала ее чувства и вполне согласна с ней³⁴.

Не было ли у Дмитрия Николаевича и другой мысли для прочтения мне обеих бумаг? Не ставит ли он меня на одну черту с Чаадаевым, про которого говорит, что общество *снисходит* к его резким порицаниям, а совсем не думает *сносить* их? Странно, если он думает этою речью отмстить Чаадаеву за общество и мне тут же (вовсе некстати) за немцев! Дело ясно для меня в отношении к немцам и к подлейшей половине их, немкам. Право мое говорить о тех и других так, как я о них думаю, основывается на том, что я считаю их *нечто вроде собак*, следовательно, вовсе не членами общества. Между тем и Чаадаев, и я, и все прочие люди обязаны некоторым уважением обществу, но все же не безусловным.

Катерина Александровна чрезвычайно желает, чтобы Киреевский [И.В.] написал что-нибудь о Языкове. Я сама желаю того же для Петра Васильевича [Киреевского], для Панова и для всех русских³⁵.

Петр Васильевич знает уже о кончине Языкова. Мы придумали написать к нему о том сне, который Катерина Александровна видела в ночь на 27 декабря, и действовать на Киреевского через брата.

Вечер провела я вдвоем с Катериной Александровной. Мы читали вместе с нею в первом номере «Современника» статью Кавелина о Новгороде³⁶. Как приятно было видеть, что душа Катерины Александровны, освободясь от оков иностранного зломыслия, сочувствует одинаково с моею правде и народности!

Дмитрий Николаевич сказал мне, что от Александра Михайловича [Языкова] получено письмо к Петру Михайловичу, в котором, изъявляя горесть о смерти Николая Михайловича, он просит поставить один памятник над двумя могилами, брата и племянника³⁷. Слава Богу! Наконец хватились!

Ревность к дому Твоему снеде мя. Сердце мое закипело жалостью при мысли, что поставят над Языковым и Валуевым какой-нибудь известковый обрубок, тогда как оба достойны лучшего. Но к кому обратиться? Только одна Катерина Александровна может понять истину; ей одной только могу я сказать мысль мою, потому что Панова здесь нет. Пришел А.(?), и я не могла при нем говорить о памятнике, должно было отложить до завтраго.

В 9 час. вечера я возвратилась домой и написала к Петру Васильевичу [Киреевскому] следующее письмо:

«Почтенный и любезный брат мой по святому чувству любви к Отечеству! Тяжела и прискорбна ваша потеря, но Отечество потеряло еще более: оно потеряло милого, любящего сына, преданного ему с полным сознанием священной обязанности и в силе этой чистой любви заключавшего свое счастье. При Языкове стыдно было быть не Русским; никто не дерзал при нем возлагать хулы на Святую Русь. Одного взгляда его, одного движения руки было довольно для ободрения одних и для удержания других. Языкову, мало деятельному по болезненному своему расстройству, было дано возбуждать, умножать и ободрять деятельность других на пользу Отечества. Как много было людей, которые брались за труд не только с убеждением в этой обязанности, но и с наслаждением при мысли, что Языков будет их судьей, что он порадует их деятельности, оценит чистое стремление к благу, чистую любовь к древней святыне, чистое служение науке, а не златому тельцу. Еще не достигнув старости, он был патриархом в свободной области Муз, и свободно и единодушно признан в этом достоинстве молодыми деятелями. Теперь опускаются их руки белые, клонятся юные головы: не стало наставника на поприще словесности, друга всему благому, брата всем истинным сынам Отечества! Не стало помощника в несчастиях, который внушал такое доверие, что ему смело говорил нуждающийся. — Шевырев сказал во время отпевания Языкова, когда просили его положить на голову поэта лавровый венок, что этот венок напоминает земную славу поэта, которая не направится за ним в небо. Шевырев ошибся: разве не от Бога дан был талант? Разве не был он посвящен на внушение любви к Отечеству и на развитие этого чувства? Святые и по смерти Отечества не оставляют, сказал Дмитрий Ростовский; то же можно сказать о верных сынах Отечества. И они, при переходе в другой мир, не расстаются с чувством любви к родной стране, и мысль о том, что они почитали полезным для нее, и там живет в них.

Представляю доказательство убедительное и ясное для верующих и любящих, сон и пустая мечта — для умников и самозванных праведников. Катерина Александровна знала о тяжелой болезни Языкова, однако в последние дни его жизни

ее утешали тою же ложною надеждою, которую всем внушал Иноземцев, обманываясь и сам. 26-го числа декабря, в день кончины Николая Михайловича, на нее нашло мучительное беспокойство. Вечером Дмитрий Николаевич и Николинька уехали к нему. Николинька возвратился поздно, уверил маменьку, что Николаю Михайловичу лучше, что Дмитрий Николаевич уехал в клуб и что вместе с ним просит ее успокоиться. Катерина Александровна, ободренная слабою надеждою, заснула. (Николинька уехал в дом к усопшему и вместе с отцом провел там ночь). Сон представил ей поэта бодрого, легкого, живого, с тем свежим цветом молодости и полноты, по которому *у Красных у ворот*, в республике привольной, он прозван был Бахусом. Живо и весело, не касаясь земли, Языков переносился то в ту, то в другую сторону. «Видите, видите, Катерина Александровна,— говорил он,— я теперь здоров, совершенно здоров! Надобно теперь думать о нашем деле. Я поручаю вам собирать все статьи, все, что будет написано для нашего издания. Запас должен храниться именно у вас. Я ожидаю много добра от нашего предприятия». Его живая, веселая речь, здоровый цвет лица привели в недоумение Катерину Александровну: как, думала она, он недавно был болен, как же это он вдруг выздоровел? Языков в это время отделился от нее, и его окружило прозрачное облако. С другой стороны стояла толпа людей, из нее вышел Иван Васильевич [Киреевский] и сказал с особенною горячностью Катерине Александровне: «Языков хочет, чтобы книга скорее вышла; но мне еще надобно написать свою статью: этого труда я не должен и не хочу уступить никому! Некрологию Языкова должен написать я; никто другой не может так верно и отчетливо написать ее! Он был так близок к семье нашей, мы все были с ним, как родные, и он с нами также. Другие знали его, как поэта, как человека образованного; мы знали его, как друга и просто как человека. Другие будут писать о нем с уважением к его таланту, к его личным достоинствам и будут говорить умно; я буду писать от сердечного чувства, от полноты любви; слово выльется на бумагу и как выражение преданной, сочувствовавшей, ценившей и взаимно ценимой души, будет достойно Языкова».

Такой горячий вызов еще более смутил Катерину Александровну. Языков здесь, говорила она сама себе, а Иван Васильевич говорит при нем, что хочет написать его биографию!

На что это? ведь он жив, и к тому же и здоров! Она оборотилась к Языкову, он смотрел весело, но мало-помалу стал возноситься выше от земли, и образ его как бы исчез в светлом облаке.... Тут она проснулась и поняла, что Языкова не было уже на свете.

«Таинственная сила, которой не решаюсь дать какое-нибудь ученое название, соединила в торжественную и решительную минуту душу, только что покинувшую свой земной вид, и два духа от душ, еще на земле сущих. Все высказали душевные мысли свои, свободно и ясно. Решительно можно сказать, что на одном из двух последних лежит обязанность исполнить то, на что вызывался он, полный созерцания любви и свободный на минуту от оков мира. Это не простой сон: духовный мир не высказывается нам так грубо, как мир положительный. Мы должны вникать в таинственные указания. Языков хочет, чтобы Иван Васильевич писал о нем, дух Ивана Васильевича отзывался на эту волю не только согласием, но собственным сильным желанием и сознанием таящейся в нем силы достойно рассказать русским о русском, добрым людям — о лучшем человеке, друзьям — о друге».

«Вам дорога память Языкова: убедите вашего брата исполнить то, на что вызвался дух его. Брат ваш обязан это сделать, для Языкова, для вас, для Отечества. Только ваша просьба на него подействует. Соединение печальной действительности и многозначительного, отрадного сна, где Языков так радостно говорит о своем выздоровлении, торжественный вызов Ивана Васильевича писать о Языкове, — все это сделало такое глубокое впечатление на Катерину Александровну, что она почитает слово Ивана Васильевича как бы действительно данным. Через несколько времени после погребения Николая Михайловича Катерина Александровна была у вашего брата (он почти нигде не бывает) и почитала себя обязанною передать ему свое сновидение, но, к сожалению, вследствие одной неосторожной речи, должна была рассказать его Наталье Петровне [Киреевской]³⁸, которая всеми силами восстала против рассказа об этом сне Ивану Васильевичу, и потому Катерина Александровна замолчала и на вопрос его, о чем они говорят, отвечала, что рассказала жене его сон свой, который относится и к нему, но что жена его не хочет, чтобы он знал про этот сон».

«Рассудим, однако, в самом деле, не должен ли Иван Васильевич написать что-нибудь о Языкове. О Пушкине писал Жуковский, и вся Россия благодарна ему за это. Языков после Пушкина первое светило поэзии; Языков, с христианским терпением переносивший телесные недуги в течение 16 лет, Языков, столь близкий к семейству Елагиных, брат по сердцу Киреевским, не имеет ли права на то, чтобы старший из них представил всей России верное изображение усопшего милого сына ее? Шевырев написал о Языкове для «Городского листка», и написанное им очень хорошо, однако это не полно³⁹. Русские ждут более: жаждут подробностей, ждут не одной газетной статьи, которая может иметь свое достоинство, но ждут письма, такого, какое писал Жуковский о Пушкине. Неужели о достойном человеке довольно сказать один раз? Неужели нельзя повторить? И можно, и должно! Другьям в утешение, молодым в поучение».

«Не говоря о сне, просите вашего брата воздвигнуть от себя памятник такого рода Языкову. Силою и дарованием на то он довольно наделен от Бога».

21 января, вторник. Так случилось, что я и сегодня была у Катерины Александровны, чтобы прочесть ей это письмо, которое она хочет сообщить Ивану Васильевичу, в надежде, что оно на него подействует. Увы! плоха надежда!

Но, по счастью, мне удалось передать Катерине Александровне мои мысли в рассуждении памятника, и она выслушала их со вниманием. Более мне и не надо: пусть придумают лучше, на лучшее я согласна, чье бы оно ни было, только бы не худшее.

23 января. Письмо к Петру Васильевичу отправлено с легкой почтой.

24 января, пятница. Казначей Данилова монастыря просил меня доставить ему расписку его, данную мне в платеже денег за место, бывшее подле могилы Валуева. Могилу я уступила Языкову, по просьбе Панова, и не знаю, почему и зачем послала ему расписку казначея. Панов, тоже сам не понимая зачем, передал ее Балдову, управителю Петра Михайловича [Языкова], а Балдов не захотел возвратить этой бумаги в монастырь, говоря, что она необходима для убеждения Алексан-

дра Михайловича [Языкова] в том, что могила действительно стоила 50 р. сер.

Николинька [Свербеев] обещал мне описать последнюю болезнь Языкова для Петра Васильевича, Селиверст — тоже. У последнего находится образ Николая Чудотворца, выпрошенный мною, через Катерину Александровну, у Петра Михайловича для Петра Васильевича.

25 января, суббота. Вечером была у Борисовича [Федора Б. Тидебеля]. Разговор был откровенный, но печальный. Грустно бывает, когда мы страшимся за будущее милых нам людей. По рассказам Борисовича, я еще более стала уважать Мойера⁴⁰. Мне приятно было слышать от Борисовича похвалу Валугеву; до него дошло то, как он был деятелен сам и как старался возбудить деятельность в других.

26 января. День рождения Алексея Андреевича Елагина. Я была на Ваганькове, где схоронен Андрюша, и поминала всех там лежащих⁴¹.

29 января. День рождения Жуковского. О Боже, храни его!

Сегодня для меня был день радости. Я получила письмо от Авдотьи Петровны [Елагиной]; после опасной болезни ее как было мне отрадно видеть почерк руки ее, читать написанные ею слова и видеть во всем этом доказательство ее выздоровления! Слава Богу! Вот первый день радости, в течение полутора года! Были дни отрадные, но этот радостный день первый в числе их.

Сегодня были, разумеется, не с моей стороны, различные обороты и перевероты от охотников до подобных вещей.

Хитрости были Царяграда,
А и мудрости Иерусалимские.

Смутный и хлопотливый день кончился, занимательного более ничего сегодня не будет.

30 января. Праздник Трех Святителей, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и Василия Великого. День именин Жуковского и Василия Елагина⁴². Память по моему дедушке. Добрый отец мой всегда чтит этот день, и я, чтобы сделать угодное душе его, всякой год совершаю поминовение по моему дедушке, соответственно моим средствам. В настоящее время мне грозит бедность и недостаток, но эти случайности, хо-

тя и тяжелы, однако, не наводят уныния на душу. Есть другие скорби, другие лишения, которые делают жизнь бесцветною.

В настоящее время мне отрадна и лестна только дружба двух человек (третий еще ребенок, но есть люди, которые из угодливости к немцам стараются охладить ко мне и милую двоицу, и ребенка. Все это производится тайно: могу ли, захочу ли я действовать тем же оружием? Могу ли, вследствие сердечного предчувствия, начать говорить что-нибудь в мое оправдание милым мне людям? Да и с чего начать? Только этих двух людей и третьего люблю я всем сердцем и буду любить, несмотря на то, если они и не будут любить меня. Что касается до прочих, то их любовь и дружба приятные случайности, и если случится им перемениться, то я повторю слова старинной песни:

Если ты меня забудешь,
Я забуду сам тебя.

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И вдохновение слетало
С небес, нежданное, ко мне.
На все земное наводило
Животворящий луч оно,
И для меня в то время было
Жизнь и поэзия — одно.
Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал,
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?

[Жуковский]

ФЕВРАЛЬ

1 февраля.

За днями дни идут, идут
Напрасно,
Они мне смерти не ведут
Прекрасной.
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь!

8 февраля. Сегодня получила я от Николинки Свербеева составленное им для Петра Васильевича [Киреевского] описание последних дней Языкова. Николинка написал это по моей просьбе, и я со своей стороны очень ему благодарна, но еще приятнее будет для меня, если этот труд сблизит его с Петром Васильевичем.

Во все это время была я нездорова лихорадкой и потому не могла быть в Даниловом монастыре 4 февраля, в тот день, когда после кончины Языкова исполнилось шесть недель. Был ли кто-нибудь там из здоровых?

Добрый Федор Борисович Тидебель, племянник Мойера, три раза навещал меня во время моей болезни; все же знакомые мои, кажется, забыли о моем существовании. Николинка раза три писал ко мне по городской почте.

10 февраля, понедельник. Николинка [Свербеев] уведомил меня, что Панов вчера возвратился из Симбирска и успел уже быть у них. Сегодня писала я к Петру Васильевичу в Орел и послала ему рукопись Николинки. Когда-то он это получит? Когда-то дождусь я от него ответа? Петр Васильевич так ленив.

11 февраля. Сегодня день рождения Петра Васильевича. Бывало, Языков писал к нему, а теперь — как будет ему грустно!

Послала письмо по городской почте; это последний опыт на что-нибудь действительно хорошее в жизни. Почти жалею, что вздумала попробовать: печальна истина, лучше бы остаться с надеждой на участие.

Пока я дома, в душе тишина (хотя печаль не расстаётся со мною), вокруг меня мир; но без ужаса не могу подумать о том, что в четверг надобно выехать, надобно войти в свет и сой-

тись с людьми. О, как счастливы богатые! Они могут жить, как хотят.

12 февраля. День именин покойного Алексея Андреевича Елагина. Обе мои крестницы пошли на свои деньги служить по нем панихиду, я присоединилась к ним, и мы вместе помолились.

Но этот день доказал, что все потеряно, кроме — чести и духа.

17 февраля, понедельник, 7 часов утра. Прошла неделя, и я вполне убедилась, что дожито мною все хорошее, оставшееся мне от прежнего счастья, а счастьем этому был один святой источник, но он иссяк, и светлые притоки его, которые увеличивали мое счастье и довольство, отвратили ток свой.

Дня три тому назад, томимая печалью, я подумала было зайти к одной женщине, но потом отложила свое намерение. Во время прежнее я приходила туда похвалиться своими успехами, вниманием и участием других, и внутренне посмеяться зависти, с которою она меня слушала, и заботливости, с какою старалась внушить мне дурные мысли о тех людях, которые мне изъявляли приязнь. Теперь идти незачем: эта женщина не поймет моей печали и не возьмет в ней участия.

Селиверст доставил мне образ Николая Чудотворца, принадлежавший прежде Языкову. Этот образ я выпросила у Петра Михайловича [Языкова] через Катерину Александровну для Петра Васильевича. В субботу Михайла Никитич⁴³ уложил его как нельзя лучше и отправил в Орел, в Киреевскую слободку. Авось, дойдет через неделю. Мне же, по старанию Селиверста, достался костяной ножик Языкова, купленный им для разреза книг. И за то спасибо доброму Селиверсту! Какая-нибудь вещь да есть у меня на память. А после Валуева ничего у меня нет! Панов не подумал, что мне всякая малость была бы дорога. Бог с ним!

В субботу же вечером была я у одного молодого человека, и мы откровенно разговаривали о смерти и самоубийстве. Наши мысли совершенно были сходны. Жаль, однако, что он в таких молодых годах так постигает жизнь, как ее постигла я, прожив целое столетие.

Тот же день, 7 час. вечера. От часу становится жизнь мрачнее. Сегодня в 12 час. поехала я к несравненной Свербеевой. Олинька [Свербеева]⁴⁴ встретила меня, и на вопрос

мой, здорова ли маменька, отвечала, что она уехала в Тулу. — Когда? — «В четверг, с Николинькой». — «Зачем?» — «Дядя умер в Петербурге, ударом, во вторник».

Как мне стало жаль и Анну Александровну, и этого доброго, великодушного, хотя легкомысленного, Александра Николаевича Елагина!⁴⁵ Скольким людям он давал у себя в доме пристанище! Куда денется теперь Варвара Петровна Обрескова⁴⁶, которую он содержал у себя в доме, из уважения к памяти своей тещи и из любви к жене своей? Куда денется бедная Ольга Александровна, подруга Варвары Петровны? Куда денется другая ее собеседница и охранительница, Александра Васильевна? Все должны разойтись! Пожили вместе спокойно и приятно! Поражен пастырь, и разыдутся овцы.

Кроме того, что мне жаль Анну Александровну, мне жаль и Александра Николаевича. Это был живой, образованный, светлый ум! Кроме знания французской литературы, он, к большому моему удивлению, знал хорошо и церковную нашу службу и священные книги, но не выказывал этого с таким педантством, как другой.

Но грустные сожаления не прекращаются; Олинька сказала мне еще печальное известие: наша звезда тульская, наш любимый губернатор, князь Андрей Михайлович Голицын, умер в Витебске, тоже от удара, дня за два перед смертью Елагина⁴⁷.

Александр Николаевич говел на первой неделе.

Варенька [Свербеева] пришла ко мне, чтобы поговорить о своей тетеньке, Катенька [Свербеева] тоже; но я ждала от них больше сожаления о дяде, потому что он очень любил их. Впрочем, можно ли исследовать душу человеческую? Чувство западает в глубину ее, и до этой глубины другие не доходят, а душе иногда бывает и жаль вынести на свет свое сокровище, свою заветную мысль, свою печаль.

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!

Но что меня особенно тронуло и заставило снова заплакать, так это были слова Вареньки. «Как чудно это, — сказала она, — что добрые более страдают, что они почти всегда

несчастливы!» Постигнуть такую тяжелую истину в 16 лет от роду чрезвычайно грустно. Беззаботность юности, вера в счастливую будущность, способность веселиться, упование на действительность молитв за милых, все может быть убито этой истиной! Я постигла ее вследствие долгих лет, но в молодости я верила, что добрые имеют право на счастье и что Бог даст им счастье. Но, слыша теперь слова Вареньки, я ужаснулась этого ее знания и не могла иметь столько твердости, чтобы лгать и разуверять ее в том, в чем я сама уверена.

Ах, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник!

Простясь с милыми девицами, я пошла надевать шубу в переднюю, и здесь со мной сошлись Володя, Саша [Свербеевы]⁴⁸, Алеша Деннет и Герстель. Они шли гулять и предложили мне, что пойдут несколько со мною по бульварам; я согласилась, и мы прошли вместе до Петровских ворот. Я простилась с детьми, а Герстель вдруг сказал мне: «Сюда с Петровки идет ваш знакомый Шевырев». В самом деле, это был он, и, к великому моему удивлению, раскланялся со мною и остановился.

«Вы были у меня раз, — сказал он, — жалею, что меня не было тогда дома». — «Довольно, что вы это знаете, — отвечала я, — тогда мне хотелось вас поблагодарить за то, что вы стали за правду. У нас, к несчастью, редко находятся ныне люди, которые возвысили бы свой голос в пользу несправедливо обвиненного». — «Я уверен был в вашем сочувствии». — «Благодарю вас, я вполне и всегда сочувствую всему русскому». — Тут мы расстались. Мне приятно было видеть Шевырева и высказать ему мое о нем мнение.

18 февраля, вторник, 11 час. утра. Целый день думала я о печальной Анне Александровне! Какая тяжелая участь!

20 февраля, четверг. Письмо от Лилы и Николая [Елагиных]. Слава Богу, они все там здоровы. Сегодня я слышала, что Николинька Свербеев возвратился из Тулы. Анне Александровне сказали грустную весть. Нечего говорить о том, каково ей; это можно представить.

21 февраля. Была в Симоновом монастыре, у преждеосвященной обедни, оттуда у Катерины Федоровны Селивановской⁴⁹.

23 февраля. Прошлого года в этот день было три месяца по кончине Валуева. Мы с Пановым были в монастыре, ныне я одна была там...

24 февраля, понедельник. Иван Васильевич Киреевский был в это время нездоров. Жена его уверяет, что болезнь его произошла оттого, что Катерина Александровна рассказала ему свой сон про Языкова, и еще оттого, что Панов просил его написать о нем же статью для сборника. Послушаешь этих женщин, так скучно станет.

25 февраля, вторник. Жду и не дождусь письма от Петра Васильевича в ответ на записку Николинки о последних днях Языкова. Лиля пишет, что в их стороне никто не получает «Городского листка» и что потому они не читали статьи Шевырева о Языкове, помещенной в 5 и 6 №№ января месяца⁵⁰. Мне удалось послать им эти номера с Пелагеей Андреевной, бывшей Полонской, потом баронессой Черкасовой⁵¹. Она доставит им эту статью 1 марта. Я стараюсь все это доставить Петру Васильевичу. Увы! печальная отрада иметь листок вместо друга.

26 февраля, среда. Наконец почтальон принес письмо! С каким нетерпением схватила я это желанное письмо! Точно оно было от Петра Васильевича, и так же мило и просто, как он сам. Он просит прислать ему образ по почте, если можно, а не то с Петерсоном. Да образ уже послан, любезный мой брат, образ тебе послан! Ах, если бы он успел получить его еще до выезда своего в Петрищево, к именинам матери! Жаль, однако, что Петр Васильевич не написал особого письма к Николинке, который для составления этой записки о Языкове не спал целую ночь.

После обеда я поехала к Катерине Ивановне Облеуховой. Она оставляла меня ночевать, но я не осталась, по какому-то темному предчувствию, что мне надобно быть ближе к дому, и поехала оттуда к Свешниковым навестить бедную больную, Надиньку Шохину. Отец ее уже с неделю как нездоров; сильно кашляет и не выходит в лавку⁵². У Надиньки я ночевала, но рано поутру ушла домой, чтобы не пропустить почту, следовательно, это было уже —

27 февраля, четверг. У нас стали мыть полы; Анна Ивановна с дочерьми ушла в церковь, а я занялась письмами. Писала к Авдотье Петровне, к Лиле, к Николаю [Елагину], ду-

мала написать немного и поехать к Свербеевой, но все что-то меня удерживало, и я продолжала писать. В 12 часов я оставила Аннушку, кухарку, домывать пол и вышла в переднюю комнату, чтобы запечатать письма. Вдруг отворилась дверь, я взглянула и, увидя входящего мужчину, подумала, что это покупатель лошадей. Но каково было мое удивление, когда он назвал меня по имени, и я узнала Панова! Разумеется, что я очень ему обрадовалась и увела его по необходимости в комнату Маши и Дуняши, стала ему говорить о том, что Василий Елагин и Николинька написали для его сборника, о чем сообщил мне Петр Васильевич, но Панов принял это известие довольно холодно. Что это значит? — подумала я, и между тем спешила спросить его о пребывании его в Симбирске, о молодых Пановых, т. е. о брате его и Лизавете Александровне, бывшей Валуевой. Панов отвечал, что они здоровы, что вторая мать Валуева очень довольна этой свадьбой. «Только обо мне, — сказал он, — дурные вести». Я изумилась и глядела на него пристально; не умер ли еще кто-нибудь, подумала я, но видя, что он улыбнулся, отвергла эту мысль и ожидала с нетерпением продолжения его речи. «Я опять через несколько дней поеду в Симбирск, — начал он, — и пробуду там до августа». — «Зачем же, когда вы только воротились оттуда?» — Он слегка покраснел и сказал: «Что вы на меня так пристально смотрите? Вы, верно, знаете?» — «Да что?» — «Я женюсь!» — «Ах, — вскричала я, и руки мои опустились. Несколько времени я молчала, потом сказала. — Я это знала». — «Но каким образом могли вы знать это, когда никто не знал?» — «Я предчувствовала, что нынешний год будет для вас решительным. Но по крайней мере, несколько утешает меня то, что предмет вашего выбора в Симбирске, стало быть, она русская?» — «О, русская, совершенно русская!» — «Но как же это случилось?» — «Я и сам не знаю, как. За две недели до решения я бы не поверил, если бы кто мне сказал, что это будет». — «Ну вот, это-то самое и пугает меня; что же вас заставило решиться? Ну, если вас завели, если вы после будете раскаиваться?» — «Теперь уже поздно так говорить. Зачем же вы меня так пугаете? Мне и без того страшно» (он даже произнес слово: смерть). Мне стало его жаль: я скрыла свои чувства и стала говорить ему о надежде на счастье, об уповании на милость Божию. — «Молода ли ваша неве-

ста?» — спросила я. — «Молода». — «Лет 17?» — «Нет, это уж слишком незрело, но ей лет 20». — «Хорошо, что столько. Я советую выбирать невест как можно моложе, потому что в таких летах молодую жену скорее можно приучить к своему нраву и подчинить своей воле, а та, которая старше этих лет, та будет стараться подчинить себе своего мужа, потому что она знает уже все хитрости». — «Это правда». — «Скажите же, кто она такая?» — «Ее фамилия Головинская. Сестра ее воспитывалась в дурном обществе, в семье Лизаветы Петровны Языковой, но после она вышла замуж за Ермолова, родственника Хомяковых⁵³, и теперь стала примерною женой и даже исправила своего мужа, не величаясь этим». — «Так и должно. Надобно обоим стараться о взаимном усовершенствовании, не для хвастовства перед другими, а просто для того, чтобы видеть половину свою лучшею. В таком случае и жену можно назвать истинной помощницей, а не потому только, что она приказывает обед, а муж заботится о внешнем устройстве дел. Не в одном этом должна состоять взаимная их друг другу помощь». — Панов отвечал, что невеста его старалась уже во многом преодолеть себя, соображаясь с его мыслями. «Полюбите ее хоть немного, — сказал он, — передайте ей хоть часть той любви, которую...» — «Если вы будете с нею счастливы, то как же мне не любить ее? Мое сомнение простительно: я ее не знаю, а может быть, ее добрые качества заставят и вас и друзей ваших благословлять тот день, когда вы ее узнали. Вот я желаю, чтобы вам Бог дал такую жену, какова Катерина Александровна. Вот это единственная женщина, которую я уважаю». — Панов молчал, я спросила его: хороша ли *она*? — «Нет». — «Что же вы, господа поклонники красоты, так выбираете вопреки вашим толкам о красоте?» — «Есть красота душевная». — «Ну, этому вашему предпочтению такого рода красоты не совсем можно верить. Если же вы действительно цените ее более другой, тем лучше для вас». — «Напишите к моей невесте хоть несколько строчек». — «Да как я буду к ней писать? я ее совсем не знаю. Разве так, на веру?» — «Да, напишите так». — «Благодарю вас, однако, за эту просьбу, это для меня душевное утешение».

Увы! Я подумала в эту минуту, что будто бы довольно будет желания Панова, чтобы наше знакомство продолжалось и после его женитьбы, и забыла, что с его желанием, может быть,

не согласна будет его невеста. Может быть, надменная, суетная, тщеславная, она скажет: «Кто таков твой друг, любитель Русского? Я не знаю ничего Русского, да и знать не хочу». Но если это и будет так, если она и отвергнет мое знакомство, то что же тут будет удивительного? Разве это будет неожиданный удар? Разве не знаю я женщин? Разве ожидаю от них чего-нибудь хорошего? Следовательно, я готова к неприятности и оскорблениям с их стороны, и смешно будет, если пренебрежение этой девицы-аристократки огорчит меня. Конечно, Панов, как жених, может потребовать от нее, чтобы она не оставила без ответа мое письмо, но приятно ли мне будет быть причиной первой их размолвки? Он, по благородству души своей, увидит, что я писала, желая сделать ему удовольствие, и не захочет, чтобы я потерпела сама неудовольствие, видя к себе пренебрежение. Но так и быть! Я сказала, что буду писать, и напишу. Пусть Панов знает, что я рада всякому случаю сделать для него что-нибудь приятное; он сам так много для меня сделал! Всякой раз, когда я взгляну на портрет Валуева, то всякой раз в душе благодарю Панова и думаю: чего не простишь этому человеку за этот неоцененный дар? О Боже! прими мою молитву за раба Твоего Василия: награди его счастьем и храни его и всех милых ему и любящих его!

Панов хотел уехать. — «Погодите, — сказала я, — вы еще мне не сказали, как зовут вашу невесту?» — «Анна Андреевна. Это дурное имя, не правда ли?» — «Нет, Анна имя хорошо».

А в самом деле имя вместе с отчеством: *Андреевна*, мне не понравилось: оно напомнило мне свойства жены городничего в Гоголевой комедии «Ревизор» и свойства Анны Андреевны, жены Снегирева⁵⁴. Дай Бог, чтобы симбирская Анна была для нас благодатью, а не наказанием!

Я предложила Панову написать к Елагину, Николаю, что он и сделал, написав несколько слов на последней странице моего письма, а на предыдущей остался не конченным рассказ о ссоре Сушкова с Глинкою Ф.Н.⁵⁵ Однако Панов не дописал главного, а кончил тем, что предоставляет мне передать им о нем новость, о которой только вчера получил право говорить.

Он уехал, перед отъездом я перекрестила его; пусть будет с ним мое сердечное благословение! У него уже нет матери! Прошлого года он уехал 5 марта, получив известие о близ-

кой ее кончине, ныне хочет выехать почти в это же время для своей женитьбы. Неприятное для меня сближение обстоятельств!

Он сказал мне, что Сборник его уже вышел, но что цензура не выдает еще какого-то листа⁵⁶. Как же это? Сборник вышел, а у меня еще его нет?

Увы! Проклятая любовь! Панов, попавшись в брачные сети, перестает быть сыном Отечества и гражданином, и дай Бог, чтобы хотя остался в доме своем господином, а не рабом рабы своей! Прощай, все предприятия по области словесности! Прощай, благое намерение, принятое вследствие моей просьбы, взять у Хомякова бумаги Валуева и заняться разбором их! Прощай, готовность заняться по просьбе Катерины Александровны Свербеевой памятником Валуеву! Все пропало! Все благие намерения исчезли! Бодрый труженик науки избрал себе цель животную, которая приводит к ничтожности. О горе! О беда!

Затейщика того, кто выдумал любовь,
Кнутом бы, без суда! Он много сделал злого!
Жена и дети, друг, большое в свете зло!
От них все скверное у нас произошло!

Это дивные истины, высказанные поэтами!

Так! Многое стихом открыться
Нам лучше всяких может книг!

Остаемся только мы трое верными сынами православной Руси: я, простой человек, Константин Великий [К. Аксаков] и Петр Васильевич [Киреевский], т. е. Петр Пустынник! Увы! Нашего полку убыло, полку вольных людей Москвы православной! О, горе нам!

Мысль, что Панов ценит сколько-нибудь мою дружбу, меня утешает. Если бы он иначе думал, то не пришел бы в мою пустыню, а предоставил бы городской молве довести до меня известие о его женитьбе. Душа моя то отдыхала при этой отрадной мысли, то стеснялась грустью о потере вольного товарища и беспокойством о будущей судьбе его. Это был точно облачный день: то душа просветлялась, то потемнялась. В два часа ночи я проснулась от беспокойства и обратилась к Валуеву: Слышишь ли ты, сынку, слышишь ли, милой, друг твой

женится! Светлый мой ангел, друг твой женится! Серафимская душа, кроткое, нежное существо, он женится, и забудет тебя и не придет на гроб твой!

Мне пришло в мысль попросить Панова, чтобы перед отъездом из Москвы он съездил на могилу Валуева и Языкова.

Письма успела отправить, не заплатив двойных денег. Очень интересен будет ответ Елагиных. Интересно мнение Катерины Александровны, которая хотела ему предлагать какую-то невесту, и еще интересно мнение Натальи Петровны [Киреевской], неприязненно расположенной к Панову.

Завтра празднуют Касьяну Римлянину. Жалею, что не могу быть в Даниловом монастыре.

28 февраля, пятница. Была я у Киреевских; Ивану Васильевичу лучше. О Панове ни тот, ни другая ни слова. Мне было приятно то, что хозяин сам пригласил меня на завтрашний день, чтобы вместе праздновать именины матери.

Была я после у одной женщины и снова видела доказательство их переменчивости и подлости. Я хотела попросить у нее совета, но удержалась, и моя мысль осталась при мне.

Возвратясь в скромную мою пустыню, я села писать к невесте брата Валуева. Мне пришло в мысль, как его ангельские свойства действовали на близких к нему. Панов был всех ближе к нему, и как он сам нежен, благороден и кроток! Конечно, надобно сказать, что семя благое пало на землю благу, что Панов более всех мог воспринять и сохранить; но Валуеву дан был высокий удел в нежных летах юности направлять людей к добру, учить своим примером нравственности, не оскорбляя никого надменностью. В те лета, когда другие думают о скоропреходящих удовольствиях, Валуев думал о подвигах апостольских. Его мысль присоединить проповедью Англию к нашей православной церкви была мысль великая и святая, которая родилась не в премудрой голове Филарета, но в младенчески чистой душе Валуева. Утаил еси та от премудрых и открыл еси та младенцем.

Честь надобно воздать и Панову, потому что он однажды при мне, в разговоре с Катериной Александровной, сказал, что при Валуеве он не боялся такого или другого влияния, потому что знал или верил, что тот его спасет. От чего бы то ни было думал он быть спасенным Валуевым, здесь важно сознание, что Валуев *мог* это сделать, а Панов мог быть ему обязан за

уклонение от того, что ему казалось дурным или несправедливым. Редкие люди бывают признательны за вещественные благодеяния. Еще реже те, которые сознали бы, что таким или другим нравственным качеством обязаны они наставлению такого-то человека или его примеру. Панов не говорил о себе, что он сам мог увидеть вредное и остановиться на половине пути; он сознался, что его мог остановить другой, а для меня такое сознание показывает благородную душу.

В прошлую бессонную ночь я написала два письма к невесте Панова. Первое вылилось из сердца, другое короче и церемоннее. Думаю послать первое, потому что оно отвечает моему характеру, а я никогда ни для кого ему не изменяла; сдерживать его — это другое дело, но изменять — никогда. Пусть невеста его знает меня такою, какова я в самом деле.

Письмо к будущей жене Панова:

«Привыкнув с молодых лет до старости говорить согласно с чувствами, не могу начать к вам письма церемонным приветствием: «Милостивая государыня»; позвольте лучше назвать вас нашею радостною надеждою, потому что друзья Василия Алексеевича, к числу которых принадлежу и я, надеются, что вы принесете с собою благодать семейного счастья в дом будущего вашего супруга. Если в числе лучших душевных удовольствий почитают возможность доставить ближним какое-нибудь утешение, то с чем можно сравнить то наслаждение, если вы устроите навсегда счастье человека, истинно того достойного? Желаю верить, что такова предположенная вами себе цель. Помогите моему неверию, оправдайте полную к вам веру жениха вашего. Просить себе вашего доброжелательства могу только на том основании, что люблю и уважаю жениха вашего, но этого довольно для любящей невесты и будущей ласковой, гостеприимной хозяйки. Друзья мужа ее будут ею приняты благосклонно.

С женихом вашим я познакомилась в доме Елагиных, родственников поэта Жуковского. О себе скажу вам, что я человек старый, простой, мало верящий женщинам и любящий сердечно все Русское.

Уважающая в вас выбор достойного человека

Елизавета Попова».

Письмо второе, оставленное потому, что оно церемоннее, а я люблю простое обхождение:

«Милостивая государыня Анна Андреевна.

Друзья Василия Алексеевича, к числу которых принадлежу и я, надеются, что вы устроите его счастье. Оправдайте наши надежды и будьте для него и для нас звездою благодати. Он достоин быть счастливым; а что выше наслаждения устроить навсегда чье-нибудь счастье? Для доброй жены будет приятно видеть людей, которые любят и ценят мужа ее. На этом основании предъявляю право мое на ваше доброжелательство, а вас не могу не любить, постигая, сколько вы дороги сердцу Василия Алексеевича.

С Василием Алексеевичем познакомилась я в доме Елагиных, родственников поэта Жуковского. Человек я старый, простой и любящий пламенно все Русское.

Уважающая в вас выбор человека достойного

Елизавета Попова».

27 февраля 1847 г. Москва.

Печальная будет годовщина в следующем году, если Панов не будет счастлив, но в самом деле, если наша Анна будет действительно нашею благодатью, тогда и я буду любить ее. Благослови, Боже, брата несравненного Валуева! Попомни его к Тебе усердие!

О Боже! Сердцем и устами
Взываю к благодати твоей:
Спаси его от бед случайных,
Избави от наветов тайных,
Предохрани от явных зол!

28 февраля, пятница. Была у Киреевских, желая навестить Ивана Васильевича, потому что он все хворает. Ему лучше. Он звал меня завтра, чтобы вместе праздновать именины его матери, и мне стало очень приятно, что он хочет их праздновать.

От них приехала я к одной женщине; она всегда говорит мне о разных пустяках и безделках, которые для нее дороги, а меня всегда старается остановить в речах, когда я говорю о тех, кто мне дорог. Если я слушаю ее терпеливо, то и она

обязана также быть ко мне снисходительна. Впрочем, я не говорю ей никогда ни о Валуеве, ни о Панове, ни об Аксакове. Чувства бескорыстные и безотносительные понимают только мужчины да моя, чистая душой, несравненная Катерина Александровна. А в прочих женщинах:

Нечисто в них воображение,
Не понимает нас оно,
И призрак Бога, вдохновенье,
Для них и чуждо, и смешно!

Насильный брак

(Рыцарская баллада)

Старый барон

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткий господина зов!
Судите, не боясь опалы.
Я правду выслушать готов!
Судите спор, вам всем знакомый.
Хотя могуч и славен я,
Хотя всеильным чтут меня —
Не властен у себя я дома...
Все непокорна мне она,
Моя мятежная жена!..
Ее я призрел сиротою
И разоренной взял ее;
И дал державною рукою
Ей покровительство мое;
Одел ее парчой и златом;
Несметной стражей окружил;
И враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом.
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена!
Я знаю: жалобой, наветом
Она в суде меня клеймит;
Я знаю — перед целым светом
Она клянет мой кров и щит;
И косо смотрит исподлобья,
И повторяет клятвы ложь,

Готовит яд иль точит нож...
Вздувает огонь междуусобья...
С монахом шепчется она,
Моя коварная жена!
И торжествуя, и довольны,
Враги мои на нас глядят,
И дразнят гнев ее крамольный,
И суетной гордыне льстят.
Совет мне дайте благотворный:
Судите, кто меж нами прав?
Язык мой строг, но не лукав.
Теперь внимлите непокорной;
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Жена

Раба ли я, или подруга,
То знает Бог... Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я.
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана... я продана...
Я узница, а не жена!
Напрасно иго роковое
Властитель мнит озолотить!
Напрасно мщенье мне святое
В любовь он хочет превратить.
Не нужны мне его щедроты!
Его я стражи не хочу!
Сама строптивых научу
Платить мне мирно долг почета.
Лишь им одним унижена,
Я враг ему, я не жена!
Он говорить мне запрещает
На языке моем родном;
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным крестом;

Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена!
Послал он в ссылку, в заточенье,
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня он предал в угнетенье
Рабов, лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он.
И мне ли ропот запрещает
Еще ль, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?

Графиня Евд. Ростопчина.
(Выписано из № 284 «Северной пчелы» 1846 г.).

Стихи неровны и не гладки, мысли довольно разительны. Это произведение прошло бы не примеченным, именно по топорной работе стихов, а жалобы жены, изъясненные в нем, очень немногих обратили бы внимание. Но дело в том, что кто-то объяснил императору Николаю, что в этих стихах говорится о нем и о Польше, а может быть, он и сам своим умом дошел до этой догадки, только вслед за этим пошла тревога! Велено было отобрать эти номера «Пчелы» и, разумеется, уничтожить их⁵⁷. Графу (с 14 декабря 1825 г.) Алексею Федоровичу Орлову сделал государь замечание о том, как прошли эти стихи. Смешон ответ Орлова: «Ваше Величество, ведь здесь говорится о законном браке». Следовательно, выходит, что Орлов как будто сам признает, что Польша нам незаконно принадлежит. Если же раз мы сознаемся в этом, то должны видеть в ее возмущениях необходимое восстание угнетенных и *прощать их*, а не карать. Тогда мы выиграем их любовь, и возмущения прекратятся. *Говорят*, что Булгарина посадили за эти стихи на три дня в крепость; *говорят*, что его высекли!!!

Вот стихи Михаила Дмитриева, выписанные мною из «Городского листка». В них ничего нет карбонарского, и я могла

бы вписать их в обыкновенную книгу, но так как они согласуются с моими душевными мыслями, по которым я желала бы умереть ранее, то я помещаю их в этой заветной книге. Стихи эти просты, не напыщенны, умеренны, и видно, что не топорной работы.

Старик

Вам скучно со мною, я знаю;
Вы молоды, други, я стар!
Но я не сержусь, не пеняю:
Терпение — старости дар.
Мы также, бывало, скучали
Рассказом людей пожилых;
Но только мы их уважали,
Но только мы слушались их.
Быть может, что вы откровенней,
А мы притворялись тогда;
Быть может, что вы совершенней,
Науки вас водит звезда!
Быть может, что мудрость любили
Мы черпать из опыта лет,
А вы ее всю поглотили,
И новой для вас уже нет.
Однако вожди человека,
Которым вы вьете венцы,
Все люди минувшего века,
Герои, певцы, мудрецы!
Ваш век на дары тяжеленок
И громких людей не родил;
Ваш век все хлопочет из денег,
А прожил, что наш накопил!
Считите-ка дедов именья
И вспомните их имена!
Обширны их были владенья
И слава далеко слышна!
История их сохранила.
Народ наизусть затвердил;
А нынче схоронит могила,
И память народ схоронил!
Вот тех-то я был современник.

Люблю я людей имена,
Которыми горд соплеменник,
Полна и чужая страна!
Наш век молодец был не хилый,
А ваш полпути прокатил,
Героев же мысли и силы
Доселе еще не родил.

МАРТ

1 марта. Была по зову у Киреевских, где были Александр Петрович Петерсон и жена его.

3 марта, понедельник. Обедала я у Катерины Александровны [Свербеевой]. Мы сошлись с нею в разных мыслях относительно журнала, который хотел издавать Языков под именем Чижова, и относительно Петра Михайловича. В первый раз еще мы свиделись друг с другом по возвращении из Тулы. Бедная Анна Александровна [Елагина] осталась там в своем доме, до шестой недели поста. Чувствую и понимаю, как ей тяжело будет оставить собственный свой дом, тишину свою и уединение, и приехать в полный шума и жизни дом сестры своей. Здесь нет шума светского, но где 10 человек детей, там нельзя не быть живости и даже шума. Так и мне, когда надобно было оставить дом родительский, то сердце наполнено было горечью, и я прощалась с частоколом, с фонарным столбом и с нашей улицей...

Ах, и теперь, один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть. И порой,
Как о минувшем мысль родится,
За мыслию слеза катится.

Здесь, в этой заветной книге, которой поверяю более, нежели даже отцу духовному, здесь хочу хвалить мою несравненную Катерину Александровну, которая остается верна друзьям своим, даже и по смерти их. Она одна горячо заботится об исполнении последней их воли и ворочает небо и землю, чтобы достигнуть этой цели. По смерти Языкова она старается всеми силами убедить брата его Петра Михайло-

вича выполнить мысль Николая Михайловича и дать обещанные деньги на издание журнала, издателем которого был назначен Чижев⁵⁸. Петр Михайлович, жалея, кажется, денег, отговаривается всеми мерами, например тем, что он не знает Чижева, что за Чижева надобно поручителя, и когда ему Катерина Александровна представила Хомякова, то он сказал, что недовольно того, чтобы Хомяков считал Чижева, надобно еще кого-нибудь, кто бы считал Хомякова. Одним словом, по-моему, он просто извивается мелким бесом и кидается из дверей в двери, из окна в окно, чтобы только оставить при себе любезные денежки. Другой брат Языкова, Александр Михайлович, совсем, кажется, не таков: тот желает исполнить волю брата и не выражает оскорбительного сомнения насчет человека, удостоенного доверенности Николая Михайловича. А между тем Чижев и не хотел брать на себя труд издания журнала, и только усиленные просьбы Языкова заставили его дать слово. Теперь, из уважения к памяти друга, он готов сдержать слово свое, но вовсе не по охоте и не в надежде на выгоды.

Письмо Чижева в ответ на уведомление о кончине Николая Михайловича чрезвычайно трогательно. Он говорит в нем: «Зачем мне прямо не сказали, что его уже нет на свете? Я догадывался об этом, а между тем не смел приносить молитвы за упокой, молитвы, где душа наша как бы соединяется с отшедшею». Я нахожу слова его совершенно справедливыми, и вот почему я против тех, которые скрывают от оставшихся кончину друзей их. Легче ли будет узнать в конце января, что друг наш скончался в конце декабря, нежели узнать то же самое в начале января? Действие будет одинаково: оно заключается в словах: *его нет!* И в чувстве: мир пуст! Кем и чем заменить прекрасное, погибшее в полном цвете? Узнав печальную весть в скором времени, мы действительно находим печальную отраду в молитвах, приносимых церковью за усопших. Мир забывает мало-помалу своих великих граждан, но церковь сохраняет имена усопших и служит по ним вечное поминовение. Вот почему я люблю быть в церквях, устроенных при кладбищах: в молитвах душа, кажется, как бы сближается с милыми покойниками. Подле могил их воскресает бывшее, и частое посещение могил не дает порости бывшему быльем.

Пришли сказать Катерине Александровне, что приехал Александр Николаевич Попов⁵⁹. Она попросила меня выйти к нему, а сама легла отдохнуть. Я рада была случаю увидеть Попова, который так близок к Елагиным и которого Авдотья Петровна так любит. Попов и в Петербурге остался тем же, каким был: веселым, любезным и учтивым. Он приехал в Москву дней на десять и скоро едет. Он непременно хочет быть на диспуте у Аксакова; это мне очень понравилось. После обеда пришел Аксаков и рассказывал о свидании своем с М.(?). За многие выражения последнего я даю ему похвальный лист. Видно, что наш еси, Исаакий! Да воспляшет с нами!

Защищать свое рассуждение о Ломоносове Аксаков будет в четверг. Это день рождения Лилы. Я непременно поеду на прение. О, если бы не было при университете графа Строганова, противника Аксакова, я вышла бы для прения и заметила бы сочинителю, что он мало развернул весь вред, произведенный у нас иностранцами, и что пора отречься от них и дунуть и плюнуть на них.

4 марта, вторник. Давно уже не была я в семействе Зыковых⁶⁰ и решилась поехать к ним сегодня. Я нашла Катерину Петровну и все семейство ее в большой печали. Лизавету Семеновну Арбузову, четвертую дочь ее, в этот день приготовили к смерти, и все знали, что больная не проживет более суток. После Нового года Арбузову перевезли в дом к матери, под тем предлогом, что этот дом деревянный и что тут воздух лучше для больной. В эту зиму как нарочно съехались в Москву третья и пятая дочери Катерины Петровны, которые были в замужестве в Псковской губернии. Сошлись все сыновья, рассеянные службой, почти все нашли место у нее в доме, выключая старшего, который женат и живет в своем доме. Вся семья собралась для того, чтобы проститься с лучшею по душе и прекраснейшею по лицу. Я входила к больной, но она лежала лицом к стене и была так слаба, что даже не могла говорить.

5 марта. Заезжала опять к Зыковым. Лизавета Семеновна еще жива.

Была я у Панова, воображая, что в конце этой недели он уедет в Симбирск, а мне хотелось показать ему воздушы, сделанные мною в память Валуева в Данилов монастырь. Он нашел, что они очень хороши, и хотел непременно показать их

Попову Александру Николаевичу, который, на время своего пребывания в Москве, остановился у него в доме. Я согласилась, только с тем, чтобы Панов не говорил ему о том, куда и в чью память назначены эти воздухи. «Отчего же? — спросил Панов, — он принимает такое участие во всем, что касается до Валуева, что ему можно сказать». — «Все это очень хорошо, — отвечала я, — но он скажет тому, другому, третьему, а это будет как бы упрек им, почему они ничего не сделали. Покажите ему просто работу; пусть скажет, хорошо или нет». — Панов замолчал, понес к Александру Николаевичу воздухи, потому что тот был еще не одет. Я простилась с Пановым, поговорила с Поповым через дверь и ушла. Попов едет в пятницу, а Панов — по просухе. Я сначала обрадовалась последнему, а потом мне стало совестно. Анна будет скучать.

6-е число, четверг. День защищения Аксаковым своего рассуждения о Ломоносове для получения степени магистра⁶¹.

Рано разбудила меня забота. Боялась я, что найдутся в университете зложелатели, которые подымут самые важные вопросы, а может ли Аксаков оставить их без возражения, когда дело коснется до исповедания веры гражданина? Кроме того, особенная грусть тяготила меня: на этом прении кого-то нет, кого-то жаль! Глаза мои обратились на печальное изображение. О друг мой, пойдем с нами! Да мелькнет твое ангельское лицо посреди нас! Напрасные желания! Печальные и мрачные мысли наполняют душу. При всяком значительном отечественном или частном событии мне живее чувствуется, что его недостает нам. Как бы он многим радовался, какое бы живое принимал во всем участие! И его нет! В самом деле, время более и более дает чувствовать эту потерю.

Накануне я увидела у Панова роспись книгам и вещам Валуева и, разумеется, взяла ее себе для просмотра. Сегодня утром и вчера вечером стала ее переписывать. Все мысли обратились к нему, всякое название книги возбуждало мысли о направлении его ума, о любимых его занятиях, о его планах; я как будто следила за его мыслями, как будто читала в душе его! Такое умственно-духовное сношение было так сладостно и так горестно, что я забыла время и сидела с росписью в руках, перед милым изображением. Анна Ивановна вывела

меня из мира воспоминаний в настоящий, сказав: «Уже половина 11-го, а вы еще не одевались».

Я поспешила одеться и поскакала в университет, где была уже в три четверти 11-го. Войдя в залу, я увидела на правой стороне, во 2-м ряду кресел, Катерину Александровну и подле нее молодую девушку. Несравненная Катерина манила меня к себе, и я села позади нее, в третьем ряду, и увидела, что с нею сидела Машенька, сестра Аксакова. Мать его и сестра Вера не могли приехать сюда от сильной сердечной тревоги и поехали к обеду. Машенька, молоденькая девочка, напротив, очень желала быть на диспуте, думая, что все заключается в том, чтобы брату ее прочесть что-нибудь из своей книги. Я была очень рада, что Машенька была здесь. В чувстве радости или тревоги я пожимала ее руку, а ребенок не понимал, что меня тревожит.

Графа Строганова не было. Голохвастов играл, и слава Богу, что было так, роль бессловесного⁶². Любезная Славянская дружина собралась недалеко от Катерины Александровны. Ее составляли: Иван Аксаков, приехавший накануне вечером, чтобы присутствовать на братнем диспуте, Панов и Александр Николаевич Попов. Собрались посетители, нашли студенты, засели на свои места профессора, явился Аксаков.

Кровь бросилась мне в голову, и я несколько минут была как бы оглушена ударом. Я смотрела на Аксакова, но ничего не слыхала из краткого изложения тем, им прочтенного. Ему стали возражать, обращая внимание на грамматическую часть сочинения, а не на историческую. Друзья Аксакова именно страшились того, что кто-нибудь из злонамеренных людей поднимет вопрос исторической, и тогда можно ли будет молчать Аксакову и не должно ли будет всенародно исповедать свою гражданскую веру? Действительно, какой-то несносный Фабрициус⁶³, ученый орангутанг, три раза начинал пространные возражения, а последнее, кажется, явно клонилось к тому, чтобы вызвать Аксакова на исповедание веры; но, по счастью, Шевырев остановил этого странного человека, называвшего себя русским, сказав, что едва остается столько времени, чтобы прочесть определение Ученого комитета. Все стали слушать с напряженным вниманием, сердце у меня сильно билось, я схватила Машеньку за руку и сильно сжала ее. Наконец, мы услышали утешительные слова: «При-

знаем вас достойными степени магистра»; на сердце у всех отлегло, а я поспешила уйти. Так сильно стеснена была душа, что мне необходим был свежий воздух. Дорогой мне пришло в мысль заехать к матери Аксакова и поздравить ее. Вздумано, сделано. Только я нашла там человек 20 и мужчин и дам. Поздравив отца, мать и самого Константина, я уехала.

Слава Богу, гроза прошла! Но такие дни дорого стоят. В душе была такая тревога, после которой необходимо уединение и отдых.

7 марта. Поехала к Зыковым. Лизавета Семеновна Арбузова скончалась вчера вечером, в 9 часов. Умершую красавицу одели в белое атласное платье, а на голову — кружевной с белыми бантами чепчик, и положили в богатый гроб, обитый серебряным глазетом. Она лежала во всем этом украшении, как царица; я глядела на нее с невыразимою грустью: она жестоко пострадала не от мужа, не от родных, а от судьбы. Два дня оставалась я там, проводя ночи подле покойницы. 9-го было погребение. Муж, вместе с четверыми ее родными братьями и пятым двоюродным, выносили гроб. Схоронили на Миусском кладбище.

Еще 7-го в 12 час. Прежде, нежели я поехала к Зыковым, я вспомнила, что Попов в этот день едет в Петербург, и нарочно поехала на Почтовый двор, чтобы с ним проститься. Через 10 минут после моего приезда явился Попов, за ним Панов и еще человек десять провожатых. Мы дружелюбно простились с Поповым; Панову я отдала роспись вещам Валуева, а он сам завел со мною разговор, где казалось, что дело шло о нем и о его невесте, и он сказал мне между прочим: «Как люди злы!» — А, теперь вы поняли это? — отвечала я. — Чтобы не мешать проводам, я ушла; все было сделано, чего я желала: с Поповым я простилась, роспись отдала и, сверх того, видела к себе знак доверенности, — чего же более?

10 марта, понедельник. Была у Свербеевых. Обедала с милой Катериной Александровной и после обеда сидела до 7 час. вечера. Возвратясь домой, написала записку к Панову о том, какие книги хочу взять для себя из библиотеки Валуева (а вещей, говорят, не продают; куда ж их денут? Бросят?), и потом просила у него позволения прийти в субботу, в приходскую его церковь, чтобы помолиться вместе с ним о его матери. В этот день исполнится год, как она скончалась.

Я слышала, что у Анюты Кудрявцевой⁶⁴ все трое детей больны и муж тоже нездоров.

11 марта, вторник. Болезнь. Поутру, напившись чаю, я почувствовала сильный озноб и головную боль. Легла в постель, и мною овладел тяжелый сон, который прерывался время от времени от сильной жажды, но тот же час, как скоро я выпивала стакан воды, сон снова овладевал мною. В одну из минут пробуждения мне подали ответ от Панова; он пишет, что увидит меня в субботу с истинною отрадою в церкви и зовет потом к себе в этот самый день, в половине 12-го. Грустно мне стало, что мне назначают свидание, а я не могу быть! С большим трудом написала ему, что у меня лихорадка, и потом снова предалась сну.

12-е число прошло в том же тяжелом сне, но в минуты пробуждения мне казалось, что я в состоянии буду выехать в субботу. Жар и озноб попеременно на меня нападали, но это была не важная вещь. Я радовалась молча своим тяжким сном и вполне надеялась, что от него сделается у меня воспаление в мозгу и что я умру. Какая была приятная перспектива, какая радостная надежда! Я молчала о своей головной боли именно для того, чтобы окружающие меня не приняли досадных мер к моему излечению.

13 марта. Панов снова приглашал меня в церковь и потом к себе; я отвечала в коротких словах, что если не буду, то это будет значить, что болезнь моя усилилась. Прежнее мое сонное состояние продолжалось.

14 марта, в пятницу, получила от Панова записку, что служба поминальная будет завтра в 9 час., но он сам, бедный, что-то нездоров. О, спаси его, Боже!

К великому моему огорчению, надежда на воспаление в мозгу рушилась, сильная моя натура взяла верх и внутреннюю головную болезнь выгнала на лицо: оказалась рожа. Послала спросить у Кудрявцева, можно ли ехать к обедне, когда у человека рожа? Ответ был, что никак нельзя.

Как мне стало жаль моей надежды на прекращение моей жизни и на успокоение в месте священном и любезном душе моей!

15 марта. Годовщина по матери брата Валуева.

Поутру, не имея сил встать с постели, я молилась мысленно за упокой усопшей рабы Божией Марии и послала в нашу

церковь с Машенькой деньги, чтобы вынуть просвиру за упокой, а также несколько денег для раздачи нищим.

Что-то Панов? Боже! Спаси его!

16 марта. Написала бы, да глаза слабы, почти не могу писать. Боже! Будь к нему милостив!

17 марта. Этот истинный брат Валуева по сердечной доброте, как скоро почувствовал себя лучше, то написал ко мне, спрашивая о моем здоровье. Его лечили холодной водою: ох, это лечение страшно! Да благословит его Бог!

19 марта. Я писала к Панову, желая узнать о нем, и на другой день получила ответ с приятным обещанием, что он постарается быть у меня, и, сверх того, он прислал мне свой Сборник на нынешний год. Верно, потому поспешил он мне доставить его, чтобы утешить больного. Как за все это была я ему благодарна!

Для Авдотьи Петровны и Петра Васильевича были присланы два сборника.

20 марта. Целой день я думала о покойном Алексее Андреевиче Елагине и о бедной Лиле⁶⁵.

21 марта. Годовщина кончины Алексея Андреевича. Не имея силы быть в церкви и зная, что сегодня, в Великую пятницу, панихиды служить не станут, я дала Машеньке денег для раздачи нищим, чтобы они помянули покойника.

Каково было бедной Лиле в этот день прошлого года? Мысль о тех печальных происшествиях до того взволновала меня, что Тидебель, приехав, удивился моему состоянию. Он меня лечит, и был очень добр ко мне во время моей болезни, но я не звала его. Он приехал сам, узнав от Михайлы Никитича [Соколова] о моей болезни.

22 марта. Забыла написать, что в Великий четверг, к великому моему удивлению, ко мне заехал Дмитрий Николаевич Свербеев. Он сидел у меня часа полтора. Я принудила себя сидеть, тогда как я большею частью лежу, и мне после стало гораздо хуже.

Сегодня просила Михайлу Никитича взять моего Сашу⁶⁶ из института и отправила его к матери.

В начале моей болезни я написала к Софье Ивановне Бурнашевой несколько сбивчивых строк, однако она тотчас приехала ко мне, также и сестра ее Катерина Ивановна Облеухова.

23 марта. День Светлого воскресенья.

24 марта. Никак не ждала я такой отрады в этот день. Этот добрый, великодушный Панов приехал ко мне, довольно времени посидел у меня и читал мне в своем Сборнике отрывок из романа Павловой: «Двойная жизнь»⁶⁷.

25 марта. Благовещение. День рождения Катерины Александровны [Свербеевой]. Я написала ей поздравление.

26 марта. Получила от нее ответ через моего племянника, ответ очень милый; она обещает навестить меня. Племянник мой вчера обедал у Свербеевых по приглашению самого Дмитрия Николаевича и вел себя очень умно. Сказывал, что видел там Аксакова и Панова; я очень рада, что он замечает таких людей.

27 марта. Накануне великого дня семисотлетия Москвы. Когда Панов был у меня на второй день праздника, то я напомнила ему, что можно вторично праздновать этот день, если не всенародно, то посемейно, и просила сказать об этом Аксакову. Панов, конечно, и сам помнит великий день (он еще не женат, но он согласился с моею мыслию, что можно повторить празднество).

Перед праздником Светлого воскресенья Елагины прислали мне роспись разным вещам, которые поручали мне купить. Михайла Никитич отвечал за меня, что я сделать этого не в состоянии, потому что я больна. С тех пор добрая Лилушка пишет ко мне всякую неделю.

28 марта. День семисотлетия Москвы, пятница.

И быть в этот день больной! И не быть вместе с верными детьми Москвы-матушки, это очень тяжело!

Послала поздравление в двух строках Аксакову и Панову.

31 марта. Получила письмо из Петрищева. Авдотья Петровна, Марья Васильевна и Лиля все вместе писали ко мне в Светлое воскресенье.

В течение этого месяца, со времени болезни моей были у меня С. и С., Е. и К., П. С.(?), но ничего не было пустее, бесплоднее и бесполезнее этих посещений; казалось, что здесь была давность 25 дней.

Много было шуму, треску;
Дамы где, там все лишь ветр.

АПРЕЛЬ

1 апреля. Сегодня заехал ко мне Петерсон. Но был самой пустой и обидный визит. Этот человек точно как будто боится, чтобы к нему не пристала моя болезнь. Однако, кажется, рожа — болезнь вовсе не прилипчивая, лихорадка также, опухоль в ногах еще менее.

Куда идти больному? За какие приняться обороты? А средства для существования сыскать надобно! Мысли мои обратились на того человека, который сам первый подумал обо мне в этом отношении, но не знал, к кому обратиться за точным ответом. Справедливость требует сказать, что Свербеева поддержала честь давнего знакомства: вместо громких безделиц она первая спросила у меня: есть ли у вас деньги? и предложила мне 50 р. асс., которые я приняла с благодарностью, но которые надобно поспешить отдать.

3 апреля, четверг. Писала к Авдотье Петровне, к Лиле и Марье Васильевне. Надеюсь, что они получают это письмо в понедельник 7-го числа.

Занимаясь делами давно минувших дней, думала о почившем Ангеле. Грусть о прошедшем, заботы о настоящем, забота о будущем, хотя не о своем, все это меня смущало, и я сидела в мрачной печали. Машенька вдруг прибежала ко мне с веселым лицом и вскричала: «Василий Алексеевич идет к вам!» В самом деле, этот милый брат несравненного Валуева пришел ко мне, говорил дружелюбно, ласково, главное — принес мне письмо от своей Анны, писанное в ответ на мое. Мне, разумеется, это было приятно, потому что я тогда не рассудила, что не отвечать на первое письмо все равно, что не отвечать на первое посещение. Панов показал мне письмо отца ее к нему, и оно вполне было мне по душе: так выражения были полны любви, благоразумия, видна была в этом человеке осмотрительность и умеренность, которую трудно сохранить и мужчине, когда дело идет о том, чтобы поселить любимую дочку в Москве. Панов сказал мне успокоительное известие в рассуждении бумаг Валуева: ключи от комнат у него, часть бумаг, кажется, взята им, и кажется, что он хотел было пригласить меня для разбора. О, если бы это было так! Меня малиной не корми, да в этот лес пусти!

Этому благородному брату Валуева я откровенно сказала, что надеялась на его помощь. Он принял это так, как я ожидала, и дал мне займы 25 р. сер.

Но этот долг, однако, заботит меня: надобно было бы заплатить его в начале мая, прежде нежели Панов уедет в Симбирск. Он приедет оттуда в сентябре, и с женою. Как при ней платить? Это неловко. Как увести молодого от молодой в особую комнату для переговоров? Дай Бог, чтобы расплатиться с ним до его женитьбы! Но плоха надежда: болезнь моя не кончается.

5 апреля.

Мысли о прошлом теснились в душе Аббадоны, и слезы, Горькие слезы бежали по впалым ланитам.

6 и 7 апреля. Кроме привычной тоски, ничего не было особенного.

8 апреля. Глаза мои укрепились, и я принялась за чтение Сборника на 1847 год. Обертка на нем нынешний год не траурная; это правда, что для издателя траур кончился, но не для меня.

9 апреля. Я в восхищении от Сборника. Всего лучше для меня «Сербские песни», с предисловием издателя⁶⁸. С должным сочувствием брата говорит он о песнях сербов. Рассказ о них краток, но главные черты их поэзии верно схвачены и выставлены в надлежащем свете. Жалеешь, что статья кончилась, и жалеешь еще более о том, если издатель, после женитьбы, ограничится созерцанием своей супруги и оставит поприще словесности. Берга перевод самих песен превосходен. Как эти юнацкие песни мне по душе! Как трогательны обе песни о Косовской битве, где турки победили сербов! Нельзя не признаться, что очень милы и женские песни, как называют их сербы.

10 апреля. Нынче снова прочла статью Хомякова. Много в ней ума, много дельных положений. Какой превосходный ответ петербургскому рецензенту! И какое благородное объяснение в любви сочинителя к славянам!⁶⁹

11 апреля. Письма Ригельмана прекрасны. Не ожидала я найти в человеке с иностранным именем друга славян⁷⁰. Критика на повесть Одоевского, которая была помещена в альманахе Соллогуба «Вчера и сегодня», достойна верного сына

Москвы. Она отличается справедливостью и смелостью. Имя критика: *Имрек*. Мне тотчас пришло в голову, что два только человека, в которых сильно говорит любовь к отечеству, могли написать эту статью. Я угадала первого, но мне хотелось, чтобы это был второй, чтобы любить его, кроме других качеств, и за гражданское мужество⁷¹.

12 апреля. Весна подходит, будут же теплые и хорошие дни; конечно, красоту их будешь видеть, потому что глаза еще видят, но радоваться ими по-прежнему уже никогда не будешь. Время хорошее приятно, но для души уже нет очарования.

О, знаю, чувствую! Тому
Душецветенью моему,
Той исторической картине
Не повториться никогда!

А мечты, заимствующие всю прелесть свою от минувшего времени, прилетают воскрешать его для меня во время общего отдыха. Всегда одинаковые и вечно новые, и вечно милые для сердца, они повторяются иногда и в самом сне и создают там блаженную действительность.

О, если б это не был сон!
Когда же сон,
Так пусть же вечен будет он!
Пусть вечно, боги, не проснуса!

Сегодня я все думала о Катерине Александровне; она давно уже обещала посетить меня, однако еще не была. Но, вероятно, все свободное свое время она посвящает бедной, огорченной сестре своей. Я и не сетую на нее, да не могу и подумать о том, а между тем не чувствовать ее отсутствия тоже не могу. Не вовремя я занемогла: пусть эта болезнь случилась бы в половине мая или в начале июня, а я в марте была бы там, куда меня звали, где меня ожидали и куда меня влекло сердце и сострадание. 11 марта звал меня к себе Панов, верно, для разбора или для обзора бумаг братниных [Валуева], а я не могла прийти на зов. Потом меня ждала Катерина Петровна Зыкова, и мы стали бы вместе говорить о милой Лизавете Семеновне. Наконец, сама дикая Анна Александровна [Елагина] согласна была меня видеть, и я нигде не могла быть, лежала,

как чурбан; меня лечили, предупреждали опасность, наконец вылечат и выпустят из Бастилии тогда, как я уже нигде и никому не буду нужна.

13 апреля, воскресенье. Вчера вечером получила письмо от Николая Елагина и от Лилы. Наконец написал он поздравление к Панову и благодарность за сборники. Я написала об этом Панову, завтра поутру пошлю письмо.

14 апреля. Ждала или ответа, или самого; не тут-то было! Но я была утешена в своем напрасном ожидании посещением Катерины Александровны. Ей подарили (княгиня Шаховская) купленный на базаре живописный вид Данилова монастыря. Во всем другим людям счастье! Катерине Александровне я не завидую, но этим людям достаются такие вещи даром, которых я и за деньги достать не нахожу случая. Как бледна и худа показалась мне Катерина Александровна! Подкрепи ее, Господи!

Мы не видали, как прошло время. Она приехала в два часа, а поехала домой в четыре.

15 апреля, вторник. Посещение Катерины Ивановны [Облеуховой] и Софьи Ивановны [Бурнашевой].

16 апреля. Сегодня исполнилось шесть недель Лизавете Семеновне [Арбузовой], а мне ни разу не удалось быть вместе с ее родными на поминании! Послала сегодня Машу в церковь вынуть две просвиры за упокой новопреставленной Елизаветы и — Василия Петровича [Андросова].

Жизнь продолжительная обильна печальными воспоминаниями.

Приход пяти женщин. Между прочими были у меня две Сергеевны, Марья и Ольга(?), в первый раз.

17 апреля, четверг.

Смешно твое негодованье,
Безумны детские мечты;
Ужели думать смеешь ты,
Твое свершится ожиданье?

Вот слова, которые я могу отнести к самой себе.

Добрый Борисович [Тидебель] навестил меня и несколько рассеял мою мрачную скуку. Мне жаль его: он сам скучает. Правда, что все люди не веселятся, но у него вовсе нет терпения. Да это и естественно: он молод, ему более хочется быть

счастливым, нежели тем, которые жили долее и знают, что счастье — одна мечта. Бедный он человек! как жаль, что я не могу утешить его!

Не говорю здесь о вседневных своих занятиях, чтении или работах. К чему? Я не ученик, который отдает отчет учителю. Разумеется, что взрослый человек, сидя дома, сыщет себе то или другое занятие. Иногда случится прочесть что-нибудь такое, что особенно поразит, и тогда об этом я упоминаю. Если бы кто видел этот дневник, то мог бы подумать, что я ничего не делаю; но я пишу для себя, для облегчения своей души, а не для других, и, следовательно, не нужно мне объяснять, чем занято мое время.

Теперь, воскрешая воспоминания моего душецветения, я стала поправлять и переписывать мой перевод «Сербской революции», порученный мне Валуевым⁷². Перевод этот был кончен перед его кончиною, в октябре, и потом остался у меня. Все рушилось с кончиною Валуева; кому было отдавать перевод? Теперь я хочу, однако, привести его в исправность и хранить у себя, в память лучшего времени.

Было время, был день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны,
Были свежие луга.
И на них вились толпою
Светлокрылые друзья,
Юность с легкою мечтою
И живых надежд семья.

18 апреля, пятница. Кроме обыкновенной печали, все какое-то беспокойное ожидание будущего, все мне кажется, что я услышу что-то огорчительное.

Принесли мне с почты объявление о присылке на мое имя 40 р. сер. из Белева. Эти деньги прислал мне Николинька Елагин: я просила у него эту сумму займа до августа. В письме Николиньки не только не было ничего неприятного, напротив, оно было очень ласково. Письма Авдотьи Петровны, Марьи Васильевны и Лилы — тоже. Мое смущение прошло на несколько минут, но потом мрачное расположение духа опять овладело мною.

День прошел, наступили сумерки, я думала о былом и глядела на прекрасный лик. В это время мне подали письмо от великодушной Катерины Александровны. Она присылает мне 100 р. асс., говоря, что мы после сочтемся, а что в болезни деньги нужны и что это заботливость ее сердца обо мне. Я верю ей, благодарна ей и люблю ее; следовательно, принять не тягостно, а приятно. На малое время милое письмо ее утешило мою душу, а там опять нашла тоска.

Сон бежал от глаз моих. Я читала прошлогодний сборник, жизнь Вука Стефановича и письма Ригельмана⁷³. Написала ночью же к Авдотье Петровне, к Лиле, к Панову, которому посылаю данные мне им 25 р. серебром. Как бы желала его видеть! Но здоров ли он, этот милый брат еще более милого Валуева? Храни его, о Боже, и милых ему!

19 апреля, суббота. Послала Михайлу Никитича к Панову, но сердце не предвещает доброго. И точно, Михайла Никитич, возвратясь, не спешил войти ко мне. Если бы вести были хорошие, он бы поспешил сообщить их. Наконец, он вошел, подал мне записку, что-то завернутое в бумаге, и сказал: «Василий Алексеевич приказал вам кланяться; но знаете ли, что он в понедельник едет в Симбирск?» — «Как, так скоро?» — сказала я, — он хотел ехать в начале мая!» — «Нет, едет в понедельник». Меня очень огорчило это известие: завтра уже воскресенье, сборы и прощанья с важными лицами займут все время, и я не увижу его! С горестью распечатала я письмо: почти так выходит. Он пишет, что ждет только отпуска (а долго ли его получить?) и что *надеется, может быть*, увидеться со мною. Такая надежда равняется нулю. Мне стало очень грустно.

Присланная им вещь была чернильница Валуева. Хорошо, что он подумал чем-нибудь утешить меня, но мне тяжело подумать, что мне с первым любимцем не удалось проститься, и со вторым тоже. И то и другое заставило меня плакать. О тягостная жизнь, когда я от тебя избавлюсь!

Сердце не вытерпело, и я написала к Панову следующее письмо: «Нет, Василий Алексеевич, пожалуйста, не уезжайте, не простившись с вашим столетним знакомым. Может быть (и дай Бог, чтобы это было так), вы уже не найдете его на сем свете. Подумайте, что вы будете считать счастье годами, чего желаю и о чем усердно молю Бога, а старик встреча-

ет в остальные свои года только отрадные минуты, которые доставляют ему участие и приязнь людей достойных. А этих людей для меня — первый, другой, третий... да обчелся! Т.е. третьего уже нет.

А вы едете в понедельник! Что за выбор дня и когда же тут прощаться? Если, впрочем, так решила судьба, то надобно терпеть в молчании. Мне не в первый раз испытывать ее немилость. Но если возможно будет, то уделите мне несколько минут: я вас удерживать не стану. У меня было предчувствие всего происходившего, и оттого на душе было не весело. Вчера я получила два милые письма, первое от Николая Елагина, второе от несравненной Катерины Александровны, но не могла вполне радоваться. Сегодня разгадана причина. — Вы утомляетесь от занятий утренних, но какое это утро? Это целый день, от 7 часов до 5, когда вы обедаете! Как не утомиться и занятиями и разъездами! Слава Богу, что вы по крайней мере покойны в рассуждении здоровья вашей невесты.

Драгоценна для меня присланная вами вещь. Сколько прекрасных минут воскресила она в моей памяти! Обращаюсь к имени брата вашего и им прошу вас: дайте мне увидеть побратима его, еще не изменившегося в душе. Будьте здоровы. Господь да благословит вас».

Письмо это я хотела послать в воскресенье. День прошел в чтении, работе и — напрасном ожидании хорошего. Было уже 8 часов вечера, когда приехал Николинька Свербеев. Сначала разговор был принужденный, но потом пошел свободнее. Он остался у меня пить чай, читал наизусть некоторые превосходные стихи Аксакова [Константина] и, между прочим, послание к нему. Стихи Ив. Аксакова о том, что не должно презирать никого, что во всяком есть много движений чистых и святых, по-моему, еще превосходнее. Но много и грустного сообщил мне Николинька; многое я прежде предчувствовала, и мои предчувствия оправдались! Страшусь неведомой судьбы! О, что ты принесешь, время будущее, время неизвестное?

Николинька говорил также о невесте Панова; он видел портрет ее у него, следовательно, мысль, вдруг вошедшая мне в голову об этом портрете, была ясновидением, а это было назад тому дней десять. По словам Николиньки, она, т. е. невеста, не хороша, но замечен ум в чертах лица. Он сидел у меня

до 11 часов, мы расстались до четверга; я звала его в этот день к себе на завтрак.

20 апреля, воскресенье. Ночь я провела дурно и потому проспала утро, поэтому письмо к Панову осталось не отосланным. У меня был мой брат и Тидебель. Я спросила последнего, когда могу я выехать. «Еще не скоро». — Мне надобно поехать к одному человеку. — «Пусть он приедет к вам, а если не едет, то и вам незачем ехать к нему».

21 апреля, понедельник. К великому прискорбию моему, Киреевская [Наталия Петровна] потребовала для своей работы нашу стряпуху, проворную Аннушку. Я хотела велеть мыть полы в среду, а теперь надобно было сделать это сегодня, чего мне очень не хотелось. Я думала, не заедет ли ко мне Дмитрий Николаевич [Свербеев] от Чаадаева. Панова ждать казалось невозможно. Отъезд его был назначен в понедельник; может быть, он уже за Москвой!

Прибирала книги, и в этой пыли не нужно было одеваться получше; я ходила из угла в угол в спальном платье и простом самом платке. В это время залаял Шарло, я выглянула в дверь и увидела Панова! Он вошел бледный, и мне казалось, что глаза у него заплаканы; только он сказал мне, что приехал на несколько минут, что теперь уже три часа, а ему надобно еще заехать к Чаадаеву, потом к Васильчиковой⁷⁴, к Хомякову; так вышло, что я не могла его расспрашивать подробно. Он сказал, что у него часто была в это время лихорадка и что теперь даже он ее чувствует. Я поскорее увела его опять в Машину комнату и пеняла ему, что не показал мне портрета. Внутренне сокрушалась я, глядя на него: полубольной, измученный хлопотами, истомится бедный молодой человек дорогою и приедет на новую суету, на новое мученье и разъезды. Когда поправляться здоровью? Этот проклятый брак истощит его вовсе. А там пойдет лечение, а там жена подговорит докторов сказать, что надобно ехать в чужие края, вот и обыкновенная история, обыкновенные последствия нынешних браков! Продолжение... но довольно! И без того мрачно на душе.

Благодарила побратима Валуюева за милый подарок и спрашивала его, кто располагает вещами покойного. Хозяев много, а настоящего нет.

Панов просил меня писать к нему о здоровье Катерины Александровны и Хомяковых. Не знаю, отчего нашло на него

сомнение в дружбе к нему Свербеевой. Это очень жаль, что он теряет веру к друзьям своим, а я уверена, что Катерина Александровна очень много за него страдает и горюет. Как не горевать всем любящим его? Какое неверное будущее! Я старалась разуверить его, но, кажется, не успела.

Он сказал мне: «Я не хотел ехать без вашего благословения», а мне помешала эта несносная болезнь заказать образ, которым я хотела благословить его. Мне было жаль отпустить его так, и я решилась отдать ему небольшой образ Сергия Чудотворца, бывший в комнате отца моего. Должно было наконец проститься! Возможно ли было его удерживать? Ему столько еще визитов, а он едет завтра! О горе! Вольным человеком менее, невольником более! Да благословит Господь его вход и исход.

Так мы расстались! С этих пор я буду жить в уединенье, с разочарованной душой! Ибо он переменится! О горе, он переменится! Вместо откровенного, дружелюбного характера он будет скрытен, холоден, насмешлив, потому что жена уверит его, что прежние друзья его — змеи.

Только что он уехал к Чаадаеву, как пошел пресильный дождь. Какая была мука и тревога! Ну, если мой милый сын занеможет? Точно, ехать нельзя, но приятно ли мне будет, что он будет здесь больной?

Тоска была смертельная весь этот день.

22 апреля, вторник. Не вытерпела: послала письмо к Панову, желая узнать о его здоровье. Он велел сказать мне, что будет отвечать после, потому что только что проснулся. Ожидание меня измучило, прошел целый день, ответа не было.

Но во дни, когда Панов изменяет в отношении ко мне данному обещанию, моя несравненная Катерина Александровна порадует меня чем-нибудь. Так и сегодня: вечером я получила от нее милое доброе письмо, в котором она обещается быть у меня в четверг.

Но что удивительного, что Панов не отвечает? Ведь он переменится, бросит прежних друзей, и друзьями его будут такие люди, которые будут уметь льстить жене его. Однако, несмотря на все это, душа смущается, узнать о нем желается; как быть?

23 апреля. Панов пишет, что он едет завтра в 10 час., что сборы еще не кончены и что ежели замедлится, то, может

быть, будет у меня. Таков был ответ его на мое письмо, посланное к нему сегодня утром, где я спрашивала его о здоровье и звала, в том случае, если он останется, в четверг к себе на завтрак. Итак, завтра он уедет!

24 апреля, четверг. Было мне в жизнь мою много приятного в дни моих именин, но ни разу не была я вполне счастлива. Авдотья Осиповна [Лебедева] справедливо говорит в своем письме, что пожелала бы мне счастья, да его нет на земле. Сегодня мне приятно было, что Аня [Кудрявцева] прислала мне с своим сыном несколько цветков, что Прасковья Осиповна прислала мне письмо, что была у меня Елена Федоровна [Свешникова], которую я все люблю, несмотря на ее эгоизм⁷⁵, что Олимпиада Петровна пришла также ко мне с пучком прекрасных цветов; но — мысли мои переносились от жилища Панова к заставе и обратно. В 10 час. утра я сказала: он уехал! Благослови, Господи, путь его!

Сегодня послала вынуть просвиру о здравии Василия и Анны.

В час, как было обещано, приехала моя милая Катерина Александровна (прежде ее за полчаса приехал Тидебель, она привезла письмо Чижова к Петру Васильевичу [Киреевскому] о журнале, который хотел издавать Николай Мих. Языков. Николинька не приехал за головою болью. Панов, который еще здесь и которого Катерина Александровна звала ко мне, не поехал, потому что укладывается все в дорогу. Это, конечно, необходимо, и против этого нечего сказать, однако надобно заметить, что почти ни разу в жизни мне не удалось собрать у себя любимых гостей в кружок свой. Другим я благодарна, этих желаю сердцем. Свербеева меня утешает всегда своим милым взглядом; несравненная женщина! Одна из всех!

Она сказала мне, что Панов женится в июле. Как бы не так, там сыграют свадьбу на почтовых.

Милая уехала в 4 часа, Тидебель остался еще минут 15, потом уехал. Стали мы все прибирать, потом пить чай, и наконец я осталась одна и села смотреть на того, кто был мне радостью небесною, а теперь...

Il me semble, sous la ramée.
Ouir cette ombre bien-aimée,
Qui vient me dire: Je t'attends!

25 апреля, пятница. От вчерашнего утомления спала я довольно крепко. Проснувшись, первая мысль моя была об отъезжающем или уже уехавшем. Но, может быть, он еще в Москве, остался на последнюю пятницу и, следовательно, поедет в субботу. Как бы то ни было, здесь ли он теперь или уже нет, но 24 апреля, когда он прислал мне с милою Катериной Александровной последнее доброе слово, наши дружеские сношения кончились, и, наверное, дружбу его и участие его ко мне должно внести в сокровище прошедшего, еще существующего в настоящем, но в будущем имеющего зависеть от дозволения его цензуры, т. е. жены. Я, конечно, не стану вымаливать у последней милостивого разрешения и не стану говорить ей:

Цензурушка, голубушка!
Дозволь нам дружным быть.
Цензурушка, голубушка,
Дозволь в ваш дом ходить.
Я произвол супружеский
Всегда буду бранить
И уверять по-дружески,
Что мужа можно бить.
Цензурушка, голубушка,
Тебе я буду льстить.

26 апреля, суббота. День поминовения, но я откладываю этот священный обряд до того времени, когда мне будет можно самой выехать. Сердце зовет меня на священную могилу, но мне надобно будет посетить и других усопших, которых память я уважаю.

Вчерашний день кончился ничем. Я сидела одна, занимаясь уборкою и приведением в порядок бумаг.

Сегодня утром был у меня Селиверст⁷⁶. Он приходил поздравить меня с прошедшим днем именин моих и между тем проститься. Бахметев, Николай Федорович, приглашает его взять в управление деревню его в Ставропольском уезде. Собираясь ехать туда, Селиверст сам от себя сказал мне, что прежде отъезда он пойдет в Данилов монастырь помолиться на могиле своего господина и проститься с ним. Как мне было приятно это слышать! Вот истинно русское чувство, внушенное благодарностью и благочестием.

Вчера услышала я весть очень неприятную: на имение Петра Васильевича, а равно и других дворян, просрочивших взнос процентов в Опекунский совет, будет наложено запрещение, что последует в мае месяце.

Вчера писала я к Авдотье Петровне и к Лилушке и вчера послан Марье Васильевне «Паломник Киевский».

Добрый Федор Борисович, который лечил меня, во время болезни моей часто приезжал не так как доктор, но как друг, и оставался подле меня по полчаса и более, даже и в то время, когда я была так страшна лицом и отвратительна, что сама не могла спокойно взглянуть на себя в зеркало. Много судьба заставила меня быть ему обязанной, а воздать ему чем-либо я никогда не найду возможности. Жаль, что он так здесь скучает и что нельзя ему доставить более развлечения. Очень он добр, и очень мне нравится.

27 апреля, воскресенье.

О прошедшем.

Когда Панов сообщил мне, что он женится, происшествие, хотя и предвиденное мною, но тем не менее поразительное и огорчительное, тогда я утешилась несколько тем, что он выбрал русскую барышню, а не иностранку.

Посещение Панова было коротко, всего расспросить я не успела, и мое воображение представило мне, что невеста его воспитана была в доме родителей, следовательно, привыкла к семейной и сельской жизни, что она не ведает хитростей и мудростей больших городов, что может быть очень умна и сметлива, но, далекая от кокетства и уменья под видом приветствия говорить насмешливые колкости, будет принимать просто вещи, не предполагая дурного, что она будет благодарна мужу за то, что он привезет ее в Москву.

Но в ответе Анны Андреевны на мое письмо, которому я обрадовалась, но, быв тогда еще слаба, не могла всего обдумать, в ответе ее заметила я выражение, которое показывало, что этой девице знаком столичный язык. Разумеется, что это выражение было мне неприятно, и для меня самой, и потому, что разрушало мечту мою, более обеспечивавшую домашнее счастье Панова. Верно, Анна Андреевна воспитывалась в столице, подумала я, перечтя по выздоровлении моем ее письмо. Вышло в самом деле так: Николай Елагин писал мне, что она

воспитывалась в институте; я думала, что по крайней мере в московском, напротив — в Смольном монастыре, в Петербурге! Какой тут ждать сердечной простоты? Я не из атеистов, не говорю, что чудес нет и быть не может. «Есть чудеса», но — они редки! Панов достоин того, чтобы для него совершилось чудо, друзья его могут этого желать, но верить совершению чуда можно только тогда, когда собственными глазами будешь его видеть.

28 апреля, понедельник.

О прошедшем.

(ибо в настоящем ничего не осталось).

С половины 1843-го и до половины 1844 года душа моя томилась ужасною пустотою: для меня не было в то время такого дела, к которому бы, кроме старания сделать сколько можно лучше, влекло бы и сердечное чувство, и мысль, что оно доставит мне признательность других. Занятие у меня было, мне должно было сеять, но я видела, что семя падает на бесплодную землю. Все усилия были напрасны; это навело на душу томленье, отняло бодрость духа, труд мой был занятием механическим, и, наслаждаясь здоровьем физически, я страдала душевною пустотою и унынием. В конце марта 1844 г. Дмитрий Александрович Валуев предложил мне заняться переводами для предполагаемых им изданий по отделу истории и воспитания.

До этого времени, если и случалось мне переводить, то все это оставалось у меня и только для меня. Никогда не думала я, чтобы мои переводы могли годиться для печати; поэтому я предложила Валуеву сделать опыт, и чтобы он решил прямо, продолжать или нет. Назначенный им перевод был о славянах, из книги Ами Буэ о европейской Турции⁷⁷. Я принялась переводить, и это ознакомило меня с нашими братьями славянами, живущими под властью турок. Это заняло мою душу, и я нашла в труде наслаждение. Валуев, получа мой перевод, просил меня продолжать и прислал после первой книги другую, еще более занимательную: о черногорцах, сочинение Вука Стефановича Караджича⁷⁸. Их история и житие привели меня в восхищение; знакомиться с их славными делами и чистыми нравами, передавать это моим соотечественникам, быть товарищем Валуеву в благородном его намерении:

Дмитрий Александрович Валуев
(Копия карандашом с акварели Р. К. Горбунова, 1839)

Насытить сердце молодое
Делами чести и добра
И пользой дельного труда
Наполнить время золотое.

Какая была прекрасная сущность, как оживила она все силы души моей и как много украсила будущее. Как благословляла я Валуюева!

Его благородные свойства, его ангельскую доброту, самостоятельную силу ума его, все постигла я в это время. Душа моя исполнилась к нему величайшим уважением и благодарностью: Пигмалион оживил статую для земной жизни, а Валуюев оживил меня для жизни духовной, умственной, для радостей духовных. Он для многих был животворным солнцем, сообщившим другим жизнь и движение.

На все земное наводило
Животворящий луч оно,
И для меня в то время было
Жизнь и поэзия — одно.

Но вся моя радость была помрачена болезнью милого ангела. В июле того же года усилилась в нем болезнь, начавшаяся в нем еще в 1842 г.; в сентябре ему, по-видимому, стало лучше, но в мае 1845 г. чахотка развилась в высшей степени, а в ноябре он скончался в Новгороде, среди уединенной Новгородской святыни. Скатилась звезда с помраченных небес!

30 апреля, среда. Была сегодня у обедни, чтобы услышать хоть раз пение «Христос воскрес»; однако, не знаю отчего, на меня нашла такая тоска, что я всю обедню проплакала. Кому угрожает беда? — подумала я, даром такая тоска не приходит! Мысли мои обратились на Борисовича [Тидебеля], и я стала бояться, чтобы с ним не случилось сегодня какого-нибудь несчастья.

Ко мне после обедни заезжала Аня Кудрявцева. Она грустна; отец ее болен, Надинька [Шохина] едет в Сокольники, но кажется, что воздух ей уже не поможет! Чахотка губит это нежное растение, лишенное подпоры⁷⁹.

В час пополудни заехал Борисович [Тидебель]. Слава Богу, он жив и здоров, и мое беспокойство несколько рассеялось.

Что-то с Пановым? Где-то он? Верно, теперь уже в доме Головинских, или по крайней мере в Симбирске. Благослови его, Господи!

Завтра праздник Вознесения, завтра я пойду к обедне, завтра день рождения Алексея Степановича Хомякова. О бедный Хомяков! Прошлого года в этот день ты горевал о том, что лишился Валуева, а ныне будешь горевать и о потере Языкова! О, горе нам!

О, страшная для нас невзгода!
Благороднейшие пали!
Просторнее, грустнее мы сидим.

Для меня же с нынешнего дня дружба Панова существует уже в прошедшем.

МАЙ

1 мая. День рождения отца моего и день рождения Хомякова, нынешний год — праздник Вознесения.

Была я у обедни, по разрешению Федора Борисовича; до сих пор он боялся за меня сырости и холода церкви, и был прав: вчера и нынче я надевала шубу, чтобы стоять у обедни, и мне нисколько не было жарко. После обедни я устала и возвратилась домой, чтобы отдохнуть, а потом идти к Свешниковым и навестить больных, отца и дочь. Бедную Надиньку [Шохину] везут в Сокольники, в надежде, что воздух излечит ее от чахотки; к сожалению, я не видала и не слыхала таких примеров.

С Надинькой едет туда брат ее, Федя [Свешников]. Какое превосходное сердце у этого молодого человека! Он посвящает все время, свободное от службы, больной сестре своей! Грустно думать о Надиньке, т. е. о судьбе ее. Быв ребенком, росла она в какой-то недоверчивости к любви матери, и может быть, на то было основание, может быть, и не было—кто поймет сердце человеческое? Но такое чувство бросает мрачную тень на прекраснейшее время жизни; однако взамен того, в чем она сомневалась, она видела полную любовь отца, не исключительную к ней одной, нет, он равно любил и Надинь-

ку, и Анюту, и Катю, и Федю, да Надинька и не желала того, чтобы ее любили на счет других.

Многим казалось, что мать предпочитала всем детям старшую дочь свою, Анюту. Анята, прекрасная душой и лицом, не радовалась этому предпочтению. Она питала такую нежную любовь к сестре, что их невозможно было разделить ни в удовольствиях, ни в нарядах.

Анюту выдали замуж на 17-м году от роду. Надинька, не столько привлекательная лицом, вышла замуж 22 или 23 лет. Она была знакома с женихом своим только неделю и потому не могла чувствовать к нему любви, но мать говорила, что надобно идти замуж, что она своим несогласием задерживает меньшую сестру в девках и что если Надинька еще два года не выйдет замуж, то останется старой девушкой. Все эти доводы решили самолюбивую Надиньку, и она вышла за Дмитрия Александровича Шохина, архитекторского помощника при Воспитательном доме. Надинька замужем узнала короче того человека, с которым соединили ее, и полюбила его. Но, рожденная для печали, она не могла не только иметь радостей, но и пользоваться спокойствием. В течение трех лет своего замужества она потеряла двоих детей, потом родила третьего и вместе с мужем им радовалась. Через год муж ее кончил жизнь, после 6-дневной болезни, оставив Надиньку беременною четвертым ребенком. В детях сосредоточилась вся жизнь ее, и эта несчастная женщина через 6 недель после рождения последней малютки лишилась милого своего Сашиньки. У ней осталась еще Машинька, или, как она называла ее, Маничка, но это был слабый и больной ребенок. Несмотря на все попечение матери, девочка скончалась году и 2 месяцев, в начале августа прошлого года.

Схоронив все любимое, Надинька изнывает и проживет недолго: таково решение докторов! Впрочем, и все это видят.

После обеда я пошла к Свешниковым и ужаснулась, когда увидела отца Надиньки, так он был худ и бледен! Его мучит боль в спине и частый кашель, все показывает внутреннюю опасную болезнь, до которой трудно добраться доктору. Разумеется, что я скрыла свое чувство, чтобы не испугать больного, который мне очень был рад, а Надинька почти заплакала. Я ночевала у них.

2 мая. Посещение Катерины Ивановны Облеуховой и Софьи Ивановны [Бурнашевой].

Сегодня Надинька [Шохина] уехала в Сокольники. Тяжело ей было оставить больного отца, тяжело ему было отпускать больную дочь, к которой он привязался еще более с тех пор, когда она сделалась несчастлива.

Николаю Дмитриевичу Свербееву

Константин Аксаков

Едва ты юности коснулся,
Едва волнений полный свет
Перед тобою распахнулся
И шлет обычный свой привет, —
В твои года, когда ты молод
И бодр, и силами богат, —
Непостижим твой сердца холод
И равнодушный, вялый взгляд.
К чему несовременный опыт
К душе заране прививать?
Восторг похвал, хуленья ропот
В груди насильно заглушать?
Умей понять своевременность,
Искусственность далеко кинь;
Увидишь, может быть, ты бренность
Изменой созданных твердынь.
Не там, где громко, многолюдно,
Где блещет блеск и шум шумит,
Где все великолепно, чудно,
Где все незыблемым глядит,
Где горделиво тяготеет
Полуторастолетний плен, —
Не там и не оттуда веет
Дух новых, будущих времен.
То ночь, горящая огнями,
При звуке непристойных лир,
И солнца первыми лучами
Тот пышный постыдится пир. —
Но там, где тихо слышно слово,

Где нет ни копий, ни мечей,
Там возрастает семя ново,
Залог иных, грядущих дней.
Но там, где ветхая лачуга,
Где обитает честный труд,
Где сталь косы, серпа и плуга,
Где песни старые поют;
Куда не вкралася измена,
И не вошли ее дары;
Где только цепь чужого плена,
А не богатство и пиры;
Оттуда дух грядущей жизни
Возникнет, полный сил молодых,
Подаст свободу вновь отчизне
И разорвет оковы их.
Среди насмешки и сомненья
Благое дело восстает,
И поколенью поколенью
Свой славный труд передает.
И чувство в нас проснулось снова,
И древний голос слышен вновь,
Произнеслось живое слово:
Измену победит любовь.
Спадает с каждым часом боле
С очей густая пелена,
И богатырь выходит в поле,
От долгого очнувшись сна.
И жизнь, и труд, и ум народа
Стрясают цепь и долгий плен
Былых, но памятных времен.
Быть может, время недалече,
Когда, приняв свой мощный вид,
Как море, заколеблясь, вече
Заговорит и зашумит.
И ты ль пред добрым начинаньем,
Боясь насмешки и труда,
Пребудешь, чуждый ожиданьям,
Теряя юные года?
Не бойся полюбить сверх меры;
Ты молод, надо не робеть,

Принять и труд, и силу веры,
И в добром деле не слабеть.
Еще совет: насмешку дале
Гони; она всего вредней;
И, властелин ее вначале,
Ты покоришься перед ней;
Она смутит твою святыню,
На все свою накинёт цепь
И душу обратит в пустыню,
В бесплодную, сухую степь.
Но я надеюсь, Бог с тобою,
Ты одолеешь вражий строй
Душой правдивой и простою,
Глубокой сердца добротой.
Так с Богом, доблестно и смело,
Сомненье прочь! — Иди на брань;
За земское святое дело
Неколебимо, твердо встань!⁸⁰

3 мая. Нынче услышала я от Михайлы Никитича, что Иван Васильевич [Киреевский] занемог; завтра поеду проведать его.

10 мая. Троицын день. Только теперь душа несколько отдыхает! Какая тяжкая болезнь у Ивана Васильевича и как сильно он страдал! Его лечили Овер, Рихтер (Александр и Фель⁸¹). Милый, добрый Федор Борисович не отходил от больного ни день, ни ночь. Какая превосходная душа у этого человека, посветившего себя на служение болящим. Еще и теперь, однако, не полная для нас надежда, но и тень ее отрадна, и за то молишь Бога. Но какое было мученье! О бедная Авдотья Петровна! Любимое чадо твое страдает. Боже, Боже! Молитв ради матери, спаси его!

Видя приближение смерти к больному, я стала говорить Петерсону⁸², что надобно написать к Петру Васильевичу; Михайла Никитич говорил ему тоже, но Петерсон, онемевшийся человек, сказал, что писать не надобно, потому что этим смутишь Петра Васильевича; да и вы не пишите, прибавил он. — Да когда вы тут, то что мне за неволя писать? — отвечала я с досадою. — Дело кончилось, а между тем вся душа

замирала, что брат, может, не увидит брата и по неведению может провести время в шуточных и пустых разговорах, тогда как брат готовится к смерти. Конечно, не к матери надобно было писать, но к брату было должно.

15 мая. Все, знающие Киреевского, с тоской и страхом прибегали по два раза в день узнавать о нем. Грановский плакал, узнав о его опасности. Несравненная Катерина Александровна целую неделю не была у сестры, чтобы не отдаляться оттуда, где скорее могла слышать о ходе болезни друга прежнего и мужа ее и ей, изменившего обоим, вследствие идолопоклонства жене своей.

6 мая опасность увеличилась. Свербеев, человек не трусливый, сказал мне: «Пишите к Петру Васильевичу». Катерина Александровна говорила то же. Я отвечала, что за два дня перед тем говорила об этом Петерсону и что он не хотел меня послушаться. «Возьмите мою карету, — сказала Катерина Александровна, — и поезжайте к нему». Я исполнила ее поручение и передала Петерсону мнение друзей Киреевского и мое, прежде сказанное и теперь вновь повторенное. Возражение было то же: «Мы смутим Петра Васильевича, а у него нервы расстроены». — «Ну, как хотите, — отвечала я, — а разве можете вы молчанием избавить его от смущения в крайнем случае?» — Сказав это, я уехала к Свербеевой и, сообщив ей осторожный немецкий ответ, прибавила, что есть еще человек с твердою волею, который не будет медлить, когда медление опасно, и который лучше всех может написать о ходе болезни, — Тидебель. «Так сказать ему», — решила Катерина Александровна. Мы вместе поехали к Киреевским, там нашли Дмитрия Николаевича [Свербеева], Феля, и Дмитрий Николаевич сказал, что Фель советовал написать к Петру Васильевичу. Приехал Петерсон; милая Катерина Александровна подошла прямо к нему и стала говорить о письме. В это время вбежал Федор Борисович и, взглянув на предписание Овера, оборотился к Петерсону и сказал ему: «Пишите в Петрищево!» Потом через минуту сказал: «Нет, лучше я сам напишу», — и тут же сел и написал к Николаю Алексеевичу [Елагину]. «Посылайте эстафет», — сказал он Петерсону и ушел к больному.

Мы остались в унынии и безмолвии. Свербеева первая стала говорить о том, чтобы поскорее отправлен был эстафет, и

тут Петерсон уже не спорил и послал письмо, как только было возможно, в 10 час. вечера. Можно было бы отправить ранее, да ему надобно было возвратиться домой, за деньгами.

На Федора Борисовича жалко было смотреть; какое усилие делал он над собою, чтобы скрыть сердечные свои чувства! Милый человек! Да благословит его Господь!

А мать Ивана Васильевича, бедная мать! О, как за нее страдало сердце! Входя в дом сына ее, молитва моя была та: Господи! Пощади сына ради молитв матери!

7-го числа был ужасный день, когда Овер сказал, что должно прибегнуть к последнему средству — к лечению холодною водою. Входя в дом, я услышала об этом и не могла выдержать: слезы появились после многолетнего нечувствия, я ушла в кабинет и стала молиться с пламенным усердием. Стоны больного во время обливания головы терзали душу. Внутренне и усердно молилась я Богу, обещалась служить молебны и Спасителю, и Божией Матери, и ехать в Троицкую лавру, и Николаю Чудотворцу и Трем Великим Святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту. 8-го числа обливание продолжалось, 9-го также; сердце рвалось о том, поспеет ли Петр Васильевич. Наконец, холодную воду оставили, и жданный гость приехал! Гора свалилась с плеч! Мелькнула надежда, и чувство благодарности к Богу проникло душу.

Николай Алексеевич, получив с эстафетой посланное к нему письмо Федора Борисовича, показал последнее Петру Васильевичу и вместе придумали сказать матери, что у Петра Васильевича в деревне случился пожар, а управляющий занемог, почему надобно, нимало не медля, ехать туда. По совету Катерины Александровны, которая приписала несколько строк в письме Тидебеля, не сказали об этом ни Марье Васильевне, ни Лиле. Авдотья Петровна ничего не подозревала, и Петр Васильевич выехал через час по получении письма. Близ Козельска встретил он Василия Алексеевича [Елагина] с Катериной Ивановной и с Лилой, возвращавшихся из деревни Владимира Александровича Воейкова. — Петруша! Куда ты? — Был общий вопрос. Петр Васильевич не выдержал и сказал им истину. Василий Алексеевич тотчас хотел пересест из своего экипажа в его кибитку и ехать с ним в Москву, его убедили тем, что ему надобно остаться при ма-

тери. Добрый Василий наследовал от своего почтенного отца искреннюю привязанность к Ивану Васильевичу. Его мучила мысль, что он не подле него, и он придумал наконец сказать матери, что проводит Марью Васильевну до Орла (она собиралась идти в Киев), а сам проедет в деревню к Петру Васильевичу. Авдотья Петровна, ничего не подозревая, отпустила обоих, а Василий и Марья очутились в Москве 11 мая.

28 мая. Грустно было видеть, как бедные братья и сестра сидели у затворенных дверей брата и не могли войти туда, по воле нежной супруги. Петра Васильевича впустили через неделю, а добрый и милый мой Василий должен был уехать, не видав того, для кого оставил жену и мать.

Марью Васильевну все еще не допускают.

Наконец я добилась до того, что была и ночевала у Анны Александровны [Елагиной]; она могла при мне плакать, сколько ей угодно. Первый порыв горести никогда не должно останавливать: горе изольется слезами, и душа потом останется с тихим унынием. Как ей и не плакать? Как много и как нежно Елагин любил ее! Как он был внимателен и предупредителен ко всем, близким к ней! Жаль мне его, жаль ее; жизнь пуста, и счастье исчезло!

На другой день, возвращаясь от нее, заехала я к Свешниковым. И там страдание, и там смерть была близка, но кажется, что ее только отдалили на несколько времени. Долго я не могла решиться допустить во глубину души моей эту мысль, что у Свешникова чахотка, но теперь это очевидно! Надинька тоже видимо приближается к гробу, и мирная, счастливая семья будет исполнена печалью.

30 мая. Марья Васильевна увидела своего брата, невестушка ее умилилась. Авдотье Петровне сказали о том, где ее дети, что они не в Орле и не в Киеве, а в Москве, подле одра больного брата. Ей, однако, не сказали, что его болезнь была гнилая горячка, бедная мать и то была поражена и меньшею опасностью. Она молчала, боясь нечаянным словом ропота или жалобы дать повод жестокой судьбе прогневаться. Опасение напрасное, но источник его чист, это любовь материнская.

Но Катерина Ивановна [Елагина] — вот милая и настоящая женщина: она не разлучает мужа с родными, не требует, чтобы он неотлучно сидел и глядел на нее, она говорит: «Если

требует долг, то иди и не останавливайся!» Милая женщина! да благословит тебя Бог сердечным счастьем, к утешению отца [И.Ф. Мойера] и любящего тебя брата твоего Феодора [Тидебея].

31 мая. Я в другой раз была у милой, несчастной Анны Александровны. Говоря с нею о разных знакомых нам людях, я услышала от нее утешительную для меня весть, что Панов хорошо обо мне думает и что он любит меня. Она заговорила со мной о Валуеве, о его памятнике, о моем отъезде в Новгород; на последнее я отвечала вскользь, о памятнике стала говорить горячо, но остановилась, потому что мое волнение снова привело бы ее в волнение. С Катериной Александровной я говорила о памятнике, она согласна с моими мыслями, что он должен быть из белого мрамора, но увы! Дмитрий Николаевич выбрал черный или темно-серый у Кампиони⁸³. Братья покойного Языкова и даже Хомяков хотели было поставить на его могиле крест, снятый с старой колокольни родового села их! Катерина Александровна говорила мне об этом, и я чувствовала, что памятник такого рода будет величайшим уродством. Зная, что мои слова не много будут иметь весу во мнении Языковых, я просила только спросить об этом Кампиони. Благородный художник не только подтвердил слова мои, но прибавил, что не возьмется ставить уродливого памятника даже за лишние 500 рублей.

ИЮНЬ

1 июня, воскресенье. С наступлением этого месяца я начну давать уроки французского и русского языка трем девицам Терновским, племянницам Сергея Григорьевича Терновского, священника церкви Вознесения, что у Серпуховских ворот⁸⁴. Этот достойный священник, известный своею строгою нравственностью и знанием, духовник Свербеевой, взял к себе в дом, по смерти родного своего брата и жены его, этих девочек. Катерина Александровна еще во время моей болезни предложила мне давать уроки Терновским и по великодушию своему, зная, что плата 10 р. сер. была бы недостаточна, обещала прибавлять от себя по 15 в месяц. Письмо ее обо всем этом было превосходно, выражая нежность и благородство души ее. Конечно, я не могу учить всех даром, и мои стес-

ненные дела заставляют меня принять эти уроки, но если бы я могла найти другие, то свалила бы с плеч эту обузу. Старшей из Терновских уже 14 лет; ей трудно будет учиться, а они, т. е. родственники и благодетели, захотят, чтобы через год она уже кончила бы ученье. Кроме того, ими стала было заниматься Анна Александровна [Елагина]; это служило ей развлечением в ее горести. Всего важнее отнять у другого душевное занятие для своей корысти. На меня находит в этом случае сомнение: хорошо ли я делаю, что принимаю такую обязанность и между тем оставляю более возможности Анне Александровне предаваться печальным мыслям, потому что дома ей вовсе нечем заняться. Но когда я согласилась учить Терновских, тогда я не знала, что она занималась ими.

2 июня. День именин Ивана Васильевича. Слава Богу, сегодня доктор позволил ему выехать прогуляться и назначил всякой день, в хорошую погоду, подобную прогулку.

3 июня, вторник. Первый урок у Терновских.

9 июня, понедельник. Еще в первых числах июня Катерина Александровна получила письмо от милого нам Панова, писанное им от 23 мая, и показала его мне. С большим сожалением прочли мы, что сестра Панова, Варвара Алексеевна Наумова, 15 лет страдающая водяной болезнью, находится теперь в отчаянном положении, что Панов и невеста его теперь не оставляют больной и ожидают приезда детей ее, трех гимназистов, живущих в Москве у Панова. Обе мы жалели о страждущей и о Панове, которого свадьба будет возмущена мыслью о страдании любимой сестры, а может быть — и смертью ее. Панов писал еще, что он вызывает, как можно скорее, детей. На меня тогда нашло большое беспокойство о том, поехали ли дети и успеют ли застать в живых мать свою. Катерина Александровна сказала мне, что другая сестра Панова, Катерина Алексеевна, которой он поручил дом и детей, хотела отпустить последних только 28 мая! Между тем Наумовой было так дурно 23 мая, что ей читали отходную! Странно видеть такое равнодушие в женщине и сестре. Меня мучила мысль, что дети могут лишиться благословения, и этот страх заставил меня написать к Панову. Сверх того, он поручил Свербеевой кланяться мне и передать его извинения в том, что он не отвечал на два мои письма. Но я писала к нему, что я не требую и не жду от него писем, потому что ему

теперь не до того: он сидит, разинув рот, и глядит на Анну, навязанную ему на шею судьбою.

10 июня, вторник. Кто мог ожидать, что Панов, несмотря на очарование свое, вспомнит обо мне и будет отвечать? Однако же это сбылось, и мне предчувствие говорило, что то сбудется, не минуется; и в самом деле сегодня гонец принес письмо из Симбирска от этого милого молодого человека. Как было отрадно думать, что я не чужда душе его. Какие благородные, здравые мысли были выражены им в письме! Да утвердит его Бог в любви и сочувствии к народу!

12 июня. Вследствие постыдного нерадения братьев Языкова могила его оставалась не оправленной. Небольшая куча земли, размытая водою, означала место, где сокрыта была земная оболочка высокого духа. Имея недостаток в деньгах, я думала отнести к моей милой Катерине Александровне и просить ее пожертвовать 5 руб. на обложение могилы дерном, но она предупредила мою просьбу, 9 мая посетила монастырь, и вид могилы Языкова поразил ее. Чрез несколько времени после того она дала мне деньги на оправу могилы.

Видя благоприятное время, я предложила ей, Петру Васильевичу и Василию Алексеевичу Елагину посадить какие-нибудь деревья около могил. Они согласились, и я выбрала каждому из них особого рода дерево: от Петра Васильевича — черемуху, от Василия Елагина — клен, от Марьи Васильевны — сибирскую синель, от себя — белую акацию, и все это посадила кругом могилы Языкова. Вокруг могилы Валуева посадила от Катерины Александровны серебряный тополь, за Василия Алексеевича Панова — липу, эмблему семейственных мирных добродетелей, и сверх того от себя — илиотроп, гвоздики и лилеи белые, и наконец — шиповничек!

На всей красе, на берегу,
Растет-цветет шиповничек;
В шиповничке — душа моя!

Панову послан был мною ответ в среду 11 июня. Когда я сажала деревья, то казначей Данилова монастыря, отец Амвросий, с которым шли все переговоры о могилах с печальной эпохи кончины Валуева, снова стал говорить мне о том, что ему нужно данное мне свидетельство на могилу, купленную мною подле могилы Валуева и уступленную мною Николаю

Михайловичу. Свидетельство это, в первую минуту смущения при известии о кончине Языкова, я переслала Панову, потому что он был ходатаем передо мною об уступке этой могилы. Панов также был смущен и расстроен и, не зная сам для чего, передал это свидетельство Петру Михайловичу, брату Языкова. Балдов, поверенный и любимец Петра Михайловича, увез, сам не зная — для чего, это свидетельство в Симбирск. Теперь мне надобно опять просить Панова взять эту бумагу от братьев Николая Михайловича.

13 июня. День рождения Василия Алексеевича Елагина.

Опять хитрости со стороны почтенной дамы, прогнавшей его от дверей братниных! Устроен пир и куплено шампанское, сделана прилика, да только никто не верит⁸⁵.

16 июня, понедельник. Воспоминание прошлого счастья, первого посещения, сделанного мне Валуевым.

И для меня в то время было
Жизнь и поэзия — одно!
Но все, что от времен прекрасных
Минувших дней я сохранил,
Когда он с нами в мире был,
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,
То все храню на дне души.

Путешествие к святым местам:

14 июня, в субботу, я поехала к Троице-Сергию с Марьей Васильевной, Петром Васильевичем и моей крестницей Дуняшей.

Дорога была прекрасная, погода умеренная, в храме обрела я мир и душевное умиление, на возвратном пути в Москву получила другую отраду — быть у Аксаковых, в их деревне⁸⁶, и слышать Константина Великого.

Милы и любезны сестры его, но милее и любезнее их он сам. Да горит всегда в сердце его священный огонь любви к Отечеству, да будет вечно для него Россия и радостью, и славой!

18 июня. Из путешествия в Троицкий монастырь я привезла Федору Борисовичу [Тидебелю] просвиру и маленький образок, но очень боялась, что он не примет. Я звала его и Петра Васильевича пить чай у меня в саду; оба согласились,

а моя несравненная Катерина Александровна, узнав о том, и сама вызвалась приехать ко мне в одно время с ними, чтобы провести время всем вместе. К нам явился еще Мамонов⁸⁷, и, пользуясь благоприятною погодой, гости мои просидели у меня до 12-го часу.

Мне было и приятно их видеть у себя всех собранных, и неприятны некоторые речи Марьи Васильевны; по обычаю семейства Елагиных, принятому им с незапамятных времен, она старалась представить меня в виде шутихи. Другой рекомендации ждать от них нечего. Кроме того, какое-то беспокойство наполняло мою душу.

19 июня. Петр Васильевич привел ко мне одного болгара, Захара Петровича Княжеского⁸⁸, чтобы познакомить его со мною. Катерина Александровна также говорила мне о нем и желала, чтобы я его видела. Познакомиться не диво, познакомиться с человеком хорошим, умным очень приятно, а здесь ищут другой цели и, конечно, не достигнут ее, потому что и эгоизм, и душа полагают здесь неодолимые препятствия.

Назад тому около 15 лет в сердцах некоторых избранных болгарских граждан пробудилось чувство любви к своему народу, возникло рвение к отечественной истории, к образованию своих братьев, и вследствие того эти избранные употребили все усилия, чтобы действовать сообразно этим мыслям. На поприще истории действовал Юрий Венелин⁸⁹, на поприще народного обучения другие, и в числе их этот Княжеский. Он получил образование в Одессе и потом, возвратясь в Болгарию, распространил там училища взаимного обучения. Теперь он приехал в Россию для испрошения пособий единоверным братьям, был затем и в Петербурге, где получил от Святейшего Синода на 700 руб. книг, и оттуда приехал в Москву с рекомендательным письмом от Юрия Самарина к Катерине Александровне. Последняя вместе с сестрою воображает, что у меня много знакомых и что я могу достать Княжескому какое-нибудь от них пособие, но они не знают того, что у нас нет понятия об отечестве, а потому нет возможности возбудить участие к болгарам в таких людях, которыми движет один эгоизм. Петр Васильевич воображает, что я могу согласиться поехать в Болгарию, для утверждения тамошнего народа в православии! Но если я расстанусь с моею родиной,

то душа моя выйдет из меня, и в Болгарию привезут один безжизненный труп.

22 июня.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
К чему стремятся все желания —
Источник радостей и бед!

Сегодня я посетила кладбище, где схоронен отец мой. Там я как будто дома, там я чувствую себя в присутствии того, кто меня любит, верно любит, хотя и живет уже в ином мире. Долго сидела я на кладбище и, наконец, в три часа пошла домой. Проходя по Большой Мещанской, мимо квартиры Петра Васильевича, я хотела было зайти к Федору Борисовичу, который на время живет теперь с ним; к сожалению, меня удержала глупая мысль, что частые мои посещения наскучат ему, и я прошла мимо.

23 июня. От Марьи Васильевны услышала я прискорбную весть, что Федор Борисович очень занемог с пятницы. Меня это очень тревожит: прошлого года весною он чувствовал ту же болезнь, зимою несколько раз был болен, если и не тем, но все же болезнь ослабляла силы, а теперь возобновление прошлогодней болезни страшно для меня. Боже, Боже мой! оставь нам добрых людей хоть на погляденье! Сохрани бедного юношу, бедного сироту! Стольких уже Ты отнял у нас, — пощади, пощади остальных! Я тотчас побежала к Федору Борисовичу, они еще спали; я прошла на полчаса к Строевым⁹⁰ и потом к Свешниковым. Там не много надежды, однако мне кажется, что еще можно иметь ее. В 11 часов я пришла к Федору Борисовичу и нашла его чрезмерно похудевшим. Как мне жалко было на него смотреть! Он уверял, что ему лучше; Бог весть! Ах, меня покинула вера в милосердие Божие.

Вечером я приехала к нему в другой раз и, нашедши его одного, просила его позволить мне надеть на него образ Сергия, привезенный мною из Троицкого монастыря; он согласился, и я сама надела на него образ, но в то же время, обняв его рукою, почувствовала, что спина его вся в поту; это, кажется, не добрый знак.

24 июня, вторник. В 10 часов утра я приехала к Серпуховским воротам для урока. Вошел на двор к Анне Алексан-

дровне Елагиной, которая нанимает дом, принадлежащий священнику Терновскому, я увидела карету и лошадей Катерины Александровны. Это меня удивило, потому что она хотела ехать в свою деревню еще в воскресенье, а между тем я вижу ее здесь.

Но какую страшную историю узнала я! Катерина Александровна выехала от сестры в воскресенье, в 8 часов вечера, с Катенькой, Варенькой и милым ангелом Митинькой⁹¹; в 8 верстах от Москвы им надобно было проехать по мосту, проведенному чрез небольшую речку. Пьяный кучер и пьяный лакей не в силах были управить лошадьми, которые свернули с моста в реку и повисли над водой, потому что карета зацепилась колесом за столб и повисла! Еще одно усилие со стороны лошадей, и карета погрузилась бы на дно речки! Кучер и лакей упали в воду, но выплыли и спешили спасать господ. Великодушная Катерина Александровна ободрила их словом прощения и спешила подать им на руки Митиньку, а потом вывести дочерей. Слава Богу, все были спасены, а проезжавший мимо купец, обрезав постромки, спас и лошадей, которые были бы удушены упряжью.

Это происшествие заставило Катерину Александровну тотчас возвратиться в Москву, где сестра встретила ее со страхом и радостью. Выслушав эту историю, я побежала к моей несравненной и обнимала ее с восторгом радости и благодарности к Богу. Ах, если бы всегда могли мы благодарить Его за благодеяния! Все были бы счастливы и добры.

25 июня, среда. Слава Богу, Федору Борисовичу лучше.

Послала я письмо Панову от Катерины Александровны и тут же от себя. Да благословит его Бог!

26 июня, четверг. Полугодовое поминовение Языкова.

Вчера достала я белых роз, чтобы украсить могилы милых наших. Ныне мы поехали с Петром Васильевичем к обедне в Данилов монастырь. Бедный Петр Васильевич в первый раз был на могиле своего брата и друга, украшенной зеленым дерном, попечением Катерины Александровны, а не родных братьев, обсаженной деревьями и цветами усердием простого человека, а не родных, посещаемую не от родных, не от знакомых, но от того, кто в семье умных называется дураком. Если оба милые усопшие, услышав приближение посетителя, спросили бы: кто тут? — то услышали бы ответ: это я, друг

ваш, дурак! Ответ, подобный тому, какой дает в русской сказке меньшой сын одного колдуна, три ночи сряду приходивший на его могилу.

26 июня. Катерина Александровна с двумя старшими дочерьми и меньшим сыном, Митинькой, уехала в свою деревню, Солнышково⁹².

Два года тому назад, когда мы в этом Солнышкове ожидали милого гостя, на этот день, в ночь, приехал Панов. Гость также милый, но не его ждали с таким нетерпением, а того дождались только 18 июля! О время прошлое, источник скорби и радости, ты лучше было настоящего бесцветного времени!

Как часто призываю смерть, даже и тогда, когда смотрю на красоту творения! Что мне эта красота? Говорит ли она с моим сердцем? Во всей природе есть ли хотя одно сердце, которое бы отвечало моему, в котором было бы ко мне чувство искренней дружбы?

27 июня, пятница. Не говорю ничего о днях, когда я вижу людей ничего не значащих для меня, или зложелательных и коварных. Что упрочивать воспоминание зла или скуки? Они и без того живут в памяти. Я сказала: *«людей ничего не значащих»*, но даю такое название не из презрения, а потому, что эти люди, хотя и умны, и образованы, и святы, но не составляют ничего для моего сердца. Отношения житейские связывают меня с ними, но не сердечные.

Есть люди, которых я люблю и люблю много. Но любят ли меня взамен сколько-нибудь? Вот чего желаю, чего добиваюсь, о чем тоскую и молюсь. Эта любовь есть святое дружество, чувство дозволенное и возможное, не преступление, а добродетель.

29 июня. День св. апостолов Петра и Павла.

Нынче день именин Петра Васильевича и тот день, когда Панов предполагал совершить свое соединение с Анной Андреевной Головинской. Дай Бог, чтобы ему не было никаких препятствий и чтобы он нашел в этом браке свое счастье.

Слава Богу, Федор Борисович здоров, и я могу свободнее радоваться, а то прежнее беспокойство о нем терзало душу. Однако, несмотря на возможность быть веселою, несмотря на похвальное намерение молиться и радоваться, я могла выполнить только первое, а последнего — никак!

Я была у обедни, молилась за именинника и за предполагаемых новобрачных, потом пошла к имениннику, чтобы его поздравить. Он был печален; разумеется, что вспоминал прошлое, когда в 1846 г. Языков праздновал этот день и присылал пирог именинный. Это же самое воспоминание и на меня наводило грусть, а к этому присоединялось беспокойство об участии доброго, праводушного Панова.

Итак, сегодня произнесены вечные клятвы, закованы неразрывные цепи! На людей конечных наложены бесконечные обязанности. Страшное будущее. Только любовь может сделать легким тяжкое, но пламень ее угасает против нашей воли иногда очень скоро. Иногда — но слишком печальные мысли надобно отдалить, будем хоть насильно веселы, взглянем на праздничное платье и вспомним, что сегодня праздник, что сегодня день радости.

30 июня, понедельник. Поутру мысль главная, самая усладительная и самая горестная, посещает меня, мысль о том светлом явлении, мимолетно озарившем мрак здешней жизни.

И если мне нельзя
Быть, милой, близ тебя,
У ног твоих себя
Повергну скоро я.

ИЮЛЬ

4 июля, пятница. Виделась вчера с Николаем Семеновичем Зыковым⁹³, чтобы попросить его похлопотать в пользу болгар, что он обещал исполнить по возвращении своем из Троицкого монастыря, что последует около 8-го числа.

Услышав, что Ольга Семеновна Аксакова здесь и что она нездорова, я пошла проведать ее, однако это нездоровье прошло, и она 3-го числа уехала в свою деревню. Константина здесь нет, только Иван Сергеевич и Ольга Сергеевна.

О первых трех днях этого месяца писать нечего. Замечательного ничего не было и сегодня, верно, ничего не будет, но меня томит желание получить письмо, хотя я доказываю сама себе, что его нельзя еще получить; однако чрез минуту забудусь и говорю: ах, если бы я могла получить сегодня письмо!

Завтра день именин Сергея Павловича Строева⁹⁴; пойду и повидаясь с отцом его и матерью.

5 июля. Вчера слышанные мною вести о суде над любителями славян меня очень опечалили. Славяне вовсе не виноваты, а с ними поступают тирански. Честь, слава и благодарность Сергию!⁹⁵

Виделась на малое время с милым Федей [Свешниковым]; имя глупо, а человек мил.

6 июля, воскресенье.

Воспоминанья прошлых дней
В груди моей стеснились,
И даже слезы из очей
При этом покатились.

Когда же прекратится бесцветная и бесполезная жизнь моя? Проникнув глубину ее, вижу страшную пустоту, вижу, что моя дружба ничего и ни для кого не значит. Усердно прошу у Бога смерти, но смерть приходит к одним счастливым и отнимает счастье.

7 июля, понедельник.

Il y a dans la vie des héros un terme de bonheur et de gloire, où ils doivent s'arrêter; s'ils passent au delà, ils tombent dans le malheur et le mépris.

Возвращение Михайлы Никитича из Владимира на Клязьме, что весьма полезно для моих дел.

Какое неприятное известие! Петр Васильевич сломал руку и вместо того, чтобы послать за костоправом, поставил пиявок! Право, когда подумаешь о том, что все добрые страдают безвинно, то почти

Дождь льет ливня, и эта сырость безвременная разрушает здоровье крепких и безжалостно добивает лежащих на одре болезни. Таково было и с ним, такие же дожди разрушали тогда все хорошее.

В прошлый четверг я писала к Катерине Александровне о том, нельзя ли мне будет передать мои уроки у Терновских Анне Степановне, прежней их учительнице. Анна Александровна сказывала мне, что та возвратилась в Москву из Смоленска, куда ездила хлопотать о получении наследства, но, не получа ничего, возвратилась и находится в бедности. Кроме того, мои уроки отнимают занятие у самой Анны Алексан-

дровны, которая прежде сама учила этих девочек. Я отнимаю у двух дело и пользуюсь выгодой своей.

11 июля. День именин Олинки [Свербеевой], день именин матери Константина Великого [Аксакова]; я ходила к обедне и молилась за обеих.

12 июля. Путешествие на кладбище. Я была приятным образом удивлена, получив письмо от милого Николиньки [Свербеева]. Месяц тому назад он просил меня через сестру свою, Вариньку, переслать ему стихи, написанные для него нашим другом и оставленные Николинькой у меня. Надобно было отвечать на письмо, и ответ привел меня в затруднение. Теперь молодой приятель мой уже студент, ему 17 лет; может быть, прежнее дружеское *ты* будет ему неприятно, может быть, он хочет слышать его только от людей знаменитых и ровных ему по происхождению, и вследствие этих мыслей я написала ему в письме *вы*, и *Николай Дмитриевич*. Но, к великой радости моей, он прост и добр по-прежнему. В ответе его он жалуется на мой учтивый тон и спрашивает, чем он заслужил его, что я могла бы написать ему так, если бы он сделал какой-либо неблагородный поступок, и что для него такое учтивство хуже всякого невежества.

Воскресло бывшее, и сердцу стало отрадно, но чувства сильной радости не могло быть в душе. Душа не будет уже никогда знать радости, может знать отраду, утешение, но радости сокрылись навек.

Милая, несравненная моя Катерина Александровна пишет ко мне так ласково, успокаивает сомнения моей совести и потом сообщает мне известие о Хомякове и Катерине Михайловне⁹⁶. Они были в Праге, виделись с нашими братьями Ганкой и Шафариком, и Хомяков написал им прекрасные стихи в альбом⁹⁷. Честь и слава Хомякову: он не боится любить славян, несмотря на неблаговоление к ним нашего Варяга⁹⁸. Хомяковы едут во Франкфурт, жаль, что не застанут уже там Жуковского; тот уедет в Швейцарию с больной Елизаветой⁹⁹.

Перед отъездом Дмитрия Николаевича [Свербеева] я была у него, чтобы переговорить с ним о памятнике Языкову и Валуеву. Хотелось мне, чтобы камень поставить перед могилами, а не на могилах, чтобы они остались свободными. То мысль безумная была, но душу мне она зажгла! И между тем

благоразумие и дальновидность Дмитрия Николаевича взяли верх, и все осталось так, как он придумал. По его словам, камень, поставленный на самой могиле, стережет место и не позволяет корыстолюбию монахов перепродать его. В настоящее время могила охраняется посещением близких к усопшему людей, а в будущем — кто придет? — говорил Свербеев. — «Придут дети Панова», — отвечала я. — «Дети ничьи не придут, — возразил он, — и потому надобно поставить камень, которого ценность украшает кладбище и потому дорога монахам».

Я просила его придумать надпись, хотя родные Языкова и не хотят ее. Но они не придут на могилу, не увидят памятника, следовательно, можно сделать надпись, приличную покойникам, кроме имен их. Свербеев придумал прекрасную для Языкова, а для Валуева — не хороша!

Первая взята из Символа веры: «Чаю воскресения мертвых». Она отвечает мыслям Языкова, который перед смертью все говорил о воскресении.

Другая, для Валуева, не полна: «Скончался в мале».

Как будто бы о нем можно было пожалеть только потому, что он мало жил.

15 июля. Три дня провела я в Сокольнической роще у бедной Надиньки [Шохиной]; ее уже причащали и соборовали. Велики ее страдания, велико ее терпение, жить ей невозможно, пора бы прекратить ее скорби.

16 июля. День кончины (в 1826 г.) Петра Екимовича Казанцева.

По просьбе Свербеевой и Петра Васильевича я пошла к Николаю Семеновичу Зыкову, чтобы рекомендовать ему болгар Княжеского и просить содействия для его предприятий в пользу болгарских народных школ¹⁰⁰. Но в добрых делах бывают многие препятствия: Зыков уехал, так что я его не видала, и потому надобно будет опять идти.

17 июля, четверг. Надобно было быть у Терновских, а в пятницу утром опять для пользы болгар у Зыкова, и вследствие этого я не могла быть в Сокольниках.

18 июля, пятница. День тяжелого воспоминания. В 1845 году Валуев приехал в этот день в Солнышково искать излечения, которого никакое место во вселенной не могло дать ему.

Наконец я видела Зыкова: он обещал приехать ко мне в воскресенье, в 6 час. вечера, чтобы познакомиться с Княжеским. Я должна была за его снисхождение остаться почти целый день с его матерью. В 5 час. после обеда я пошла от Зыковых к Борисовичу; мы так давно не видались, что мне стало скучно по нем. Сердце предчувствовало, что я услышу что-нибудь неприятное, и в самом деле, когда я пришла к нему, то он сказал мне, что в прошлое воскресенье, т. е. 13 июля, он виделся с Рихтером, Александром¹⁰¹, который обещал ему место доктора и в этот день предложил ему на выбор два города — Воронеж и Владимир. Жаль, что Федор Борисович оставит Москву, жаль, что Елагины и Киреевские так мало о нем старались, что не могли убедить Рихтера дать ему место в Москве! Грустно, что тот человек, которого я полюбила, будет от меня далеко! Бедный молодой человек! Он привык жить в семье, ему тяжело будет на чужбине; найдет ли там он людей по сердцу, найдет ли там людей образованных себе по мысли?

C'en est donc fait! Loin de tout ce que j'aime
Un sort cruel m'exile tristement.

19 июля. Была у Николая Семеновича Зыкова, чтобы уговориться о дне его приезда ко мне для знакомства с болгаром. Зыков назначил время в 6 часов после обеда, в воскресенье.

20 июля, воскресенье. Поутру уехала отсюда мадам Пелопидас, прежде бывшая мадам Вельс, урожденная Азбукина¹⁰². Я очень была рада ее отъезду, чтобы не иметь цензуры для моего общества. Но вечером вдруг нашла я нечаянно похоронный билет на моем столе; он получен был в 12 часов, но мне забыли о нем сказать. Разумеется, что я тотчас поняла, что Надинька [Шохина] кончила свои страдания. Не об этой страдальце должно жалеть, но о сестре ее, Анюте [Кудрявцевой]. Анюта так любила Надиньку и была ей лучшим другом.

21 июля. День погребения Надиньки на Дорогомиловском кладбище, где в течение шести лет собралась все семья ее, четверо детей, муж и наконец — она сама. Бывши еще довольно здорова, она часто езжала на могилы своих милых, наблюдала за тем, чтобы они были в чистоте и в порядке, чтобы краска на кресте не полиняла; кто-то теперь будет заботиться

о ее могиле? Верно, Федя [Свешников], он очень любил сестру. Отцу не сказывали о смерти дочери.

С кладбища воротилась я к Анюте и осталась у нее ночевать.

22 июля, вторник. Отъезд Петра Васильевича в деревню. Я получила письмо от моей несравненной [Е.А. Свербеевой]. Как мило говорит она о Языкове, а следовательно, и о том ангеле, который прежде его взошел на небо, да уготовает место ему.

Видела милого моего Борисовича. Увы! Скоро, скоро мы расстанемся! О Боже, спаси этого сироту!

И от Панова нет вести! Как скучно быть в неизвестности! Здоров ли он? Боже, благослови его, спаси и сохрани. Милый побратим Валуева, и следовательно — и мой! Сохрани мне дружбу твою, единое ценное мое сокровище на белом свете! Да будет с тобою радость и счастье!

23 июля. Я выдаю людей и умных и добрых, но мне собственно чуждых. Нас разделяют особенные привязанности, особые понятия о чести, особенные стремления. Здесь я иногда умалчиваю об этом, потому что подобные случаи не имеют влияния ни на сердце, ни на разум. Правда, что изредка в этом дневнике упоминалось о людях, которых речи для меня, яко медь звенящая и кимвал звяцаый, но упоминалось только по связи с чем-либо другим.

24 июля. Я была у Свешниковых. Водяная у старика усиливается, и он уже написал завещание. Бедный сын его так огорчен, что жалко смотреть.

Воспоминание о Валуеве.

Toujours lui! lui partout! ou brillante, ou glacée,
Son image sans cesse ébranle ma pensée.

25 июля. День именин Анютиных. Какой печальный день для нее! Отец ее кончил сегодня жизнь в 5 часов пополудни. Я осталась с нею до утра.

26 июля, суббота. От Анюты я пришла к ее матери и оставалась там до понедельника.

28 июля, понедельник. Погребение Осипа Леонтьевича Свешникова на Калитническом кладбище. С похорон мы возвратились в дом его и по обыкновению сели обедать, в разных покоях, по причине многолюдства. Я была очень до-

вольна тем, что мне досталось сидеть с четырьмя старухами и слепым племянником покойного, Емельяновым. С бедными старухами мне можно было молчать, Емельянов тоже молчал от избытка печали, и потому за нашим столиком память покойника был почтена безмолвием — любимую добродетелью усопшего молчальника.

29 июля, вторник. Приехав на урок к маленьким Терновским, я получила письмо от моей любезной Катерины Александровны. День был жарок, так что по окончании урока я осталась в доме Анны Александровны [Елагиной] до 6 часов вечера.

Давно хотела я видеть доброго Федора Борисовича, и все не удавалось вследствие печальных событий последних десяти дней. Я была у Петра Васильевича в субботу утром и видела Борисовича мимоходом, а мне хотелось видеть его одного и поговорить с ним побольше и на свободе. Сегодня вечер был свободен, и сердце не вытерпело; я поехала к нему и ужаснулась, когда его увидела. Он так похудел и так показался мне слаб, что сердце сжалось от страха. На вопрос мой, здоров ли он, Федор Борисович отвечал, что здоров, но был очень грустен. Я осталась у него до 9 часов вечера; хотела бы и еще долее посидеть, да в той стороне и извозчика трудно найти. Кажется, что он выбирает себе для житья Воронеж; это далеко, но авось благоприятный климат ему поможет, авось тело его укрепится и дух сделается бодрее.

Я поехала от него, хотя он меня удерживал. Дорогою не могла не плакать об этой нежной молодости, которая увядает от недостатка и мирских и духовных благ. О Боже, Боже! неужели Ты ни над кем не сжалишься? Кажется, безошибочно можно сказать, что здоровье Федора Борисовича расстроилось с ноября 1845 г., когда Наталья Петровна [Киреевская] выдумала, что Иван Васильевич умирает. Федор Борисович поскакал к ним в деревню из Бунина, в самую дурную погоду, простудился и у них же в доме лежал, вместе с Петром Васильевичем.

30 июля, среда. Получив запрещенную книгу по отношениям политическим, я воспользовалась случаем и прочла ее. Мне приятно было видеть, что там отдают во многом справедливость великодушному Александру, но, к сожалению, то, что я прочла о Мордвинове, огорчило меня¹⁰³. Мордвинов,

этот орган истины перед престолом, мечтал и хлопотал о распространении прав, имений и могущества дворянства. Ему хотелось создать здесь такую же аристократию, какая существует в Англии; судьба людей подвластных нисколько его не занимала. Николай Иванович Тургенев¹⁰⁴, напротив того, только о том и думал.

Так и я сегодня только и думаю, что о Федоре Борисовиче, так мне жаль его, так я люблю его и так желала бы утешить, если бы это было в моей власти. Да благословит Господь вход и исход его, куда бы то ни было! А если бы он сохранил обо мне воспоминание, как о человеке, ему от души преданном, то это было бы для меня большим утешением.

Я провела день у вдовы Свешниковой. Бедная Анюта очень грустит и об отце, и о сестре. Ее, так же, как и прочих огорченных, утешают будущими радостями, но —

Жизнь смертных тяжелое бремя,
Страдание — участь людей!
Надейся на будущее время,
А слезы украдкою лей!

От Панова нет писем! Когда приходит почтовый день, то мое нетерпение доходит до высшей степени; бегу на почту, спрашиваю сама, нет ли писем, и ответ все один и тот же : нет да нет!

31 июля, четверг. Рано поутру встала я сегодня. Беспокойство о здоровье Федора Борисовича и беспокойный сон о Панове разбудили меня. Мне снилось, что последний пришел ко мне в комнату, где я сидела с Николинькой Свербеевым, и стал говорить что-то, из чего можно было заключить, что он расстроен своею нравом и прихотями своей невесты. На деле он уже муж, но в сновидении представлялся еще женихом. Огорчаясь его огорчением и тревожась за его будущее, я поспешила сказать ему: «Не правду ли я говорила, что жена есть большое зло? Но разве нельзя отступить?»

Tourne les yeux, contemple la noble carrière,
Que tu as parcouru avec tant de succès!

Я стала ему повторять все известные мне эпиграммы против супружества, как вдруг вошла невеста; чтобы она не заметила общего смущения, я схватила за руку Лилу, которая

во сне представилась мне восьмилетним ребенком, и стала плясать, припевая:

Ах, на что было город городить?

Невеста была в простой голубой блузе, довольно высокого роста и соразмерной полноты. Волосы черные, узкой лоб, широкое белое лицо, хотя эта белизна была не отличная и даже смешивалась с желтизною. Она принесла написанные ею стихи, но я их не помню. Панов представил ей меня, сказав: «Вот человек, который дурен, как смертный грех, а между тем я его очень люблю».

Идучи на урок, я раздумалась о молодом человеке и невольно заплакала о нем.

Вечером приехал Борисович. Я стала откровенно и дружески говорить с ним о нем самом, но мне казалось, что он хотя и желал, но удерживал себя от полной доверенности. Когда же я добьюсь ее? В 9 часов мы расстались, уговорившись видаться в субботу вечером¹⁰⁵.

1848 год

АПРЕЛЬ

1 апреля, день обманов и мистификаций, прошел в семье Елагиных согласно с правдой, благодаря трауру.

Досадно, что я потеряла этот день. Поехала на урок к маленьким Терновским, и понапрасну. Одна из них именинница, две другие нездоровы; кому же учиться?

Я была с поздравлением у Марьи Алексеевны Хомяковой¹⁰⁶, а потом обедала у Елагиных, потому что это день именин истинно доброй Марьи Васильевны Киреевской.

3 апреля. Прошлого года в этот день меня навестил добрый Василий Алексеевич [Панов], и прошедшее удовольствие дает приятное воспоминание. Ныне я получила настоящую радость: мне принесли письмо от Тидебея. Оно было от 27 марта. Тревога моя кончилась; как я боялась за Федора Борисовича! Как было грустно, что я долго не получала от него писем! Теперь, кажется, я могу понять, что он определил писать ко мне два раза в месяц.

11 апреля. Светлое воскресенье. Вчера, в 11 часов вечера, я взяла извозчика и поехала к заутрене в Данилов монастырь, чтобы отдать первое приветствие милому праху. После заутрени я возвратилась к Красным Воротам. Визиты мои все были неудачны, исключая у Пановых. Их обоих я видела и была утешена тем, что встретила у них с Константином Аксаковым и с ним могла похристосоваться. Обедала у Елагиных.

12 апреля. Возила к Бестужевой¹⁰⁷ Машу, крестницу Николая Михайловича Языкова, потом была у Хомяковых, у Свербеевой, где встретила немецкую змею(?), и, разумеется, день был отравлен.

13 апреля. Целый день провела у Анны Александровны [Елагиной]. Была у священника, но там злая фурия чуть не вывела меня из терпения своим лаем на превосходное существо.

14 апреля. День замечателен только тем, что я писала к Федору Борисовичу.

На нынешний день я видела во сне Андросова, больного, слабого. Он звал меня, обнимал и удерживал при себе. Нынче надобно поехать к нему на кладбище и отслужить панихиду. Я помню друга отца моего, помню, как любил он Андросова и как последний уважал его¹⁰⁸.

15 апреля.

О время прошлое, о время незабвенно!
Придешь ли ты опять?

16 апреля.

Веют ветры, веют буйны,
Аж деревья гнутся;
Ой як болит мое сердце,
Сами слезы льются.
До кого я пригорнуся,
И кто приголубит,
Коли нема того тута,
Якой мене любит?

17 апреля. А прошлого года мы были вместе!

18 апреля. Суббота и воскресенье — дни самые скучные. В эти дни не приходит почта, мне интересная, следовательно, нет даже и надежды...

Прошлого года я получила в этот день, вечером, письмо от милой Свербеевой. Да благословит ее Бог за то счастье, которое она тогда доставила мне письмом своим! Ее слова, ее участие показывали, что она видит во мне человека, что она любит меня, а как много такая мысль услаждает жизнь!

19 апреля, воскресенье. Прошлого года в это время Панов собирался ехать в Симбирск; а я, не зная еще милой Анны, думала, что она разлучит нас. А вышло напротив; это доброе существо любит всех тех, кто любит ее мужа. Анна Андреевна беременна, похудела и чувствует разные болезненные припадки. Доктора пугают последствиями родов, но я надеюсь,

что они ошибаются. Дай Боже! Спаси эту милую женщину! Добрый названный брат Валуева прислал мне тогда чернильницу Валуева.

20 апреля. Прошлого года со мною был Федор Борисович.

21 апреля. Нынче мы простились с Пановым.

Скучая о том, что долго нет писем из Воронежа, я ходила вчера на почту и видела по росписи, что письма были оттуда к молодой Елагиной и ко мне. Желая утешить Катерину Ивановну¹⁰⁹, я сообщила ей, что есть на имя ее письмо от Федора Борисовича, о письме на мое имя я умолчала. Однако же, к великой моей досаде, ленивый почтальон принес письма уже тогда, когда Катерина Ивановна уехала в Бунино. Я знала, что свекровь ее не утерпит, распечатает письмо и что не сообщит мне ничего. Так и было на самом деле!

Но справедливая и великодушная Марья Васильевна [Киреевская], зная мою дружбу к Федору Борисовичу и мои хлопоты о том, чтобы доставить ему что-нибудь полезное, сообщила мне содержание распечатанного письма.

Какой восторг! Какая радость!
Я жребий свой благословлял
И чувствовал всю жизни сладость!

Федор Борисович пишет к сестре следующее: «Я писал к тебе, что со мною дурно обращался Кремпин¹¹⁰. Недели две или три назад он переменял свое обращение со мною и делался очень учтив и любезен. Я не понимал причины этой перемены; наконец, один добрый человек сказал мне, что это сделалось оттого, что Кремпин получил письмо от Рихтера, который рекомендует меня ему и говорит именно, что я состою под его протекцией. Не знаю кому, но я чрезвычайно благодарен тому человеку, который постарался заставить Рихтера написать для меня такое письмо».

Как сладостно друзей счастливыми творить!

Велики милости Твои, о Боже, что Ты даровал мне эту радость!

22 апреля. Писала в Воронеж.

23 апреля. Послала дополнение ко вчерашнему письму.

24 апреля, суббота. День моих именин.

«Гостей, гостей!

Со всех волостей».

(Русская поговорка).

«После гостей—

Костей, костей!»

(Басня Хемницера: Собака и волк).

У меня были *по приглашению*: Авдотья Петровна Елагина, Марья Васильевна Киреевская, Лизавета Алексеевна Елагина, Прасковья Михайловна Бестужева с прекрасной своею дочерью Софьей Петровной, еще Бестужевой покуда¹¹¹, Василий Алексеевич Панов с милою своею женою, Анной Андреевной, и потом еще Мамонов.

Пришли без приглашения: Софья Ивановна Бурнашева, моя невестка Юлия Михайловна¹¹², добрая моя Анюта Кудрявцева и старая няня моя Марья.

Катерина Александровна была сегодня на похоронах Катерины Федоровны Муравьевой, жены покойного Михайлы Никитича Муравьева, воспитателя государя Александра Павловича и бывшего попечителем Московского университета. Не ужасно ли подумать, что сыновья этого Муравьева поднимали руки на Александра?¹¹³

Песня, сочиненная государыней Екатериной Второю.

По горам, по горам,
И я по горам ходила,
И я все цветы,
И я все цветы видела.
Одного, одного,
Одного цвета нет как нет!
Нет цвета, нет цвета,
Ах, нет цвета алого!
Алого, алого,
Моего цвета любимого!
Аль его, аль его
Красны девки вырвали?
Аль его, аль его
Красным солнцем выпекло?
Аль его, аль его
Частым дождем выбило?

По двору, по двору,
И я по двору ходила,
И я всех гостей,
И я всех гостей видела.
Одного, одного,
Одного гостя нет как нет!
Нет гостя, нет гостя,
Моего дружка любимого.
Аль ему, аль ему
Служба царска сказана?
Али я, али я
Злодейка несчастная?
Али он, али он
Осердился на меня?¹¹⁴

С друзьями здесь возобнови
Союз священный и прекрасный,
Союз и братства и любви,
Судьбе могущей неподвластный!
Ударим радостно и смело
Мы чашу с чашей в звонкий лад!
Но твой, Давыдов, беглый взгляд
Окинул круг друзей веселый,
И среди нас, осиротелый,
Ты к чаше с грустью приступил,
И вздох невольный и тяжелый
Поверхность чаши заструил...
Вздох сердца твоего мне внятен:
Он скорбной траты тайный глас!
И сей бродящий взор понятен:
Он ищет Бурцова средь нас!

(Князь Вяземский в послании к Давыдову)

25 апреля, воскресенье. Я получила письмо от Катерины Александровны; она пишет, что сестра ее поедет в Петербург поклониться гробу своего мужа. Да подкрепит Бог бедную Анну Александровну! Она должна теперь ехать одна; в прошлом году с нею хотел ехать Стадлер, которого так любил

покойный Елагин, а ныне — Стадлер в Иркутске¹¹⁵, а бедная вдова — одна!

26 апреля. Послано письмо в Воронеж, начатое 24 апреля.

Нынче день кончины моей матери и день именин покойного Андросова¹¹⁶.

Два дня сряду видела я во сне, что мы собираемся снова хоронить Языкова. Я почла этот сон каким-то родом уведомления от обоих милых покойников о том, что, вероятно, готовятся ставить им памятник. Не мешкая нисколько, я пошла в дом Кампиони и в самом деле увидела, что уже высекают Языкову надпись и высекают точно так, как я говорила Дмитрию Николаевичу [Свербееву]. Спасибо ему!

Прасковья Михайловна [Бестужева] от меня узнала о том, что брату ее скоро будет поставлен памятник. О всем, что касается до могил Языкова и Валуева, надобно меня спросить.

27 апреля. Была я у Анюты Кудрявцевой. Ей, бедной, скучно в эти дни: прошлого года в это время собирались перевозить сестру ее в Сокольники.

28 апреля. Елагины собираются ехать в деревню.

29 апреля. Памятник Языкову будет готов к 9 мая, т. е. ко дню именин его. Простого года, в этот день, Катерина Александровна одна была на его могиле и возмутилась душою, видя безобразную кучку земли возле оправленной тогда, зеленым дерном покрытой, могилы Валуева. Я была в этот день в доме больного Ивана Васильевича [Киреевского] и потому не могла быть в Даниловом монастыре.

30 апреля.

Милый сон, души пленитель!
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполне!
Добрым вестником явился
Здесь небесного ты мне!

Петру Васильевичу Бог дал радость: Бодянский выхлоптал для него то, что Историческое общество будет на свой счет печатать собранные им народные песни и легенды. Вот что могут сделать иногда такие простые люди, как Бодянский и я!¹¹⁷

МАЙ

1 мая, суббота. Пустые визиты, которые стоят денег, а удовольствия не приносят.

3 мая. Страшное воспоминание прошлогодней тревоги о болезни великодушного, милого Киреевского [И.В.]. Следует и в нынешний год сходить в Алексеевский монастырь и поблагодарить Бога.

4 мая. На этот день видела я во сне Федора Борисовича; он казался чем-то озабочен, но говорил со мною дружески и потом два раза простился со мною так же, как перед отъездом в Екатеринославль.

5 мая. Ольга Сергеевна(?) с сестрою уехала в Орел. Александр Николаевич Попов уезжает в Петербург завтра; я успела, однако ж, попросить его позволить мне отнестись к нему, если мне случится какая надобность.

Елагины стали укладываться в дорогу. Я вошла в горницу к Марье Васильевне [Киреевской]. С необыкновенно ласковым, но искренним видом она подала мне свою хорошенькую булавочку из гранат и мелкого жемчугу, прося меня принять от нее эту вещь в знак памяти и еще потому, что всякий раз, когда она ее надевала, то чувствовала во все то время особенное удовольствие. Между тем как она говорила, лицо ее было ясно и спокойно, а в моей душе было смутно, и эта смута выражалась на моем лице: я знала, что это может быть уже последняя из вещей малого числа, бывших у Марьи Васильевны. Она сохранила долее самую любимую и, наконец, расстается и с нею. Что это значит? Я боюсь, не думает ли Марья Васильевна в нынешнем году идти в монастырь. Давно уже она стремится туда, к большому сожалению всех добрых людей. Мне стало так грустно в эту минуту, что я заплакала.— «Милая Марья Васильевна,— сказала я ей,— вижу, что вы расстаетесь с мирскими украшениями; но то, что вы оставляете вследствие особенной идеи, я должна оставить по моим летам. Если вам непременно угодно, чтобы я взяла вашу булавочку, то я возьму ее и буду хранить. А ей все равно будет лежать, что у вас, что у меня».— «Нет, вы еще можете носить эти вещи,— отвечала Марья Васильевна,— а не то,

отдайте вашей Юлиньке». — «Нет, не отдам, а лучше оставлю у себя», — возразила я очень живо.

Потом она подала мне еще простую картонную коробочку, оклеенную довольно чисто красно-лилового цвета тисненой бумагой, и сказала: «Ну, теперь возьмите и эту коробочку; я знаю, что вы будете ее беречь. Ее клеил Федя накануне Катиной свадьбы, чтобы мне сделать подарок, и не спал за нею целую ночь. К свадьбе мы все готовили друг другу подарки. Итак, надеюсь, что вы возьмете ее с удовольствием, потому что я знаю, что вы любите Федю».

Еще более огорчил меня второй подарок. Мне казалось, что он был дороже первого. — «Марья Васильевна, — отвечала я, — на что вы отдаете эту коробочку? Право, это не грех оставить ее у себя! Она была дана вам по чувству чистой, братской любви, и это огорчит очень Федора Борисовича, если он узнает, что вы ее отдали. Впрочем, я возьму ее; возьму себе, если вы все отрекаетесь от него». — «Почему же? — возразила Марья Васильевна, — я точно люблю его как брата». — «А почему вам не сохранить его подарка? Он с таким удовольствием принял ваш, сделанный вами ему прошлого году». — «Какой же?» — «Кофейник с конфоркой и два фунта кофию. Он был этим очень доволен и сказал тогда: вот какое внимание от Марьи Васильевны».

Ей приятно было об этом слышать. При сей верной оказии я не пропустила вернуть словечко о желании покойной Катерины Афанасьевны [Протасовой]¹¹⁸ сделать что-нибудь в пользу Федора Борисовича и просила напомнить о том Мойеру. Марья Васильевна обещала.., но тут разговор наш был прерван появлением ее матушки [А.П. Елагиной], я замолчала. Последняя только портит важные дела.

Я оставила у себя коробочку и булавочку, с тем, чтобы в течение шести месяцев беречь их у себя, а в течение шести других передавать их Марье Васильевне и просить ее поберечь их *до востребования*. Таким образом, Федина коробочка будет у нас у обеих, а совесть Марьи Васильевны будет спокойна.

Вечером я навестила Петра Васильевича. Ему скучно по отъезде матери и сестер, у него же болят глаза, и вечером он ничего не может делать. Только мне очень было тяжело вечером ехать в дом, где, бывало, ожидал меня Федор Борисович.

7 мая. На сегодняшний день мне привиделось, что кто-то говорит мне: ведь памятник Языкову и Валуеву готов. Я пошла утром к Кампиони и в самом деле увидела, что готовят последнюю надпись. Памятник велено поставить к 9 мая. Стало быть, мой сон не простой сон; стало быть, милые усопшие хотят, чтобы я была в день открытия памятника на их могилах.

Сегодня милая и добрая Анна Александровна [Елагина] уехала в Петербург. Боже! Подкрепи это слабое существо на могиле ее мужа!

8 мая. Нынче ставят памятник. О Валуев, о Языков! Для вас окончены все земные попечения от друзей и родных, но я забуду ли вас? Кончатся ли этим мои заботы? Нет! Приду я к вам, мои друзья бесценные! О, если бы могла я поскорей успокоиться возле вас!

Александр Михайлович Языков приглашает очень многих на открытие памятника, но придут только вернии, отыдите отсюда вси творящие беззаконие! Оглашенные изыдите! Да никто из оглашенных да не явится!

9 мая. День открытия памятника Николаю Михайловичу Языкову и день его ангела. Четвероугольный, гранитный, серого цвета камень, с обыкновенною, наподобие гроба, крышею или вершиною, увенчанный высоким, превосходно вызолоченным крестом, составляет памятник. На лицевой стороне надпись: Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят; на боковых — имена Валуева и Языкова. Сошлись друзья, сошлись родные... но не слышат привета! Лавровый венец венчает не главу поэта, а могильный крест...

В этот день обедали все бывшие в монастыре у Александра Михайловича Языкова. Мне было чрезвычайно приятно, что он брал всех своих сыновей в монастырь.

11 мая. Тоска томит меня. Давно нет писем... Если это происходит оттого, что обо мне забыли, так и быть! Но если...

Слышала от Аннушки, горничной девушки Марьи Александровны Воейковой¹¹⁹, многие печальные подробности о смерти Катерины Афанасьевны [Протасовой] и душевной скорби Мойера. Бедный старик! Как он стал одинок! Его скорбь навела меня на мысль, что, верно, такова же и скорбь Федора Борисовича. О Боже мой! Боже мой! Подкрепи обоих! Их любовь крепка яко смерть, да не постигнет их смерть!

16 мая. Что делать, что начать? Как преодолеть эти мрачные мысли, которые теснятся в душу? Целый месяц нет писем из Воронежа! А у меня нет денег, чтобы туда ехать, есть много долгов, с которыми надобно расплатиться. К чему я поеду? к чему приеду? Мое последнее письмо было от 13 мая, я назначила срок 8 дней и сказала, что после этого срока, если не получу ответа, то напишу к Шаркову и попрошу его уведомить меня о Тидебеле.

17 мая. От Анны Александровны было письмо из Петербурга. Она три раза была на могиле своего мужа; чувствует, что ей надобно скорее возвратиться в Москву, и я этому очень рада.

Сегодня приходит тифлисская почта... о, если бы я могла дожждаться письма!

Сегодня послала в часовню Иверской Богоматери штофную малиновую пелену. Я обещалась сделать ее в то время, когда Федор Борисович поехал в Екатеринославль.

18 мая, вторник. Первого июня кончатся мои доходы, останутся долги. Одни дети уедут в деревню, других я сама оставляю. Исполню то намерение, которое таится в душе моей, а потом — должно будет пойти в рабство, для насущного хлеба. Сегодня надобно пойти к моей невестке, отнести ей 80 р. асс. и выкупить мои золотые часы.

В другое время молчание Федора Борисовича меня не так бы смущало, а теперь я писала ему, что я была именинница, писала о том, что я заботилась о письме к Рихтеру; возможно ли, чтобы все это не вызвало его на ответ? В сердце Федора Борисовича гордость не заглушает благодарности. Кажется, рассердиться за дружбу нельзя! Но если потому, или почему-либо другому я лишилась его дружбы, то легко ли это?

Нет, не может быть, чтобы это было без достаточной причины. Более и более теснится в душу печаль и беспокойство. За что не писать ему? Он не может так вполне забыть меня, чтобы не написать несколько строк! И я одна о нем думаю! Родные его не заботятся о том, что от него нет писем, и сами не вызывают его на ответ.

Что-то будет завтра? Иногда письма приносят на третий день. Последняя надежда моя опирается на 26 мая, т. е. на будущую среду, если же и тогда не будет письма, то — Бог знает...

20 мая. День Вознесения Господня, четверг. Слава Богу! в 6 часов вечера, через 2 часа по получении, принесли мне желанное письмо! Федор Борисович был в деревне, в 120 в. от Воронежа, куда посылал его губернатор. Но вот вопрос: какое право имеет губернатор посылать служащего доктора? Не понимаю!

25 мая, вторник. Второго письма нет, а мне оно необходимо, для того чтобы определить время путешествия в край, сделавшийся милым моему сердцу с нынешнего года.

В этот день ничего не будет замечательного. Письма из Воронежа должно ждать в четверг.

26 мая, среда. Вот и второе, обещанное, подробное письмо! Только, не знаю почему, оно доставлено мне в девятый день. Много по нем предстоит хлопот, а к кому обратиться? Много мыслей бродят в голове, но где найдешь, где потеряешь, кто знает?

Анна Александровна [Елагина] возвратилась из Петербурга. Она так слаба, что жалко на нее смотреть. Моя милая Марья Васильевна [Киреевская] была нездорова, и очень сильно; теперь, слава Богу, ей лучше.

28 мая. К кому пойти? У кого просить совета? и кто наставит на путь истинный? Не для меня самой все это нужно, а я хотела бы знать, как взяться за то, чтобы устроить участь Федора Борисовича, чтобы ему было хорошо. Вложи премудрость Твою, Великий Боже, в уста мои!

30 мая. Не могу добиться того, чтобы поговорить с Екатериной Александровной, а она могла бы, кажется, быть мне полезной. Неужели опять надобно будет приняться за письменные сношения? Я очень не люблю их там, где можно дело объяснить на словах.

31 мая. Экзамен Николиньки Свербеева кончился благополучно. Строевы ждут своего воина, Сергея¹²⁰, который теперь не воин и не судья, который взял отставку после трехлетней службы и возвращается под кров родительский.

ИЮНЬ

1 июня, вторник. В четверг исполнится год тому, как я начала учить у Терновских. Родственники этих девочек пла-

тили мне по 10 р. сер. по окончании каждого месяца. В первых числах апреля они переслали мне деньги через Анну Александровну Елагину, но эти деньги следовали за март месяц, а не за апрель. Сегодня мне отдали только 10 р. сер., а мне следует получить за апрель и за май 20! Я не требовала денег по исходе апреля оттого, что не хотела стеснять плательщиков, и моя деликатность мне же обратилась во вред.

2 июня. День провела у Натальи Алексеевны Языковой, она снова просит меня давать ее детям уроки¹²¹. Но прежде я хочу выполнить то, чего требует душа моя. Авось, Бог благословит!

3 июня. Возвратясь вечером домой, я нашла Анну Ивановну [Соколову]¹²² больною. Это меня так испугало, что я готова отложить путешествие.

4 июня. Слава Богу! Она встала здорова! Можно отправиться в желанный край, куда представляется благоприятный случай. Несколько времени тому назад какое-то безотчетное стремление заставляло меня браться за полицейскую газету, которую в другое время я оставляла без внимания; в этой газете я увидела одно объявление, чрезвычайно для меня важное: одна дама вызывала попутчика в Воронеж! Разумеется, что я тотчас поехала к незнакомке, и мы уговорились ехать вместе 5-го числа.

Сопутница моя — молодая вдова, прекрасная собою, родом немка из Петербурга; имя ее Анна Кондратьевна. В 16 лет от роду ее выдали замуж за капитана Суходольского, который вышел после женитьбы в отставку и увез молодую жену в свое поместье, в 50 верстах от Воронежа. Через 7 лет после женитьбы Суходольский умер, а жена его с тремя детьми уехала к матери своей в Петербург. Там прожила она три года и наконец вздумала взглянуть на свое поместье и отправилась с маленькою дочерью в Москву к родным. Родные присоветовали ей взять кого-нибудь для компании в дорогу и вызвать попутчика по газетам. Я прочла объявление и тотчас им воспользовалась. Она платит извозчику 20 р. сер., а я — 10. Издержки пополам.

5 июня. День отъезда. Рано утром пришла ко мне старая Марья, напилась чаю и сказала, что идет к Авдотье Осиповне [Лебедевой]. По уходе ее крестница моя, Дуняша, стала жаловаться на тошноту и на боль под ложечкой. Анна Ивановна

очень испугалась. Зная, что холера действует иногда очень быстро, я сказала, что пойду позвать Михайлу Ивановича Гилярова¹²³. Если бы Дуняша сильно занемогла, то у меня неостало бы сил оставить ее, и потому я спешила позвать доктора. На половине пути я встретила Марью и спросила ее, зачем она воротилась так скоро. «Да Авдотья Осиповна приказала долго жить», — отвечала она. — «Ах, неужели?» — закричала я, забыв, что мы на улице. — «Она занемогла вчера, в 5 часов вечера, а сегодня, только что я вошла, она в последний раз вздохнула».

Мои слезы облегчили мое сердце, но я не могла идти к любезной покойнице, надобно было успокоить мать, и я поспешила отыскать Гилярова. Он был так добр, что тотчас пошел со мною, прописал Дуняше капли, велел поставить горчицы, если тошнота усилится; однако, слава Богу, капли помогли.

Я послала сказать Суходольской, что ехать сегодня не могу, ибо хочу быть на похоронах своей приятельницы. Успокоившись насчет Дуняши, я пошла в дом к Авдотье Осиповне. На дороге встретила Сергея Павловича Строева подле дома отца его и порадовалась радости его семейства. Но я тотчас же пошла далее. Войдя в дом, я увидела горестного мужа, милую покойницу в гробу, и я бросилась обнимать и целовать ту, которая меня так много любила. Потом через несколько времени подошла ко мне родная сестра покойницы, Прасковья Осиповна, и ласково обняла меня. Она не плакала, несмотря на мои слезы и слезы Настасьи Дмитриевны [Лебедевой], сестры хозяина. Мы говорили от сердца о нашей потере. Погребение назначено 7-го числа.

Авдотья Осиповна Лебедева была дочь сенатского чиновника, другая дочь его была Прасковья. Авдотья Осиповна имела ясный, быстрый ум, тихий, приятный и постоянный нрав. Любить могла она крепко одного, и самая мысль о перемене была для нее несносна. Меньшая сестра уступала ей в красоте, но нравилась живостью физиономии, смелостью и остроумием речей, постоянною веселостью и откровенным признанием, что не обещает постоянной любви, если не будут уметь привязать ее. Бедность вывела их обеих из-под крова родителей и заставила искать насущного хлеба у чужих. Авдотья Осиповна на 18-м году от роду заняла должность экономки в доме отца моего, через год после кончины моей

матери; я в это время жила в Белеве, у Катерины Афанасьевны Протасовой, а меньший брат мой, Александр, был поручен молодой экономке. Когда меня взяли из Белева, тогда прошло уже два года со времени водворения у нас чернокудрявой, черноглазой красавицы. Отец мой по любви к поэзии нашел, что имя Авдотья вовсе не поэтическое, что и правда, и дал ей свое имя — Лизаветы Алексеевны. Так звали ее всегда в нашем доме, и так звали ее все знакомые отца моего. Со времени приезда моего в дом Лизавета Алексеевна оказывала мне такую внимательность, преданность и даже уважение, что всегда было видно, что я повелитель в доме. Но я власть свою не употребляла во зло, а напротив, и в детских даже letech чувствовала все, что было благородного в обхождении со мною нашей экономки, сама платила ей любовью, откровенностью и удивлением.

Кротость нрава ее была удивительна. Никакая жестокость, никакая несправедливость не могли вызвать ее ропота или жалоб. Милое существо! Да простит тебя Бог за то, что ты прощала других! Да простит Бог других за то, что ты сильно и всегда любила их! Мать моя и в селениях небесных была, верно, благодарна тебе за любовь твою к нам, и, верно, подаст руку тебе при переходе твоём в жизнь иную.

7 июня. Погребение. Все сошлись, и родные, и други. Настасья Дмитриевна много плакала. Много было людей, обязанных благодарностью усопшей за добрые советы и громко признававших эту благодарность. Мне приятно было увидеть в церкви Веру Ивановну и дочь ее, видеть слезы матери и дочери и слышать, что Авдотья Осиповна перед кончиною своею была у них, что они снова заключили союз дружбы, сначала разорванный клеветою. Похоронили друга моего на Ваганьковском кладбище. В последний раз возвратились мы в дом и в последний раз там обедали. Я простилась с милой Пашею и Настасьею Дмитриевной и сказала им, что еду в Воронеж.

Авдотья Осиповна жила 20 лет в доме отца моего; на 38-м году от роду вышла замуж за крепостного человека Луку Лукича Долгова¹²⁴, Захара Дмитриевича Лебедева. Господин ее уважал и часто с нею беседовал. Долгов был богатый, набожный и холостой старик, дом его был на Большой Мещанской улице, напротив церкви Адриана и Наталии. Стол у Долгова был отличный. Авдотья Осиповна жила в изобилии, потому

что господин любил ее мужа и сделал его своим министром, тайным советником и камергером. Скоро он дал ему свободу, купил ему землю в Уланском переулке и выстроил дом. По смерти Долгова Лебедевы переехали в собственное свое жилище и жили доходами, отдавая часть дома внаем.

Сестра Лебедева, Настасья, старая, но добрая девушка, любила и ценила Авдотью Осиповну. Мне было очень отрадно видеть это. Авдотья Осиповна мне была верным другом. Она понимала все благородные движения души и ничего не предполагала дурного. Ей одной, по возвращении моем из Новгорода, я рассказала о том, где была. Она выслушала меня с участием, без всякого удивления, без всякого замечания, что это дорого стоило, одним словом — она понимала дружбу и находила естественным все, что делают для друга. Иногда я не видалась с нею по году, даже не переписывалась, но при первом свидании сердца наши были согласны, как будто бы мы все были вместе. Иногда мы не говорили друг другу ничего о своих печалях, но каждый из нас чувствовал, что ему становится легче подле старого друга. Сестра ее любит меня, но ту я любила более.

Авдотья Осиповна и Прасковья Осиповна — обе любили поэзию, любили читать историю, книги духовного содержания, читали и романы, но даже в молодых годах предпочтительно не выбирали их. У каждой были огромные тетради, в которые они выписывали замеченное ими в чтении. Когда мы бывали втроем, то всегда затевали общее чтение, читали наизусть басни, стихи, песни, и наши литературные вечера имели для нас особенную прелесть от единодушия, одинаковой любви к занятиям умственным и сердечной любви друг к другу.

Прасковья Осиповна, или Пашинька, как я звала ее в детстве, вышла замуж за московского купца, Ивана Петровича Копытова. Он потерял все свое имение в 1812 году. Бедность разлучила супругов. Копытов уехал из Москвы, жена его взяла на себя управление хозяйством в доме богатого старика, архитектора Старова¹²⁵. Ходила за ним во время его болезни и вела счета по деревням его. Старов из благодарности отказал своей хожатой каменный большой дом против Новинского гулянья. Прасковья Осиповна поминала старика, давала у себя в доме прибежище бедным бесприютным людям, делила

охотно с бедными свой обед и ужин и взяла к себе в дом мужа своего, но только в качестве управляющего, но не хозяина. Последний в самом деле мог быть хорошим исполнителем распоряжений другого, но вовсе не имел довольно разума и твердости, чтобы управлять другими.

Прасковья Осиповна взяла к себе в дом племянницу своего мужа, Александру Ивановну, и еще двоюродную сестру свою, Марью Осиповну, слепую капризную калеку. С особенною нежностью и благоразумием обращалась она с последнею и часто угождала даже прихотям ее. Плохо будет слепой калекке, если она переживет свою сестру и благодетельницу.

8 июня, вторник. Итак, я еду в Воронеж! О радость! О счастье! Итак, я увижу моего друга, узнаю сама, как живет он, здоров ли, есть ли там что-нибудь для него отрадного. Постараюсь согреть душу его моим участием, моею чистою любовью. Успех должен дать Бог, потому что намерение чисто и потому что этот юный дуб вянет без солнца и без средства питания.

Никому не велела я рассказывать о том, куда отъезжаю. Кого мне спрашивать? С кем советоваться? Кто обо мне вспомнит сам и пожелает меня видеть просто для меня самой? Если кто занеможет, тогда обо мне вспомнят и станут меня выписывать в сиделки, но во дни спокойные и счастливые никто и не подумает о том, счастлива ли я, или, по крайней мере, жива ли.

С кем прощаться? Простись с одним, надобно будет прощаться с другим, а мне остается только один день на сборы и распоряжения. Как я рада, что еду с посторонней дамой и, следовательно, не обязана сидеть с ней, и тотчас могу нанять особую квартиру поближе к жилищу Федора Борисовича. Как хорошо, что в Воронеже мощи святителя Митрофана! Я всем буду говорить после, что была в Воронеже, а дураки подумают, что я ездила на поклонение мощам! Увы, у меня это вторая цель, а не первая! Дружба, а не благочестие ведет меня.

Однако надобно проститься с Иноземцевым¹²⁶ и с Пановыми. Иноземцев отгадал, для чего я еду, а милая Анна Андреевна далась в обман. Она очень показалась мне нездорова, я за нее испугалась и просила уведомить меня с первою почтою о ее здоровье. Я осталась у нее долго, потому что мне не хотелось оставить ее одну. Панов ездил в Сокольники нанимать

дачу. Наконец в 4 часа пополудни я уехала к Красным Воротам, а оттуда к Суходольской.

Двоюродный брат ее, приехавший проводить прекрасную свою кузину, спросил меня: «А вы, верно, по делам едете в Воронеж? или для богомолья?». — Да, — отвечала я. — «Нельзя ли по почте написать к святому, для сбережения расходов?» Я улыбнулась и ничего не отвечала. Что могла я сказать лютеранину? Что могла я сказать незнакомому человеку? Для верующего созерцание почитаемого предмета, возбуждающее сердце к пламенной молитве, дороже временных выгод. Для человека любящего лицемерие милого человека дороже золота. Я оставляю здесь источники моих доходов, отвергаю выгодное место, еду на деньги, которые надобно отдать, и все это почту за ничто, если только Федор Борисович скажет мне одно слово благодарности.

Анна Кондратьевна, шестилетняя дочь ее Лида и я, мы выехали из Москвы в 9 часов.

9 июня мы обедали в Лопасне, в двух верстах от Солнышкова. Воспоминания поднялись роем в душе моей! Воспоминания грустные и тяжелые, но которые не хочу истреблять.

К вечеру приехали мы в Серпухов, 13 июня в Тулу, и на другой день, когда мы оставили этот город, я почувствовала тихую радость. Мне казалось, что я перешла за Рубикон.

Мы ехали слишком медленно. Проехали Елец, где меня поразила жалостью вид сгоревших домов, занимавших две длинные улицы и принадлежавших богатейшим гражданам. Что всего было жалче и тяжелее видеть, так это страх и уныние, овладевшие жителями городов и селений от беспрестанных пожаров. По уездным городам, по селам и по деревням бедные жители, уложив пожитки свои на воза, оставляли их на дворах или даже за воротами, и ночью, не осмеливаясь оставаться в домах, ложились на земле, подле своих возов, под кровом небесным! В домах ночевали слепые, хромые, чающие движения воды и роженицы с новорожденными младенцами. Таково было на всем пути от Москвы до Воронежа. Какое тягостное состояние — иметь дома и не сметь пользоваться кровом своим! Какой век, если столько является поджигателей, которые все русские!

Въезжаем в пределы Воронежской губернии. Ближе и ближе к цели, для обеих желанной.... Но отчего в душе нет

живого чувства радости? Отчего находит на меня какое-то смутное чувство боязни?

Желая предаваться мыслям заветным, часто я притворялась спящею, чтобы меньше говорить с моею спутницей. Суходольская мила и хороша, маленькая Лида точно птичка-синичка, поет и болтает без умолку, но, поговорив с ними, позабавив малютку баснями и песнями, я спешу возвратиться в мир мечтаний и засыпаю!

Переезжали мы через реки, знаменитые в истории и в литературе: Красивую Меч, известную по повестям Павлова, реку Непрядву, на берегах которой лежит Куликово поле, и наконец — славный Дон; приближаемся к святому городу! Уже виден монастырь за рекою Вороною; сердце мое забилось. Близ этого монастыря должен быть дом генеральши Тургеневой, где живет милый внук мой.

Я спросила Суходольскую, где она думает остановиться. Она отвечала, что ближе к собору, где почивают мощи святителя. Мне совсем того не хотелось, мне хотелось стать поближе к девичьему монастырю, устроенному во имя Покрова Божией Матери. Впрочем, московского богомольца привлекал сюда:

Не монастырь уединенный,
Не робких инокинь собор,
Но — трепещу в душе смущенной
И молча потупляю взор.

Мы миновали Московскую заставу, повернули направо, по полю, и въехали в город мимо кадетского корпуса, который был по левую руку, а на правой больница и дом умалишенных.

ВОРОНЕЖ

16 июня, среда. Проехав Большую Дворянскую улицу, мы остановились на базаре, в гостинице, недалеко от собора.

Оставив Суходольскую в гостинице, я поехала на почту узнать, нет ли ко мне писем из Москвы от Пановой или от Ольги Щепотьевой из дому Елагиной, Анны Александровны. Действительно, мне подали письмо от доброй Ольги. Вышед на улицу, я не могла утерпеть, чтобы не проехать к Федору

Борисовичу. Мы спустились под гору, оставив влево девичий монастырь, въехали в переулок, где представился мне на правой стороне скромный серенький домик с зеленою крышею — жилище Федора Борисовича.

Сердце у меня билось. В передней встретила меня толстая немолодая женщина, я спросила ее, дома ли Федор Борисович? «Нет, но он сейчас будет».

Я вошла из маленькой передней в залу, очень светлую, потому что в ней были сделаны окна на три стороны света: на восток, на запад и на север. Налево была комната в два окошка, кабинет и спальня милого моего внука. Параллельно с передней, со входом из залы, была комната Аннушки, его кухарки.

Не могла я сообразить времени, и мне казалось, что я несколько часов прожду его, но он пришел через четверть часа. «Я ждал вас, — сказал он, — зачем вы приехали?» Я подала ему руку и ничего не могла сказать. Он взял мою руку и поцеловал меня, я не отвечала ему тем же, стесняемая присутствием Аннушки. «Знаете ли вы, что Воронеж город маленький, и потому сплетней здесь много? Через два часа все будут знать, что вы здесь». — «Я все это знаю, — отвечала я, — но если из того, что я здесь, будут какие-нибудь неудобства для вас, то — прощайте! Я вас видела — и этого для меня довольно». — «Нет, нет, для меня не довольно! Оставайтесь у меня обедать, а потом переезжайте ко мне; хозяева предоставили мне еще одну свободную комнату, где вам будет хорошо и покойно».

Итак, я буду с ним, под одной кровлей! Кто воображал такое счастье? Отобедав с ним, я возвратилась к Суходольской и сказала ей, что встретила в городе московских знакомых, проезжавших в Новохоперск. В самом деле Федор Борисович видел в то утро Цветковых и провожал их в Новохоперск. Мы провели часа три вместе с Анной Кондратьевной, ходили вместе к вечерне в собор, и наконец она поехала далее, в свою деревню, а я, взяв свои вещи, к Федору Борисовичу.

18 июня. Три дня уже, как я в Воронеже. Не доверяя письмам, я хотела сама видеть Федора Борисовича, чтобы самой постичь состояние его здоровья и положение дел его. И то и другое неудовлетворительно и даже плохо. Если так продолжится, то ни за что нельзя ручаться. Здесь в городе появилась

холера, а между тем число больных, которыми Федор Борисович должен заниматься в больнице, и так довольно велико. Для облегчения своего он вздумал просить себе у проклятого своего начальника холерное отделение. «Нет,— отвечал завистливый Кремпин,— я сам буду заниматься этими больными». Когда Федор Борисович пересказал мне об этом отказе, то я тотчас сказала ему, что Кремпин точно возьмет себе холерное отделение и будет пользоваться славою, а работать за себя заставит других.— «Впрочем, будьте уверены, Федор Борисович, что ежели болезнь пойдет круто, так непременно передадут вам холерных. Это отделение не отойдет от вас, потому что больных все будет более и более и потому, что при них надобно сидеть, а Кремпин захочет рыскать по городу для своих выгод».

Дурное расположение начальника, который настоящий Адрамелех, божества, сатаны и людей ненавистник, привязки его, подыски, все это не дает возможности отдохнуть и отнимает охоту попросить льготы при утомлении. На 500 чел. больных здесь только 5 докторов, следовательно, работы довольно, и без холерных можно истомиться.

Моя догадка вышла справедлива. Бессовестный Кремпин, хотя и видит, что Федор Борисович и так довольно изнурен, нисколько не остановился передать ему всю эту кучу больных, которая будет все увеличиваться.

На слова мои, что я хочу пробыть в Воронеже три дня, Федор Борисович еще с первого дня сказал мне, что этого никак не будет, что его воли на это нет и что после он сам устроит мой отъезд.

19 июня. Сегодня сидели мы с ним за полночь и говорили дружески и откровенно, однако впредь таких ночных бесед дозволить себе нельзя. Он встает в 6 час., проводит в больнице почти 8 часов утром, возвращается домой только к обеду, а после обеда спит только два часа, а в дежурные дни, оставаясь ночевать в больнице, вероятно, вовсе не ложится спать.

«Вы, друг мой,— сказал мне однажды Федор Борисович,— вы и не говорите мне, что вы пришли сюда для Св. Митрофана. Вы пришли для меня? Не так ли?»— «В том-то и грех мой,— отвечала я ему.— Однако 25-го числа мне надобно будет ехать».— «Нет, вы 25-го числа не поедете,— возразил Федор Борисович,— я вам даю в этом честное слово. Вы

поедете, когда пройдут жары и кончится холера». Могу ли я уехать, когда он просит остаться?

21 июня, понедельник. В собор, где находятся мощи Св. Митрофана, ходить очень далеко. Я хожу к обедне в женский монастырь, который находится недалеко от дома Федора Борисовича. В этом монастыре хорошо поют и с благоговением служат, а к тому же не все ли церкви равны? Горько плачу я, но помощи не предвижу! В наши дни не бывает чудес! Можно тогда надеяться лучшего, если околеет Кремпин.

Раз один терпеливый друг мой сказал мне в рассуждении себя и Кремпина такое горькое слово, что я увидела ясно, сколько он терпит от этой подколодной змеи.

Получила письмо от Пановой. Слава Богу, она здорова и также муж ее. Панова сообщает мне, что Николай Елагин был болен и что у Марьи Васильевны теперь лихорадка. Петр Васильевич уехал из Москвы.

От Дуняши, моей крестницы, я тоже получила письмо, она пишет очень умно и мило. Всем любопытным они отвечают, что не знают, где я теперь, что я уехала на богомолье и что время возвращения моего неизвестно.

Сегодня я целый день не видала Федора Борисовича, он был дежурным. Какая тоска и мученье! Ночь сидела я долго и думала о нем.

22 июня. Федор Борисович будет не прежде обеда. Чтобы чем-нибудь занять утро, я пошла в собор, потом в ряды, где купила две скатерти для чайного стола, чтобы подарить милому моему внуку в день его рождения. Авось примет! Возвратясь домой, я долго ждала его.

Наконец он приехал, бледный и чрезвычайно утомленный. За обедом ел очень мало, лег спать, но только на полтора часа, и тут гром помешал ему спать. Вечером жаловался на стеснение в груди, пил чай с красным вином и не ездил в больницу.

23 июня. А между тем встал по обыкновению в шесть часов и сам сказал, что спал нехорошо. Что делать? Просить остаться дома? Останется ли, пока у него есть сколько-нибудь силы?

Аннушка вошла спросить у него, что он прикажет обедать. Он велел купить для меня свежей рыбы. На возражение стряпухи, что есть вчерашняя, он сказал: «Не спорь, матуш-

ка, мне и так горько!» Когда он уехал, я запретила покупать рыбу.

Ему горько, да и мне не сладко! Неужели он не может сказать мне о том, что чувствует, а кухарке своей может? Неужели удерживает меня здесь только из человеколюбия, чтобы я не занемогла дорогою, а не из того, чтобы мое присутствие было для него отрадно? Неужели все это угощение, вся эта стряпня затевается только для меня? В таком случае мешкать нечего! Должно скорей уехать. Когда он воротится, мы объяснимся.

Его тронули мои грустные упреки в излишнем угощении. Но нехорошо для него, что он так добр: женщина коварная может многое приобрести от него слезами. Друг ничего не требует от друга, что бы для последнего могло быть постыдно, но женщины — о! Им только бы показать свое самовластие!

23 июня. К вечернему чаю постлали маленькую синюю скатерть. Он взошел и спросил: «Чья это?» — «Моя», — отвечала я, улыбаясь. — Не сказав ни слова, он погрозил мне пальцем. Потом говорил, что мне вовсе незачем спешить в Москву, что он никак не хочет отпустить меня так скоро, что я должна повиноваться его воле и что он не виноват, что я здесь только и делаю, что молюсь Богу да сплю, что в этом виновата проклятая холера. С восторгом слушаю я ласковые его речи, в душе молюсь за него и думаю: можно ли мне отсюда уехать? Сердце мое с тобою в разговоре. При тебе, среди смертей, не трепещет сердце мое: трепещет только за тебя! Милый, любезный друг мой!

24 июня. Разумеется, что я была у обедни, молилась за милого новорожденного и за доброго дядю его [И.Ф. Мойера]. За обедом Федор Борисович сам налил мне вина и предложил чокнуться.

Слава Богу, он нынче довольно отдохнул после обеда. Но вот уже пришла пора пить чай, а он долго не едет; как скоро хотя четверть часа он промешкает, то мне всегда становится скучно и страшно. Но здесь, в Воронеже, все еще хоть мельком видишь его, а каково будет, когда уедешь? Будешь знать, что там холера, и будешь мучиться, зная его заботливость и усердие к пользе человечества, а между тем — каким образом здесь долее жить? Но как уехать? Сил моих на это нет!

Я писала к Наталье Алексеевне Языковой¹²⁷, что мое отсутствие продолжится очень долго и что она вольна будет избирать себе другую приставницу для ее детей. То же самое — к священнику Терновскому.

25 июня, пятница. Сегодня он дежурный, и я опять не увижу его в течение полутора суток, до субботнего обеда. Аннушка предложила мне лечь спать на его кровати, и я всегда без него это делаю, но разные мысли гонят сон.

26 июня. Он дежурил, как никто не дежурит, с 7 часов утра вчерашнего дня до 3 часов нынешнего. Какое здоровье устоит против такого утомления? Каково дожидаться его? Дрожишь и боишься, не занемог ли.

27 июня. Я так редко и так мало вижу Федора Борисовича. В церкви только нахожу себе отраду и со слезами поручаю его заступлению Божией Матери. Ее покрову поручила я моего внука перед отъездом его в Екатеринославль и потом в этот скверный Воронеж. Недавно еще Федор Борисович возвратился домой чрезвычайно расстроенный; в больнице умерла холерой молодая актриса здешнего театра. Однако она была в отделении Кирсанова, а не у него. В самом деле, и мне ее жалко, хотя я ее не видывала и не слыхивала про нее. Она была молода и прекрасна, прекрасна и чувствительна. Она кончила жизнь, а престарелая мать ее осталась жива!

28 июня. Он приезжает домой в три часа пополудни, а иногда и позднее, приезжает бледный и усталый. После краткого обеда ложится отдохнуть на короткое время и потом спешит опять в больницу, где остается часов до 10, а иногда до 11. Терзанье для души, да и только! Так все чувства сжаты, что глядишь на все предметы, как бы не принадлежа к здешнему миру. Только когда он возвращается, я оживаю, но, взглянув на него, снова страх объемлет душу. Безжалостный, проклятый Кремпин видит, что Федор Борисович выбивается из сил, и не думает дать ему помощника. Он разогнал больничных докторов. Одного угнал на Дон, по требованию донского атамана, а другого в Павловск. Здесь остались трое на 600 чел. больных, ибо холерных 100 чел. Каждому из трех докторов приходится дежурить через два дня в третий! Недавно у доктора Андреева занемогла дочь холерою, он остался дома, а Федор Борисович должен был за него дежурить.

29 июня. Годовщина свадьбы Панова. Дай Боже, чтобы он был здоров и счастлив с милою своею Анной! Я ходила сегодня к обедне в Алексеевский Акатовский монастырь. Служили в верхней церкви, что в летнем соборе. Церковь очень хороша, но жаль, что почти во всех церквях полы деревянные, кой-какие.

Все позднее возвращается домой Федор Борисович. Когда я спрашиваю о числе больных, то он отвечает неохотно.

30 июня. Я заговорила о своем отъезде. Он все откладывает и просит предоставить ему найти мне случай возвратиться с кем-нибудь из московских. — «Но, может быть, я стесняю вас?» — сказала я. — «Но в чем же можете вы меня стеснять?» — отвечал Федор Борисович, — напротив, я очень рад, что нахожу с кем слово перемолвить, возвращаясь домой». Сладко мне ему верить, сладко думать, что мое присутствие для него утешительно. Друг мой милый, да хранит тебя благодать Божия! Да наградит тебя Господь, если люди не ценят твоего усердия!

ИЮЛЬ

1 июля. Федора Борисовича приглашают и в частные дома, но эти воронежцы почти не платят. Что же за прибыль ездить? Как жалко будить его для пустых визитов! Бедный, как часто во сне он стонет! Дела при больнице и без холеры пропасть, людей для прислуги мало, только два фершела, из коих один занемог. Федор Борисович сам из человеколюбия, находясь в больнице, отправляет фершельскую должность и сам раздает больным лекарства. Какого труда стоит уговаривать этих холерных принять лекарство! Возможно ли теперь говорить Федору Борисовичу о том, чтобы он взял себе отдых? Честь, необходимость, все не позволяет! И сверх этого тяжкого труда, присоединяется еще опасность, не от самой болезни, но от невежества и безумия людей. В самый развал здешней холеры в настоящем времени получено было известие, что в Петербурге едва не убили некоторых врачей! Каково было это слышать здешним врачам, да и всем другим в то время, когда они жертвовали для больных своих и спокойствием, и здоровьем! Федор Борисович один раз горько жаловался на то, что ни один больной даже ни разу не поблагодарит своего док-

тора за его попечения. Эти бесчувственные люди думают, что маловажное казенное жалованье вполне вознаграждает доктора за его труды. Но если бы даже правительство имело возможность удвоить или утроить жалованье, то все больной от себя мог бы поблагодарить своего доктора. Здесь говорится о благодарности словесной, а не материальной, но и словесной-то нет! Только один больной молдаванин, лежавший в холерном отделении, чувствуя приближение смерти, подозвал Федора Борисовича, вынул из-под подушки кожаный кошелек и подал ему так, чтобы никто не видал. Отдав кошелек, больной скончался, а Федор Борисович отдал деньги в церковь! Напрасно он это сделал. Церковь и без того богата, а больной молдаванин был признателен и хотел оставить знак своей признательности тому, чье старание чувствовал.

Федор Борисович получил письмо от молодого доктора Броссе, из Новочеркасска. Воронежское начальство отправило молодого человека на Дон лечить холерных, а лекарств ему никаких не дали. Броссе, видя гибель народу и досадуя на свое невольное бездействие, купил на свои собственные деньги некоторых снадобьев и давал их страждущим. Таким образом он перекупил этих лекарств на 100 руб. «Вот,— сказал мне Федор Борисович,— вот что сделал немец! Русский никогда бы не пожертвовал в таком случае своими деньгами!» Я молчала, потому что чувствовала, что это было сказано справедливо. Броссе просил Федора Борисовича выхлопотать, чтобы отозвать его с Дону в Воронеж, где он может быть полезен по нынешним обстоятельствам, а на Дону поневоле ничего не делает.

2 июля, пятница. Я не буду жалеть, если Языкова возьмет вместо меня другую наставницу к своим детям, но желала бы получить от нее письмо, чтобы знать, при чем я остаюсь. Сохранив свободу, потерплю нужду; взяв деньги, задохнусь от неволи. Неволи сила не снесет! Правда и то, что на полученные денежки можно будет опять купить удовольствие.

Я говорила о своем отъезде Федору Борисовичу, он просит меня предоставить ему устроить его. «Да, впрочем,— прибавил он,— мы подумаем об этом, когда пройдут жары». Но жары будут продолжаться еще целый месяц! Стало быть, он не хочет отпустить меня из одного сострадания? Спасибо за сострадание, но я не хочу сострадания, я хочу дружбы.

Между тем я все чувствую жестокую тоску, скрываю ее при нем и без него ухожу, когда можно, в церковь и там изливаю ее слезами. Предчувствую, что будет горе, но с которой стороны? откуда оно нагрянет? О Боже, Боже! Пощади нас! Пощади любезных моему сердцу!

Несносные здешние жары умножают болезнь. Как я рада, что Броссе оставил своих лошадей Федору Борисовичу!

3 июля, суббота. Хорошего не будешь уметь высказать, печали не выразишь. Лучше всего молчать.

4 июля. Федор Борисович захотел, чтобы к обеду было приготовлено какое-нибудь кушанье из зелени. Неповоротливая Аннушка поздно отправляется на рынок. Я встала сегодня в 4 часа, взяла извозчика на базар и обратно, потому что мне хотелось поспеть домой, прежде нежели Федор Борисович уйдет в больницу. Я приехала, он только что начал пить кофий. Сказала ему, что купила для него зелени, и видела, что ему приятна была моя заботливость.

5 июля, понедельник. Вчера он приехал домой в 11 часов вечера. Я всегда плачу, когда он долго не едет. Напившись чаю, он стал писать к Броссе; много ли времени останется ему для сна? Сегодня он поручил мне отнести письмо свое на почту. Там отдали мне письмо от моей крестницы Дуняши. Печальные вести! Почтенный сослуживец Суворова, Семен Сергеевич Зыков, и Прасковья Осиповна¹²⁸ уже не существуют! Мир праху добрых! Холера поразила обоих. Не долго пережила Пашинька свою любезную сестру. Вот следствия мнимой ее твердости! Слезы сохранили бы ей жизнь. Что-то будет с бедной калекой Марьей Осиповной? Конечно, Пашинька о ней позаботилась, но где найдет она такое внимание? Зыков и Прасковья Осиповна всегда готовы были в случае нужды оказать мне помощь. Теперь все мои надежды разрушаются!

Одно только известие меня порадовало: брат мой принял место в Пензенской губернии. Давно пора ему оставить Москву, чтобы через несколько лет возвратиться в нее в лучшем виде.

Федор Борисович приехал в 3 часа. Почти никогда раньше не приезжает! Как ему не истомиться? Жаловался, что никто из воронежских жителей не платит за лечение. Какие подлые люди! Желая, чтобы он поскорее лег, я не стала говорить ему

о своем письме и рада была, когда он заснул. Но к великой моей досаде через четверть часа приехал один из воронежских дураков, разбудил его и повез к больному воронежскому дураку, который не хочет лечиться. Стоило бы только спросить наперед у больного, ехать ли за доктором, и после отрицательного ответа не для чего было бы беспокоить доктора. Мученье сердцу, да и только!

Федор Борисович хочет переменить службу. Дай Бог, чтобы это было к лучшему! Я предлагала, что пойду вместе с ним в больницу и буду помогать ему в раздаче лекарств, желая облегчить его в том, что он делает сверх обязанности, по недостатку прислуги. Он отвечал, что мое предложение невыполнимо, что об этом надобно будет посылать запрос в Петербург. Я, однако, вовсе не намерена быть всегда сестрой милосердия, я хотела взять эту обязанность на время, для его облегчения.

Какие несносные здесь жары! В девять часов вечера еще нет прохлады! Нет, благословенный край юга вовсе для меня не привлекателен и вовсе, кажется, не полезен для здоровья. Жар только утомляет и расслабляет, где же восстановление сил?

О Боже мой! Как долго не едет друг мой! Все боюсь, что приедут и скажут, что он захворал!

Я ждала его пить чай до половины двенадцатого. Чего не передумала я в это время! Можно ли удержаться от слез? Наконец он приехал, усталый, измученный! Чай пил, но с чаем съел только маленький кусочек хлеба. Рассказал мне историю одного Шеншина, который содержался в здешнем остроге и сегодня умер от холеры. История скверная, где все лица бесчестны и подлы. Федор Борисович на замечание мое, что немилую особу, вместо того, чтобы убивать, можно прогнать, отвечал, что иногда этого нельзя сделать. — Почему нельзя? возразила я; нельзя бывает только от недостатка решимости и слабости характера, а эти качества ведут к преступлению. По-моему, самая жестокая, самая неприятная правда лучше сладкого обмана.

Всю ночь думала я об этой гадкой истории. Слава Богу, показывается свет! Пойду за мягкой булкой для Федора Борисовича на Дворянскую улицу.

Он встал сегодня тревожный и недовольный. Не знаю, что с ним. Когда попросить объяснения? Приедет пообедать и

спешит лечь. Есть ли тут время заводить продолжительный разговор? Я сама желаю, чтобы он поскорее лег.

2 часа пополудни. Все живущие в здешнем околотке коронные чиновники проехали домой обедать, а Федора Борисовича все нет как нет! Боже мой! Пощади бедного сироту на чужой стороне! Сердце от страха ноет, какая охота обедать? Наглядываюсь на него в то время, когда он спит, только дадут ли ему сегодня спать? А если и дадут, так он сам велит себя рано будить; все спешит трудиться для неблагодарных.

В Богучарском уезде произошло возмущение. Крестьяне отказались пустить в деревню солдат. Губернатор поскакал туда с двумя полками казаков.

6 июля, вторник. Такая грусть нападает на меня, что не могу выразить! Каждый день хожу поутру к обедне, чтобы там беспрепятственно наплакаться.

Предчувствую горе, но с которой стороны оно будет?

9 июля, пятница. Всего тяжелее бывает мне вечером. Ждешь его до 11 часов, знаешь, что он беспрестанно должен быть на ногах, каждую минуту раздает приказания и за недостатком рук спешит сам раздавать больным лекарства; вот что тревожит душу! Как могу я выехать отсюда? Того и смотрю, что он занеможет. Как оставаться? При чем я здесь? В совершенном бездействии! Если бы по крайней мере мое присутствие было для него отрадно! Может быть и так, потому что он меня не отпускает. О, в таком случае я рада остаться и за тысячи не поеду отсюда.

Сегодня была я на кладбище, подле так называемой Новой церкви, за собором. 5 июля схоронили там Прохорова, нашего московского гражданина.

При таком физическом утомлении от множества больных и несносных жаров, я благодарю Бога за то, что у Федора Борисовича есть лошади. Думать не могу спокойно об осени: Броссе возвратится и возьмет лошадей, а внук мой должен будет пешком в грязное и дождливое время взбираться на крутую гору к больнице. Ему непременно должно завести лошадей! Я говорила с ним об этом. Он согласен, только денег у него нет, а он хочет занять их у доктора Эрке или у полковника Бринкмана. Я предложила взять у меня. Федор Борисович отговаривался тем, что у Елагиных нет денег и что они возьмут у Мойера, а тот должен содержать зятя [В.А. Елагина]. Я отвечала, что Елагины все же должны когда-нибудь отдать мне

деньги, что не век мне щадить их, что лучше ему взять у меня деньги, чем у чужих. Сегодня же написала я письмо к Николаю Елагину и послала это письмо в Москву, чтобы Михайла Никитич отправил его оттуда в Белев. Я сделала это для того, что Николай Елагин и Авдотья Петровна, получив от меня требование денег из Воронежа, могут догадаться, для кого я хочу взять означенную в письме сумму. Если же требование пойдет из Москвы, тогда они будут воображать, что я сама имею нужду в деньгах, и просто, без всяких рассуждений, вышлют к назначенному времени.

Самовар на столе, чай готов, мне он нейдет в душу без моего друга. Аннушка спит от скуки, а я прислушиваюсь, не слышится ли дрожек отдаленный стук, но нет! все было тихо. Лишь ночные перекликались сторожевые! 12 часов! Полночь! Его нет! Что делать?

Еще прошел час, я все в ожидании. Пробыло два часа, и дрожки въехали на двор, а дверь не отворялась, и хозяин не показывался! Я выбежала на двор и окликнула кучера. «Я здесь», — отвечал Клавдий. — «Где же Федор Борисович?» — «Остался ночевать в больнице, потому что привезли много больных, а вечером был у моего барина. Он только что приехал из Новочеркасска». Как было мне страшно слышать, что внук мой остался в больнице! Он там ночует и в очередь и не в очередь! Для людей неизвестных и неблагодарных он жертвует своим здоровьем, а проклятый Кремпин не возьмется ни одного дня подежурить, чтобы облегчить других!

Михайла Никитич и Дуняша часто ко мне пишут, и я, разумеется, тотчас им отвечаю.

Здесь в Воронеже есть одна приезжая богомолка, 45-летняя девица, по фамилии Карпова. Она больна холерой, а теперь эта болезнь перешла в горячку. Ее лечит Федор Борисович, поэтому я много молилась об этой Карповой и всем сердцем желала ей выздоровления.

12 июля, понедельник. Сегодня я пошла в ряды купить шелку, салфеток и скатертей для Федора Борисовича и зашла на почту. Там взяла я два письма, присланные на мое имя. Одно было от Машеньки Спиридоновой. Она присылает мне, по моей просьбе, 50 руб. сер. Итак, эта молодая женщина не забывает прежних услуг! Это чудеса в наше время! И то чудно, что муж ее, вовсе не зная моего характера, решился дать для

меня такую сумму! Я обоим очень благодарна. Второе письмо было от Михайлы Никитича. Это я положила в карман, думая: после! Какое-то предчувствие останавливало меня.

Возвратясь домой, я занялась другими делами, а письмо оставалось еще не распечатанным. Наконец, в 3 часа приехал Федор Борисович обедать. Тогда я победила свое нехотение и сорвала печать. Увидела почерк Дуняши и, кроме того, письмо на тонкой бумаге. Я догадалась, что это, верно, писано из Петрищева, и поспешно развернула. За минуту перед тем Федор Борисович вошел в свою комнату бледный, утомленный до чрезвычайности и как бы недовольный. Пока он раздевался, я хотела пробежать письмо, и первые попавшиеся мне строки были следующие: поминайте новопреставленную Елизавету! Мысли мои до того перепутались, что я никак не постигала страшного смысла и спрашивала сама себя: «Какая же у них в родстве Елизавета?» Письмо несколько минут оставалось у меня в руках: я не смела читать далее. Наконец, поняла ужасную истину и бросилась вон из комнаты, чтобы Федор Борисович не слышал и не видал моего плача. Он не стал бы обедать, а он и то мало ест.

Милое дитя мое! Милое дитя! Дорогая моя Лилушка, тебя уже нет, чистая душа! Незлобное, невинное существо! Как жестоко поступает Бог с бедной матерью! Не благо и не легко такое иго для всего семейства! Кажется, довольно взято жертв, можно бы пощадить радость его, прекрасную нашу Лилию¹²⁹.

Я не велела Аннушке рассказывать о том, что я плачу, и велела сказать Федору Борисовичу, что я не приду обедать, потому что обедала у одной знакомой монахини. Он рассердился и во второй раз послал звать меня, прибавив: «Аннушка, скажи Лизавете Ивановне, что только два часа бываем мы с нею вместе, а она и этого времени не хочет побыть со мною!» Нечего было делать! Я удержала свои слезы, поскорей умылась и пошла к нему. Он стал мне выговаривать. «Не сердитесь теперь на меня», — отвечала я тихо. Он заметил, что я плакала, и спросил, не получала ли я писем. Я сказала, что нет, но что в Москве сильно действует холера и что страшно за друзей. «Да ведь там нет уж теперь близких вашему сердцу?» Чтобы снова не заплакать, я постаралась обратить разговор на другой предмет, стала спрашивать о его делах, был

ли он у Винтулова, начальника здешнего кадетского корпуса, и есть ли надежда, что он будет принят в число корпусных докторов. Надежды мало, что делать? А Кремпина Федор Борисович ненавидит! Наконец обед кончился, и я поспешила уйти под предлогом, что хочу спать, а в самом деле, чтобы на свободе плакать.

Несмотря на то, что едва ходит, Федор Борисович спал только полтора часа и уехал в больницу. Мученье, да и только! Приехал домой в 12 часов ночи и сказал, что Карпова скончалась. Итак, мои молитвы о ней к Святому Митрофану и обещания за нее были напрасны!

Смерть Карповой огорчила Федора Борисовича; труды его пропали понапрасну. Наследники притянут себе наследство, а долг заплатить не позаботятся. Сегодня надобно было переломить себя и скрыть печаль, чтобы еще более не расстроить Федора Борисовича.

13 июля. То же самое: ранний выезд, позднее возвращение и видимое истощение сил.

14 июля. Сегодня исполнилось 40 дней по кончине Авдотьи Осиповны, и сегодня я получила письмо о смерти, последней смерти (sic).

Вечером я сказала Федору Борисовичу о том, что судьба назначает мне ехать в Петрищево. Он спросил, почему. Надобно было его приготовить, при его видимой слабости внезапное известие о смерти Лилушки могло бы гораздо более поразить его. Человек в болезненном состоянии принимает с большею чувствительностью всякие неприятные известия. Я сказала, что Лилинька больна. «Чем?» — Горячкой. — «Какой?» — Нервической. — «А у нее такая горячка должна быть очень сильна!» Потом он стал говорить о Катерине Ивановне [Елагиной], боялся, что в случае худых последствий ее здоровье может расстроиться, и стал очень печален.

Еще сегодня утром сказал он, что не поедет в больницу, однако ездил. Я не сказала ему о смерти Лилушки. Пусть Катерина Ивановна к нему напишет.

15 июля. Двойное горе: думать о горестной семье Елагиных и глядеть на страждущего моего внука. Он занемог от утомления. Целый день лежал безмолвный и печальный, сложив руки как бы для молитвы. К обеду встал, потом опять лег.

В минуты страха и тревоги я не могу плакать. Только в церкви нахожу я слезы. О Боже, Боже! Спаси его!

16 июля. Вечером он был также печален, и я спросила у него о здоровье. Он отвечал с каким-то нетерпением, что здоров, как рыба в воде. Я спросила у него, не мешаю ли я ему. «Неужели вам каждый день говорить, что нет?»

Можно ли тут уехать? Он здесь один, а в Петрищеве с Авдотьей Петровной другая дочь и сын.

17 июля. Как отравляется наша жизнь! И кем же? Тем, кто нам ее дал. Материальные печали и неприятности можно было бы перенести, если бы судьба щадила жизнь наших милых!

Федора Борисовича навещали доктор Эрке, Броссе и сам Кремпин.

18 июля. Получено письмо от Катерины Ивановны с печальной вестью. Федор Борисович сказал мне о письме. Я ушла от него, чтобы прочесть печальные подробности и плакать на свободе. Вечером, видя, что я не прихожу, он постучал мне в стену и сказал: «Что вы прячетесь?» Я вошла к нему, самовар был на столе, и я стала готовить чай. «Вы, верно, знали уже прежде о смерти Лизаветы Алексеевны?» — спросил Федор Борисович. — Знала. — «Для чего же мне не сказали? Что тут скрывать? Ведь если родная мать умрет, таить нечего».

19 июля. Годовщина кончины Надиньки Шохиной. Бедная Аня! Как теперь ей грустно! Федор Борисович заметил мою печаль и спросил о причине. Я сказала, что вспомнила о Надиньке: увы! тут же вспоминаю и о Лиле.

20 июля. Сегодня я познакомилась с доктором Эрке, товарищем по службе Федора Борисовича. Мне гораздо более понравилась честная и добродушная физиономия этого старика, нежели молокососа Броссе, про которого Аннушка говорила, что он красавец. А сам Кремпин точно хоперский бык.

Аннушка захворала. Федор Борисович поручил старой кляшнице своих хозяев готовить для нас кушанье. Видя, что эта старуха не умеет распорядиться столом, хотя может хорошо выбрать припасы, я взялась за хозяйство, чтобы избавить друга моего от скуки приказывать всякие мелочи, а чтобы кушанье было хорошо изготовлено, то я пригласила кухарку здешних хозяев готовить нам обед. Разумеется, что я заплачу

ей; да для меня все охотно делают, все меня любят в этом доме. Кухаркина дочь, молодая и не дурная собой девушка, идет замуж. Я обещала подарить ей мое одеяло. От этого подарка и мать и дочь в восторге и готовы все для меня сделать. Меньшая дочь Афросиньи, так зовут кухарку, тоже служит мне с удовольствием, потому что я иногда приношу ей в гостинец булку или яблоко.

Писала я к милой Пановой, к несравненной моей Катерине Александровне и к Анне Ивановне [Соколовой].

21 июля. После краткого отдыха Федор Борисович опять пошел к должности, однако обедать пришел домой. Броссе взял своих лошадей. Он не хочет служить с Кремпиным и выпросился, чтобы его отправили в Острогжский уезд. Кремпин всех огорчает, на него все беспрестанно жалуются. Мне очень жаль, что Броссе уезжает; Федор Борисович любил его.

22 июля. Какая досада! я приготовила хороший обед, а Федор Борисович не мог обедать дома, потому что был зван на именинный обед к мадам Кремпиной.

23 июля. Чтобы защитить моего любезного внука от несносных мух, я покрываю его в то время, как он ложится спать, кисейным платком. Слава Богу, что он это допускает!

Надобно ехать. Меры приняты! Но тоска на душе. Тяжело оставить дом, где обитает сердце мое, где нам так было хорошо друг подле друга.

24 июля. Ходила отыскивать попутчиков и между тем купила для моего внука в подарок серебряную ложечку и маленький молочник. Я терпеть не могу медных вещей, а у него ложечки апплике! И этого-то добрые родные не догадались прислать ему на новоселье! Маленький молочник купила я для того, чтобы не портились сливки. Жаль, что долго я проходила! Возвратясь домой, нашла, что он уже давно дома. Он спросил, отчего я так печальна. Не отвечая прямо, я сказала, что дала свой адрес в две гостиницы и поручила отыскать мне попутчиков. Прочла ему письмо ко мне от Михайлы Никитича, в котором он зовет меня приехать в Москву, чтобы умереть с ними вместе. «О,— сказал Федор Борисович,— этого еще он может подождать! Вам некуда спешить».

Зачем он говорит таким образом? Он не знает, что я принимаю такие слова его за желание, чтобы я осталась долее

у него, а мне и то трудно выехать. Позавидовала же судьба нашему счастью и похитила Лилу! Если бы не эта горестная кончина, которая заставляет меня ехать в Петрищево, то я могла бы остаться здесь до сентября.

Раз Федор Борисович сказал мне: «Когда вы на будущий год ко мне приедете». Итак, он чувствует, что я не вытерплю, чтобы не видеть его, если буду жива! Да хранит Господь моего друга!

25 июля. Сегодня он дежурный и дома не обедал.

26 июля, понедельник. Я получила письмо от Михайлы Никитича [Соколова]. Он умоляет меня возвратиться в Москву поскорее, потому что все так называемые друзья мои уже знают о том, что я в Воронеже. А что мне до того за дело? Пусть люди знают, а собаки лают, если хотят! Мне одно важно, одно дорого! Вот в Петрищево ехать должно; да я уже и приняла меры к своему отъезду. Грустно выехать, грустно туда будет приехать.

28 июля. Если бы холера была в той же силе, как за месяц пред сим, то я бы ни за что не поехала, а теперь она уменьшается, число больных не велико, и действие болезни гораздо слабее.

Здесь, подле того, что дорого, какая отрада сердцу! Но мысль о потере Лилы возмущает душу.

29 июля. Он долее остается дома; но несмотря на то, что наши сердца согласны, мы мало говорим. Мысль о предстоящей разлуке и о том, что было в Петрищеве, отнимает у меня язык. Он думает о своем будущем: тяжело ему будет оставаться с Кремпиным. Но мы понимаем друг друга! Да останется со мною эта сладкая вера, когда всякая другая угасла.

Как выехать? Каково будет? Надобно ехать, да я и еду! Но кого я оставляю и на кого? Куда я поеду и для чего?

30 июля. Чтобы подать прошение о желании своем поступить на службу в кадетский корпус, Федор Борисович взял свой послужной список у секретаря, не сказав для чего. Секретарь, верно, вообразил какую-нибудь глупость и отдал. Теперь Кремпин бесится и спрашивал секретаря, — как он мог выдать бумаги? «А почему же мне было и не дать их? — отвечал тот, — г. Тидебель не ребенок. Да какое право имею я не давать его бумаг?» Славный ответ! Кремпин думает удержать человека насильно.

Вечер. Мы долго сидели вместе. Я рассказывала ему об одном печальном событии моей жизни. Федор Борисович был печален и задумчив. Как мне жаль моего друга! Обстоятельства внешние и внутреннее беспокойство подрывают его здоровье. Для чего я его оставляю? Ни для чего! Разве присутствие мое будут считать за что-нибудь? За ничто! К чему? Ни к чему. К кому? Ни к кому.

31 июля. Я видела, что он встал слабый и расстроенный. За обедом сам признался, что ему нехорошо, а между тем велел себя разбудить в 4 часа, и ему надобно будет идти в самый жар, по крутой горе, а пришедши в больницу, бегать от одного больного к другому. Сообразив это, я послала маленькую Сашу за извозчиком, но очень боялась, что Федор Борисович отошлет его назад. В самом деле, когда он встал и увидел извозчика, то сказал: «Мне его не надобно». — «Сделайте хоть мне одолжение на этот раз», — возразила я, и, к великой моей отраде, он послушался. Сначала сказал, что поедет только в больницу, но потом я узнала от извозчика, что он из больницы поехал к т-те Соме. Там живет Броссе. В половине 12-го я ушла в свою комнату и, разумеется, не ложилась спать. Через час он приехал.

АВГУСТ

1 августа. Прощаясь утром со мною, чтобы идти в больницу, он взглянул на меня гораздо ласковее, так что я, вызванная взглядом его, отвечала: «Прощайте, голубчик!»

Сегодня я поехала на Тернавский рынок для узнавания местности. Заезжала в гостиницу Авдеева узнать о попутчике в Орел, но еще никого нет.

Вечером я говорила об этом Федору Борисовичу. «Видно, сама судьба не хочет, чтобы вы оставили Воронеж», — отвечал он. Я печально взглянула на него. Каково мне ехать!

Он был смутен и сказал мне, что в Ревеле и в Риге показалась холера с 15 июля. В Ревеле живет его мать; итак, неудивительно, что он в заботе. Жаль только того, что здешние хлопоты и тамошние заботы сходятся вместе и что все это может иметь вредное влияние на его здоровье. Он и то часто стонет во сне. Боюсь, не чувствует ли он какой боли, а спросить — так не скажет! Ах, зачем я еду? Там присутствие мое

не нужно! Но что делать! Там люди в печали, должно ехать туда. Сверх того, если я поеду, то достану денег, и мне можно будет дать их моему внуку на заведение экипажа. Надобно ехать, иначе я отсюда не могу расплатиться ни с Катериной Александровной, ни с Машенькой Спиридоновой.

2 августа, понедельник. Нынче он долго не ложился спать. Я тоже мало спала от сильной ревматической боли в щеке. Встав поутру, я обрадовалась, что он не ушел еще в больницу, и побежала к нему. Нынче он дежурным, ночевать дома не будет, завтра придет только к самому обеду; как же мне не спешить взглянуть на него? Он был смутен. В первый раз я спросила у него о здоровье; он отвечал: *assez bien*. Что узнаешь из такого ответа?

3 августа, вторник. В два часа Федор Борисович пришел домой обедать; я спала в это время на диване. В комнате он не нашел ни Аннушки, ни Греты, а когда я встала, сказал мне, что чем больше народу, тем хуже. — «Это правда», — отвечала я.

Он лег отдохнуть только на полчаса. Я покрыла его кисейным платком и сказала: «Милое мое дитя!» Он усмехнулся. Я стала будить его через час, жаль было разбудить ранее — он так крепко спал! Проснувшись, он сказал со вздохом: «Надобно вставать». Потом позвал меня, однако ничего не сказал. Как мне его жаль! Безжалостная судьба преследует его. Неприятности, утомление, нужда, беспокойство о матери — все угнетает его! А матушка его не поспешит написать к сыну, чтобы его успокоить. Только я одна пишу к нему всегда и всюду.

Он ушел в больницу, а я пошла в одно из воронежских предместий, называемое Чижовкой. Там существуют здешние огороды, и я хотела в последний раз купить для моего друга зелени, которую он любит. На возвратном пути я зашла взять ситный хлеб в лавке хлебницы Миллер, и там мне сказали, что из гостиницы Авдеева прислали сказать, что есть попутчица в Орел и что с меня просят 5 руб. серебром. За обедом я сказала об этом Федору Борисовичу, он отвечал: «По крайней мере вы поедете не одни; этим случаем надобно воспользоваться». Увы! Я сама это чувствую! Оставляю пустыню, которая мне дороже всего.

Ходила в ряды и в лавки, чтобы закупить для него разных припасов и вещей, чтобы его избавить от хлопот. Между про-

чим купила для него и курительного табаку, чаю и пр., и всему поставила меньшую цену.

4 августа, среда. Я встала рано, чтобы припасти ему мягкую булку и напиток вместе с ним чаю. Об отъезде я еще ничего не решила, и он ушел в больницу, не зная того, что мы сегодня расстанемся.

О, какое тяжелое чувство разлуки! Никогда к нему не привыкнешь! Долго рука не поднималась описывать этот день, хотя последующие были описаны мною в дороге, а 4 августа оставалось в памяти, и сказание о нем не выливалось на бумагу.

В это утро я старалась заниматься им и что-нибудь устроить для него приятное. После ухода его в больницу я в последний раз поехала для него на базар, где одна из торговек обещала мне, по моей просьбе, приготовить свежих стручьев. Федор Борисович любит из них кушанье. По нынешней засухе и по глупости воронежцев всякая зелень и корни здесь очень дороги, ибо здешние огороды устроены на горе, огороды крестьянские находятся за рекой, но там нет ничего, кроме капусты, луку и картофеля. Поваренную зелень разводят городские огородники, но во время засухи воду надобно доставать из-под горы, что очень неудобно и дорого обходится им самим. Я просила торговку достать мне стручьев и турецких бобов и не останавливаться за дороговизной. Ведь я не его деньги заплачу, а на один раз меня станет!

Купив зелени и разных припасов, я купила еще клеенку на покрывку стола, где стоят его книги. Возвратясь домой, распорядилась столом, поручила Афросинье, как знающей кухарке, сделать к обеду пирожки [теперь готовит кушанье Грета, кухарка брата Федора Борисовича]. На Афросинью я надеюсь, что она не испортит кушанья. Потом я раздала всем людям подарки, чтобы уже ничем не развлекаться в прощании с моим внуком. Аннушка, хотя и выздоравливает, но ни за что еще не принимается по слабости. Чухонка Грета до крайности медлительна, и комнаты без моего попечения были бы выметены не утром, а в 5 часов после обеда, а стол с книгами всегда оставался бы в пыли, потому что безграмотная прислуга боится смешать книги. Во время моего пребывания здесь я через день снимала книги, чистила сукно, бывшее на столе; теперь, вычистив стол, я накрыла его клеенкой, ее в одну минуту можно вытереть тряпкой, обмела книги, поставила их по

порядку, вымыла его головную щетку и положила ему новый гребень, насыпала табаку в коробку, убрала платье в шкаф и положила туда и чаю, и сахару. Еще про запас сунула в пустой ящик, стоявший в шкафу, пакет с курительным табаком. Пусть Федор Борисович найдет его после моего отъезда, так спорить не будет. Мне пособляла в уборке маленькая Саша, меньшая дочь Афросиньи. Добрая старуха Авдотья Харитоновна чистила платье. Она любит Федора Борисовича; он вылечил ее каплями от холеры. Наконец, уборка кончилась, и я села записывать расход, чтобы счесть данные им мне деньги и возвратить остальные.

Моя попутчица прислала мне сказать, что нам должно выехать сегодня в пять часов пополудни. Следовательно, мешкать нечего! Сбираться надобно! Долее оставаться здесь нельзя!

Когда я стала писать расход, то, взглянув в окно, увидела, что идет мой милый внук. Я заплакала. Он вошел в комнату и подошел к коробке с табаком, чтобы набить себе трубку. Увидев там заготовленное количество табаку, он сказал мне: «Это очень любезно с вашей стороны, что вы обо мне подумали!» И увидев, что я плачу, догадался о чем и спросил: «Когда вы едете?» — Сегодня в 5 часов. — «Как! Так скоро!» Я подала ему расходную записку и деньги, а сама поспешила накрывать стол для обеда. Федор Борисович, увидев, что письменный стол его был покрыт новою клеенкой, сказал мне: «Я должен вам отдать деньги за те вещи, которые вы для меня купили и которые мне были нужны, да время не позволяло об этом думать. Сочтемтесь». — Хорошо, отвечала я, и всякую вещь говорила в половинную цену. Надобно же мне помочь ему тайно, если он не допускает этого явно.

По окончании счетов я предложила милому моему внуку, чтобы он взял у меня холст для белья себе, что я сошью ему белье сама, когда буду в Москве. «Белье у меня есть, — отвечал он, — я дал на руки Аннушке только одну часть, другая в запасе, но этих вещей всегда хорошо иметь побольше. Сколько надобно холста и что будет стоить сорочка?» — Четыре аршина холста, а цена — по 90 к. аршин. — Я опять сказала половинную цену. «Только я не хочу, чтобы вы сами над этим трудились, а прошу вас отдать шить белье Анны Ивановны дочерям, а я им заплачу за труды».

Я была очень рада, что он согласился на мое предложение, что за малую цену я доставлю ему достаточное количество хорошего белья. Увы! прежде думала о нем бабушка, а теперь нет ее! Теперь о нем не позаботятся ни сестрица, ни матушка!¹³⁰ Друг мой! Я буду вместо бабушки твоей о тебе думать.

Обед был хорош, Афросинья отличилась, желая доказать мне свою благодарность. Федор Борисович разговаривал весело (он не любит печальных проводов, я старалась подражать его тону), но я знаю, я чувствую, что он видит мое чувство преданности и что ему будет жаль меня. Но что делать! Возможно ли долее там оставаться? Пора в Москву, к милым могилам! О Боже, Боже, благослови моего милого внука! Желание сердца его дай ему и даруй ему силы и здоровье!

Непременно должно ему купить себе лошадей. Денег он не хочет брать у Мойера, а хочет взять у доктора Эрке или у меня. Я требую предпочтения против Эрке, но опять именно для того, чтобы достать денег, мне надобно выехать из Воронежа. Своею скукою я куплю его спокойствие, и, следовательно, мешкать не должно.

После обеда он хотел сидеть со мною, но могу ли я предпочесть свое удовольствие тому, что для него полезно? Ему необходимо нужен сон! Я уговорила друга моего лечь и заснуть хоть немного и обещала разбудить в 5 часов. Когда он лег, я хотела, по обыкновению, накрыть его кисеей, но он сказал: «Не накрывайте! Я не хочу долго спать». Я погладила его темно-русую головку, слегка поцеловала ее и вышла, чтобы скрыть свои слезы. Несколько раз входила опять к нему в комнату, чтобы посмотреть на спящего, и наконец, в половине четвертого пошла проститься с людьми здешнего дома. Все плакали, прощаясь со мною, и меня очень тронула их благодарность и радушие. Аннушка сказала мне, что Федор Борисович приказал ей напечь мне на дорогу пирогов и еще изжарить цыпленка. Она возразила ему, что этот цыпленок был откормлен и что у них нет другого. «А разве я жалею чего-нибудь для моей московской гостыи, — отвечал он. — Тем лучше, если цыпленок будет вкусен!» Выслушав этот рассказ, я увидела, что невозможно будет не принять того, что мне приготовлено было от моего любезного внука с таким добродушием.

В 5 часов я вошла в его комнату... несколько минут медлила и наконец разбудила его. Аннушка приготовила нам чай, но Федор Борисович сидел грустный и выпил только один

стакан чаю. Я старалась удерживать свои чувства и в 6 часов встала и сказала: пора! Федор Борисович встал и пошел вместе со мною к дверям. Тут я опомнилась, что не простилась с ним. Там, где ожидает меня моя попутчица, верно, будет много посторонних людей, что за радость прощаться при свидетелях? — «Воротимтесь на минуточку», — сказала я, — и мы опять вошли в его кабинет. Я обняла моего дорогого внука, перекрестила его и хотела идти, но он снова сам обнял меня и горячо поцеловал. Мы вышли вместе и вместе поехали на Попов рынок, в один постоялый двор, где ожидала меня капитанша, моя попутчица. Ее провожал муж, капитан Тульского егерского полка. Капитанша едет в Орел, где у нее собственный домишко. Мы сели в повозку, а муж не подошел еще раз проститься с женою; зато мой милый внук подошел ко мне, простился еще раз и пожал мне руку. Так мы расстались! Он пошел направо, мы поехали налево — разлучила нас неволя!

Скоро мрак ночной скрыл от глаз наших любезный град Воронеж.

Пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце.
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон!

Проехали мы города Землянск и Ливны. Слава Богу, спутница моя была молчалива и ни о чем не расспрашивала. В печальном моем расположении духа ее молчание было мне большим облегчением.

Кого я оставила? В какое время? Среди каких людей? В каких обстоятельствах? Куда теперь я еду? Что найду там? К чьей могиле надобно будет подойти мне?

О милое, милое дитя мое, прекрасная моя Лилия, рано увяла ты для нас! О бедная, горестная мать! Нет для тебя счастья!

8 августа, воскресенье. В 4 часа пополудни, спутница моя и я, мы были в Орле. Оттуда я тотчас поехала в деревню Петра Васильевича Киреевского, в 7 верстах от города. Петр Васильевич принял меня с обыкновенным радушием. Долго мы говорили о бедной Лиле. Послезавтра мы поедем вместе в Петрищево: 12-го числа будет сороковой день после кончины Лилы, и в этот же день исполнится полгода после кончины Катерины Афанасьевны [Протасовой].

У Петра Васильевича я увидела с удовольствием добрую Ольгу Сергеевну. Она живет здесь у сестры Марьи Сергеевны. Последняя вместе с мужем своим, Маркеловым, занимается хозяйством в доме Петра Васильевича. Дом хорош, деревня хороша, можно было бы жить счастливо, но сердечные потери — смерть родных и сердцу милых — возмущают душу и разрушают тихое сельское счастье. Кабы было прежнее время!

9 августа. Как хорошо, что сегодня Петр Васильевич посылает на почту в Орел отправить чье-то письмо. Как не воспользоваться мне этим случаем? Как не писать к Федору Борисовичу? Ночью письмо написано, утром отправлено. Слава за то Богу!

10 августа, вторник. Бунино. Мы с Петром Васильевичем приехали к обеду в Бунино. Катерина Ивановна [Елагина] вышла встречать брата и не удивилась, видя меня: Федор Борисович писал к сестре, что я буду в Орле, а следовательно, у них.

Какая разница в обращении с ближними и встречными мужчин и женщин! В первых тотчас видишь открытое, любезное добродушие, чувства последних скрыты и сомнительны.

Мойер ничего не сказал мне особенного, но так ласково и дружелюбно протянул мне руку, что тут, в этом движении видна была признательность за то, что я навестила его племянника. Молодой хозяин [В.А. Елагин] тоже был ко мне внимателен, чего я никак не ожидала.

После обеда я ходила в церковь и просила священника отслужить панихиду по боярыне Екатерине и боярышне Елизавете. Из церкви пошла на могилу Катерины Афанасьевны и с душевною признательностью поклонилась праху моей первой благодетельницы.

Все молодые люди ушли наверх, я осталась одна с Мойером и рассказывала ему о Федоре Борисовиче. Василий Алексеевич [Елагин] тоже много о нем расспрашивал и слушал с большим участием.

Мы остались ночевать в Бунине, с тем, чтобы завтра утром ехать вместе с Василием Алексеевичем и Катериной Ивановной в Петрищево на поминки по Лилушке. Странно, что Катерина Ивановна уезжает от здешних поминок; ей следовало

бы поминать свою бабушку, которая заменяла ей и мать. С Мойером останется Пато и Наташа.

11 августа. Петрищево.

Elle était de ce monde, où les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses —
L'espace d'un matin.

Цвела и блистала
Невинною чистой красой,
И всех утешала,
И всех восхищала душой.

Пусто и скучно Петрищево! Жалко Авдотью Петровну и Марью Васильевну, а еще более жаль Николая. Все жалеют о Лиле. В ней были все хорошие качества отца: его рассудительность, его умение сделать пользу другим и его дух порядка.

12 и 13 августа. Несносные удушающие жары! Ветер наносит на грудь пламенный, удушающий слой воздуха, и в это время постигаешь, каков должен быть сирокко в Италии. Может ли в такое время прекратить свою свирепость холера? Могут ли больные от других болезней получить теперь облегчение? Что-то происходит в Воронеже? 15-го числа там начинается конная ярмарка, боюсь, чтобы не возобновилась холера.

14 августа. После обеда Петр Васильевич и я поехали ночевать в Долбино. Завтра приходский праздник и ярмарка.

15 августа. Были мы у обедни, народу было много, но не так, как в старину, во время царствования здесь прекрасной и веселой вдовы Киреевской¹³¹. Петр Васильевич остался у брата, а я уехала с Анной Петровной [Зонтаг]¹³² в Мишенское.

16 августа. Я провела целый день в Мишенском. Там было мне и приятно, и льготно, и отрадно. Анна Петровна так добра и любезна! Очень жаль, что против нее внушали такое предубеждение Тидебелю.

17 августа. Нынче я сказала Николаю Алексеевичу [Елагину], чтобы он заплатил мне 700 руб. из числа 2000, которые взяла у меня мать его. Половину пошлю к Федору Борисовичу, авось возьмет! а другую надобно употребить на уплату

моих долгов. Мне надобно отдать 100 руб. Свербеевой. Она прислала мне эти деньги 1 июня, полагая, что я буду продолжать уроки у Терновского в доме, а я не могу этого сделать, потому что зиму проведу в Петрищеве. Надобно возвратить 70 руб. Анне Александровне Елагиной. Они истрачены на домашний расход. 50 руб. серебром — Марье Богдановне Спиридоновой. Я знала, что, следуя своему сердцу, она без всякого сомнения дала бы мне эту сумму, но была несколько в сомнении оттого, что Машинька должна была просить этих денег у своего мужа, а я с ним так недавно знакома, что он мог не доверять моей честности. Видя, что у меня неостанется денег выехать из Воронежа, я оттуда писала к Машиньке и просила у нее займы 50 руб. сер. Добрая Маша выслала мне деньги с первою почтою. Была я в Игнатеве, деревне Авдотьи Васильевны Пелопидас, бывшей m-me Вельс, урожденной Азбукиной. Муж ее, грек, званием доктор, очень умный и образованный человек. Он служил при Одесской городской больнице, знает русскую службу и понимает, каково Тидебелю. Мне приятно было говорить о последнем с человеком, испытавшим притеснения и несправедливости от начальников невежд, от начальников, которые любят чужими руками загребать для себя жар. О Тидебель! сколько еще надобно тебе терпения!

Теперь моя отрада или во снах моих, или в воспоминаниях. На нынешний день я видела во сне папинуку и Василья Петровича Андросова¹³³. Последний жал мне руку и был особенно со мною ласков. Грусть овладела мною, целый день сидела я в молчании, не могла найти речей и вполне похожа была на статую. Что-то происходит с милым моим сыном?

18 августа. Я радуюсь, когда пройдет день. Авось придет желанный день смерти.

Спешу в Москву к могиле милого Валуева. Ему будет приятно, когда я приду к ней. В Москве я найду свободу, но не найду счастья.

19 августа. Елагины хотят непременно продать свой дом у Красных Ворот. Грустно мне будет, что я разлучусь с доброй Анной Ивановной и ее семьею.

20 августа. Какая разница с тем, что было в прошлом году! Это было время знакомства моего с Иноземцевым.

Как иногда одним явлением
Вдруг оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о Боже мой, становится полна!

21 августа, суббота. Я послала на почту письмо в любезный мне Воронеж; однако я полагаю, что почта пойдет только в понедельник, т. е. 23-го, туда придет, вероятно, в пятницу, т. е. 27-го. Прошлого года это был день отъезда Федора Борисовича в Екатеринославль, где по крайней мере светлый Днепр утешал его, а в Воронеже и того нет.

Мой отъезд в Москву замедляется более и более. Василий Алексеевич [Елагин] просил меня пробить здесь 23 августа, день рождения брата его. Я охотно согласилась исполнить его просьбу, однако мне пора в Москву! Только оттуда могу я выслать деньги, куда следует, только там возможно будет изготовить белье, кому надобно.

Первое письмо к Федору Борисовичу писала я из Киреевской слободки 9 августа. Думаю, что он получил его 12-го. Мое второе было писано 16 августа, но отправлено только 18-го; дойдет 20-го. Третье пойдет 23-го числа и дойдет 27-го.

Какое радостное известие! Милая Анна Андреевна [Панова] благополучно родила дочь. Слава Богу! А нас все пугали ее родами, говорили, что она не перенесет их; к счастью, вышло все пустое!

23 августа. Да благословит Бог Николая Алексеевича и Митю Свербеева! Нынче день рождения обоих. Бедный Николай Алексеевич был очень печален: прошлого года он праздновал его с сестрою. Василий Алексеевич приехал к брату из Бунина один; у жены его болят зубы.

А прошлого года я сидела вечер с Федором Борисовичем. Я привезла ему от Свербеевой одобрительные письма к серпуховскому доктору Кундасову и к воронежской помещице Потаповой.

24 августа. Все мысли мои заняты прошедшим. Оба Алексеевичи [Елагины] уехали в Бунино.

Я получила письмо от Анюты Кудрявцевой. Слава Богу, она и вся ее семья здоровы, родные также.

Получишь завтра ты вопрос,
От коего повесишь нос!

(Предсказание карточного оракула)

25 августа. Странны женщины! Огорчены, заняты печалью, а все пустому любопытству есть место. Спрашивали меня о расположении комнат, занимаемых Федором Борисовичем; я спроста описала. «А где же вы жили?» А! Так вот в чем дело, подумала я, и отвечала, что город не мал, да и дом Тургеневой поместителен, и что там были особые прекрасные комнаты.

Сегодня вечером управляющий Петрищевым принес неприятное известие, что в Троицком, Одоевском имении Елагиных, сгорело 11 дворов. Огонь перекинуло от соседей.

26 августа. К вечернему чаю приехал Николай Алексеевич. Он привез печальное известие, что Мойер жестоко болен, простудил жестоко себе голову, так что боятся воспаления в мозгу. Боль так сильна, что он не в силах удержать своих стонов. Добрый Николай всеми силами уговаривал мать ехать в Бунино. Та придумала выписать Федю! Но возможно ли ему ехать? Но в силах ли он будет ехать? Об этом она не думает! Николай не хотел писать, однако его заставили. Я же написала к Аннушке, прося ее в ответе своем сказать мне о здоровье Федора Борисовича.

О бедный, бедный Федя! Все тебе грусть и тревога! Мысль о скорби его занимает мою душу. Дядю своего он любит, а ехать ему нельзя.

27 августа. День рождения Николиньки Свербеева. В 11 часов утра прошлого года я простилась с милым моим внуком.

28 августа. Только и слышишь, что о семейных потерях и общественных бедствиях от пожаров. Всюду распространяется уныние и страх.

Авдотья Петровна и Марья Васильевна по просьбе Николая Алексеевича уехали в Бунино. Однако оттуда был сюда гонец и привез весть, что Мойеру лучше. Следовательно, воспаления в мозгу опасаться нечего! Слава Богу!

29 августа. Я поехала в Мишенское; Анна Петровна [Зонтаг] собиралась в Володьково, к баронессе Черкасовой, и пригласила меня с собою. Я рада была увидеть баронессу.

Там видела я г. Христиановича с женою и меньшою дочерью. Сын баронессы, Гаврило Иванович, был женат на старшей дочери этого Христиановича и в прошлом июне овдовел, после 7 месяцев брака¹³⁴. Меньшая Христиановичева удивительно хороша и мила, так мила, что я пожелала внутренне такую жену моему любезному внуку. Эта прелестная малютка, воспитанная в Петербурге, все рассказывала мне про этот город и восхищалась им. Я шутила с нею, предложила по-московски бегать в саду, но петербургская девица скоро утомилась, побледнела и должна была сесть.

30-го утром я возвратилась в Петрищево и провела вдвоем с Николаем Алексеевичем три дня. Наши путешественницы приехали из Бунина, потому что Мойеру гораздо лучше. В полдень он мог, при хорошей погоде, прогуливаться в саду. Между тем сообщить это приятное известие в Воронеж никто не подумал! Если Федору Борисовичу нельзя просить отпуска, то ведь понятно, что он будет мучиться мыслию, что дядя его в опасности, а если можно просить о снисхождении, то зачем унижаться понапрасну? Опасность миновалась! Разумеется, что я тотчас написала о выздоровлении Мойера к Федору Борисовичу. Другие прежде меня могли бы писать, не отсюда, а из Орла, да плоха надежда! Прежде меня никто не хватится!

Письмо отправлено 31-го числа. Это четвертое и будет в Воронеже 2 сентября. Прошлого года в этот день, 31-го, я была в чернорабочей больнице, а потом в первый раз у Поляковых, для того чтобы узнать, как надписывать письма в Екатеринославль.

Теперь, в настоящем, жизнь для меня бесцветна, здесь тягостное чувство потери милой и прелестной девицы, горестное зрелище осиротевшей матери и печального брата — какая противоположность!

Здесь прочла я перевод «Одиссеи» Жуковского, но он появится в свет только в следующем году. «Зораб и Рустем», персидская сказка, превосходна в тех местах, где выражается чувство сыновней и отцовской любви, но любовь простая выражена там грубо и нисколько не привлекательна. Жуковский все откладывает возвращение свое в Россию и забывает, что дети его вырастут в Германии немцами, забывает о своих летах.

СЕНТЯБРЬ

3 и 4 сентября. Я жила прошедшим. Приводила себе на память то, как меня утешила ни с кем несравненная Катерина Александровна своею почти дружескою заботливостью о Федоре Борисовиче. С каким восторгом писала я тогда к нему в Екатеринославль и переписывала письма обеих милых сестер! Ночь была мне в день, сладкий сон заменило мне еще более сладкое бодрствование! Радостное ожидание наполняло мою душу: я думала этим одобрительным письмом к Фабру доставить что-нибудь особенно полезное Федору Борисовичу, приобрести, доставив ему пользу, какое-нибудь действительное право на его дружбу, и хотя пользы большой не было для моего друга, но душа моя была тогда полна и благодарностью, и надеждою. А ныне? Душа полна сожалением по Лилушке. Завтра день ее именин, и завтра исполнится два месяца, как ее нет на свете.

5 сентября. Поминовение.

6 сентября. Напрасно жду я письма от Федора Борисовича! Ни от него, ни от Аннушки нет ни строчки. Видно, надобно будет приехать в Москву, чтобы узнать о нем! В Бунине может быть и получено письмо, да мне не позаботятся сообщить приятного известия. Здесь тоже, получая письма из разных мест, не сказывают мне никогда ни содержания писем, ни от кого они писаны. Да это мне вовсе и не нужно! Этого знания вовсе я не думаю добиваться! *Едино есть на потребу! Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея.*

Мои сердечные сокровища суть мысли о живом, потом мысли об усопшем. Эти мысли не делю я ни с кем.

Прелесть жизни моей,
Тот образ тайный, священный,
В сердце, как тайну, ношу!

7 сентября. Я собралась ехать — и осталась! Грустно оставлять здешних жителей! Ворочусь к ним! Разорву все связи в Москве! А после — что ж после?

Пусть черный мой заступ меня закопает!

Приехали Петр Васильевич и Василий Алексеевич из Бунина. Они хотят проститься с Киреевскими, которые едут дня

через два в Москву и будут жить в материнном доме, у Красных Ворот.

8 сентября, среда. Перед выездом из Петрищева я ездила поклониться могилам Алексея Андреевича [Елагина] и Лилушки. В 11 часов отправилась в путь. Обедала в Мишенском и к вечеру приехала ночевать в Кондратово, имение Елагиных. На дороге встретила Николая Алексеевича, который ехал оттуда домой. Грустно было мне проститься с ним, но делать было нечего!

9 сентября. Утром приехала я в Лихвин. Пока здесь кормили лошадей, я написала к Федору Борисовичу. На почте сказали мне, что письмо пойдет только в субботу, т. е. 11-го, что тогда придет московская почта и заберет письма.

10 сентября. С дурного ночлега я выехала утром, в 4 часа. Дорога шла лесом. С одной стороны восходила заря, с другой месяц золотил вершины дерев. Виды и местоположения открывались восхитительные! Как бы хотелось вместе с милым внуком полюбоваться этим. Что-то с ним происходит? Здоров ли то мой друг? Не терпит ли он голод? Не чувствует ли холод?

12 сентября, воскресенье. Москва.

Москва! Как много в этом слове
Для сердца русского слилось!
Былого летопись живая,
Золотоглавая Москва!

В 4 часа пополудни я въехала в Калужскую заставу, и глаза мои обратились на ту сторону, откуда возвышался некогда златоглавый Данилов монастырь. Иде же сокровище ваше, ту будет и сердце ваше! Есть любимый сердцу край!

МОСКВА

12 сентября, воскресенье.

Есть любимый сердцем край!
Сердцу с ним не разлучиться!
Бездны моря проплывай,
Он тебе невольно снится!

Я поклонилась Кремлевской святыне и в 5 часов была у Красных Ворот. Михайла Никитич [Соколов] и Маша встретили меня очень радушно. Анны Ивановны [Соколовой] и Дуныши не было дома, однако и они скоро пришли.

Многие кончили жизнь в это лето, такая смертность заставила бояться за всех; я спешила расспросить о людях сколько-нибудь мне знакомых и узнала, что большая часть живы. Старая моя няня или, лучше, няня моего брата, жива и здорова. Увы! Запала дорожка к милому другу, Авдотье Осиповне! Не с кем выпить с удовольствием чайку, при сознании внутреннем, что души наши так же согласны, как согласны уста! Нет моей милой, веселой Прасковьи Осиповны! Где же согреться сердцу? Подле холодной могилы!

14 сентября. День рождения Валуева. К великому сожалению моему, старуха моя задержала меня своим приходом, и я не могла быть у обедни в Даниловом монастыре.

Ото всех моих знакомых желала я скрыть на некоторое время приезд мой, только не могла утерпеть, чтобы не осведомиться о здоровье Катерины Александровны. Я послала ей записку по городской почте и получила ответ несколько странный. Катерина Александровна говорит и уверяет меня, что Лилушка любила меня! Голубушка моя! Почему ты это знаешь? Конечно, молодая девушка не могла никого ненавидеть, но любовь ее ко мне истребили, уверив ее, что я ничего ни для нее, ни для братьев ее не сделала. Правда, что я не одарила их ни богатствами востока, ни чем другим, но я любила этих детей, старалась развить добрые их свойства (если бы они их не имели, то нечего было бы и развивать), а их уверили, что я даже не выучила их и читать по-русски! Один только Андрюша¹³⁵ много любил меня. У него был основательный ум, здоровое и твердое суждение, и его нельзя было уверить, что дважды два составляют пять. Если бы сам Андрей Первозванный стал уверять в этом Андрюшу, то он дал бы такой ответ: «Спорить с вами, Первозванный Апостол, мне неприлично, а я остаюсь при своем убеждении».

15 сентября. Марья Васильевна [Киреевская] поручила мне купить для нее разных вещей в Москве; я пошла в город и встретила на дороге жилицу Строевых. Она сказала мне очень огорчительную весть о молодых девицах. Обе, и Аннушка, и Софья, видимо худеют, слабеют, и в них одинаково

развивается чахотка¹³⁶. Бедные девочки! Жизнь вели они за-творническую, в их душах не пробуждалось никакое чувство удовольствия, ничего они не любили, ничем не восхищались, все молчали и таились во всем и ото всех, работали, учились прилежно не по охоте, а по долгу, и, наконец, должны будут окончить жизнь, не узнав никакой радости!

Куда делось намерение оставаться одной? Как не пойти к бедной матери? Как не навестить бедных девочек? Обе страшны своею худобою, особенно меньшая. Теперь их лечат.

16 сентября. Была я в Даниловом монастыре и осталась более часу на кладбище. Давно не была я тут, много чувств и мыслей желала я передать могиле. Дай ответ, душа чистая! Но я знаю, какой бы ты дала ответ! Мои мысли и дела чисты, другим не вредны, и ответ твой был бы для меня приятен. Мы опять вместе! Часто будем вместе, чистый небесный ангел! Вспомни обо мне в небесах!

Я была у Анны Александровны [Елагиной]. И она, и Катерина Александровна хотят, чтобы я снова взялась учить девиц Терновских, а я так всеми силами желаю от них освободиться. На срок можно взяться учить только детей с дарованием и убежденных в пользе учения. Анна Александровна досадует на меня за отказ и не понимает, что я не могу из Петрищева давать уроки девицам, живущим в Москве. Нынешнюю зиму мне должно быть свободной, потому что этот год будет решительным для меня и для друга моего. На будущий год надобно будет изменить план жизни.

Прости, священная свобода!
Я буду раб!

Я отдала назад деньги (20 руб. сер., переданные мне Анной Александровной от имени священника Терновского). За многопрошедшим временем он мог забыть, что действительно был мне должен, т. е. недодал 10 руб. сер., а если забыл, то может подумать, что я требую лишнего, так я хочу лучше лишиться денег, нежели доброго о себе мнения.

Вместе с Олимпиадой Петровной [Строевой] была я в Симоновской слободке, у Катерины Федоровны Селивановской¹³⁷. Слава Богу, она, и дети ее, и внучки, все здоровы. Погода была прекрасная, и мы после обеда гуляли даже в саду. Там же в слободке навещала я Катю Яковлеву, которая

на днях получила письмо из Петербурга, что пасынок ее, 18-летний юноша, умер от жабы в горле. Сестра его, Наташа, очень плачет по брату, но и Катя тоже печальна, что делает ей честь, потому что она мачеха покойному. Еще я навестила в слободке старушку Анну Ивановну Дудышкину, она больна; в нынешнее лето у нее два раза было воспаление в боку, и, крепкая сложением, она перенесла тяжкую болезнь, но выздоравливает, разумеется, медленно. Из слободки мы с Олимпиадой Петровной возвратились вместе в Москву и расстались у Красных Ворот.

17 сентября. Нынче день поминовения бедной Надиньки Шохиной. Мать ее взяла меня с собою на кладбище. Там просили мы священника отслужить панихиду и потом ходили несколько времени по кладбищу, осматривая памятники. Это Дорогомиловское кладбище, что *под Филями*, самое дальнее из всех прочих, самое прелестное по местоположению и одно из самых плохих по беспорядочной расстановке камней.

Я не видала еще Катерины Александровны. Она больна и слаба, боится моей печали, моих слез и назначает мне свидание 2 или 3 октября. Но боязнь ее совершенно напрасна: в течение долгой моей жизни я так привыкла к потерям, что душа моя окаменела. Редко могу я плакать, особенно там, где надобно показать, что грустишь.

Министр Уваров теперь в Москве. Он назначил, чтобы 12 студентов из второго и третьего курсов прочли бы публично какие-нибудь свои сочинения. В числе избранных был мой любимец Николай Дмитриевич Свербеев; он читал о Крылове и отличился в чтении и в способе изложения.

Мои любезные Пановы уехали из Москвы в симбирское свое поместье. Они пробудут там почти всю зиму. Жаль мне этого! Панов много бы помог мне, если бы здесь я нашла его! Все подпоры исчезают! Где же друзья?

Одних уж нет,
Другие странствуют далече!

Сегодня приехали в Москву, в дом Авдотьи Петровны, что у Красных Ворот, дети ее: Иван Васильевич Киреевский с супругою и с детьми. Детей у него четверо, он ждет пятого.

Как отрадно и льготно в уединении! Как тяжела мысль, что надобно будет его оставить и взять на себя цепи раб-

ства! Счастливы богатые! Им возможно по своей воле жить в обществе и жить в уединении. Я же должна идти в неволю ради насущного хлеба! Полную свободу даст мне только одна смерть.

18 сентября. Сегодня утром пошла я навестить Зыковых. Огромное, некогда веселое семейство в течение шести лет убавилось. Прежде всех умерла Верочка, радость и гордость матери, потом старшая дочь, Александра Семеновна Карецкая, через год после жены Петр Матвеевич Карецкий, обожатель Александра, потом четверо детей Лизаветы Семеновны Арбузовой, потом она сама, и наконец в нынешнем году, 26 июня, глава семейства — Семен Сергеевич Зыков. Зыков был сослуживец Суворова, вместе с ним взошел на стены Измаила; при погребении великого полководца, когда несшие гроб его остановились у церковных дверей, видя, что не могут пройти, ибо двери были узки, Зыков, находившийся в числе провожатых, громко закричал: «Суворов везде пройдет!», выступил вперед и велел снять с петель церковные двери; таким образом внесли свободно гроб. Зыков жалел о Павле. Прямая душа воина не терпела коварства, но та же прямота, не сворачиваемая с толку системами, помогала ему отличать виновных от невинных. Он знал, что виновными в смерти Павла были Пален, Буксгевден¹³⁸ и еще другие, но что они действовали вовсе не с ведома Александра. В 1805 г. Зыкову поручено было обучать милиционный полк, и учитель не вытерпел и сам стал в ряды воинов. До нашествия французов он жил с своим семейством в Перемышльском уезде, в деревне Земницах. Добрый семьянин, добрый помещик, он часто словесно увещевал крестьян своих быть добрыми и честными людьми, и крестьяне земницкие после 20-летнего отсутствия своего помещика не забыли его наставлений, чтут его память и даже детям передали это чувство почтения и благодарности.

Разумеется, что в 1812 году Зыков снова пошел в ополчение и служил до окончания войны. Снова поселился он в деревне, но в 1826 г. по настоянию жены приехал в Москву, где занял должность эконома при Александровском институте и отличался своею честностью. Старость заставила его выйти в отставку лет 5 назад, и наконец холера прекратила жизнь его на 80-м году от роду. За несколько часов перед смертью он говорил доктору своему о Суворове, о взятии Измаила.

Однако жена его жалеет о муже; это очень заметно и делает ей честь. Любимый сын ее, Николай Семенович, прошлой зимою удалился от мира в Донской монастырь. Я не видала еще этого молодого монаха. Маша, меньшая из живых детей Катерины Петровны, полуздоровая, полуобразованная девушка, не расстается с матерью. Пусть другие отличаются остроумием и просвещением, но, по-моему, эта Мария благую часть избра, яже не отыметя от нея на Страшном суде.

Мне хотелось видеть Иноземцева. Я люблю его за его добрые свойства и за то, что я могу с ним говорить о Федоре Борисовиче. Вздумано — сделано! Разговор наш всегда продолжается не более 10 минут, но по откровенности, по живому интересу к третьему, этот краткий разговор и душу взволнует, и сердце оживит. Я рада, что Иноземцев жив и здоров: почти все добрые люди или умирают, или страдают.

Племянник Свешниковой, Ефрем Иванович Пузырев, молодой прекрасный мужчина, лежит в расслаблении! Что, ежели на всю жизнь?

А Софья Строева, а сестра ее Анна! Ужасно смотреть на них! Несчастливая мать! Она находится в опасности потерять двух дочерей!

О Боже, Боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека!

Я была в Даниловом монастыре.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет,
С чем неразлучно упование
На лучший, неизменный свет!

Когда я иду к Строевым или возвращаюсь от них в свою обитель, то поворот в Уланской переулок всегда вызывает мысль о милой Авдотье Осиповне [Лебедевой]. Там был ее дом, но теперь запала туда дорога! Мне бы хотелось, однако, повидаться с ее золовкой, Настасьей Дмитриевной. Эта старая девушка так любила Авдотью Осиповну и вполне отдавала справедливость ее уму и заботливости.

Вечером, сидя в своей келье, я стала перечитывать прошлогодние письма из Екатеринославля от Федора Борисовича. А

quoi puis-je employer mes heures de loisir que de m'occuper de lui? C'est là que je trouve le bonheur! Une douce espérance vient encore me ranimer; aujourd'hui la poste de Woronége doit venir: j'aurai peut être une lettre de mon ami! O mon Dieu! Conservez moi mon ami, et je Vous rendrai des actions de grâces dans Votre temple.

Невестка моя прислала мне адрес моего брата, но прежде понедельника писать нельзя. Она и все дети ее здоровы. Жаль, что она бережет при себе меньших детей! Года идут, а дети ничему не учатся.

18 сентября, суббота. Вечер. Все стали собираться ко всенощной и спешили прежде напиться чаю. Маша зажгла лампаду перед образом Дмитрия Ростовского; я сделала чай и пригласила Александра Бакунина¹³⁹ выпить со мною стакан чаю. Я была не весела и не разговорчива. Анна Ивановна с дочерьми ушла в церковь, а я дожидалась, пока приглашенный мною гость допьет свой стакан. Вдруг раздался громкий лай Руслана и Шарло. Маленький Вася был дома и старался унять собак, но они продолжали бить тревогу, наконец я вышла посмотреть, на кого они лают, и каково же было мое восхищение, когда я увидела почтальона! Сердце сказало мне, что он принес мне письмо желанное, письмо от любезного моего внука, и в самом деле мое предчувствие оправдалось! Почтальон громко прочел надпись: «Из Воронежа!» Я послала Васю за деньгами, а сама хотела пойти к окну, чтобы иметь возможность прочесть письмо, но негодные собаки бросались на почтальона и заставляли меня стоять возле него. — «Вася, что же ты не несешь деньги?» — закричала я. — «Да здесь у вас все семикопеечники, а пятака нет». — «Что нужды? Давай скорее!» — Отпустив почтальона, я попросила Васю зажечь поскорее свечу, а Бакунин, видя мой восторг, который я никак не умела, да и не хотела скрыть, ушел к себе, чему я очень была рада.

Вася зажег свечу. Я сорвала печать и стала читать это милое письмо. Не напрасен был мой восторг, не напрасно было ожидание сердца! В полученном письме был ответ сердцу, дружба отвечала дружбе. Так ласково и с такою любовью никогда еще друг мой не писал ко мне! Ему скучно стало в Воронеже без любви моей, без любви чистой, искренней и родственной! Мы породнились с ним душами, не будучи род-

ными по плоти. Нежность дружества, выраженная Федором Борисовичем в письме его, так меня тронула, что я не могла удержаться от слез. Но это были слезы радости; да благословит Бог того, кто заставил меня так плакать.

Я пошла ко всеобщей и, конечно, уже молилась со всем усердием и благодарностью. *Quel bonheur! Il m'aime, il est sûr de mon affection, il y compte, il me communique tout ce qui le concerne! Comme je suis heureuse de son amour!*

25 сентября. Я надеялась получить сегодня письмо от Федора Борисовича вследствие того, что я прошлого года в этот самый день получила второе письмо из Екатеринославля. Надежда моя не оправдалась, так и быть! Зато я сама писала в Воронеж.

Je me suis empressée d'envoyer à mon ami bienaimé les cent roubles en argent blanc, pour l'acquisition d'un équipage. N'ayant point d'argent, mon petit-fils ne voudra peut-être me le demander, et moi, je n'attends pas cette demande, je la prévienne; il n'osera pas me renvoyer cet argent, il sait qu'il m'affligera très sensiblement. Et les autres ne savent point prêter secours, même à ceux qu'ils aiment! Ils attendent une humble demande! A quelle humiliation ils exposent leurs amis!

ОКТЯБРЬ

1 октября. Я была у обедни. Нынче был день рождения доброй названной бабушки Федора Борисовича, покойной Катерины Афанасьевны [Протасовой].

4 октября. Я писала в Воронеж, встревоженная тяжелым сном.

5 октября. О радость! Письмо из Воронежа! Маша подала мне его и потребовала за подачу репы! Милая девочка! Я готова дать тебе в награду яблок, не только репы.

11 октября. Праздник освобождения Москвы от французов. Прекраснейшая осенняя погода благоприятствовала торжественному крестному ходу около Кремля. Народу было видимо-невидимо.

Журнал откладывается до дней счастливых, памятных для сердца.

25 октября, понедельник. Вместе с Дмитрием Алексеевичем Тугариновым я поехала к жене его, в село Болшево, а в Москву возвратилась 30-го. В Москве ждала меня радость: письмо из Воронежа! Оно получено было 26-го числа, в мой любимый день, праздник Св. Димитрия Солунского, древнего Димитрия; в этот день бывали все Димитрии именинники до второй половины XVII века. По-старинному Валуев носил бы имя этого Димитрия.

31 октября. Еще радость, и очень большая: Катерине Александровне Бог дал сына, Михаила¹⁴⁰. Слава Богу, она родила благополучно. Письмо об этом писала ко мне Варенька [Свербеева]; признаюсь, я лучше бы желала, чтобы вместо ее писал Николинька.

Мне надобно было отвечать милому моему внуку, и разумеется, что я поспешила ему сообщить поскорее о благополучном разрешении Свербеевой. Мои радости и печали ему не чужды, да он и сам любит Свербееву. Я купила для моего внука какую-то вздорную книжонку, чтобы он прочел ее для рассеяния.

Ни о чем о прочем, каждодневном и обыкновенном, говорить не хочется. Оставляю дневник до случаев, памятных и дорогих для сердца. Бывало, милые предметы мне снились, и душа моя их тайный образ сохранила.

НОЯБРЬ

17 ноября, среда. Встала я довольно рано и только что села за чай, как дверь моя отворилась, и мне подали письмо от милого моего внука! Благодарение Богу! Какая радость! Вот счастливый для меня день! Желание Федора Борисовича исполнилось, он переведен в кадетский Воронежский корпус. Авось там будет ему лучше! Он очень доволен книжкою, которую я послала к нему 2 ноября. Милый внук мой! Если бы я была богата, то часто посылала бы тебе разные книги, а твои родичи об этом не подумают!

Еще другая радость: Соне Строевой лучше, а она очень меня пугала. Она и старшая сестра ее, Анна, занемогли вместе желчным расстройством, к нему присоединилось у обеих чрезмерное истощение сил, так что мы все боялись, что обеих

будем хоронить в конце ноября. Софью причащали и готовили к смерти, но, слава Богу, крайняя опасность миновалась, и обеим лучше.

18 ноября. Я у милой Прасковьи Михайловны Бестужевой¹⁴¹. Сегодня отвечала Федору Борисовичу, сегодня послала в Новгород, в церковь Димитрия Солунского, воздушы, вышитые мною по серебряному глазету зеленую, и, сверх того, 3 р. сер. на то, чтобы священник той церкви, духовник покойного Валуева, отслужил по нем обедню за упокой 23 ноября. Деньги дала мне Прасковья Михайловна, но в прошлые два года я посылала свои. Воздухи я посылала показать Катерине Александровне, но не сказала, куда сделаны.

20 ноября. Покупая для себя зимнюю обувь, я увидела в лавке Королева теплые мужские сапоги из козьей шерсти. Они так понравились мне своею легкостью и удобностью, что в голове моей мелькнула мысль купить их для Федора Борисовича. Вздумано — сделано; куплено и послано.

Катерина Александровна была очень больна в это время. Она простудилась в девятый день после родов. Лечат ее Иноземцев и Брокке. О Боже, Боже, будь милостив к этой несравненной женщине, спаси ее! Со времени возвращения моего из Петрищева мы еще не видались.

23 ноября. Поминовение по Валуеве. Я была в Даниловом монастыре, и была одна! Панова нет в Москве! Он вместе со мною всегда был здесь в этот печальный день воспоминания. Нынешний год добрая Прасковья Михайловна дала мне денег на обедню как здесь в Москве, так и в Новгороде, в церкви Димитрия Солунского, где стояло тело незабвенного Валуева и где совершенно было отпевание.

24 ноября. Болезнь Катерины Александровны заставила меня поехать в этот день к ней в дом, чтобы достоверно узнать что-нибудь. Слава Богу, больной лучше, но что было прежде, того я никак не могу узнать. Дочери Катерины Александровны ничего не знают, а сестра ее не хочет говорить.

ДЕКАБРЬ

1 декабря, среда. Декабрь. В 6 часов утра туманный свет месяца покрыл все улицы, и сад, и двор Елагиных, блеснул в

окно моей комнаты, и просветлели стены и пол уединенной кельи. Точно так, по словам Шиллера, встреча с другом озаряет радостью нашу жизнь. Первый предмет, представший глазам моим, был ангел, спящий во гробе. Но я не ужасаюсь этого предмета, а напротив того, хочу, чтобы он был началом и концом моих мыслей и желаний.

Встав с постели, я стала писать к Федору Борисовичу. Почта пойдет завтра, но я хочу начать новый год моей жизни беседою с милым моим внуком.

У меня была добрая Строева с обеими дочерьми. Я рада была их видеть, но в то же время испытывала и чувство страха: нынче так холодно, а Соню привели пешком! Прочие гости были: моя племянница Юлинька и Ваня, старая Марья, Дуняша Алексеевна и муж ее.

День прошел; благодарю Тя, Господи, за вся благая, посланная мне Тобою в день сей!

Добрый Бакунин сидел у меня часа полтора и доставил мне большую отраду своим разговором. Но я надеялась сегодня получить лучшую и важнейшую радость: письмо от Федора Борисовича, и надеялась напрасно. Впрочем, покоряюсь определению Божию; много было дано мне, дано более, нежели сколько я стою.

Сегодня послано письмо к Панову. Завтра надобно будет пойти к Иноземцеву и поговорить с ним о болезни Катерины Александровны, о переходе Федора Борисовича в кадетский Воронежский корпус и еще о болезни 15-летнего юноши, о которой передает мать, но слишком поверхностно. Иноземцева надобно настроить, чтобы он сам расспросил больного и не действовал бы по слуху.

2 декабря. Только что я села за чай, как мне подали письмо от Федора Борисовича. Он исполнил мое желание, написал в тот день, как я назначила. В кадетский корпус, что в Воронеже, внук мой перешел. Я написала об этом его родным, да что толку? Не догадаются послать ему денег!

Была я у Иноземцева.

15 декабря. Ноября 28-го родила Наталья Петровна [Киреевская] сына Николая. Иван Васильевич тотчас уведомил о том мать свою и других особ, живущих в сторонах Белевской и Козельской. От последних получены ответы, но из Петри-

щева ответа нет. На нас находит сомнение о том, здорова ли Авдотья Петровна.

16 декабря. В ночь выехала я в Белев с маленьким Щеколдиным. Отец его, уездный лекарь, скончался в последних числах ноября. Мальчик надеялся, что отец приедет за ним и возьмет его на Рождественские праздники, а вместо того узнал печальную весть. Наталья Петровна просила меня отвезти сироту к родной его тетке, белевской купчихе Прохоровой, что я и выполнила. Из Белева написала тотчас к милому внуку, к Наталье Петровне и к Анне Ивановне. Ночевать приехала в Мишенское, село, где родился Жуковский. Владетельница этого села, Анна Петровна Зонтаг, приняла меня ласково.

20 декабря. Я приехала в Петрищево. Там, слава Богу, все здоровы. 23-го приехали мы все в Бунино, чтобы там встретить Новый год.

Приехав к Мойеру, нашли Василия Алексеевича [Елагина] больным; он простудился, и дня три был у него сильный жар, однако после стало ему лучше. Накануне Нового года Николай привез мне письмо от Федора Борисовича, писанное последним в Белев. Я писала в Воронеж 28-го числа.

1849 год

ЯНВАРЬ

1 января. Бунино. Накануне вечером сошлись и здоровые и полубольные (Василий Алексеевич и Катерина Ивановна) встречать вместе Новый год. Дожидались 12 часов, чтобы за ужином пить шампанское, но все были грустны, все думали о прошлом годе: в Бунине Мойер встречал истекший год с доброю своею тещею, которую любил как мать, Елагины встречали его с Лилой. Когда встали из-за стола, то я не могла удержать слез, глядя на Авдотью Петровну, хотя она крепилась и не плакала. Когда все разошлись, я стала писать в Воронеж.

6 января. Катерина Ивановна [Елагина] слегла в постель.

16 января. Слава Богу! Катерина Ивановна вне опасности. У нее был в горле нарыв, в нынешнюю ночь он прорвался. По ее поручению я писала сегодня об этом к ее брату.

ФЕВРАЛЬ

3 февраля. Мы возвратились в Петрищево.

4 февраля. Писала в Воронеж. О радость! По-моему стало! Посланная вещь принята и понравилась.

Сегодня минул год тому, как Федор Борисович оставил Москву.

От Пановой получила письмо. Она зовет меня на лето в свою деревню, а не понимает, что на путешествие нужны деньги, а у меня их нет.

14 февраля. Много было мне горя оттого, что долго не было писем от Федора Борисовича, и наконец, сегодня маль-

чик Егор привез мне с почты желанное письмо! Слава Богу, внук мой здоров и доволен, после Нового года приехал к нему Броссе и пробыл у него неделю.

МАРТ

15 марта. Живу я в Петрищеве, но многое мне тяжело, во-первых, по воспоминанию о молодой девице, во-вторых, от небывалой прежде церемонности Марьи Васильевны (Киреевской). Например, по отъезде Николая Алексеевича в Москву, узнав, что я буду ждать его возвращения, она оставила свою комнату, где была вместе со мною, и взяла комнату Лилы, для нее неприятную и беспокойную. Выходит, что я стесняю ту особу, о которой всю жизнь жалела, потому что она всегда стесняла себя для других и что ее всегда стесняли, и никто не думал ни об ее удовольствии, ни об ее спокойствии. Тому, кто стесняет другого без намерения, позволительно ли продолжать это стеснение? Излишняя церемонность Марьи Васильевны так велика, что и посторонним бросается в глаза, а я не имею права жаловаться, да и не хочу. Николай Алексеевич уехал в Москву, а я обещала дожидаться здесь его приезда; итак, должна терпеть.

Недавно сама Авдотья Петровна дала мне почувствовать, что она ставит меня в ряд людей гораздо низших ее. Дело было вот в чем: Федор Борисович писал ко мне от 17 февраля и просил прислать ему записку о том, какие травы клал покойный Алексей Андреевич [Елагин] в водку, которую пил перед обедом. Письмо Ф.Б. я прочла Василию Алексеевичу при всех и потом просила у Марьи Васильевны записки о названии трав. Она пошла, отобрала сведения от Марины ключницы и передала мне. Я поблагодарила ее за труд и думаю, что в этом изъявлении благодарности не было с моей стороны ничего дерзкого и самонадеянного. Не тут-то было! Великодушные люди и тут нашли случай жестоко огорчить меня. Авдотья Петровна тотчас сказала: «С чего ты взяла, что можешь благодарить за Федора Борисовича? Он гораздо ближе к нам, нежели к тебе». — Я это знаю, — был мой ответ, — знаю, что он ближе к вам по родству, и по званию, и по образованию. — «Нет, не только по тому, но и по чувству дружбы; а ты туда же равняешься!» — Я и не равняюсь. — «Так для чего же ты благодарила Машу?» — Из учтивости. — «А! это другое!»

За что было так жестоко напоминать мне, что я не могу быть любимой Федором Борисовичем в равной с ними степени? Когда и в чем выказала я неумеренные какие-нибудь требования на его дружбу? Я даже не говорю о нем с Елагиными. На вопросы их о нем я отвечаю односложными словами и даже ухожу из комнаты, когда они заговорят о нем. Что нового могут они сообщить мне о милом моем внуке? Все хорошие свойства его я постигаю душою, а говорить о милом предмете хочу с людьми, меня искренно любящими. С кем говорю я об этом ангеле, Валуеве? О Катерине Александровне? Их редкие чувства и великодушные поступки *в сердце, как тайну, ношу*. Сознаю умственное превосходство Елагиных и превосходство их породы предо мною, но чувствую в душе моей, что по праву, данному всем людям от Бога, праву любить, я имею также право и на взаимную любовь. Всякой человек свободно, в самом себе, оценивает дружбу и любовь чью бы то ни было, и вследствие своей свободной оценки уделяет от сердца своего столько участия и внимания к своим любителям, сколько может и сколько хочет. К чему наши собственные требования и определения: «Меня он на столько-то должен любить, а тебя на столько-то?» Я не спрашиваю, любят ли меня, не могу и не хочу вешать любовь на золотники и просто люблю сама, вот и все! Любить могут и знатные и не знатные, и умные и невежды, и прекрасные и безобразные. Право любить имеют все, требовать любви — никто.

8 и 14 марта. Тягость сердечная была облегчена словом, но словом тайным. Давно нет писем от Катерины Александровны. Что, ежели она разлюбила меня? Но что нужды? Разве достоинства ее от того исчезают? Я люблю ее за любовь ее к милым мне людям, а не за одну только любовь ко мне. Вот Николинькино молчание так более меня огорчает, несмотря на то, что я готовилась к охлаждению его дружбы. Панова и Бестужевы пишут ко мне, прочие молчат.

Как часто, в минуту грусти и печали, приходит в голову мысль написать к Авдотье Осиповне, и потом вспоминаешь, что ее уж нет!

Анна Петровна [Зонтаг] показывает мне большую ласку, и я очень ей за то благодарна.

Сюда слух дошел о доносе на Юрия Самарина рижского губернатора Суворова и о заключении последнего в крепость

за *Ливонские письма*¹⁴². Как мне жаль Самарина и друзей его, а более всех Катерину Александровну! О ее дружбе к Юрию я здесь молчу: что говорить? Других во всем винят, а на свое прошедшее не оглянутся. Было то же, но другим пишут строгие законы, а себе дают льготу; других непременно хотят стеснять даже в дружбе.

АПРЕЛЬ

1 апреля. К сему дню приехал Николай Алексеевич [Елагин] из Москвы, привез утешительное известие об освобождении Самарина, о благосклонном разговоре с ним государя. Как я рада и довольна! Да благословит Бог нашего государя!

Еще приехали в Петрищеву Мойер, Василий Алексеевич, Катерина Ивановна и Наташа, их воспитанница.

Николай имел со мною откровенный разговор. Сказывал, что за Софью Петровну Бестужеву сватается Александр Николаевич Попов¹⁴³.

2 апреля. В 10 час. вечера, когда мы стали собираться к заутрене, приехал из Москвы добрый сын Авдотьи Петровны, Петр Васильевич. Сегодня я получила письмо от Анны Александровны [Елагиной], а после заутрени Петр Васильевич вручил мне письмо от ее милой сестры.

3 апреля. Было смутно на душе, несмотря на все усилия. Все думали о Лилушке и были невеселы. Ждала я письма из Воронежа, однако не получила.

6 апреля. Мойер уехал отсюда, а меня убеждал остаться в Петрищеве до наступления хорошей погоды. Заботливость этого почтенного человека очень меня удивила и тронула.

16 апреля. Я простилась с Елагиными и приехала в Мишенское к Анне Петровне [Зонтаг]. Здесь пробыла я до 28 апреля; меня задержала Лизавета Францовна Петерсон¹⁴⁴. Брат ее в Москве был опасно болен. Она хотела ехать к нему в одно время со мною, но в день предположенного отъезда получила письмо от матери, в котором та уведомляла, что ее брат уже выздоравливает.

30 апреля. Я уехала одна, с тем чтобы заехать в деревню Катерины Ивановны Облеуховой и провести у нее неделю. Эта деревня находится в 12 верстах от Малоярославца, города знаменитого по сражению 1812 года. Жилище Катерины

Ивановны построено вдали от селения, среди поля, а позади находится лес. Настоящая пустыня! Молодой Облеухов прожил у матери всю Святую неделю, а теперь обещает приехать опять к 9 мая и остаться здесь на все лето¹⁴⁵. Софья Ивановна [Бурнашева] переехала жить к своей падчерице, madame Гарасс, ибо Облеуховы отдают большой дом внаймы, а в малом московском и малом деревенском Софье Ивановне места нет.

МАЙ

7 мая, в субботу, приехала я в Москву. В доме Елагиных все мне рады, особенно милая Маша. Она подала мне письмо милого Федора Борисовича; он писал 28 апреля, полагая, что я уже выехала из деревни, что было справедливо. Перед выездом моим я получила тоже от него и послала ответ.

Завтра храмовой праздник в церкви Трех Святителей. Чувство благодарности за полученную радость заставило меня идти ко всенощной.

Киреевские нынче утром поехали с сыном в Троицкую лавру; по возвращении оттуда повезут его в Петербургский лицей.

8 мая. Бестужевы прислали за мною Мамонова¹⁴⁶. Какая сорока уведомила их о моем приезде? Я не поехала.

9 мая. Рано поехала я в Данилов монастырь. Туда съехались Бестужевы с двумя старшими детьми, Александр Мих. Языков с двумя милыми меньшими, Катерина Мих. Хомякова в первый раз и Чижев¹⁴⁷.

12 мая. Видела несравненную Свербееву.

16 мая. Писала второе письмо в Воронеж.

Слаще летня вечерка
И журчания ручья,
Лучше утренней росы,
Тихой вечера красы,
 То мечта, или то сон!
Если б можно было нам
Предаваться век мечтам,
Если б горькой нужды глас
Не будил поутру нас,
 Мы счастливы были б ввек.

Нам земля родная мать
Труд наш любит награждать;
С ней работа хоть трудна,
Но любви, надежд полна —
От людей нам жизнь горька!

Бедная старая Марья очень хворает. Кажется, что она недолго проживет, а я, я должна оставить милую Москву и ехать с Бестужевыми!

Но всюду, всюду,
Вблизи, вдали,
Не позабуду
Родной земли!

Александр Михайлович [Языков] вверил мне письма брата своего, того, которого вся образованная Русь любит. Он просил меня не соблазняться, и не напрасно! Но заметно, что душа поэта была настроена к умеренности, кротости, склонности к добру. Нигде нет излишней резкости в суждениях о современных ему литераторах, не видно желчи на окружающих его, он охотно входит в чувства и склонности подвластного ему человека и хлопочет об устройстве его счастья. В письмах к брату Петру Михайловичу поэт прекрасно говорит о молодой жене Свербеева. Вот слова его (1831 г., октября 5, Москва): «Какая милая жена у Свербеева, загляденье, — умна, образованная и пр. Он, кажется, совершенно счастлив своим супружеством, а это, ей-богу, не безделка вообще в жизни, по замечанию знатоков сего дела». Ноября 19-го того же года поэт пишет к Петру Михайловичу: «Вот тебе стихи, по которым ты можешь возыметь некоторое понятие о Свербеевой; в них больше и гораздо больше неправды обо мне самом, чем о ней:

Мысль неразгульного поэта
Является божественно стройна:
В живые образы одета,
Святым огнем озарена;
Блажен, кто силен ей предаться,
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразятся
Ее гармония, и блеск, и чистота.

Так вы блистательно прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доселе пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал,
И странны были б перед вами
Вакхический напев и хмель его похвал.
Но, чужд святому вдохновенью,
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе;
И, полн таинственной отрады,
Смиренно вам приносит он
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон¹⁴⁸.

Ее зовут Катериной Александровной. Ее супругу понравился мой комплимент; а это не шутка, потому что у него чудные мнения о стихах и поэтах».

18 мая. Киреевские уехали в Петербург. Они грустят, отдаляя от себя сына, чтобы впоследствии уготовать путь ему к блестящей будущности. Я разделяю печаль их, но сверх того боюсь Петербурга: «Там упражняются в расколах и безверье», и, что еще хуже, во всяком разврате. Киреевские в ожидании приезда тетки их, Анны Петровны Зонтаг, поручили предложить ей занять их гостинные комнаты. Она приехала в 4 часа пополудни, а с нею милая дочь ее, зять и прекрасная внучка.

Бестужевы зовут меня с собою в деревню. Как тяжело оставить Москву! Наталья Алексеевна Языкова в Петербурге у детей своих. Мамонов уехал в Петрищево.

20 мая, пятница. Я писала в Воронеж.

25 мая. Сегодня была я утешена посещением Александра Мих. Языкова и сестры его Катерины Михайловны [Хомяковой].

26 мая. Отъезд Марьи Егоровны [Гутмансталь] с мужем и маленькою дочкою в Вену, к свекру и свекрови. В сентябре они возвратятся в Одессу, через Венгрию¹⁴⁹.

**Екатерина Александровна Свербеева
(С акварели Луи Беккера, 1833)**

28 мая. Кажется, что я останусь в Москве. Великодушная Катерина Александровна дала мне взаймы 50 руб. сер., до июля.

В 2 часа меня известила моя любезная хозяйка, что какой-то немец меня спрашивает. Мне показалось это довольно странно: у меня в Москве нет знакомых немцев! Вошел довольно пожилой человек, высокого роста, и сказал: «Parlez vous franzaiss?» — Oui, Mr. Que voulez vous? — «Je vous apporte une lettre». — De la part de qui? — «De la part de m-r

Tiedebel». Я на минуту обрадовалась, думая, что этот немец был в Воронеже, и тотчас спросила, не оттуда ли он. «Шурин мой был у Тидебеля, и тот просил его передать вам письмо в проезд через Москву в Петербург. Шурин мой, Панке, взялся очень охотно исполнить поручение своего друга, искал вашего дому, но понапрасну. Он спешил ехать, потому что получил место в Петербургском почтамте, и передал мне письмо для доставления вам. Прощайте. Но прежде посмотрите письмо, оно с деньгами».

Распечатав письмо, я увидела 50 руб. сер.; мне было неприятно, что мой милый внук спешит расплатиться со мною. Неприятно также, что судьба лишила меня отрады говорить о нем с его другом и расспросить о состоянии здоровья Федора Борисовича, о разных других обстоятельствах его жизни, и мне целый день было грустно.

30 мая. Писала в Воронеж. У меня была милая Свербеева. Она приезжала к Анне Петровне [Зонтаг] и, не найдя ее дома, зашла ко мне. Мы говорили о святых и любимых предметах; первое прилагательное должно было бы поставить в единственном числе.

31 мая. Обедала у Катерины Александровны; там была и сестра ее. С первой говорила я откровенно о делах настоящих, но не моих, не политических, а частных, делах по части Амура и Гимена. Мы согласны в мыслях.

Читаю дома письма редкого по душевным качествам человека [Языкова], письма, вверенные мне братом покойного. Я не изменю доверию и не передам этого сокровища. В одном письме (разумеется, частном, а не газетном, не государственной лжи) было сказано: «На меня нашла теперь сильная, но, к несчастью, неотразимая тоска: читаю такую сушь, учу даже наизусть, что голова вянет; вообще науки, в которых меня пытаться станут — не мой околоток и вовсе не привлекательны юноше Парнасскому. Что ж делать? Надобно покоряться нужде и общественному мнению и духу времени. Говорят, что труд все преодолевает, что науки полезны — все это правда, но все это не поэзия, которая не подчиняется требованию интереса или пользы и действует независимо, и лишается своей божественности, если имеет цель. О! Дай мне только добраться до житья самостоятельного. Это составляет даже теперь, в часы занятий сухих и скучных, мою сладчайшую надежду, мечту любимую».

ИЮНЬ

1 июня.

Теперь, в томительном покое,
Текут мои немые дни;
Несносно тяжки мне они,
Сии подарки жизни шумной.

4 июня. Отъезд Анны Петровны Зонтаг в ее деревню.

5 июня. Годовщина кончины Авдотьи Осиповны Лебедевой. Печальные мысли тягчат душу, и рука отказывается передать их на бумаге.

8 июня. В этот день прошлого года я выехала в Воронеж.

9 июня. Четыре дня, как я чувствую себя сильно нездоровой, и потому не могу быть ни у Бестужевых, ни у Языковых.

10 июня, пятница. Я писала в Воронеж, но отослать на почту не успела.

12 июня. Воспоминаю мое путешествие, в прошлом году совершенное.

15 июня. Была у сестры несравненной Катерины Александровны, потом у Бестужевых и у Языковых. Александр Михайлович отдал мне ключ от решетки памятника над вечным домом Языкова и Валуева. Я возвратила ему письма Николая Михайловича и от души благодарила за доверенность, которая не будет обманута.

Вечером была у Хомяковых, где были, кроме любезных дам, Гоголь и Самарин [Ю.Ф.].

16 июня. Какое удовольствие доставило мне свидание с моим братом!¹⁵⁰ Слава Богу, он здоров, и ему хорошо. Он сам был рад, что со мною увиделся.

Письма все нет из Воронежа! А прошлого года в этот день я свиделась с добрым, милым Федором Борисовичем! О Боже мой! будь ему милостив! В половине 9-го часу я была уже в его доме. Завтра буду опять писать к моему бесценному внуку.

17 июня. Бестужевы и Языковы уехали из Москвы.

Годовщины моих минутных свиданий и разговоров с драгоценным моим внуком наводят на меня невыразимую грусть. Какая разница с настоящим! В прошлом году, встав от сна, я

видела милый взор, на меня устремленный, слышала слово ласковое...

19 июня, воскресенье. Всегда везде одно мечтанье...

На сегодняшней день я видела во сне Валуева, сначала живого, бодрого, ласкового и дружелюбного, а потом кто-то явился с грозным предсказанием, что Валуев умрет, оттого что за него не было горячей молитвы. Как не было? сказала я, разве я не согласна была на все унижения, если бы только ему послано было выздоровление?

Вчера послано было от меня в Воронеж 5 пар носков и две пары перчаток *fils d'Ecosse*.

22 июня, среда. Грустно мне, что нет писем из Воронежа. Завтра надобно писать к моему внуку.

23 июня. Я встала в 4 часа утра, написала письмо и потом пошла к обедне. Сегодня празднество иконе Владимирской Божией Матери, избавившей Москву от нашествия хана Большой Орды Ахмата в 1480 г. при великом князе Иоанне Васильевиче.

24 июня. Сегодня я была у ранней обедни, молилась за милого моего внука и просила Бога послать мне утешение получить сегодня письмо из Воронежа. В 9 час. утра я пошла на почту, чтобы видеть из росписи, есть ли ко мне желанная грамота. О радость! Пересмотрев около 50 имен, где было более пяти сходных с моим, но разных по фамилиям, я наконец увидела полное мое имя! Итак, Бог услышал мою молитву! В прошлый год я была вместе с Федором Борисовичем, а ныне со мною будет его слово, и я буду и тем довольна. Письмо было уже отправлено с почтальоном для доставления по надписи. Зная, что я получу его не рано, я зашла навестить Кудрявцеву; она, по причине своей тяжелой беременности, большею частью сидит дома. Наконец, возвратясь к себе, я получила из рук Васи милое письмо. Особенного дурного для моего любимца, кажется, нет, а как мило и ласково говорит он со мною! Награди, Господи, друга моего всем возможным счастьем. Думаю, что он сего же дня должен получить посланные мною ему носки и перчатки. Он вспоминает, что прошлого года мы были вместе в эти дни, что время шло быстро, так оно шло для обоих. Тревожно было душе моей, но и в самом раю ее состояние было бы таково же во время тяжкого бедствия.

Я радуюсь письму из Воронежа, но, вспоминая прошлое, не могу не пожалеть о Мойере, который тогда испытал такую значительную потерю; накануне 24 июня сгорела у него часть овчарни, где были испанские мериносы, и было подозрение на поджигательство. 24-го в день именин Мойера наехали к нему судьи, исправники и прочая шавель; каково было иметь таких гостей в доме и сверх того опасаться тайных злодеев? Между тем в Петрищеве 22-го слегла бедная Лиля. Каково было бедной матери и доброму Николаю?

Прошлого года, вечером, в 9 час. Федор Борисович возвратился домой пить чай. Прекрасная новая скатерть постлана была от меня на столе, зоркий хозяин тотчас ее заметил и спросил опять, как то было накануне: «Чья это?» Я отвечала также: моя; он погрозил мне пальцем, но принял! Принял! От меня все возьмет!

25 июня, суббота. Я целый день радовалась полученным вчера письмом.

26 июня. Была в Симоновом монастыре у обедни, потом на могиле доброй и умной старушки, Анны Ивановны Дудышкиной, жительницы Симоновской слободки и, во время оно, ученицы Максима Ивановича Невзорова¹⁵¹. Как счастлива Анна Ивановна! она положена подле своего наставника и благодетеля. Вечером я возвратилась в Москву.

27 июня, понедельник. Отвечала моему другу.

29 июня, среда. Перечитывала письма Н.М. Языкова к сестрам его; в одном из них, писанном в 1838 г. из Мариенбада, от 26 августа, я заметила следующие строки: «21-го числа текущего месяца составляет эпоху в нашей однообразной, скучной, сырой, холодной, бесцветочной и томной здешней жизни. В этот день посетила нас и обедала вместе с нами Ек. Ал. Свербеева, уже стремящаяся восвояси. Немцы и целебные воды надоели ей, как горькая редька: браня их, она поспешает в Москву. Несмотря на это, можно поверить противному; кажется, она поздоровела и довольно бодра и весело едет. В октябре будет в Москве. Благодарение Богу и слава Екатерине Александровне: она утешила и освежила нас, можно сказать, осыпала нас цветами».

30 июня, четверг. Воронежские кадеты вышли в лагерь 25 июня. Федор Борисович будет с ними, но выедет 9 июля. Надобно отослать ему дорожный его мешок: понадобится.

Оканчивается этот месяц, любезный мне вместе с апрелем и декабрем более всех прочих месяцев.

Еще одну вещь полезную и необходимую для Федора Борисовича надеюсь я к нему отправить. Слава Богу, что она была подарена мне от доброй и почтенной Анны Петровны [Зонтаг], а я рада разделить с моим другом то, что мне судьба послала.

Катиньке Тугариновой¹⁵² Бог дал пятое дитя, дочь Софью, а бедная Анюта Кудрявцева часто больна, несмотря на свою беременность. Люблю я более, нежели с кем другим, разговаривать с Анютой: очень она умна и постигает, что возмущающиеся против угнетений могут быть преступны, не суть потому низки.

Сегодня вечером я снова перечла милое письмо от моего внука. Боже, награди его за доброе сердце!

ИЮЛЬ

1 июля. Сегодня кончены воздушы в церковь Данилова монастыря. По белому глазету вышита вязь из роз и лилий, эмблема юношеской красоты и ангельской чистоты незабвенного Валуева, приношение мое в память его.

2 июля. Получено письмо от Авдотьи Петровны и Марьи Васильевны от 26 июня. Последняя пишет, что маминька ее была очень нездорова, но что теперь ей лучше. Знаю, что теперь бедной матери очень тяжело: 4-го числа будет годовое поминовение по Лилушке. Я буду в тот день на могиле Андрюши [Елагина] и Катерины Александровны Воейковой¹⁵³.

4 июля. Была я на Ваганьковском кладбище и отыскала могилу почтенного Зыкова, была на могилах милых сестер, так нежно любивших меня, Авдотьи Осиповны и Прасковьи Осиповны; к большому моему утешению, я нашла, что муж поставил над первою памятник.

8 июля. Писала в Воронеж. Как хорошо говорит Федор Борисович в письме своем от 20 июня: я *жил* в течение мая часами и днями очень приятно. Я тоже живу только в те дни, когда получаю милые письма, об остальном, вседневном, обыкновенном, говорить не хочется. Не знаю, упомяну ли даже в своем дневнике о том, что я, может быть, переселюсь в

Симоновскую слободку, в дом Катерины Федоровны Селивановской, которая этого желает. Там хорошо, на Симоновской даче, но увы! Несмотря на то, что Катерине Федоровне уже более 60 лет, я боюсь ее изменчивого характера!

11 июля, понедельник.

Мне сердце говорит,
Я чувствую и верю,
Что тайная рука,
Ведущая нас смертных
Во мраке жизни сей,
Не даст погибнуть нам.

Короче: я верила предчувствию, что мне будет отрада сердечная, и не обманулась. Вечером в 5 час. я услышала голос почтальона, который громко прочел мое имя. Письмо было из любезного града, от друга сердечного, от сына, усыновленного душою моею; о радость! О восторг! *La letter de mon fils adoptif me prouve que mon amitiê a triomphé sur son orgueil, il a recu mes cadeaux avec reconnaissance et plaisir.*

19 июля. Годовщина кончины Надиньки Шохиной, я была с матерью ее на кладбище. Послано письмо в Воронеж.

22 июля, пятница. Я послала гостинцу Аннушке и письмо к моему милому другу. Получила письмо от Авдотьи Петровны из Петрищева; она пишет, что Николинька [Елагин] и Мамонов отправились на богомолье в Киев. Елагина хочет взять к себе в услужение мою крестницу Дуняшу; жаль бедную девочку: пропадет со скуки в деревне. Как бы из участия спрашивает о моих планах на будущее.

Помню давно читанные стихи:

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей,
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.
Уж я не верю искушеньям,
Уж я не верую в любовь,
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям.

23 июля. Долго еще ждать мне письма от Федора Борисовича, только 25-го возвратится он из лагеря в Воронеж; в этот

день когда же писать? Следующая почта пойдет в пятницу, т. е. 29-го, и сюда придет 1 августа. Вчера, когда я легла уже в постель, шум от холодного дождя, похожего на дождь осенний, навел на меня грустное беспокойство о моем милом сыне: что, если нынешнее лето и в окрестностях Воронежа таково же, как и здесь? Милый мой сын наравне с другими живет в палатке, какая же это защита от сырости и холода? Поутру, как скоро открою глаза, так сердце сжимается от печали: дни минувшие обновляются в памяти с невыразимым наслаждением, знать, что я встречу взгляд милый, что сын мой, избранный душою моею, сам, во внутренности души, называет меня матерью, зане чувствует, как много, как искренно я люблю его. Бедный сирота! Он благодарит меня за мои [по его выражению] *милые письма*! Стало быть, он одинок, стало быть, он забыт! Как жаль, что доброй бабушки его нет уже на свете: она бы пеклась о нем беспрестанно! Я стараюсь доставить ему некоторые необходимые вещи, но те ли средства у меня в руках, какие у нее были? А добрая сестрица его ничего не понимает в практической жизни и даже не позаботится о поддержании в брате силы душевной и пишет к нему очень редко. Человеку, живущему на чужой стороне, ближние, друзья и добрые родные должны писать чаще, чтобы его утешить и поддержать. Можно ли от бедного странника ожидать частых писем, как того ждет его сестрица, *tête de linotte*? Что ему писать о людях, ему чуждых? О своей однообразной жизни?

28 июля, четверг. Я была у Елены Федоровны Свешниковой, она провожала своего милого сына, доброго Федю, на ярманку Нижегородскую.

29 июля, пятница. В течение этого месяца я писала в Воронеж — 8 июля [Федор Борисович писал в этот же день ко мне], потом 15-го — в ответ на письмо от 8-го, полученного 11-го, т. е. в понедельник, в 3-й раз — 22-го с посылкою гостинца Аннушке, в 4-й — 29-го с посылкою карты Австрийской империи в подарок от меня милому моему сыну.

31 июля, воскресенье. В прошлом году в эти дни я искала попутчиков ехать из Воронежа в Орел; тяжело было ехать, невозможно было оставаться, и рассудок того требовал, и судьба то же повелевала сделать. От воспоминания прошлых счастливых дней терзается сердце мое! Рад бы, рад лечь скорее в могилу; я смерть зову — не дозовусь!

27-го числа писала я к Александру Михайловичу Языкову о том, что Иван Васильевич Киреевский изъявляет желание прочесть письма Николая Михайловича и, кажется, согласен писать его биографию; дай-то Бог!¹⁵⁴

25-го писала к Авдотье Петровне в ответ на ее письмо, в котором она спрашивает меня, куда я еду и зачем, и согласна ли будет Анна Ивановна [Соколова] отдать ей которую-нибудь из дочерей своих в услужение.

29-го к Прасковье Михайловне Бестужевой. Если будут ответы [и все интересные], то будут к 8 августа.

АВГУСТ

1 августа. Память воскрешает эту грустную необходимость, когда надобно было искать случая отправиться в путь, тяжкое насилие сердцу, чтобы оторвать его оттуда, где был для него источник радости... Еще надобно благодарить Бога за то, что я могу быть дома большую часть времени в годовщины этих дорогих и грустных дней! Я, однако, часто бываю теперь у Кудрявцевой и Свешниковой.

2 августа. Тифлисская почта пришла, но письма не привезла мне, того письма, которое для меня дороже всех прочих писем, какие только могу я получать в настоящем.

3 августа.

О Боже! Сердцем и устами
Взываю к благодати Твоей:
Спаси его от бед случайных,
Избави от наветов тайных,
Предохрани от явных зол!

4 августа. Мы были вместе — мы разлучились по воле судьбы; как много заключается в этих двух речах!

На равнине Донской лежит ночная мгла,
Бежит река передо мною...

Мне грустно и светло: душа моя полна —
Душа моя полна тобою,
Тобою, милый друг...

В эту приятную и печальную годовщину как возможно было не писать к моему другу? Надеюсь, что он сегодня получил мое, посланное с картой Австрии.

9 августа, вторник. День радости: письмо из Воронежа!

11 августа. Второе письмо от меня в Воронеж. Увы! Скоро ли я дождусь оттуда второго по возвращении из лагеря и после переселения в кадетский корпус, на казенную квартиру?

15 августа. Почтовый день, но я не писала сегодня туда, где мое сокровище; сегодня великий праздник, и должно было быть в церкви.

16 августа. Провела целый день у Строевых.

18 августа. Послала третье письмо милому сыну. Видела мою несравненную Катерину Александровну у сестры ее. К большому сожалению моему узнала, что Дмитрий Николаевич был тяжело болен желчной лихорадкой; теперь, слава Богу, ему лучше.

Была у Катерины Алексеевны Аксаковой¹⁵⁵, чтобы узнать о здоровье милых моих Пановых; отчего они не пишут? Что с ними? Аксакова сказала, что недавно получила от них письма, и довольно успокоительные.

26 августа, пятница. Вчера я не успела послать на почту письма в Воронеж за проводами Сергея Строева в полк, за посещением больной Кудрявцевой и умирающей старой моей няни Марьи, и послала сегодня.

Обедала и чай пила у Киреевских, и пока была у них, меня льстила тайная надежда, что я найду в моей комнате дорогое милое письмо. Почта должна была прийти еще вчера, но мне представлялось, что почтальоны по своей лени принесут письмо только на другой день, и, сидя в гостях, все верила тому, чего желала; но как сильно сжалось сердце, когда, пришед в свою комнату, не нашла на столе желанной грамоты! Когда же я получу ее? Завтра будет эта несносная суббота, потом пустое воскресенье, после того придет любезный понедельник, когда опять можно будет, если не получить отраду, то по крайней мере пожить сладким ожиданием, а там, в случае неудачи, желать наступления четверга, в который тоже улыбается мне надежда и когда приходит тифлисская почта.

27 августа. Это был день рождения Надиньки Шохиной, и теперь — день рождения Николиньки Свербеева. В настоя-

щее время мне предстоит большой недостаток в деньгах: надобно занять их для отдачи. Ив. Вас. Киреевскому 25 р. сер. и такой же суммы Кат. Фед. Селивановской, но у кого занять? К кому обратиться? О чае мне и думать нечего! Чтобы выйти из такого недостатка, должно будет принять какое-нибудь место, но я не могу на то решиться прежде, нежели поищу средства побывать в Воронеже, а тогда с душевным спокойствием можно будет приняться за какое-нибудь дело.

Ожидала я к 8 августа ответов от Бестужевой, от Языкова, Александра Михайловича, и наконец от Елагиных — не тут-то было! Только эти несбывшиеся ожидания вовсе меня не огорчают: ведь это не воронежские письма!

28 августа. Проливной дождь и холод. Такая погода началась 17 августа и не прекращается. Софье Строевой опять стало хуже: полагают, что у нее сухотка, но мне кажется, что будет водяная; Аннушка еще довольно бодра, но здоровье ее тоже ненадежно. Хорошо еще, что для утешения бедной матери Бог устроил так, что второй сын ее, Петр, будет служить в Москве, в Архиве иностранных дел¹⁵⁶.

Старая няня моего брата, находящаяся в богадельне Человеколюбивого общества, тоже больна и слегла в постель. Болезнь старухи, вероятно, продолжится два или три года: вылечить нельзя, но страдать будет она долго.

29 августа, понедельник. В этот день я ждала дорогого письма, но понапрасну.

30 августа. Обедала у добрых Строевых; Павел Михайлович сегодня именинник. Дождя не было, но было очень холодно, однако к вечеру стало теплее.

31 августа. Вот был райский день в отношении к погоде! Тепло, светло и весело на небеси и на земли, только в душе смутно: что-то с моим милым другом? Что он не пишет? Здоров ли он?

Война с венгерцами кончилась. Мы сохранили Австрии Венгрию; отстоим ли мы своего пленника, Георгия, который именно сдался нашему государю с 20000 войска? Австрийцы взяли под стражу мать Кошутову с тремя внуками! На что им старуха и дети?

СЕНТЯБРЬ

1 сентября. Новый год по старинному уложению церкви нашей, уложению, с которым согласовались и гражданские уставы до начала XVIII столетия, т. е. до времен Петра Первого. Сегодня праздник в Даниловом монастыре, древнейшем из московских, основанном Даниилом Александровичем, сыном Александра Невского, куда впоследствии перенесли мощи основателя. Обедню служить приехал туда вовсе неожиданно митрополит Филарет; неожиданно потому, что он был на прошлой неделе очень нездоров, так что не мог быть на отпевании своего врача и друга Высоцкого, которого похоронили 27 августа на Ваганьковском кладбище¹⁵⁷.

Донской монастырь по архитектуре величественнее Данилова, по великолепию внутреннему и по изяществу памятников лучше последнего, но Данилов более привлекает душу; говорю собственно о характере строения, его белые стены, главы, некогда позлащенные, а ныне покрытые ясною зеленою краскою, самые храмы умеренной вышины, не до облаков возносящиеся, все вместе соединяет для меня две лучшие идеи христианства: чистоту природную невинности, приобретенную чистоту праведности и, наконец, смиренное чувство упования, которое у живописцев всегда облечено в зеленую одежду. Не говорю о том, как дорог мне Данилов монастырь потому, что заключает в себе гробницу земного ангела, коего свойства могут быть выражены в трех следующих словах: чистота, целомудрие, правда; по-моему, этот характер согласуется с характером здания, и я рада, что Валуев положен здесь.

Довольно поздно было, когда я поехала из дому к обедне, так что я не надеялась доставить мою работу в такое время, когда она могла быть принята для употребления во время службы, но, к великому моему удовольствию, обедня в монастыре началась гораздо позднее, потому что приехал совершать ее сам митрополит. Воздухи были отданы вовремя казначею монастыря и были употреблены в служении.

Из монастыря пошла я к Анне Александровне Елагиной и совсем неожиданно нашла там милую сестру ее.

2 сентября. Написала письмо к Федору Борисовичу и за дождем должна была оставить его в ящике.

5 сентября, понедельник. Послано первое письмо к Федору Борисовичу. Давно не получаю от него писем; тяжело высказывать даже здесь все печальные мысли, страхи и опасения. Трудно передавать и грустные, и радостные душевные ощущения! Теперь постигаю, как справедливо сказано:

Блажен, кто молча был поэт!

8 сентября, четверг. Сегодня приходит почта из Воронежа, приятная надежда оживила душу; как спешила я возвратиться домой, в чаянии найти там письмо, и как было горько видеть, что письма не было! Что делать?

10 сентября. Добрый Бакунин приехал от своих родных к началу университетского учения. Он сейчас обо мне осведомился; спешил меня видеть и предложил мне помощь свою. О чудо! Каким образом нахожу я друзей там, где вовсе не ожидала?

Боже, Боже мой! Будь милостив к моему милому сыну! Храни его от болезни и от напасти!

11 сентября. Великий князь Михаил Павлович кончил жизнь в Варшаве 28 августа. Жаль государя: он потерял любящего и преданного брата.

12 сентября, понедельник. Что делать мне, если и эта надежда обманет?

Сегодня вечером кто-то постучал в окошко, в той комнате, где сидит Анна Ивановна, и спросил, где Киреевские. По сказанному ответу пошел туда, куда было надобно. Я вообразила, что это был почтальон, и, видя, что мне не подают письма, стала горько плакать; добросердечная Маша, заметив, что меня огорчает, успокоила меня, сказав, что то приходил не почтальон, а казак.

13 сентября. О радость! О восторг! Только что я встала с постели, как Машенька подала мне письмо от милого моего сына.

14 сентября. Сегодня была я в Даниловом монастыре.

15 сентября. Чудное явление: в 4 часа пополудни пошел сперва дождь, а потом снег, подул резкой северный ветер, и выпавший снег на $\frac{1}{4}$ арш. вышины покрыл землю.

16 сентября. Снег лежит на кровлях и нынче; холодно и сыро. Письмо от милой Анны Пановой. Ей скоро должно разрешиться от бремени. — Второе письмо от литературной зна-

менитости женского роду содержит в себе описание семейной неприятности. Грустно видеть, что в наше время сделались так обыкновенны ссоры между родными и давнишними друзьями.

Мой ответ милому моему внуку послан был на почту с Петрушей Строевым в четверг 15-го числа.

18 сентября. С нынешнего дня стала опять хорошая погода.

22 сентября, четверг. Послала письма к Федору Борисовичу и к Анне Петровне [Зонтаг], написанные еще в прошлый понедельник. 26-го мое письмо будет получено в Воронеже.

28 сентября. Светлая надежда радует душу: мне сердце говорит, я чувствую и верю, что будет мне письмо, и будет завтра! Приди скорее, счастливый день!

Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль...

Шедши к Юлии Михайловне, я нечаянно встретила в Газетном переулке с Бестужевым¹⁵⁸. Он привез в Москву обоих сыновей своих, Володю и Мишу, в гимназию, хотя старшему нечего делать в гимназии, его пора записать в государственную службу, если преграждена дорога в университет на три года, по воле императора Николая.

30 сентября.

О ветер, ветер! Что ты вьешься?
Ты не от милого несешься!
Ты не принес веселья мне!
Играй с касаткой в вышине,
По поднебесью с облаками,
По синю морю с кораблями,
Но всякую беду отвей
От друга-радости моей!

Письма от милого моего внука не было! Грустно, но терпеть надобно! Mon avenir sombre et funeste ne m'offre que des jours mauvais... il faut quitter cette belle ville de Moscou, il faut quitter le berceau de ma vie!

ОКТЯБРЬ

1 октября, суббота. Что-то принесет мне понедельник? Вот дни, в которые я живу.

4 октября. Послала письмо к Пановой в город Ардатов, Симбирской губернии. Сегодня же виделась с Петерсонами, которые из Мишенского приехали сюда на житье.

6 октября, четверг. Давно я не писала в Воронеж; пропустила три почты! Мне мешала болезнь старой няни моего брата, болезнь жестокая, приведшая ее на край могилы; второе препятствие была забота о приискании денег и на прожитие, и на погребение старухи. До сих пор мои заботы были напрасны. Строева отказала в деньгах, и в маловажной сумме — в 10 р. сер.; К.(?) дала почувствовать издалика, что сама взяла бы с живого и с мертвого, но это наносная, а не хроническая болезнь души — отойдет! У Свешниковой просить не хочется, она за проценты захочет обратить человека в невольника; остаются в виду только трое — сын ее, милый Федя, Николинька Свербеев и Маша Спиридонова. Боишься попробовать; тяжелее отказа будет разочарование на доброту молодости, на дружескую внимательность и на благодарное воспоминание.

Послано письмо к Федору Борисовичу. Он должен будет получить его в понедельник, 10 октября; отвечать, верно, прежде пятницы не будет, в пятницу будет 14-е, день святые Параскевы, почта воронежская придет 16 октября в понедельник.

8 октября. Анна Петровна [Зонтаг] пишет ко мне о своей радости, что дочь ее m-me Гутмансталь родила сына в Вене¹⁵⁹.

11 октября, вторник. Когда бы поскорее прошел этот год и настало бы что-нибудь для меня иное! Авось, однако, здесь будет что-нибудь благоприятнее, благосклоннее, доброжелательнее, чем то, что я видела и слышала от начала зимы до весны!

16 октября. Дела житейские, дела мои собственные становятся очень затруднительны. Следует мне возвратить Катерине Александровне 50 р. сер. Чем их отдать? Должно расстаться с тем сокровищем, которое я хранила 5 лет на свое

погребение; эту сумму получила я из милых рук Валуева. Должно отдать ее, не говоря о том, как мне жаль отдавать ее: Катерина Александровна может подумать, что я вымаливаю ее сострадание и что набиваюсь к ней в дом на уроки. Второе затруднение состоит в отдаче Наталье Петровне Киреевской 97 р. асс., для этого надобно заложить часы мои и серебряные ложки. Третье затруднение — найти денег на погребение старой Марьи, если только она умрет; наконец, четвертое — отдать старой Селивановской 25 р. сер.; деньги на два последние предмета попросить у Машеньки Спиридоновой.

Долг (в 10 р. сер. честному человеку (А.А. Бакунину) и долг богатым людям меня не беспокоят: они подождут. Эти богатые люди суть: Анна Петровна Зонтаг и Прасковья Михайловна Бестужева; каждой из них я должна по 25 р. серебром.

А писем нет из Воронежа! Нет, нельзя отдавать Свербеевой 50 р. сер.! Если будут какие-нибудь печальные вести, если внук мой болен, то я брошу все и уеду к нему. Вследствие этого страха надобно будет завтра пойти за деньгами к Спиридоновой.

Было ко мне письмо от Авдотьи Петровны. Ответ должен быть дипломатический — ни слишком много, ни слишком мало.

На нынешний день видела я во сне милого Валуева. Как тяжело было написать эту страницу! Тяжело высказывать и страхи, и печали, и заботы. В молчании лучше и горевать, и радоваться.

17 октября. Сегодня заложены мои часы и ложки за 25 р. сер. Выкупить можно и через год. На свою собственную трату надобно достать денег продажей некоторых вещей, только бы уплатить частные долги. Ах, если бы можно успеть окончить эти дела прежде, нежели случится какая тревога! А то все останется не конченным, потому что я не выдержу и все брошу. О Боже! Будь милостив к моему внуку!

18 октября, вторник. Воронежская почта пришла вчера вечером, а я пошла утром на почту, чтобы посмотреть на росписи почтовой, нет ли ко мне письма. Несмотря на то, что я готовилась к неудаче, душа не выдержала подтверждения, и слезы выступили у меня на глазах, когда я не встретила моего

имени. О Боже мой! Пощади и защити моего внука! Еще надобно терпеть до четверга.

Н.П. Киреевской деньги все сполна отданы.

Вечер наступил. Я рада, что прошел день, а все еще целых два дня должно ждать решения моей участи. Я писала в Воронеж 13 октября, в четверг, и сама отнесла письмо на почту, оно придет к моему внуку в понедельник 17-го утром; если я не получу ответа в четверг, то есть 20-го числа, то не знаю, что и думать!

19 октября, среда. Пустой, скучный и ничего не значащий день. Часто я пропускаю числа дней в этом дневнике, но что говорить, если они пусты? Были дни, яже не придут более, дни, богатые содержанием для души — и все прошло!

21 октября. В ночь с 20-го на сие число померла старая Марья. Мир ее праху! Бедная женщина имела тяжкую болезнь, рак в желудке; страдания свои она переносила с покорностью воле Божией, и минуты нетерпения и гнева выкупились сутками молчания и молитвы. Мир ее праху, праху верной и усердной Марьи! Она будет похоронена на Миусском кладбище, по ее желанию.

Свидание с Максимовичем, выехавшим из Москвы в Киев за 15 лет пред сим¹⁶⁰. Я рада, что он застал здесь Киреевских, которые отъезжают завтра в деревню. Да благословит Господь их путешествие! Да пошлет им здравие!

22 октября, суббота. Сегодня при гробе Марьи увидела я милую добросердечную Катерину, только она пришла без Аннушки, последнюю не пустила ее хозяйка, портниха. Вот что значит неволя! Если бы я была при должности в каком-нибудь доме, то могла ли бы я выполнять все требования Марьи и каждый день приходить к ней в продолжение трех месяцев, а по кончине бедной старухи присутствовать при каждой панихиде и наконец проводить покойницу до кладбища?

Как стало больно сердцу моему, когда, возвратясь домой, я не нашла ожидаемого письма! Что думать, что мне делать? Может ли быть, чтобы вчера или сегодня утром не пришла почта из Воронежа от 17 октября, если болезнь старухи и ее долгое томление задержало меня здесь, в то время, когда внук мой, может быть, лежит болен? О, тогда, тогда есть от чего прийти в отчаяние! Боже всещедрый! Помилуй, защити

и спаси! А ждать надобно до понедельника, может быть, и до вторника!

23 октября, воскресенье. Сегодня схоронили Марью на Миусском кладбище. Могила ее на одной линии с папинькиной, только ближе к валу. На отпевании были все знакомые Марьи: Катя, дочь ее, маленькая Аннушка, Федосья, Семеновна, старухи из богадельни, из которых самую старую я увезла к себе в дом, т. е. в дом Елагиных, сиделка Авдотья и Анна Ивановна с дочерьми.

О, когда бы скорее наступил и прошел понедельник!

24 октября, понедельник. Я провела день в своем уединении. Мне был необходим отдых.

25 октября. Утром в 11 часов я пошла на почту спросить, пришла ли воронежская. Мне ответили, что еще не бывала; и следовательно, несмотря на ее замедление, есть надежда, что привезет письмо. С почты пошла я к Марье Ивановне Скорняковой, которую не застала дома. Мне хотелось попросить ее продать некоторые из моих вещей для уплаты долга Елене Федоровне Свешниковой. Этот долг состоит из 3 р. сер.; они заняты были на погребение Марьи (все издержки на оное составляют более 10 р. сер.). От Марьи Ивановны я пошла в Сущево к старой Федосье и ту не нашла дома, но решилась дожидаться ее, потому что очень устала и была голодна. Старуха возвратилась в 4 часа и напоила меня чаем. Из Сущева пошла я к Свербеевым и опять вышла неудача: Свербеева уехала к своему дяде, князю А.П. Оболенскому¹⁶¹. По крайней мере молодые барышни купили или хотели купить у меня некоторые вещи. Домой я не могла уже идти пешком и взяла извозчика.

26 октября. День св. великомученика Димитрия Солунского. Храмовой праздник в той новгородской церкви, где отпевали Валуюева. Как молилась я этому любимому мною святому о заступлении пред Господом за милых моему сердцу!

Было 10 часов утра, почтальон не шел! Я решилась взять почтовых лошадей и, не мешкая, ехать в Воронеж. Зашла на почту заглянуть в роспись; мне подали роспись от 17-го числа! Конечно, моего имени там не было, и я в горе пошла устраивать свой отъезд. Была в почтовой конторе, в конторе частных дилижансов, для приискания попутчиков, в гостинице «Тифлис» и в Воронежском подворье; была еще прежде

всех этих походов у доброй Катерины, которую также не нашла дома. Я возвратилась в свое уединение в 5 часов вечера, утомленная до чрезвычайности, решившись на другой день утром взять почтовых и скакать в Воронеж, но каково было мое удивление, когда милая Маша вошла ко мне в комнату и подала письмо от Федора Борисовича! Слава Богу, он жив и здоров! О, какая радость! как изменилась и украсилась для меня жизнь! И ночью, при частом пробуждении моем, первою мыслию было: у меня письмо из Воронежа! Какая разница с пробуждением моим в предшествовавшие ночи! Какие печальные и грустные мысли овладевали тогда мною! Слава Богу! Слава заступлению Святых Его!

27 октября. Пишу к милому моему внуку. Не знаю, удастся ли занести письмо на почту. Сильный ветер дует, и дождь идет. Жаль пропустить этот день: сегодня идет экстра в Воронеж. О, как я счастлива! Внук мой здоров, покоен! Благодарю Тебя, Господи Боже мой! Федор Борисович пишет ко мне, что давно не получал писем из Бунина и что не понимает молчания сестры своей. «Неужели, — говорит он, — это из лени?» Да, мой друг, из лени, а лень происходит от уменьшения божественного огня, крепкого яко смерть.

Сестра его была больна, но это было еще в августе, а с тех пор можно было бы написать к брату.

Мое письмо к Федору Борисовичу отправлено с нынешней почтой. Он должен получить его в понедельник 31-го числа.

В первый раз по возвращении из деревни видела я милую Катерину Александровну. Дай Бог, чтобы ее здоровье укрепилось! Видела и Дмитрия Николаевича, и моего любезного Николинку.

Была я также у Петерсонов. Только мне совсем не понравился тон его, каким он говорил о m-me Зонтаг: он отрицает в ней даже любовь к дочери! Это невозможно! Да стыдно это и говорить.

28 октября, пятница. День прошел, как сон пустой. Но вечером явился ко мне незнакомый молодой человек, попутчик в Воронеж; он нашел мой адрес на почтовом дворе, а я уже знала имя этого воронежского жителя от служителя Воронежского подворья, что против биржи. На этом подворье осведомлялась я о попутчиках, и мне сказали, что в Воронеж должен ехать архитектор Шустов. Если бы он явился прежде,

нежели я получила письмо, то я непременно приняла бы его товарищество, и мы сегодня были бы уже в Ельце. Теперь мой страх насчет здоровья Федора Борисовича миновался; должно остаться в Москве; но велика моя борьба против желания воспользоваться прекрасным случаем и в три дня быть там, где мое сокровище.

Шустов служит в том же кадетском корпусе, где и внук мой: нельзя ли будет попросить первого взять для последнего маленькую посылку?

31 октября. Я поехала с Федей Свешниковым в село Болшево к Катиньке Тугариновой.

НОЯБРЬ

2 ноября. Мы возвратились в Москву в дом Свешникова. Здесь я тотчас схватилась за «Северную пчелу» и там прочла интересное для меня известие, что Виллие уволен от должности и что главным доктором всех военно-учебных заведений будет Енохин¹⁶². Это назначение потому для меня интересно, что оно касается несколько до моего милого внука. Надобно об этом написать к нему.

3 ноября, четверг. Писала в Воронеж. Да благословит Господь моего внука!

4 ноября. День кончины моего доброго и почтенного родителя.

6 ноября. Получила письмо от Наталии Петровны [Киреевской]. Дорогой она была очень больна, но, слава Богу, дня через два стало ей лучше, и она благополучно доехала до Долбина. Спасибо ей, что ко мне написала! Слава Богу, что ей лучше!

7 ноября. Писала к Наталье Петровне в Белев и тут же к Марье Васильевне [Киреевской].

Была у Юлии Михайловны. У ней в голове вертятся планы насчет Юлиньки и одного из ее жильцов, аптекаря из Дерпта; дай Бог, чтобы мечты матери, которые она передает и дочери, исполнились!

10 ноября, четверг. Писала в Воронеж.

11 ноября, пятница. Несносный и пустой день. После обеда я поехала в Симоновскую слободку к старушке Селивановской.

17 ноября, четверг. Я ушла пешком в Москву, чтобы писать к Федору Борисовичу и отдать самой на почту письмо, или послать его с верным человеком. Необходимость заставила меня расстаться с драгоценною моею ассигнациею.

18 ноября. Сегодня писала я в Петербург к моему дяде, Михайлу Васильевичу Попову, не зная вовсе адреса; авось дойдет! Второе письмо было в Новгород Великий с вложением 2 рублей сер. к священнику церкви Св. Димитрия Солунского с просьбою отслужить по Валуеве заупокойную обедню 23 ноября.

С почты зашла я к Анюте Кудрявцевой и осталась у нее обедать. В 4 часа она уехала на свадьбу к Кондратьевым, а я, думая пойти к Строевым, вдруг повернула домой. Смеркалось. В комнате я никого не встретила, а на столе своем увидела письмо, надписанное неизвестною рукою, с гербовой печатью. Я пошла спросить огня, а моя хозяйка спросила меня: кто к вам пишет? — Не знаю. — «Ведь письмо за черной печатью!» — Я не могла различить цвета сургуча, темно; дайте ради Бога огня! — Зажгли огонь; письмо распечатано — Панова нет более на свете!¹⁶³ Анна, его несчастная Анна — вдова, с двумя сиротами.

Письмо писал отец бедной Анюты, Андрей Федорович Головинский.

19 ноября, суббота. Отвечала Головинскому и писала, кроме того, к милой, несчастной Анне Андреевне. Еще послала я дополнительную записку в Новгород Великий, чтобы к имени поминаемого Дмитрия священник присоединил имя новопреставленного Василия.

21 ноября. Писала к Федору Борисовичу, желая облегчить грусть мою о кончине моего верного друга, великодушного Панова.

22 ноября. Была я у Маши Спиридоновой. Как она мила и любезна! Да благословит ее Господь с мужем и детьми! От нее поехала я в Данилов монастырь, чтобы заказать на завтрашний день заупокойную обедню, увы! уже не по двух милых людях, а по трех.

23 ноября. В 9 час. утра была я в монастыре. Началась обедня, и в этот же день и час в Новгороде, в церкви Дмитрия Солунского, молились за упокой Дмитрия и новопреставленного Василия.

24 ноября. По необходимости следовало поздравить именинниц, и я была с визитами у Свербеевой, которую, конечно, не видала, а потом у Катерины Петровны Зыковой, где видела Николая Семеновича, сына ее. Мы оба друг другу обрадовались.

26 ноября. Получила письмо от Марьи Васильевны и от Авдотьи Петровны. К сожалению, Катерина Ивановна [Елагина] часто больна. Недавно, т. е. в первых числах ноября, у нее свело ногу, что продолжалось несколько дней, потом стало лучше, однако на подошве сделался нарост, который мешает ей ступать на ногу. Жаль всякого человека, кто страдает, а еще более жаль того, что напугают ее милого брата, Федора Борисовича.

29 ноября. Нынче Панову по кончине его шесть недель. В 1845 г. мы стояли в этот день в церкви Дмитрия Солунского в Новгороде, на отпевании Валуева. Как было мне не почтить памяти теперь вместе соединившихся друзей? Я просила священника отслужить панихиду.

30 ноября. Торжество добра! Маша Спиридонова не отказала мне в деньгах. Сегодня видела я Свербеевых с сердечною отрадою. Писала в Петрищево, чтобы завтра не иметь скучных дел. К Петру Васильевичу писала о Панове.

ДЕКАБРЬ

1 декабря, четверг. Вчера вечером я привезла к себе мою племянницу Юлиньку, которую мать ее отпустила ко мне до завтра, т. е. до пятницы. Как сегодня день моего рождения, то я встала пораньше, чтобы, не быв никем видимой, взглянуть на изображение почившего ангела и прежде всего приветствовать его по моему обычаю. После я пошла к ранней обедне и, возвратясь домой, успела напиться чаю, прежде чем Юлинька проснулась. Невестка прислала ко мне меньшую мою племянницу с приятельницей своей, Марьей Ивановной Скорняковой. Погодя немного, явился вовсе неожиданный

гость: Николай Дмитриевич Свербеев! Как мила и деликатна мать его! Верно, она его послала, зная, что у меня нынешний год не будет самых дорогих друзей на празднике:

Одного уж нет,
Другой же странствует далече.

Премного обязана я Олимпиаде Петровне [Строевой]: она не забывает моего праздника никогда и всегда приводит ко мне дочерей. После завтрака гости разъехались, а мы в 3 часа сели обедать, и только что встали из-за стола, только что я вышла к Анне Ивановне с бутылкою вина в руках, как дверь отворилась — вошел почтальон и прочел надпись на принесенном им письме. Оно было на мое имя, но я равнодушно взяла его, не ожидая, чтобы оно было из Воронежа, а это письмо было именно от Федора Борисовича! О, какая радость! — «Дайте почтальону вина, — сказала я Анне Ивановне, — дайте за это письмо» — «А пирога?» — «И пирога дайте за то, что он принес мне хорошее письмо». — Я довольна была письмом в отношении ко мне, но мое предчувствие оказалось справедливым. Федора Борисовича напугала болезнью сестры Авдотья Петровна и вызывает его приехать в Бунино. Поехать он может, но может зато потерять место, а сестре, может быть, стало лучше. Катерина Ивановна к Мамонову пишет, а к брату давно не писала; а тот воображает, что она так больна, что руки поднять не в состоянии!

Сегодня утром я писала в Воронеж, буду писать и завтра, чтобы успокоить хотя несколько моего милого друга. «Никому-то его не жалко, только жалко престарелому дедушке».

Из Симбирска присланы письма Николая Михайловича Языкова на мое имя для доставления И.В. Киреевскому.

2 декабря, пятница. Писала к Федору Борисовичу и к сестре его, прося последнюю дать о себе верное известие нам обоим. Получила письмо от А.М. Языкова с просьбою о доставлении писем Николая Михайловича по назначению.

3 декабря, суббота. По возобновлении в первый раз: первый урок меньшим дочерям Катерины Александровны Свербеевой. Дмитрий Николаевич был так благосклонен ко мне, что я удивилась. Он оставил меня у себя обедать и после обеда сам отвез меня, куда я назначила.

5 декабря, понедельник. Я ушла пешком от Селивановской в Москву для того, чтобы по просьбе Федора Борисовича быть у Мамонова, расспросить его о болезни Катерины Ивановны и потом успеть все это написать во святой град Воронеж, а после того в час пополудни быть в доме Свербеевых для урока. По счастью, мне удалось все это выполнить. Будет ли доволен моим усердием милый, бесценный друг мой? *Me donnera-t-il en récompense une lettre de plus dans le cours de ce mois?*

Катерина Александровна привезла мне из Троицкой лавры коробочку и две деревянные ложки, Варенька крестик, а Елагина, т. е. сестра Свербеевой, сказывала мне, что и племянница их, Варвара Петровна Обрескова, тоже привезла мне крестик и сама вспомнила обо мне, будучи в Троицком монастыре¹⁶⁴. Воспоминание обо мне этой полубольной девицы было мне очень приятно. Обедала я у Свербеевых, и вообще весь день был для меня хорош. Надобно поблагодарить за то Бога; но стою ли я Его милостей? На завтра я приглашена обедать у именинника, Николая Дмитриевича [Свербеева], приглашена от милой его матери.

6 декабря, вторник. В 5 часов утра я пошла к ранней обедне в церковь Трех Святителей, после обедни я осталась в церкви для слушания царского молебна, а потом возвратилась домой.

Не только я обедала у Свербеевых, но и после обеда не могла от них уехать; так было там приятно, а потом товарищи именинника пели так хорошо, что очень возможно было заслушаться. Слава Богу, и этот день проведен приятно!

7 декабря. Целый день я была дома, занятая чтением писем Николая Михайловича Языкова.

8 декабря. Нынче день рождения моего брата; здоров ли то он? Была я у Юлии Михайловны и там вовсе неожиданно узнала, что мой племянник, Ваня, занимается рисованьем. — «Ты любишь рисованье?» — спросила я. — «Очень люблю». — «А хочешь ли учиться рисованью?» — «Сердечно буду рад». — «Так если маминька твоя позволит и если ты хочешь, так я отдам тебя в рисовальную школу, основанную графом Строгановым». — И мать, и сын обрадовались, и таким образом я решила, чтобы Ваня пришел ко мне завтра же утром, чтобы, не мешкая, идти в рисовальную школу графа Строганова.

9 декабря, пятница. Ваня пришел, а вслед за ним явился Бакунин и задержал меня. В школу пришла я с моим племянником уже по окончании ученья. Директор, г. Гальфтер, позволил новому ученику в течение двух недель ходить без платы, для испытания его способностей, а плату назначил мне внести после Нового года и тогда заключить условие с правлением школы. Как была я довольна успехом! Авось дам в руки моему племяннику и крестнику, внуку Ивана Васильевича Попова, честное ремесло для пропитания!

Вышед из школы, я пошла с Ванюшей к его матери: ей первой следовало объявить успех. Однако у Юлии Михайловны показались на глазах слезы, когда я объявила ей, что Ваня будет принят и что по окончании курса, прослужа 4 года в уездном училище, может получить и чин. Давно бы надобно было отдать мальчика в ученье, да мать не давала мне полномочия, и делать было нечего. С кем же теперь из друзей моих разделить мне мою радость? С кем, кроме Катерины Александровны и любимца души моей!

10 декабря, суббота. Я была у Свербеевой, но не застала ее дома; она была у сестры своей.

11 декабря, воскресенье. Была опять у невестки, чтобы проститься с ее жильцом, Федором Карловичем Герхеном; он едет в Калугу к родному брату на праздники. На этом-то Герхене и мать и дочь, две Юлии, основывают свои надежды... Дай-то Бог, чтобы не ошиблись!

12 декабря. День памятный — день рождения императора Александра, день именин моего брата и второго племянника.

Сегодня Ваня пошел в первый раз в училище. Я поспешила писать в Воронеж.

15 декабря. Отвечала Николаю Елагину на его письмо.

17 декабря, понедельник. Опять не видала Свербееву.

19 декабря. День рождения Олинки Свербеевой.

Я обедала у новорожденной по ее приглашению. После обеда Дмитрий Николаевич читал мне и дочерям своим прелестную повесть Григоровича, напечатанную в 12-й книге «Современника» за нынешний год, «Четыре времени года».

20 декабря. Была я у Хомяковых. Катерина Михайловна берется дать деньги на прибавление парчи к покрову, бывшему на гробе Валуева, для того чтобы вышли полные ризы в церковь Св. Димитрия Солунского, что в Новгороде. Надобно

узнать о цене парчи. Цена ей 14 руб. асс. О радость! Письмо от милого моего внука!

22 декабря, четверг. Только вчера свиделась я с милой Свербеевой; только вчера сообщила ей мою радость о том, что Ваня начал учиться. Писала в Воронеж, в Новгород и к Елагиным.

23 декабря, пятница. Какое-то беспокойное и тревожное состояние души.

Вчера была у меня невестка с детьми. *Ma nièce est bien triste et pensive. Est ce l'amour? Est-ce maladie?*

24 декабря. К великому моему удовольствию, я могла откровенно поговорить с Катериной Александровной о милом моем внуке. Она сама, по внушению доброй души своей, спросила меня о нем. Я высказала ей мое счастье, что могла пособить ему деньгами, что он не мог их выслать мне в то время, в которое предполагал, а я поэтому оставалась долее в долгу у нее самой.

25 декабря. По приглашению Свербеевой я ходила с меньшими дочерьми ее к обедне и потом провела там целый день. Племянник мой Саша также там обедал. Потом я поехала с ним к его матери и там ночевала.

26 декабря. Была в Даниловом монастыре.

29 декабря. Писала к Киреевской, к Елагиной, к Анне Петровне Зонтаг. В Воронеж писать не нужно: в сочельник я получила письмо от Федора Борисовича, что он 21-го поедет в Бунино, где останется до 12 января. Купила своему Ване теплые калоши, заплатила 2 руб. серебром. Дорого! тяжело! да жаль мальчика: ноги отморозит.

30 декабря. Была у Хомяковых, получила деньги на доконец риз из покрова, бывшего на гробе Валуева.

31 декабря. Осталась встречать Новый год с больной Кудрявцевой.

Много и премного было мне милостей от Господа в истекший год. Частые были удачи в делах житейских, но и то не безделица. Чудная доверенность ко мне от молодого Спиридонова, который дал мне займы 50 руб. серебром (срок платежу 22 янв. 1850 г., нечаянное возобновление уроков, успешное ходатайство о пожертвовании 100 руб. асс. на до-

вершение риз в новгородскую церковь, наконец та удача, что я могла записать моего племянника в рисовальную школу и что буду иметь средства платить за него, — все это водворяет в душе довольство. Но и потеря была тяжка для сердца: какого друга лишилась я в Панове! Ему хотела я поручить мои похороны, и он не отказался бы проводить меня до могилы. К Панову я могла обратиться с просьбою о помощи во всяком случае, а теперь — куда?

А ты, мое милое, первое сокровище, бесценный внук мой! Да благословит тебя Господь на вновь наступающий год! *Dieu de bonté, fais que son amitié pour moi ne s'éteigne jamais!*

Храни, Господи, рабу Твою, великодушную Катерину, и все семейство ее!

1850 год

ЯНВАРЬ

1 января. Была у обедни в церкви Николы Мясницкого, потом у Кудрявцевых, у Свешниковой и наконец у Строевой. Она встретила Новый год на бале у Селивановских.

2 января. Год начался неприятным сомнением в дружбе или, лучше сказать, даже в приязни Кудрявцевой, для которой я пожертвовала приятным вечером на Новый год; что же делать! Такова жизнь, что все будут одни потери! Я уехала в половину дня к Селивановской, в Симоновскую слободку.

4 января. Dans la nuit j'ai eu un songe bien agréable: j'ai rêvé que Théodore et moi nous étions ensemble; et cependant ce même songe m'a beaucoup inquiété, quand je lus éveillée: on devient superstitieux, quand on craint pour ses amis.

Была у Свербеевой, говорила с нею (и все по ее вопросу) о моей племяннице. Как мила и добра Катерина Александровна! Да благословит ее Бог! Оттуда приехала я к моей невестке, и как удивилась, когда увидела там Федора Карловича Герхена, которого мы ждали только к 10 января! Все ему рады, и я тут же; кроме того, еще нашла я там приезжих: брата моего и Васю; они приехали в Москву на время, по делам.

6 января. Encore un rêve de nuit de Théodore, mais ce rêve-là n'avait rien d'agréable: je l'ai rêvé endormi, et quand je l'éveillai d'après la prière d'une malade, j'ai vu le mouchoir de mon petit-fils avec des taches de sang. Que veut dire ce songe-là? O, mon Dieu! Sauvez l'enfant adoptif de mon âme.

8 января. Вчера получила я письмо от Анны Петровны [Зонтаг]. Она больна и собирается приехать сюда. Дай-то Бог!

Песня, которую поют в Симбирской губернии:

Отлетает сиз голубчик от ясных очей,
Уезжает мой друг милой в чужи дальни города,
В славный город Петербург.
В Петербурге городке
Нет веселья для меня.
В хоровод пойду с другими,
Все глаза смотрят дружка.
Глаза смотрят, да не найдут,
Болит сердце у меня.
Вечор миленькой пришел,
За цветами в луга звал,
А нынче мой милой
Без причинушки отстал,
Негодную любить стал,
Ни девчонку, ни вдову,
В шабрах мужнюю жену.

9 января, понедельник. Заключено условие с директором 2-й рисовальной школы о том, что я отдаю в эту школу моего племянника на 6 лет, и представлены мною деньги, 9 руб. серебром. Писала в Петрищево к Авдотье Петровне.

11 января, среда. Получила письмо от Николая Елагина. Он пишет, что будет в Москве к 20 января, что Федор Борисович, Катерина Ивановна и Василий Алексеевич [Елагины] приехали в Петрищево накануне Нового года. Я рада буду видеть Николинку, mais quand j'ai lu que Théodore est à Петрищево, une crainte secrète s'empara de mon coeur: ne tâchera-t-on de détruire l'amitié qu'il me porte? On peut demander: pourquoi? Réponse: pour passer le temps!

15 января, воскресенье. Сегодня утром принесли мне письмо из Новгорода, но уже не от того священника, который перед смертью Валueva исповедывал и приобщал его, — письмо от сына этого почтенного священника; он заступит отцовское место в нынешнем месяце. Пожалела я сердечно о покойном священнике: он знал Валueva, знал как духовник, следовательно, видел ангельскую чистоту души его, знал доброту Панова, одним словом — мне отрадно было поручать такому священнику совершать заупокойную службу по Валу-

еве. Сын пишет, что помнит меня, Панова и самого Валуева, а также Своехотова¹⁶⁵ и Ивана.

23 января. К 12 января Федор Борисович должен был воротиться в Воронеж, а между тем еще до сих пор ко мне не писал! 19-го, т. е. в прошлый четверг, я писала к нему — авось будет ответ!

Что это Николай [Елагин] не едет? На меня находит печаль и смущение и о нем, и о его родных, и кроме того, скучно, что целый месяц Нового года почти прошел, а из Воронежа не было ко мне ни строчки.

24 января, вторник. В 4 часа пополудни Николай приехал. Слава Богу, в Петрищеве все здоровы.

26 января. О, когда-то будет мне желанная грамота? Нет, начало нынешнего года для меня вовсе не благоприятно! До сих пор не было еще такого часа, в который душа была бы довольна.

28 января. Говорила я с Николаем о милом моем внуке. От Николая узнала, что Мойер, любя Федора Борисовича, вовсе не заботится о том, чтобы обеспечить его в материальных способах жизни. Старик забывает свою молодость, забывает, что никто из врачей не начинал своего поприща с богатых доходов и славы. Увы! к сожалению, Катерина Афанасьевна [Протасова], которая была истинною матерью Феди, скончалась! Ее убедительные слова действовали на Мойера; она понимала жизнь и деликатность своего названного внука. Теперь осталась ветреная и легкомысленная сестрица Феди, Катерина Ивановна Елагина; она иногда (т. е. раз в год) посылает брату по 100 р. сер., а выпросить чего-нибудь у отца не умеет, а не умеет оттого, что не хочет. Она женщина добрая, смиренная перед зверями, злая насмешница и цыганка над теми, кого почитает слабее или глупее себя, брата, конечно, любит, но любит тою тепленькою любовью, которая не находит средств быть полезной милому предмету, а любовь горячая найдет их.

Али вы любви не испытывали?

Какова любовь да на свете горяча?

Горяча любовь, да слезами залита.

Сегодня обедала я у несравненной Катерины Александровны. Говорили о милых умерших и о том, что должно чтить память их.

30 января, понедельник. День именин Жуковского. Да хранит Господь этого почтенного и милого человека для добра и нравственного примера людям!

Николай Елагин радуется мне тем, что похож на отца своего не только лицом, но и гостеприимством. В Москву приехали двое молодых Левицких¹⁶⁶, и Николай тотчас пригласил их остановиться у него, что сбережет для них рублей 50.

Ждала я нынче грамотки из Воронежа, но мое ожидание было напрасно!

Что он письмецов не пишет?

Челобитьев мне не шлет?

Что он сам в гости не едет,

Меня в гости не зовет?

31 января, вторник. Выйдет же такой день, счастливый на одни неудачи! Пошла я на почту узнать, нет ли мне письма от Федора Борисовича, но почта даже не была! Поехала к Саше Залюбовской¹⁶⁷ и не застала ее дома; поехала к Бакунину — того нет в Москве: он остался у отца в деревне; и так день прошел в бесполезных разъездах, а между тем у меня был редкий и почетный гость — Дмитрий Николаевич Свербеев и старая Селивановская.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля, среда. Счастливая Елена Федоровна [Свешникова]! Она едет в Воронеж вместе с Ефремом Ивановичем Пузыревым¹⁶⁸ и его женою. Была я у милой Свербеевой. Прелестная, несравненная женщина! Как много в ней кротости и терпимости к обществу.

Сегодня было мне письмо, но, увы, не из Воронежа! Оно было от Марьи Васильевны; я им довольна, письмо очень ласковое, только разница велика в радости при получении грамотки от милого внука. Марья Васильевна пишет мне о том, что Федор Борисович в бытность свою в Петрищеве лечил тамошних крестьян с обыкновенною своею заботливостью;

здесь для меня ничего нет нового; все это я знаю, все постигаю, радуюсь добрыми свойствами моего дорогого внука, но радуюсь во глубине души, сама с собою, или делю, если выдаться случай, эту заветную радость только с одной Свербеевой.

Я тотчас отвечала Марье Васильевне. Отвечала на все учтиво и ласково, а насчет Федора Борисовича с дипломатическим благоразумием.

2 февраля. Была у Хомяковых целый день. Мне было там грустно: что-то напомнило так живо почившего ангела — Валугина, что я с большим усилием поддерживала разговор.

3 февраля. Получила письмо, над которым горько плакала: оно было от бедной Анны Андреевны Пановой. Тяжело ей без любви Василия Алексеевича, тяжело у отца, грустно в мужнином доме. — Когда-то я дождусь письма из Воронежа?

4 февраля, суббота. Писала к Пановой, да еще к Облеуховой. В час пополудни поехала на урок на Тверскую, но обедать там не осталась. Мне было грустно, а с таким чувством лучше сидеть дома; в 6 часов вечера Шарло и Руслан стали проситься гулять, я пошла с тем, чтобы их выпустить, и только что отворила дверь, как увидела почтальона. Он подал мне письмо на мое имя, и я с трепетом спросила: откуда? «Я не видал: темно». Но мое сердце узнало милый почерк, и я в восторге дала целые 10 коп. почтальону. Друг мой пишет ко мне откровенно. Ему грустно было приехать в Бунино, где в последних числах января 1848 г. он в последний раз видел свою добрую бабушку. По возвращении его в Воронеж была для сердца его новая тревога: молодому доктору Броссе сделался удар; Тидебель, узнав о том, тотчас поскакал в Острогжск и, слава Богу, успел спасти друга.

25 февраля, суббота. Вот сколько прошло дней, а я не писала ничего в этом дневнике: все ждала дней счастливых и приятных и — не тут-то было! Было, напротив, более неприятного и грустного; милая Катерина Александровна была нездорова; она простудила бок на тех балах, на которые должна выезжать для дочери, а не по склонности. Неприятно было для меня то, что Анна Александровна [Елагина], заехав ко мне в прошлое воскресенье, увидела портрет Валугина и стала упрекать меня, зачем я держу его у себя! Вот странная претензия! Да я ничьих увещаний в свете не послушаюсь в

этом отношении. Я одна воздаю честь мертвому: праху его и портрету. У меня последний в почете, а не на чердак изгнан, потому что оригинал уже не существует на сем свете.

Получила письмо от Марьи Васильевны [Киреевской], и очень ласковое. Слава Богу, она теперь здорова. А когда-то я получу письмо из Воронежа?

МАРТ

1 марта. Вечером пошла я на почту узнать, нет ли мне письма из Воронежа. Было 7 час. вечера, ни чиновников, ни почтальонов еще не было; я решилась дожидаться. Сторожу стало жаль меня: он вызвался навести справку, чтобы сократить для меня время ожидания и неизвестности. Через 5 минут он возвратился и сказал мне с видимым состраданием: «Поверьте, что письма вам нет; я читал роспись». Скрыв мою печаль, я поблагодарила его за труд и пошла с горем в свою келью.

4 марта, суббота. Вот наконец желанное, жданное письмо, которому я рада, как городу; не рада только тому, что Федор Борисович возвращает мне деньги, посланные мною ему 14 сентября 1848 г. Кроме того, он приложил еще 20 руб. сер. за доставленное мною ему белье, но этих денег много. Я хочу, чтобы это белье обошлось внуку моему в полцены, и вследствие хотенья, без всякого медленья решила возвратить ему 15 р. сер. Да будет так! Да будет по-моему, к пользе и обеспечению моего милого внука.

8 марта, среда. Сегодня писала в Воронеж. Почта пойдет завтра, да мне 8-е число напомнило прошлый год, когда в этот же самый день я облегчила душевную скорбь и стеснение откровенным разговором.

10 марта. Послала по почте Тидебелю расписку его в 50 р. сер.

18 марта, суббота. Третьего дня приехал сюда Петр Васильевич [Киреевский]. Елагины будут в мае для Катерины Ивановны: она будет пить воды. Дай Бог, чтобы ей была польза!

19 марта. День славных воспоминаний, день вступления русских в Париж.

«Представьте себе идеально-преlestное лицо, поражающую, блистательную красоту, одну из таких, перед которыми вдруг останавливаешься, как пронзенный, в сладостном смущении, вздрогнув от восторга, и которой благодарен за то, что она есть, за то, что на нее упал ваш взгляд, за то, что она прошла возле вас...»

Ф. Достоевский¹⁶⁹.

25 марта. В великий нынешний праздник, день, в который послан бысть с небеси архангел Гавриил, да возвестит земле радость, я тоже была в ожидании радости — письма от милого внука. Только что я открыла глаза поутру, Маша подала мне письмо, но оно было не из Воронежа, а от бедной Пановой. Я была с поздравлением у Катерины Александровны, а потом у почтенной Катерины Петровны Зыковой.

29 марта. День провела с несравненною Свербеевой.

Когда получу я письмо из Воронежа? Грустно, когда почтовый день обманет ожидание.

АПРЕЛЬ

1 апреля. Была с поздравлением у Марьи Алексеевны Хомяковой¹⁷⁰, а потом у Катерины Александровны, по ее приглашению. Домой возвратилась в приятной надежде, но надежда была напрасна!

Дмитрий Николаевич занемог было серьезно на этой неделе, но, слава Богу, ему лучше.

Был у меня Никон: как я ему обрадовалась! Всякий раз, как я его вижу, то вспомню так живо моего отца,

И сердце так больно сожмется!

7 апреля, пятница. Отправлена посылка в город Воронеж, стоившая 80 к. серебром.

8 апреля. Сегодня надобно пойти к Зыковым. Что там услышу, напишу завтра.

14 апреля. Я не писала в эти дни, потому что не могла опомниться от ужаса: кроткий и смиренный Зыков заколол кинжалом княгиню Веру Дмитриевну Голицыну в присутствии своей несчастной матери¹⁷¹. Ужас! Ужас! После буду описывать ход этой истории. Сострадание к матери убийцы

так наполняет мою душу, что в ней нет места нетерпеливому ожиданию письма из Воронежа.

15 апреля. Послано в Новгород, в церковь Св. Димитрия Солунского, 6 арш. парчи, 15 арш. галуну и 13 арш. розового коленкору. Еще послано туда же 5 руб. сер., 2 рубля на обедню за упокой двух друзей, Дмитрия и Василия, а 3 — за работу риз. Я просила священника означенной церкви уведомить меня с первою почтою о получении. Надеюсь, что он будет более иметь внимания к моей просьбе, чем Марья Васильевна. В 9 часов вечера, возвратясь домой от всенощной, я нашла у себя на столике письмо, но, увы! не из Воронежа, а от Марьи Васильевны. Она уведомляет меня о получении высланных мною красок, но не с первою почтою, как я просила, а с третьею или с четвертою. Получено преласковое письмо от Натальи Петровны Киреевской.

18 апреля. Все горестные и ужасные обстоятельства истории несчастного Зыкова отлагаю описывать до конца этого месяца. Почтенный Дмитрий Николаевич [Свербеев] заезжал ко мне, чтобы узнать что-нибудь от меня о Катерине Петровне Зыковой, хотя он вовсе ее не знает, но ее несчастье поражает всех добрых и здравомыслящих людей.

19 апреля. Брат мой в Москве и пристаёт в доме великодушного Солнцева, модного магазинщика на Софийской улице.

22 апреля, суббота. Сегодня я причащалась в церкви Трёх Святителей, что у Красных Ворот. После обедни я пошла навестить брата моего и пригласить его ко мне на именины, потом пошла в Новую слободу, чтобы пригласить к себе на тот же день старуху Федосью, от нее прошла я к священнику тюремного замка, чтобы узнать что-нибудь от него о Николае Семеновиче [Зыкове] и сообщить о том матери. Священник живет не в замке, а в переулке, ведущем от острога на Казанскую улицу, в доме Дьяконова. Взошед в дом, я увидела молодую жену священника и, спрося о ее муже, услышала, что он еще не возвращался из острога, что она дожидается его обеда. С приятным добродушием она просила меня подождать, чему я очень была рада, оттого что устала. Мы разговаривали часа полтора, и в 3 часа пополудни священник возвратился к жене. «Тебя ждут», — сказала она. Мы поклонились друг другу. — «Извините, что я вас беспокою, не быв лично с вами знакома прежде, но в жизни случаются такие обстоя-

тельствва, которые вдруг сводят людей». — Священник снова поклонился, сел и, оборотясь к жене, сказал ей: «Я все эти 2 часа пробыл у моего Николая Семеновича». — «Ах, — сказала я, — да для него-то я к вам и пришла; я хотела только узнать о его здоровье, о расположении его духа, чтобы передать что-нибудь о нем его матери, а его я знаю с 12-летнего его возраста». — «Так передайте же его матушке, — сказал священник, — что теперь он гораздо в лучшем расположении духа, нежели как был прежде. Я каждый день провожу с ним часа по два, и если почему-либо замешкаюсь, то он присылает за мною». — «Еще просьба, — сказала я, — и я думаю, что в ней ничего нет противного законам: завтра потрудитесь сказать ему, что о нем приходила узнать Лизавета Ивановна Попова и что она сохраняет к нему прежнюю дружбу, что она бывает теперь очень часто у его матери». — Священник обещал выполнить мою просьбу, расспрашивал с большим состраданием о матери Зыкова и поручил ей кланяться.

Достойный и почтенный священник! Такому и надобно быть в месте, где слабые люди и закоснелые злодеи одинаково преследуются законом. И жена его имеет здоровое суждение. Она мне призналась, что гораздо более чувствует сострадания к преступникам, нежели к преступницам. Первые более чувствуют свое состояние, часто впадают в чахотку и в них более смертности, а женщины легче переносят тюремную жизнь. Я сначала согласилась с нею, но потом, размыслив об этом, нахожу, что наибольшая смертность содержащихся в заключении мужчин происходит не от одних нравственных, но и от физических причин. Попадья рассказывала мне про госпожу Пономареву, которая член попечительного о тюрьмах общества. Под ее ведением состоит женское отделение, и она наняла порядочную женщину для того, чтобы под ее надзором производить разного рода рукоделия, которые свободная надзирательница достает в других домах; деньги надзирательница хранит у себя и выдает из них работницам по их требованию. Пономарева прислала на Масленице большое подаяние на женское отделение, муки и масла, так что всю неделю были там блины. А бедные мужчины, продолжала милая попадья, ни по блинчику не съели! Однако же к Святой Пономарева же прислала огромное количество пасок и куличей для всех заключенных, без различия пола. Да благословит Бог добрую Пономареву!

Дорогою, когда я шла к острогу и потом в 5 часов пополудни домой, мне попадалось довольно нищих, и все такие жалкие! Многим случилось подать, слава Богу!

В 6 часов вечера почтальон принес письмо из Новгорода Великого. Я была в полной уверенности, что сын покойного священника Дмитриевской церкви заступил место отца и что он будет писать ко мне о получении парчи, но я была неприятным образом удивлена, узнав из письма бедного юноши, что архимандрит Юрьевского монастыря перепросил это священническое место для своего брата, Василия Орнатского, магистра и учителя в тамошней семинарии. Дело сделано чрез митрополичьего секретаря, которому дано 600 руб. сер. Как мне жаль молодого Ивинского! Жаль для него, да и потому еще, что мне приятнее было бы думать, что он поминает Валueva и Панова, а не этот неизвестный, жадный человек.

23 апреля, воскресенье. Во время заутрени я все думала о бедной Катерине Петровне и едва могла от слез удержаться. Утром была у Строевой, у Свешниковой, у Свербеевой, а потом у Зыковых.

24 апреля. День этот был день моих именин. Званных гостей был у меня только брат мой и Елена Федоровна [Свешникова]. Кудрявцева прислала детей, а Юлия Михайловна — моих племянников и племянниц. День проведен был довольно приятно. После ранней обедни меня поздравил почтенный протопоп Николай Петрович Другов¹⁷² и потом прислал мне в подарок две духовные книжки. Ласковость братнина и детей его были для меня большим утешением, но грустная мысль о том, что я уже не буду считать в числе моих гостей милого, доброго Панова, омрачила мою душу. Были прежде дорогие и редкие гости, а теперь —

Одного уж нет на свете,
Другой же странствует далече!

Почтальон принес еще письмо, но не из Воронежа (там, видно, обо мне забыли!), письмо из Новгорода от Орнатского. Он уведомляет меня о получении парчи, о том, что по моему желанию ризы будут сшиты к празднику и в них будет совершаться литургия в первые два дня Пасхи, как я назначала.

Сегодня отправила я письмо в Воронеж. Не знаю, что и думать о молчании Федора Борисовича! Боюсь останавливаться

на жестоких мыслях: или он тяжело болен, или не хочет более быть моим другом.

28 апреля, пятница. Утром, в 10 часов, почтальон принес письмо, но не из Воронежа! Однако я ждала этого письма и не обманулась в ожидании: оно было от несчастной Анны Андреевны Пановой. Милая женщина! она помнит, что 24 апреля день моих именин, помнит, что в 1848 г. и она и муж ее были у меня в гостях... и я это помню и никогда не позабуду! Она потеряла лучшее свое сокровище, а я, видно, лишилась в Панове вернейшего и лучшего друга: видно, он более всех друзей моих был мне друг. Мое письмо от 24-го Федор Борисович должен получить сегодня; будет ли ответ? Будущая пятница решит вопрос.

30 апреля, воскресенье. Вчера в 8 час. вечера пришла тифлисская почта; почтальон сказал, что письма будут разносить в воскресенье утром; надежда оживила на несколько времени душу, но сегодня во время обедни мною овладела сильная тоска. Теперь уже 12 час. дня, а письма нет! Я ушла к Зыковым, а вечером, возвратясь домой, нашла письмо, но по виду тотчас узнала, что оно было не то, которого жду с таким нетерпением. Письмо было от Марьи Васильевны, и хотя она пишет, что Авдотья Петровна и она здоровы, но сон, который она видела обо мне, что я в слезах и в горе, наполнил душу мою новым страхом. Разве не дошла ли к ним весть о Зыкове? Еще сегодня видела я Хомяковых; показывала им письмо от молодого Ивинского, обманутого в своих надеждах, и от нового священника при Дмитриевской церкви, Орнатского. Слава Богу, Алексей Степанович предложил жене выслать, в дополнение к посланной ею парче, требуемые новым священником два аршина той же материи для епитрахили и поручней.

МАЙ

1 мая. День рождения моего отца. Сомнения и тревога о милом внуке.

Вчера вечером думала я о Марье Васильевне, о виденном ею обо мне сне и, может быть, вследствие того видела сон, что ко мне пришла девочка и уведомила о смерти Натальи Федоровны Коврайской, бывшей Шмидт.

2 мая, вторник. По просьбе Пановой надобно было пойти осведомиться о здоровье Катерины Алексеевны Аксаковой¹⁷³; но сестра Панова, похожая на брата более лицом, нежели сердцем, приняла осведомление Пановой за жалобу на ее молчание, за претензию или требование еженедельной переписки и, разумеется, была в некоторой досаде. Я старалась ее разуверить, но не много успела.

Прежде нежели была я у Катерины Алексеевны, была я у Анны Александровны Елагиной. К вечеру пошла в Донской монастырь. Грустно стало, когда я вошла в него, от воспоминания о несчастном Зыкове. Вечером была у Спиридоновых и поздно возвратилась домой.

3 мая, среда. Письма нет из Воронежа! Горько мне стало, и я принялась плакать. Отчего же внук мой ко мне не пишет? Самые ужасные мысли приходят в голову: или он болен, или забыл меня... но пусть совершится последнее, только бы он был здоров.

Обедала у Катерины Александровны в ее кабинете. Дмитрий Николаевич был тут же. Я хотела попросить его о доставлении места моему брату, да приехала Анна Александровна, и речам моим тут уже не было места. Родные имеют семейные дела, надобно предоставить им свободу обсуживать их. Пришедши домой, видя, что на столе нет письма, я опять принялась плакать.

4 мая. Решиться должно: попробую написать к доктору Эрке, авось он даст ответ. Я попросила брата моего написать мне письмо по-немецки и, переписав, отправила с экстрапочтой. Важен и страшен для меня ответ Эрке.

5 и 6 мая была у Зыковых.

7 мая, воскресенье. Я пошла домой от Свешниковых и пришла прямо в церковь Трех Святителей, к вечеру; в церкви еще никого не было. Через 5 минут вошли дочери Анны Ивановны, Дуняша и Маша, они прошли мимо меня, но доброе сердце Машеньки взяло верх, она подошла ко мне и сказала: «К вам есть письмо из Воронежа». Душа моя облегчилась от страшной тягости, но потом какое-то предчувствие сказало мне: но что он пишет? Может быть, что-нибудь невеселое. Так и вышло! Он не писал оттого, что был долго болен, болен лихорадкою, и в начале весны! Ах, это очень, очень меня огорчает, а средств ехать к нему у меня нет!

8 мая. Была я с К.М. Хомяковой в Даниловом монастыре.

9 мая. Была на Миусском кладбище с двумя моими племянниками, Васинькой и Ванюшей. Оттуда зашла я в острог. Нынче день именин Николая Семеновича Зыкова, я купила ему апельсин и отдала смотрителю замка, чтобы он доставил его заключеннику от моего имени.

10 мая. День экзамена моего племянника Саши, день экзамена Герхена, день, в который невестка моя хотела просить об отсрочке третной платы за наем дома, день, в который воронежская почта должна привезти мне ответ от доброго старика Эрке. К 15 мая сюда ждут Елагиных: Авдотью Петровну, старшего сына ее от второго брака, с женою, и Марью Васильевну.

11 мая, четверг. Дала 3 рубля сер. племяннику моему Васе на летнее пальто. Писала в Воронеж.

12 мая. Писала в Новгород Великий к священнику церкви Дмитрия Солунского Орнатскому и к Ивинскому.

14 мая, воскресенье. Была я у моей невестки. Жилец ее, тот самый Герхен, которого она почитает влюбленным в нашу Юлиньку, должен экзаменоваться во вторник у профессора минералогии Щуровского¹⁷⁴. Молодой человек очень трусит своего экзамена, потому что ему наговорили много невыгодного о суровом и привязчивом характере Щуровского; находясь под влиянием этого страха, Герхен просил меня сыскать такого человека, который бы имел влияние на Щуровского и попросил бы его быть снисходительным к нему, Герхену. Влияние над Щуровским имеет Армфельд¹⁷⁵, но что он сделает для меня? К кому же прибегнуть, если не к той, которой поверяю мои печали и радости, милой, несравненной Катерине Александровне?

15 мая. Вот образец истинной доброты и великодушия и к тому же доказательство, как я любима в доме Свербеевых. Сам Дмитрий Николаевич писал письмо к Армфельду в рекомендацию Герхену. Следовательно, Дмитрий Николаевич меня любит! О радость! Вот доказательство силы моей просьбы. Великодушная Катерина Александровна сама вызвалась прибавить от себя несколько строк к Армфельду в мужнином письме. Я отвезла письмо к нему в дом и оставила там.

16 мая. Герхена я предупредила, что за него будут ходатаи, но он был чрезвычайно смущен. Невестка обещала прислать ко мне Ваню с известием о последствиях экзамена.

Слава Богу! Армфельд предупредил Щуровского, и баллы для Герхена благоприятны.

17 мая. Была у Свербеевых, чтобы поблагодарить их, и, к большому горю, нашла Катерину Александровну и старшую дочь ее, Вареньку, больными.

18 мая. Навешала больную Свешникову и Строеву; последняя здорова, дети ее также. Возвратясь домой, нашла, к большой мне отраде, письмо от Федора Борисовича. Слава Богу! ему лучше!

22 мая. По просьбе Федора Борисовича описываю ему историю Николая Семеновича [Зыкова], но часто рука останавливается... рассказ грустен! Сегодня я надеялась кончить его и послать по почте, но ко мне пришла любезная гостья, Александра Васильевна, спутница Марьи Васильевны [Киреевской] в Киев; она осталась у меня довольно долго, я была ей рада, и ей было отрадно со мною.

25 мая. Федор Борисович просил меня рассказать ему в письме все подробности истории Зыкова. Пишу для него, но так тяжело собрать в одну тетрадь и несправедливости, и подлости, и преступления, что я не могла написать всего не только в один день, но даже и в неделю. Это надобно было писать с отдыхом.

26 мая. Вечером пошла я к Свешниковым. Старушка больна, а это день рождения сына ее. Милая Анюта Кудрявцева приехала проведать мать и приветствовать брата. К Свешниковым пришел также и Базунов, Иван Васильевич¹⁷⁶; он объявил мне, что у него есть ко мне письмо от моего дяди, Михайла Васильевича Попова, я очень тому обрадовалась и сказала, что приду непременно за письмом завтра поутру.

Более 20 лет прошло с тех пор, как дядя мой прекратил без видимой причины переписку с отцом моим. Мы все полагали, что дяди нет уже на свете. Зимой прошлого года один петербургский приезжий явился в лавку Свешникова и спрашивал его от лица М. В. Попова о детях брата последнего, Елизавете и Александре Поповых. Свешников сказал, что мы живы, дал приезжему мой адрес, но вопрошающий удовольствовался

своим вопросом и полученным на него ответом и ко мне не явился. Таким образом, мы узнали только, что дядя жив, но как же писать к нему? Наконец Федор Васильевич Базунов, книгопродавец петербургский¹⁷⁷, в половине мая писал к брату, что М. В. Попов был у него в лавке, что сказал ему, в какой живет улице, не назвав имени хозяина дома, где нанимает помещение. Опять полусведения! Но Иван Васильевич [Базунов], из любви к покойному отцу моему и по доброжелательству ко мне, предложил мне написать письмо к дяде, и что он перешлет это письмо в посылке к Федору Васильевичу и попросит послать с мальчиком в означенную дядей моим улицу и там отыскать М. В. Попова. Федор Васильевич уважил, как видно, просьбу брата и означил в своем собственном письме адрес отысканного лица.

27 мая. Письмо я получила. Радуюсь, что дядюшка жив, что по летам своим довольно здоров, но меня неприятным образом поразили слова дядюшки, относящиеся к отцу моему. «Будучи недоволен, — говорит он, — обхождением его с вами обоими, я решился прекратить с ним переписку». Странно и грустно, находя излишнею строгость отца к детям, думать смягчить ее 25-летним молчанием! Почти навек расстаться с родным братом за то, что он поступал не по его воле с родными детьми своими! Да отец мой и понятия не имел о том, что брат его не одобряет, потому что брат вовсе перестал писать. Можно ли было принять с такою горячностью детские жалобы шалостливого сына? Я недовольна дядею; передам это письмо брату, пусть он едет к нему в Петербург.

30 мая. Письмо из Воронежа! Вот источник сердечной радости! Но только письмо коротенькое, со вложением другого для передачи, впрочем, нужды нет! Все же я получила в мае три письма.

Николинька Свербеев кончил свое университетское ученье кандидатом. Сегодня я была у его матери с поздравлением, она просила меня у них отобедать, на что я с удовольствием согласилась.

Брат мой хочет ехать в Петербург, но недостает средств. Как быть? Где взять их? Иди туда, иди сюда, ищи того, неведомо чего.

31 мая. Дети Свербеевы уехали в деревню до декабря. Мы простились, разумеется, навсегда, т. е. в отношении к урокам. Получила письмо от Пановой. Видела у Свербеевых Александра Николаевича Попова¹⁷⁸.

ИЮНЬ

1 июня. Наступил мой любимый месяц, но я встречаю его в большом недостатке. Однако материальный недостаток не мешает душевным радостям, если они будут.

2 июня. Послала письмо к Федору Борисовичу.

3 июня, суббота. Моему старшему племяннику Васе мать сыскала нового покровителя — какого-то г. Решетникова. Благодарю за то Бога, а жалко, что ни один из детей моего брата ничего не получил от забот отца! Он отдал матери их 7000 р., но это были деньги из нажитого их дедом, а не им. Сашу поместила я, Ваню записала в школу рисования и деньги вношу за него я же, о Васе, которого поместить никуда уже нельзя, взялся хлопотать чужой человек, упрощенный матерью. Если это дети понимают, то чем помянут они жизнь для них отца?

4 июня, воскресенье. Была в Симоновской слободке на даче у Селивановских по приглашению молодого Селивановского. Он сообщил мне о том, что получил письмо из Курска от Семена, бывшего у него учеником в типографии, взятого на воспитание отцом моим ради христианского человеколюбия; этот Семен остался бы век дураком или годился бы только для поденной работы, если бы я по кончине отца моего не отдала его в типографию Селивановского¹⁷⁹, а теперь Семен фактором при Курской губернской типографии, получает 1200 р. жалованья на ассигнации, пишет прекрасно и по случаю наступления ревизии осведомляется о месте моего жительства или моего брата, чтобы отделиться от нашего семейства, которое, благодаря беспечности моего брата, имеющего чин коллежского секретаря, числится в мещанском сословии. Селивановский был очень благосклонен со мною, дал мне много полезных советов в рассуждении моего племянника и моего брата, взяв с меня обещание, что я не скажу о том другим, коих нескромности он не любит, да и я тоже.

5 июня, понедельник. Писала в Петербург; письмо придет туда, по словам почтальона, в среду вечером.

6 июня. Простились с Хомяковыми: они едут в деревню.

7 июня. Это был день погребения милой моей Авдотьи Осиповны Лебедевой, в нашем доме носившей имя Лизаветы Алексеевны; это был день, в который я в последний раз видела сестру ее, добрую Прасковью Осиповну.

Пришедши к Свешниковой, я была неожиданно обрадована, увидев там Анюту Кудрявцеву и Катеньку Тугаринову¹⁸⁰. Добрые сестры приехали на день именин брата их, Федора Осиповича. Анюта рада была, увидев меня, а я была рада, увидев ее и Катю.

Получила письмо от Н. П. Киреевской. Она просит убедить Алексея Степановича [Хомякова] не сидеть за полночь с ее мужем; мне не хочется нарочно за этим пойти к Хомякову; я послала письмо по городской почте.

Вечер был сегодня прекрасный, тихий, без солнечного сияния, его закрыли небольшие облака, предвестники дождя, так жадно ожидаемого землею. Красота мира подействовала на мою душу: мне стало и льготно, и радостно. Я вспомнила все благодеяния Божии, полученные мною, и сердечно благодарила за них Бога, легла спать с приятными мыслями.

8 июня, четверг. О день, о день благоприятный! Два года тому назад в этот самый день я выехала во святой град Воронеж. Сладчайшая мечта моя приводилась в исполнение, фантастическое счастье становилось действительным. Даже и сегодня воспоминание этого дня веселит меня; я встала с таким радостным чувством! К тому же сегодня почтовый день, *je vais écrire à mon ami, ensuite j'irai voir Théodore Svechnikoff, car c'est le jour de sa fête.* Увижу сегодня Анюту и Катю, но молю Святое Провидение отдалить дня на два свидание мое с трефовой кралей, а равно и с бубновой! Хочется нынешний день провести в не возмущаемом счастье, а вышеупомянутые дамы возмутят его из удовольствия мутить!

Ведь часто похвала
Опасней, чем хула.
Завистный мир не любит,
Когда о ком повсюду трубят
И режет правду вслух

Болтливая богиня, Слава;
Чужая честь, чужие права
Завистливый терзают дух!

Начинаю письмо во святой град. Боже, дай его кончить,
чтобы никто не помешал!

Кабы нам не мешали,
В роще б мы гуляли,
Цветов бы нарвали,
Ягод бы набрали.
Наварили б пива,
Жили бы счастливо!

Обедала у Свешниковых, а в 6 часов вечера возвратилась
домой. Ко мне пришел племянник мой Саша и пробыл до 8-ми,
т. е. до того часа, как я выехала два года тому назад за за-
ставу. Слава Богу, неприятных лиц никого не видала, легла
спать с таким веселым чувством, что долго не могла заснуть.
Как хорошо быть счастливым!

9 июня. Совершенное изменение ощущений! Грусть пала
на сердце! Жалко видеть, жалко знать, когда не в коня корм
кладут! В овечью шкуру можно ли поместить сильно любя-
щую человеческую натуру? Шкура лопнет! В нее посылают
теплый пар, который может куриться, но никогда не вспых-
нет ярким пламенем! Жалок человек, который свою прекрас-
ную душу отдал подобию человеческому, не понимая, что это
мякушка или копченая селедка.

11 июня. Иван Васильевич [Киреевский] приехал сюда из
Петербурга с своим любезным сыном. Последний выдержал
экзамен и поступит в лицей.

12 июня. Наталья Петровна [Киреевская] пишет к мужу,
что Авдотья Петровна в Москву не будет и что Василий Алек-
сеевич [Елагин] с женою поедет в Крым. Без Натальи Петров-
ны мы ничего бы не знали, спасибо ей!

13 июня. Иван Васильевич уехал.

14 июня. Уехала моя несравненная Катерина Алексан-
дровна к своим милым детям в Солнышково.

15 июня. Была я в лавке Базунова, чтобы узнать, нет ли
мне письма от дядюшки; нет, дядюшка отвечать не торопится!
Николай Дмитриевич Свербеев заехал в ту же лавку и сказал

мне, что в доме тетки его есть ко мне письмо от его маменьки. Я тотчас пошла к Анне Александровне [Елагиной] с тем, чтобы от нее пройти в Данилов монастырь. Пробыв часа два у Анны Александровны, я пошла на могилу Валуева с намерением там прочитать милое письмо. И не напрасно я так сделала: какая ангельская душа у Катерины Александровны! Она хочет платить за моего меньшого племянника в рисовальную школу! Просит принять ее предложение, потому что оно делается ею от любви! Да, я верю твоей любви к добру, милый ангел, верю и благодарю тебя.

Сегодня писала в Воронеж.

16 июня. День моего приезда в Воронеж, что было два года тому назад, ныне прошел невесело. Я пришла к Строевой, и она сообщила мне о скорой смерти молодого Двигубского, сына друга ее матери¹⁸¹, и потом открыла мне особенное свое горе. Жаль ее!

18 июня. Брат мой хочет ехать в Петербург, а средства должна дать я; только досадна мне беспечность его, невнимание его к тому, что для него делают.

19 июня. Он уехал на долгих, должен приехать туда 30-го.

20 июня. J'ai envoyé à mon petit-fils un étui pour les cigares, une vingtaine de cigares et une jolie bourse. J'espère qu'il aura toutes ces bagatelles le 24 du courant, pour le jour de sa fête. Aurai-je, moi, une lettre de lui ce jour-là?

21 июня, среда. Герхен собирается ехать в Тамбовскую губ. в город Спасск, где у него аптека на аренде. Кажется, наши надежды тщетны, он не сказал ни одного слова, которое могло бы оправдать мечты матери. И жалко, и грустно! Человек он хороший.

22 июня. День рождения меньшого племянника Вани. Я купила для угощения добродушного мальчика кувшин молока и белый хлеб, чем он был очень доволен. Сегодня проводила Павла Михайловича Строева в Петербург. Он поехал в почтовой карете и будет там 26-го в понедельник, брат мой будет в Северной столице 29-го, Герхен будет в Спасске 2 июля, ибо поехал на долгих; письма от брата и от Герхена должно ждать около 8-го, высший срок 15-го письму от Герхена.

При посылке моему любезному внуку разных неважных вещей, я написала письмо и сообщила ему последнее изве-

ствие о выезде в Крым сестры его с мужем. Марья Васильевна [Киреевская] по наставлению матери пишет, что они остались одни, просят к ним писать, потому что им скучно, — а я поверила!

Вот получаю письмо от Петра Васильевича от 18 июня из Киреевской слободки с приложением 23 р. 45 к. сер., следующих мне процентных денег с 2000 р. асс.; 30 р. сер. были им уплачены еще в марте, а 5 р. сер. отданы по моей просьбе Ольге Сергеевне. В письме своем, кроме дела, Петр Васильевич повторяет те же известия о путешествующих в Крым, прибавляет о тетушке Зонтаг и о ее дочери м-ме Гутмансталь, о м-ме Пелопидас, и наконец объявляет, что Мамонов в Петрищеве!

Для чего же было молчать об этом? Для того, чтобы не объявить другим: мы должны благодарностью такому-то лицу, оно получило на нее право; наша ласка к нему не есть действие нашего великодушия, без всякой с его стороны заслуги, но эта ласка становится нашею обязанностью за его пожертвование.

23 июня, пятница. Празднество перенесения в Москву из Владимира на Клязьме иконы Владимирской Божией Матери.

Куда ночь, туда и сон! Забудем прошлое, займемся настоящим: вот письмо из Воронежа! Милый внук послушался меня, написал по моему желанию 19-го числа, чтобы завтрашний день, день его рождения, могла я провести с его письмом. Правда, что письмо коротенькое, говорит он только о сестре, но нужды нет! *Ce sont des lettres, des mots, que sa main a tracés, son nom y est, c'est beaucoup pour moi.*

24 июня, суббота. Чай пила по-праздничному, на столе, покрытом белую салфеткой, со сливками, потом пошла к обедне. День провела с милым письмом и отвечала на него.

Пью за здоровье Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери,
И один без гостей
Пью за здоровье Мери,
Милой Мери моей.

В 6 час. пошла ко всенощной. В 8 час. нашли тучи, блеснула отрадная молния, грянул гром и пошел давно ожидаемый дождь.

25 июня. После обедни пошел дождь и продолжался целый день. Интересного более ничего не было.

26 июня, понедельник. Это мой любимый день, день, в который отходит скорая почта в Воронеж, и в этот же день и оттуда приходит почта. Меня утешает лестная надежда, что Федор Борисович, получив мою маленькую посылку в день своего рождения, напишет ко мне сегодня, но увы! Часто надежда бывает лукавым предателем, и здесь, может быть, будет то же.

Сильный дождь, пошедший в 10 час. утра, заставил меня бояться, что письмо мое в Воронеж не попадет на почту, но, по счастью, Михайла Никитич [Соколов] собрался идти куда-то и был так добр, что взял и мое письмо.

29 июня. Герхен уехал только сегодня. Он, видимо, был смущен при прощанье с Юлинькой, но она была спокойна; милая моя Конкордия заплакала, прощаясь с милым своим другом, и после отъезда его долго плакала. Я не удерживала себя в изъявлении ей моего сочувствия и удовольствия, видя в ней готовность любить не на минуту, не только в очах, но и в отсутствие; я подошла к ней и поцеловала ее.

Утром была я в лавке Базунова, и он отдал мне письмо от дядюшки. Дядюшка изъявляет досаду на брата, что тот не пишет к нему, а также и никто из детей его, обещается сам побывать в Москве, возвещает мне свою надежду скоро быть отцом и зовет меня в приемницы своего дитяти. Я передала содержание письма Юлии Михайловне, старшим и меньшим ее детям, заставила всех их написать к деду, ибо никто ничего не умел сказать, не от глупости, а оттого, что не привыкли писать. Васинька отправился в лагерь на Перерву к Саше, чтобы и от него взять письмо. Саша сам по себе не глуп и будет уметь написать один. Содержание письма Юлия Михайловна передала Герхену, а я скрыла, что у дядюшки будет наследник: признаюсь, что хочу как-нибудь удержать Герхена при нашей семье; пусть он возвратится хоть вследствие ложной надежды, так авось более привыкнет к тою, которая ему нравится, но чтобы вполне обманывать честного человека, от

этого избави Бог! Впрочем, Герхен жил год у Юлии Михайловны и знает ее обстоятельства и образ жизни, знает, что дочь ее бедная невеста.

Дядюшка был очень богат, как сам он пишет, и это было в то время, когда я писала к нему, что мой отец, а его родной брат, в таких тесных обстоятельствах; на это письмо не последовало ответа, и переписка прекратилась на 20 лет. Прошлую зиму, видя себя в старости одиноким, он хотел узнать о своих племянниках, не спрашивая о брате, а брата почитал он виновным в кичливости и слишком суровом обхождении с нами! Если бы это и было справедливо, так после 20-летней давности можно дела-то предать забвению и с любовью, с горестью о том, что были в размолвке, принять известие о смерти брата; как-то это известие принял он холодно, а я и теперь смущаюсь, жалея о том, что нашу жизнь мы проводим во вражде и сами себе умножаем неприятности.

Жаль, если брат мой разъедется с дядюшкой, если тот отправится в Москву в то время, когда брат мой будет подъезжать к Петербургу. Брат обещал писать к нам, но письмо должно быть только к 6 июля.

ИЮЛЬ

1 июля. Я провела этот день у Анны Александровны Елагиной. Странная и жалкая женщина! Ей тяжело быть благодарной несравненной сестре своей.

2 июля. Была в Даниловом монастыре. Нет, не могу видеть мерзость запустения на месте святе! Сорные травы окружили дорогую могилу, и я отдала 20 коп. сер. сторожу с тем, чтобы он их выполол.

3 июля, понедельник. Вчера от Анны Александровны приехала я к Юлии Михайловне, она взялась мне шить старую накидку, а мне было нужно переговорить с нею о работе; вечером пошел сильный дождь, я осталась у нее ночевать, а сегодня утром я написала письмо к моему любезнейшему внуку и отнесла на почту. Письмо к дядюшке в Петербург осталось у меня в кармане, но его можно отправить и завтра; pour ce qui est d'écrire à Woronége, recevoir des réponses à mes lettres,

cela est aussi nécessaire pour mon existence, comme l'air. Quand est-ce que j'aurai une lettre de cette ville?

4 июля, вторник.

О Боже, сердцем и устами
Взываю к благодати Твоей:
Спаси его от бед случайных,
Избави от наветов тайных,
Предохрани от явных зол!

5 июля, среда. Дядюшка желал, чтобы все дети моего брата и мать их писали к нему, и дивился, что отец не поучил их приличиям. Я была у невестки и всех заставила писать к дядюшке. Письма посланы через И.В. Базунова.

13 июля. Я провела все эти дни, с 5-го по 13-е, в Симоновской слободке попеременно у Селивановской и у Зыковой.

Сегодня утром возвратилась пешком к Красным Воротам; шла с надеждою найти у себя письмо, и опять эта надежда не оправдалась! Нашла письма, одно от Анны Петровны [Зонтаг], другое от Натальи Петровны [Киреевской], последнее со вложением 30 руб. сер. на путешествие мое в Петербург! Как ни нужны мне деньги, но я променяла бы и последнее письмо и первое на желанное. Честь и слава Наталье Петровне за любезную предупредительность; я не просила этих денег, а просто написала, что отыскала дядю и что отправила к нему брата. Наталья Петровна поняла, что я не могу сама ехать в Петербург по недостатку средств, и сама вызвалась помочь мне.

14 июля. Брат мой писал из Петербурга от 6 июля. Дядюшка был ему рад, жена дяди тоже обходится с ним благосклонно и радушно. Теперь мы ждем (мы, т. е. невестка и я) также нетерпеливо письма от нашего Герхена. 16 июля моя племянница именинница: напишет ли он к нам поздравление? А ведь тамбовская почта придет именно 16-го числа, по календарю.

«Все врут календари!»
(Грибоедов)

15 июля. Вчера пришла воронежская почта, а письма все нет как нет!

20 июля. Вечер, 10 час. Наконец Иван Васильевич Киреевский приехал сюда со своим сыном, без жены. Она осталась в

деревне очень больная, у нее начиналась горячка, однако болезнь перервали. Жаль мне Наталью Петровну! Завтра буду к ней писать. Писала к дядюшке, к Кат. Ив. Облеуховой.

22 июля, суббота. 10 час. утра. Написала письмо к Пановой. Как давно нет от нее писем! Здорова ли то она? Жива ли?

Из Воронежа все нет писем! И грустно, и страшно. Боже всещедрый! Помилуй и защити! — В 9-м часу, пришедши от всенощной, я нашла желанное письмо. Слава Богу, друг мой здоров, с 25 июня он стоит с кадетами в лагере, в 10 верстах от Воронежа.

23 июля, воскресенье. Письмо от дядюшки. Неожиданный приезд моего брата хотя обрадовал дядю, но продолжительное пребывание будет для хозяина стеснительно. Вследствие петербургской дороговизны дядя помещается в трех комнатах. Тетушка беременна, и комната лишняя скоро будет ей необходима. Брат мой поторопился ехать, не предварив дядю, что я советовала ему сделать. Кажется, что опыты были не потеряны последним, он понимает людей и дает им настоящую цену, равно как и вещам. Петербург называет он Северным Вавилоном, где народу много, а людей мало, где во множестве первых мудрено отыскать последних, а если пойти днем с огнем, с Диогеновым фонарем, то будешь схвачен и отправлен на 11-ю версту, в дом умалишенных.

Дядя был богат, теперь его состояние, кажется, очень умеренно; жена его, несмотря на свою хромую ногу, сама готовит кушанье. Меня приглашают быть крестной матерью будущего их ребенка. Дай Бог, чтобы у тетушки родился мальчик! Дяде 69 лет, вероятно, ребенок останется в 10, в 12 лет сиротою — куда же я возьму девочку?

24 июля, понедельник. Я собираюсь в Болшево, где постоянные жители Тугариновы, а временные летние жители Кудрявцевы. Я поеду туда после обеда с Кудрявцевым.

Утром стала писать в Воронеж, меня прервала моя невестка; она пришла показать мне письмо от Герхена из Спасска, что в Тамбовской губ. Мы обе обрадовались письму, хотя в нем ничего не было особенного.

В час пополудни я выехала из Москвы.

АВГУСТ

9 августа. В 10 час. вечера возвратилась я домой из Болшева и, к великой моей радости, нашла у себя на столе письма от всех друзей моих: от Марьи Васильевны, от Натальи Петровны, от Анны Андреевны Пановой, от Николиньки Свербеева, от несравненной его маменьки и от любезнейшего из всех друзей моих. Тотчас отвечала не первой, но последнему: завтра почта. Прошлого года в это же число получила я желанную грамотку, и она была написана также 4 августа, как и нынешняя.

10 августа, четверг. Письмо в Воронеж отдано на почту за 5 минут до запретного часа. Брат мой ничего полезного для себя не нашел в Петербурге, обстоятельства его так плохи, выехать не с чем, вся выгода состоит в том, что он видел дядю, видел Петербург, дворец и златые колесницы.

Сбиралась я отвечать всем по почте, но вести счета очень полезно; сведя счет, сколько в июле месяце истрачено на почту, я отложила писать в Белев до прибытия Ивана Васильевича. Мне надобно отвечать Анне Петровне, Наталье Петровне, Марье Васильевне, за 3 письма надобно отдать 30 к. сер.; я лучше поберегу эти деньги на то, чтобы платить за письма в Воронеж, а письма в Белев придут позднее, да это не беда, крайности нет! Из этих белевских дам я скорее пожертвовала бы 10 к. сер. для Натальи Петровны, потому что она великодушно подала мне руку на помощь, без всякой моей просьбы. Вот к Пановой надобно писать по почте: это жена и вдова моего брата по душе, доброго, честного Панова. Она была очень больна, обременена хлопотами, грустна, вспоминая, что прошлого года была это время с мужем; как не отвечать ей с первою почтою? Постараюсь не пропустить субботу. К несравненной Свербеевой напишу в воскресенье; к тому времени придет Иван Васильевич, которого она любит по-прежнему. Он скажет мне о сыне своем, и тогда мне можно будет сказать обо всей семье Киреевских что-нибудь верное. Катерина Александровна спрашивает, последуя влечению своего сострадательного сердца, о здоровье Катерины Петровны Зыковой. С милой Свербеевой могу я говорить о

своем любимце, и она не находит невозможным для меня, как Елагины, чувство материнской любви.

Серьезно, прекрасно и глубоко письмо Николиньки. Оно ясно, как душа его, затмеваемая иногда мимолетным облаком; на письмо это ответ должно обдумать хорошенько. Как справедливо говорит он, что родство души по выбору сильнее родства по крови! Так и я, избрав и усыновив милого моего Федора Борисовича, люблю его, как бы он был рожден мною.

Письмо из Воронежа, коротенькое и незначительное, имеет ценность воображаемую, внутреннюю ценность выше всего в области дружбы.

26 июня я просила Марью Васильевну уведомить меня о здоровье Васи Киреевского; ответа дождалась я 28 июля, ровно через месяц. Васиньку я уже видела в Москве 19 июля и 24-го проводила в Петербург, а потому поздний ответ для меня потерял все значение. В нем нет ни слова о путешествующих по Крыму искателях здоровья и предметов для насмешек, об этом не пишут, по наставлению старших, для того чтобы я не разделила сведение с тем, кого люблю, чтобы отнять у меня его сердечную благодарность; здесь не Марья Васильевна действует, а первое лицо. Бог с ними! Пусть молчат, я буду уметь писать дипломатические письма, общие места, без помощи риторики, буду действовать, как о себе рассказывал князь Иван Михайлович Долгорукий¹⁸²:

Я был в гостях у Селимены,
Прекрасный видел там боскет,
В диванных зеркальные стены,
В гостиной розовый паркет.
Разиня рот, я любовался
При Селимене там на все.
Умом своим ей посужался,
Но сердце прятал от нее.

Я успела быть у Свешниковых, у невестки, у Строевой, у Кудрявцевой; все, слава Богу, здоровы.

Из Болшева писала я к Марье Васильевне 1 августа, а 3-го в Воронеж.

14 августа. В 4 часа утра пошла я с Еленой Федоровной Свешниковой в Кремль, где мы были во всех соборах и отстояли три обедни.

Была я у несчастной матери несчастного Зыкова. Как она худа и слаба! Она переехала с дачи в Москву, потому что скоро дело сына ее будет решено; как не быть матери поближе к сыну?

15 августа. Иван Васильевич приехал из Петербурга и завтра поедет в Долбино. Дай Бог, чтобы он нашел Наталью Петровну здоровою.

Вполне прошел этот день, как сон пустой... Когда-то воскреснет душа моя? Пусть воды льются, пусть годы бегут, последней любви с собой от меня не возьмут.

16 августа. День этот провела у Строевых.

18 августа. Прочла в полицейской газете дополнительную статью к положению о производстве в чины лекарей и тотчас переписала ее, чтобы послать Федору Борисовичу; может быть, будет ему нужна для сведения и соображения.

20 августа, воскресенье. Невестка моя решилась наконец отдать меньшую дочь свою в Александровский институт, а хлопотать надобно мне. Ходила я утром к священнику церкви Вознесения, что на Остоженке; ходила за тем, чтобы узнать, может ли он дать свидетельство о рождении и крещении, или надобно брать свидетельство в консистории? Вышло, что последнее справедливо.

23 августа. Была в Александровском институте, чтобы попросить Аркадия Герасимовича Арбузова пособить мне в хлопотах моих о Конкордии¹⁸³. Арбузов живет в Екатерининском институте, он там полицеймейстером, квартира у него прекрасная, жена молодая и милая (но первая жена была лучше), сам он на хорошем замечании у начальства, добрый сын, хороший родственник, и я особенно уважаю его за то, что он не расстается с домом несчастной Зыковой. Арбузов был не прочь пособить мне, да медлительность и беспечность моей невестки все уничтожила. Конкордии минуло уже 12 лет, а в эти лета в институт не принимают. Надобно при прошении представить свидетельство о чине отца девочки, а свидетельство и отец в Петербурге. Надобно свидетельство о ее законном рождении и крещении, а свидетельство консистория выдает только отцу родному, а он в Петербурге! Однако я напи-

сала к нему, чтобы он с первою почтою выслал доверенность на получение свидетельства из консистории и копию с своего аттестата за скрепою.

24 августа. Писала в Воронеж. В 12 час. пошел сильный дождь; как быть? Как идти на почту? Неужели письмо останется до следующей почты? По счастью, Николинку отец послал на почту, и я поспешила воспользоваться случаем.

Невестка моя была в крайности, и я, видя то, дала ей 22 руб. сер.; между тем брат мой писал Васиньке, что от министра финансов по делу их выслана бумага в Казенную палату за таким-то №. Васинька ходил справляться, что это за бумага, но так как он ничего не дал подьячему, потому что у него ничего не было, то подьячий бумаги не показал, а сказал только то, что министр спрашивает: когда рождены дети просителя? Если это одно содержится в бумаге, то нельзя еще просить губернское правление о выдаче Васиньке вида; за то, чтобы показали бумагу, надобно дать рубль сер., а где его взять?

26 августа. Вот три дня, как льет проливной дождь; куда пойдешь за деньгами? Придешь в гости чучелой, выкажешь, что пришел от крайности, и получишь отказ даже от добрых людей.

Вызывался мне пособить Сергей Григорьевич Терновский¹⁸⁴, не зная определенно, в чем. Но я отклонила его предложение, потому что почитательницы этого священника возненавидят меня, скажут, что я пользуюсь его снисхождением и т. п., а священник действительно человек по сердцу Божию, ему добро сделать приятно, да другие за него выместят.

Дело состоит в том, что брат мой, рожденный в купеческом звании, имел троих сыновей при поступлении в казенную службу в 1832 г., через 7 лет вышел в отставку, 10 лет уже прошло после отставки, и во все это время, т. е. в течение 17 лет, он не позаботился выключить себя с семейством из купеческого сословия, которое по смерти моего отца в конце 1839 г. перечислило моего брата с семьею в мещане! Брату говорили об этом, он не хотел слушать! В настоящее время старшему сыну его 22 года, а он еще не на службе и частного места принять не может, за неимением вида. Когда стали просить о выдаче последнего губернское правление, тогда оно отослало просителей в мещанское общество, на том основании, что дети — мещане, когда отец не уволен от общества.

Ревизия и рекрутский набор были громовым ударом, которые заставили брата опомниться. Он стал просить, дело перешло в Министерство финансов, и вот через 6 месяцев прислана бумага от министра, и еще 6 месяцев пролежит, если не хлопотать, т. е. не дарить! Но где деньги? С января текущего года я заплатила 10 р. сер. за Ваню, на 3 р. сер. купила Васе пальто, 10 р. сер. дала Герхену, 10 р. сер. брату на путешествие в Петербург, 22 р. сер. невестке, теперь надобна Ване шинель, что, верно, будет стоить 10 р. сер., итого 65 р. сер.! А эти деньги чужие! 30 р. сер. дала мне великодушная Наталья Петровна, 5 р. сер. Зыкова, да Свербеева прислала деньги Ване 10 р. сер. А надобно спешить! Хочу знать достоверное звание детей.

28 августа. Вчера ездила с Свешниковой к Павлу Ивановичу Кондратьеву¹⁸⁵, который сам из купеческого сословия и потом вошел в службу, имея уже сына, а теперь находится в канцелярии Закревского и много может сделать, если захочет. Та беда, что три дня праздников! Сегодня Кондратьев будет на акте в гимназии, где учится его сын, 29-е и 30-е дни nepřисутственные.

29 августа. Сегодня был день работы: писала письма. В Петербург три, к дядюшке, к брату и рекомендательное о нем к Александру Николаевичу Попову, в Белев — два, к Авдотье Петровне и Марье Васильевне, в Ардатов — к Анне Андреевне Пановой. Свербеевой послала письмо 26 августа.

30 августа, среда. Провела этот день у Строевых, а вечером пошла к Катерине Петровне Зыковой.

31 августа. Пишу в Воронеж. Когда-то будет оттуда письмо? Кондратьев был в Казенной палате, говорил с Поповым, столоначальником ревизского отделения, и узнал неблагоприятный ответ: дело, которое мой брат почитает решенным так, что, по его мнению, надобно уже просить губернское правление о выдаче Васе вида, содержит только вопрос. Ответ хотят послать через неделю. Кондратьев хотел побывать в мещанском обществе и спросить, какой даст оно ответ. Просить надобно в Петербурге, но надобно знать, в каком положении дело там.

СЕНТЯБРЬ

НОВОЛЕТИЕ РУСИ

1 сентября, пятница. Проливной дождь целый день. Письмо от несравненной Свербеевой. Она берет участие в моей заботе и просит повидаться с ее мужем, в надежде, что он пособит. Пособить может только Бог да государь. Еще письмо из Петербурга, от брата. Он уже не у дяди, в нужде, ни выехать, ни оставаться там нет средства! Вот тебе и радость! К судьбе детей он равнодушен. И жалко его и досадно! Как бы его выписать оттуда?

2 сентября. Виделась с Дмитрием Николаевичем. Как я благодарна им за участие!

3 сентября. По совету Дмитрия Николаевича виделась с В.Д. Корнильевым¹⁸⁶. Он обещал писать к Протопопову и Вишневному, начальникам отделений в Министерстве финансов.

Молодой Вельс привез из Петрищева вести, что все Елагинны здоровы, старые на месте, молодые в путешествии. Слава Богу!

4 сентября. Писала записку о деле для Корнильева и отнесла вечером.

Когда же придет день счастья?

5 сентября. И вот! Он пришел, день счастья! Поутру, возвратясь из церкви, я нашла на моем столе милую грамотку из богоспасаемого града Воронежа от любезнейшего из друзей моих, от сына души моей, доброго, великодушного Федора Борисовича; как брат и друг, он предлагает мне взять у него денег. Мне всего дороже любовь, с которою он мне их предлагает.

7 сентября, четверг. День прошел приятно для души. Удовольствие было чистое, за которым нет раскаяния. Высшее блаженство душа находит в беседе с добродетельным другом, так говорит мудрость браминов, и я чувствую, что здесь говорит истина. В разговоре на бумаге я нашла такое утешение, какое только можно иметь в разлуке. Оно сделало целый день для меня приятным и доставило мирный и безмятежный сон. Вот день благоприятный! Его можно отметить на розовой бумаге.

13 сентября. Писала в Воронеж и потом получила нечаянную радость: письмо от брата из Петербурга. Бог послал ему место хорошее у казанского помещика Желтухина, послал тогда, когда брат мой был в большой крайности. Слава Богу! Слава Богу! А я боялась, что он ни с чем приедет назад и что мне же придется заплатить за него извозчику. Слава Богу, что брат мой будет в состоянии чем-нибудь помочь своей семье. О деле, касающемся до детей его, он ничего не пишет, в этом отношении он чудным образом беспечен.

17 сентября. Обедала у Строевых, вечером пошла к бедной Зыковой. Она была одна: Марья Семеновна еще утром поехала к Софье Семеновне Чириковой¹⁸⁷ в Старую Конюшенную, где Чириковы купили себе дом. Я провела там вечер и осталась ночевать.

18 сентября. На деньги, которые дала мне для Вани великодушная Свербеева, я купила ему сукна на теплую шинель, отдала портному. Все это будет стоить 11 р. сер.

20 сентября. Сегодня утром приехал мой брат. Ему все обрадовались и все были с ним благосклонны. О детях нечего и говорить: они все добры сердцем и любят отца. Упрекать родителей за то, что они хорошим воспитанием не обеспечили их будущего, им и в голову не входит. Брат приехал на одни только сутки; завтра в 4 часа он должен ехать по желанию Желтухина далее.

21 сентября. Вследствие проводов брата я не могла быть сегодня у обедни в Даниловом монастыре; кроме того, я хлопотала, чтобы достать от двух священников свидетельства о рождении и крещении Вани и Конкордии, и, разумеется, достала. Эти два свидетельства за церковною печатью должны быть представлены в подлинниках и копиях в Казенную палату, а она, списав с них время рождения детей моего брата, представит в Министерство финансов. Надобно будет для спасения Василия поставить на вид правительству, что Александр оканчивает учение в Константиновском межевом институте, тогда будет в счету мещан двое, а не трое Поповых, и Василий избегнет рекрутства. Но, с другой стороны, боишься повредить Александру, боишься, чтобы его не выключили из института, как мещанина.

29 сентября. Письмо из Воронежа! Еще от почтенной Анны Петровны [Зонтаг]. Она сама вспомнила меня, чтобы

разделить со мною свою радость о возвращении дочери ее из Вены в Россию.

30 сентября. Отвечала Анне Петровне и Авдотье Петровне. От последней было письмо в ответ на три моих. Она пишет, что путешествующие дети ее были в большой опасности на Черном море. Они вздумали прогуляться на нем в пароходе. Капитан парохода заехал слишком далеко в море, пароход загорелся, однако, слава Богу, пожар потушили, и все благополучно возвратились в Одессу. Я радуюсь избавлению путешественников, но, собственно в отношении ко мне, письмо Авдотьи Петровны удовольствия никогда не принесет. Она требует какой-то исповеди, а я не намерена исповедываться где-нибудь, кроме церкви. Она Петерсона называет дураком за то, что он приехал к ней провести с нею скучное осеннее время! Вот как она награждает за дружбу и преданность! Меня спрашивает о том, *кого я люблю?* В ответ я написала ей, что теперь люблю чиновника канцелярии гр. Закревского, Павла Ивановича Кондратьева¹⁸⁸, секретаря Василия Григорьевича Некрасова, и потом еще другого секретаря в мещанском обществе, Григория Ивановича Мурзелимова¹⁸⁹. Пускай ломает себе голову над моим непостоянством и над тем, что у меня вдруг три предмета любви. Бьюсь об заклад, что она тотчас будет отвечать мне, чтобы узнать обстоятельнее от меня об этих людях и потом чтобы поднять меня на смех перед теми, которые обо мне хорошо думают. Сегодня нет почты, но я готовлю письма, а в следующий понедельник целое утро могу провести в приятном занятии.

Павел Иванович Кондратьев дал мне записку к секретарю мещанского общества и купеческого, вследствие чего племянникам моим отсрочили подачу ревизских сказок до февраля. Вот источник любви моей к этим трем лицам, но правды Авдотье Петровне я не открою.

ОКТЯБРЬ

1 октября. День рождения племянника моего Александра. Я провела весь этот день с ним у моей невестки.

2 октября. Писала в Воронеж. Несмотря на дождь, письмо послано.

3 октября. Провела день у Кудрявцевых.

4 октября. Дмитрий Николаевич Свербеев будет сегодня в Москве. Слава Богу! Может быть, он заступится за Сашу, в случае невзгоды для последнего.

6 октября. Виделась с Дмитрием Николаевичем и милым сыном его. Последний определился в службу в Восточную Сибирь, к ее генерал-губернатору Муравьеву, Николаю Николаевичу¹⁹⁰, но вовсе не родственнику Муравьевым, известным по возмущению 14 декабря 1825 года. Жаль, что Николинъка едет далеко, но что делать? Где же здесь начать службу? Везде глупые взыскания, посредством которых стараются внушить подчиненным рабское повиновение, но такие средства только заставляют людей хороших бежать из службы.

Дмитрий Николаевич подарил мне ящик вяземских пряников, чему я очень была рада; в тот же день пошла к моей невестке и оделила там всех по прянику, а потом Машу, Дуняшу, братьев их, мать и отца.

7 октября, суббота. Анна Александровна [Елагина] собралась наконец исполнить просьбу сестры и погостить у ней в деревне. Все это хорошо, но не знаю, отчего взошло ей в мысль просить меня остаться на время ее отсутствия в ее доме. Я согласилась, однако вовсе не понимаю, какую пользу принесет ее дому мое присутствие. Дом и без меня будет стоять на своем месте. От моего милого ангела, Катерины Александровны, я получила письмо, да еще *интересное*. Она спешит мне на помощь без просьбы моей о помощи. Да благословит ее Господь счастьем детей ее! Как верно понимает она дух людей, о которых я ей говорила!

9 октября, понедельник. Анна Александровна уехала к сестре в Солнышково полубольная, в тарантасе, оставив свою прекрасную карету и лошадей для попа, у которого она нанимает. Слишком велико ее почтение к попам.

Сегодня удалось мне послать письмо в Воронеж.

2 октября писала я в Воронеж, в Белев к Авд. П. Елагиной и к госпоже Зонтаг; всего 3 письма, ныне четвертое по счету.

10 октября. Дмитрий Николаевич обещал мне просить князя Вяземского о деле моих племянников.

Князь Вяземский, поэт Александровских времен, прозаик времен императора Николая, оставил Парнас, перешел в государственную службу и ныне находится в Министерстве

финансов. Года полтора назад он уехал с женою в Константинополь, для поправления здоровья, в сентябре возвратился в свою деревню, Остафьево, которая находится в Подольском уезде, 7 октября приехал в Москву, где пробудет дней десять.

17 октября, среда. Анна Александровна приехала, а с ней и Катерина Александровна. Последняя пробудет в Москве дней пять. Я получила в это время письмо от м-те Зонтаг. Ей отвечать буду сама по возвращении домой. Марье Васильевне писала за меня Ольга Александровна Щепотьева, со слов моих. Это пятое письмо в октябре.

18 октября. Катерина Александровна вечером завезла меня в Газетный переулок к моей невестке. Здесь все здоровы, дела невестки поправляются, Герхен живет у нее до места, но письма от брата все еще нет.

19 октября. Я приехала в дом Елагиных, что у Красных Ворот, с моей Юлинькой; она у меня ночевала.

В прощальный понедельник я не писала к милому моему внуку оттого, что мне не хотелось, чтобы он получил мое дружеское письмо в настоящий четверг. Это день рождения ветреной его сестрицы, *tête de linotte*, которая не помнит брата, у которой ему надобно было выпрашивать письма и убеждать на ответ моим примером. Я и сегодня не буду писать в Воронеж.

20 октября. Вот наконец письмо и от Анны Андреевны [Пановой]! Бедная женщина! Завтра будет год кончины доброго и почтенного Василия Алексеевича Панова, верного друга прекрасного, доброго Валуева. О Валуев, Валуев! Панов, друг твой, успе! Не придем уже мы двое на твою могилу — приду я одна! Грустно и тяжело подумать о том, чего я лишилась со смертью Валуева и Панова.

21 октября. Дмитриевская суббота, день поминовения. Годовщина кончины Василия Алексеевича и Марьи. Я была в церкви Успения, что в Газетном переулке.

26 октября, четверг. Отвела душу: писала к любимому моему внуку. Когда-то от него получу письмо?

28 октября. Где рассказать все то в этом дневнике, что заботит и тяготит душу? И важные и неважные житейские неприятности спешишь забыть, довольно того, когда они заставят тебя поскучать и потомиться день. Бережешь сохранить в

этом дневнике воспоминания о случаях приятных, радостных, а если и говоришь о печалях, беспокойствах, даже о тяжелых потерях, то все о таких, которые дороги сердцу. Можно ли, например, говорить здесь о том, сколько забот, ходьбы, просьбы к тем и другим лицам доставляет мне дело моего брата и его детей? Вот еще новое лицо, которое может *велеть* завтра же отослать дело в Петербург, это лицо — Адамс, советник Казенной палаты; к нему должна была я пойти и снова просить; все это не легко, а труда этого родные мои вовсе не понимают.

Семен, сирота, призренный моим отцом, пишет мне из Курска и просит о своей ревизской сказке; вот еще хлопоты! По несчастью, он не отделен от семьи брата.

НОЯБРЬ

2 ноября, четверг. Почти весь октябрь провела я в домах знакомых: у Елагиной, Анны Александровны, у Катерины Петровны Зыковой, у Елены Федоровны Свешниковой, у Анюты Кудрявцевой; все это было несколько полезно в экономическом отношении, но для души было не свободно между людьми, хотя и добрыми, но чуждыми моим заветным печалям и радостям, и мне утешительно было начать нынешний месяц письмом в любимый град Воронеж. Дома я могу свободно предаваться печальным, дорогим воспоминаниям, свободно смотреть на изображение почившего ангела, Валуева. 3 ноября в последний раз я виделась с этим прекрасным юношей, 3 ноября был последний вечер, проведенный мною в дружеском разговоре с отцом моим...

30 ноября. Все дни прошли в смутном беспокойстве об участии моих племянников. Сегодня надобно было по просьбе Елены Федоровны [Свешниковой] доставить девицам Асланбеговым вещи их, пять лет тому назад данные ими в продажу. Вещи эти составляют старые бронзовые пряжки, бронзовый игольник и кольцо с Кавказа, шерстью вышитая подушка и три неуклюжие коврика, филейные шелковые перчатки и косыночка, изломанные два замочка, вышитый по кантовой бумаге бисером подносик, дрянные бусы и наконец 104 зерна настоящих гранатов. Вещи доставлены, расписка по желанию

Елены Федоровны взята, а я истратила на извозчика 25 коп. сер., что для меня очень много.

Вечером я приехала к невестке, чтобы провести у нее день моего рождения. Завтра жду Олимпиаду Петровну Строеву с Аннушкой. Елены Федоровны нет в Москве: она поехала в Болшево, к дочери на родины.

ДЕКАБРЬ

1 декабря. В 6 час. утра я разбудила Ваню, чтобы он пошел со мною к ранней обедне. Пришед от обедни, стали мы пить чай. Ваня поднес мне нарисованную им головку, которую нарисовал в нынешнюю ночь, Вася — своего изделия фигурку, куда можно ставить чернильницу, песочницу, класть письма, Конкордия — подушечку для булавок, Федор Карлович Герхен — ящик своей работы. Герхен и другой немец Бургер были единственными моими гостями.

2 декабря. О, горе! Николай Дмитриевич Свербеев сильно занемог простудой, любезная мать его тоже сделалась нездорова с испуга. Я обоих не могла видеть, завтра приду узнать о здоровье.

3 декабря. Обоим больным лучше, но я услышала от Дмитрия Николаевича, который приехал в эту ночь, печальное для меня известие. Дети кандидата коммерции 14-го класса будут мещанами, так пишет Александр Николаевич Попов. Саша мой хотя и может по своим успехам в ученье получить чины, но в мещанах останутся трое: Василий, Иван и подкидыш Семен. Бедный Василий будет солдатом, потому что Семен в Курске, до него далеко! Берут того, кто ближе! На законы роптать нельзя, да мы и не думаем, а во всем виноват мой беспечный брат: он погубил детей своих, ничему не обучил их, никуда не записал в службу и теперь не чувствует того, что виноват.

5 декабря. Получила я ласковое и дружеское, исполненное любви письмо от Марьи Васильевны Киреевской с поздравлением меня. Она постигла по силе любви, чего я себе желаю и что составляет высшее душевное благо человека. Постичь это она могла, но боюсь, чтобы судьба не отняла у меня этого счастья, которым я уже владею.

9 декабря. Писала к милому моему внуку, чтобы разделить с ним мое горе о судьбе моих племянников. С ним первым хочу делить и радости, и печали. Мое второе письмо в Казань, к брату, чтобы он чем-нибудь пособил детям своим, если станут взыскивать подати за три души в течение 10 лет со времени смерти моего отца, который, будучи в купеческом звании, платил один за все семейство, а если внуки его будут признаны мещанами, то подать должна быть платима поголовно. Если полагать по 3 р. сер. с каждой ревизской души, то с 1840 по 1851 г. это составит сумму в 100 р. сер. Подати эти будут за Василия, Александра и Ивана Поповых, за Семена платить не нужно: мой отец, его благодетель, причислил его к своему семейству без платежа податей, до совершеннолетия. Но в ревизской сказке хотят записать Поповых и Семена вместе, а тогда неминуемо один из этих мещан поступит в рекруты.

Хожу, прошу и там и сям об указании мне способа отчислить Семена от моих племянников. Мой отец, зная хорошо законы, верно, не принял бы в свою семью сироту, если бы от того мог последовать вред внукам. Надобно доискаться, как и почему это было сделано. Бумаги моего отца, касающиеся до Семена, умные наследники истребили, их можно отыскать, т. е. подлинные, в купеческом обществе, в Казенной палате, но — не даром.

26 декабря. Праздники наступили, а мне страшно и грустно и за племянников, и за Семена. Взяла я у Свербеева Свод законов и отыскиваю полезные для нас статьи, и вот, в самом деле, статья драгоценная: «Приемыши купцов числятся при их семействах только до совершеннолетия, а потом особо, своим лицом вступают в гильдию или в мещанство». Нашел! Нашел! Пошли мы с Васей отыскивать указ Казенной палаты, данный ею в ноябре 1838 г., о причислении Семена к семейству купца И. В. Попова, и добрый секретарь Некрасов велел рычале - Измайлову списать нам указ. Надобно будет просить Казенную палату об отчислении.

1851 год

ЯНВАРЬ

1 января. Новый год. Была я у обедни, помолилась за моих племянников, как за сирот. Они совершенно как сироты, ни отец, ни мать для них сделать ничего не могут. Нынче мой Вася празднует 23-й год своего рождения и день своих именин, но праздник наш не весел; дело не решается, а срок ревизии приближается! Бедный Семен в ужасной тревоге о ревизской своей сказке; он писал мне прежалкое письмо из Курска, которое и меня заставило плакать.

5 января. День радости! Благодетельный, добродушный Адамс дал знать через жену свою доктору Кудрявцеву, что дело моих племянников решено, и решено благоприятно!

Слава Богу! Слава Богу! Мы ожили! Благодарность моей невестки ко мне была искренняя, племянников тоже.

6 января. Была я с Васею у почтенного Адамса и благодарила его. Теперь Семен спасен от солдатства! Сегодня почтовый день в Казань, я и дети написали туда краткое письмо с известием о нашем счастье.

Вопреки поговорке: в один день двух радостей не бывает, для меня были две радости: известие о решении дела и письмо из Воронежа.

7 января. Была у Свербеевых, чтобы сообщить им свою радость и поблагодарить их за участие. Неизвестно, чьему ходатайству обязаны мы благоприятным решением. Свербеева, не говоря мне, во второй раз писала к князю Вяземскому, добродушный Василий Дмитриевич Корнильев 13 декабря писал к Вишневному, а еще прежде к гражданскому петербургскому губернатору Жуковскому¹⁹¹; Павел Михайлович Строев писал за нас к своему приятелю, Ярцеву, служащему

в Азиатском департаменте¹⁹²; а чье ходатайство было успешнее — Бог весть!

8 января. Первые мои письма с уведомлением о моей радости были в Курск и Воронеж.

10 января. Вторые — с тем же, к Анне Петровне [Зонтаг] и к Наталье Петровне [Киреевской].

19 января. Ждали я и мои племянники, ждали письма из Казани, сегодня получили письмо с известием об ужасном несчастье, постигшем моего брата: он отморозил себе обе руки на праздниках, отправлен был Желтухиным в городскую Казанскую больницу, и, может быть, навсегда лишится рук своих! Что прибавлять к этому? Каково и жене, и детям, и мне? Это великое несчастье праведно послано на моего брата! Вероятно, вино было причиною беды. Грустно и досадно думать, что в этот решительный для его детей год брат мой не мог совладеть с собою, чтобы чем-нибудь пособить им.

Добрые дети были поражены и огорчены этим известием, да и жена прослезилась. Она сказала, что надобно послать больному денег хоть 3 рубля сер., — «но, — прибавила она, — у меня только 2 рубля, а завтра надобно покупать дров».

Вася просил у меня отцова письма с тем, чтобы сходить завтра к Солнцеву, благодетелю его отца, и попросить помощи. Вася, мать его и я, мы встали в 4 часа утра, потому что не спали от беспокойства. Конкордия более изъясвила чувствительности, чем Юлия, к несчастью своего отца.

Я послала брату вместе с Васиным письмом 2 рубля сер., которые заняла у Анюты Кудрявцевой. Мне не хотелось пропустить почты.

Видела милую Катиньку Свербееву на одну минуту, но мне отрадно было разделить с нею мое горе, потому что я уверена была в ее сочувствии.

22 января, понедельник. Честь и слава Наталье Петровне Киреевской, ее разумно-великодушному соображению! Ее ответ на мое извещение о нашей радости был — высылка по первой почте 30 руб. сер. на ускорение дела и краткое поздравление. Честь и слава ее суворовской быстроте на благовременную помощь!

Взяв из этих 30 р. — 25, я поспешила возвратить их милой Катиньке Свербеевой. Я заняла их у ней 22 декабря 1850 г. для того, чтобы помочь моей невестке переехать из убыточной, огромной квартиры в доме Базилевского в маленькую, в

доме купца Савина. 3 рубля сер. дала я Васе на производство дела.

23 января. Была я у моего Саши, он болен и лежит в больнице Межевого института.

24 января. И радость мою, и печаль я всегда делю с первой из всех моих друзей, Катериной Александровной. Ей послала я письмо ко мне Пановой, Анны Петровны Зонтаг, братнино, Натальи Петровны. Мы полагали в последней более дурного; справедливость требует сообщить другим то, что служит к ее чести, для исправления понятий. Катерина Александровна не отстала в благотворении: она прислала мне со второю дочерью 10 р. сер., с тем, чтобы я послала их брату. Да благословит Господь руку дающую! Но я отдам эти деньги за годовое ученье Вани в рисовальную школу, а то Ване откажут. Кроме того, я отдала 3 р. сер. за шитье ему сюртука, который подарила мне добрая Марья Семеновна [Зыкова]. Брату послала я 2 р. сер., да сверх того добрый Солнцев обещал послать рубля три. Кроме платы за ученье Вани и за работу его платья, невестке надобно дать на дрова; чаю и сахару я купила ей на две недели на 1 р. сер. Бедной девушке Пелагее Ив. Федяшевой 25 к. сер.

Очень беспокоит меня молчание Семена: отчего он не высылает своей ревизской сказки, как я ему писала, отдельно от моих племянников, потому что они, будучи отчислены Божиею милостью из податного состояния, находятся в звании личных дворян. Жив ли Семен? Не уморил ли его страх остаться прописным, подвергнуться огромному штрафу? Или он выслал свою сказку и прошение в мещанское общество и не захотел более писать ко мне? Неужели он позавидовал чужому счастью?

А как больно и грустно, что между поздравительными письмами, написанными от Анны Петровны и Натальи Петровны с первою почтою, недостает письма от Федора Борисовича! Я писала к нему прежде, чем к кому-либо, а он будет отвечать после всех! Здоров ли он?

Еще грустная весть, хотя ижданная; ее сообщила мне Варинька Свербеева. Дело несчастного Зыкова решено: он будет сослан на 20 лет в каторжную работу, а завтра будет посажен на позорную колесницу! О бедная мать! Вечером я поспешила к ней. Она ничего не знает: от нее скрыли горькую

весть. На Софью Семеновну [Чирикову] жалко смотреть. Марья Семеновна [Зыкова] тоже ничего не знает.

26 января, пятница. Сегодня я ходила с Марфой Андреевной в церковь, где находится образ Божией Матери Утоли Моя Печали.

Была с благодарностью у Кондратьева за его содействие, а бедный Корнильев болен тяжело; у него водяная в груди; к нему не допускают. Дело наше, решенное в Петербурге, все не доканчивают в Казенной палате. И денег им дали, а все нет толку!

Кажется, что мы обязаны успехом приятелю Павла Михайловича Строева, Ярцеву. Он имеет в Департаменте пода-тей и сборов и родство, и кумовство. Жаль одного, что поздно уведомил и выслал №, который был так нам нужен.

26 января. Утомительна становится для меня необходимая беготня из одного места в другое, при душевной тревоге. Я получила наконец от Семена письмо; по непонятной медленности почт он получил мое от 8 января только 20-го нынешнего месяца. Есть от чего в отчаянье прийти! Между тем из Казенной палаты указ об отчислении моих племянников все еще не послан в мещанское общество, несмотря на приказание Адамса. Столоначальник ревизского отделения болен, помощник его, по просьбе Васиньки, перерыл целый шкаф, а дела не нашел, и несмотря на то, что получил рубль серебром, ничего не сделал.

Я сегодня была у Дмитрия Дмитриевича Облеухова¹⁹³. Он уже отец: ему жена родила сына Дмитрия, в нынешнюю ночь. Крестным отцом Облеухов выбрал Сергея Григорьевича Терновского, священника церкви Вознесения, что у Серпуховских ворот. Станный выбор! Пусть этот священник хороший человек, но, кажется, можно бы позвать крестить и дядю, барона Петра Ивановича Черкасова¹⁹⁴. Облеухов не хочет его звать в кумовья, *parce qu'il a une maîtresse (la belle raison)*! Кого же тогда звать другим в крестные отцы к детям, если так строго будут отвергать нарушителей закона?

От Облеухова, где я была недолго, я пошла к старухе Федосье в богадельню. Старуха рада была меня видеть и отдала мне писанные к ней письма от Семена, а в том числе было одно и ко мне. Она половину прочла, половину не поняла, отдать мне письмо забыла, а получила их к Светлому воскресенью 1849 года. Письма Семеновы откровенны до глупости,

умны до нелепости, но есть в них и природный смысл. Надобно и этому дитяти, имеющему 24 года от роду, написать наставление.

Наконец, была я у Саши в Межевом институте. Он хворал недели две от простуды, а теперь ему гораздо лучше. Я сообщила ему о болезни отца его.

29 января. Была я у Адамса, просила ускорить дело наше. Он уверен, что оно уже кончено, однако обещал приказать отправить поскорее. Начальники хороши, но исполнители дурны.

30 января. Сегодня назначено было везти несчастного Зыкова для исполнения приговора за убийство, однако отменили по чувству приличия и совести: нынче будет торжественное молебствие о помолвке Екатерины Михайловны с принцем Георгием Мекленбург-Стрелицким¹⁹⁵.

При содействии Мурзелимова и денег (5 р. сер.: 3—в Казенной палате и 2—в мещанском обществе) дело моих племянников кончено здесь вполне, теперь надобно просить в губернском правлении о выдаче им свидетельства как обер-офицерским детям. Деньги будут еще и там нужны.

В субботу Мурзелимов назначил мне прийти еще раз узнать о том, будет ли принята ревизская сказка Семена. Итак, эти судебные хлопоты захватят еще несколько дней и февраля! А как они меня утомили и душевно, и телесно! Здесь всего не перескажешь, только чувствуешь! Поспешила я сегодня же написать к Морозову, чтобы поблагодарить его за составление нам просьбы и уведомить о счастливом окончании дела. Остается еще написать о последнем обстоятельстве к дяде в Петербург и потом к Семену о ревизской сказке. Когда-то я развяжусь со всеми деловыми письмами! Когда-то у меня останется только один род писем в предмете — беседа с добрым и честным другом!

31 января. Провела я день этот у несчастной матери Зыкова. Ждала писем из Воронежа, из Казани, а писем нет как нет! Грустно о Федоре Борисовиче и о брате: что с ними?

Не знаешь, в какую сторону броситься: Александра Васильевна просит к себе, ей нужна помощь, пойти надобно к Зыкову на Воробьевы горы, его скоро отправят в Сибирь. В субботу нужны деньги и в суде и дома, pour la fête de mon hôtesse et de ma filleule.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля. Была я у заутрени и у ранней обедни с несчастною матерью Зыкова. Описывать всю историю буду после. В 6 час. вечера возвратилась я домой в надежде найти там письма, а их все нет!

2 февраля, пятница. Зашибла себе руку.

3 февраля. Была у Свербеевой. Она всегда спросит у меня о моих родных.

4 февраля, воскресенье. Зыкова все еще держат в остроге; против существующих законов к нему не допускают посторонних, что было возможно прежде после совершения приговора.

6 февраля, вторник. Масленица. Я провела день у Кудрявцевой. Мне было не весело, но я должна была принудить себя. Когда я дождусь того дня, когда можно будет сидеть дома!

7 февраля. О радость! Письмо из Воронежа!

8 февраля. Слава Богу! Брату моему лучше; руки его будут целы.

9 февраля. Я забыла о Масленице. Все свободное время провожу у Зыковых. Сегодня приехал Николай Елагин.

10 февраля, суббота. К большому моему горю, я согласилась поехать с Селивановской в Симоновскую слободку.

11 февраля, воскресенье. Симоновская слободка. Поутру было во мне какое-то печальное предчувствие, я порывалась уйти в Москву; но, к сожалению, мы не всегда слушаемся внутреннего голоса, считая это суеверием или капризом! Я осталась — и расплакалась! В 4 часа после полудня городской почтальон принес мне письмо от доброго и внимательного человека, Михайла Никитича Соколова: он уведомил меня, что за мною прислали Зыковы вчера в 8 час. вечера, что несчастный Зыков переведен в пересыльный замок и что Соколов счел за долг меня о том уведомить. Селивановская тотчас велела заложить для меня сани, и я в 5 час. была в доме Зыковой, что в Басманной, позади церкви Никиты Мученика. Что было тут в этот вечер и в понедельник утром до 4 час., обо всем буду говорить после.

13 февраля, понедельник. В 5 часов пополудни, проводив несчастного Николая Семеновича по Сибирской дороге, возвратясь с его матерью, братьями и сестрами в их дом и напла-

кавшись там вволю, я пошла к Красным Воротам, где села в своем углу, чтобы несколько успокоиться.

Два дня тому назад Авдотья Петровна и Марья Васильевна приехали сюда. Я еще не видала их, потому что меня и дома не было. Пришед сегодня домой, я не побежала тотчас наверх: я была расплакана; а там были уже Свербеев, Хомяков и только что явившийся в Москву Александр Александрович Бакунин¹⁹⁶. Последний не знал, что здесь Елагины; он ехал к Михайле Никитичу, чтобы остановиться здесь на сутки.

Елагины обедали и, видев меня в окно, прислали звать кушать блины, вместо того чтобы сказать просто: мы желаем вас видеть, что вы нейдете? В первом приглашении видно, что они почитают меня обжорой, которая двинется только для куска. Я отвечала, что ела уже множество блинов и что теперь отдыхаю. Вечером я пошла к Елагиным, и мы свиделись спокойно. Чувство радости не могло быть мне доступно в этот день.

27 февраля, понедельник. Писала к любезнейшему моему внуку, потом к Семену в Курск. Благодаря Бога, ревизская сказка Семенова принята, он остался свободным! Сиротское дело первое вынырнуло со дна моря правосудия.

Как меня тревожит то, что нет писем от Федора Борисовича! Боюсь, не перехватили ли Елагины?

Истинно добрая Анна Петровна [Зонтаг] подарила мне 25 р. сер., а я поспешила послать их в Новгород к священнику Орнатскому для дополнения к покрову, сделанному в 1845 г. по Валуеве. На почту в феврале истрачено 1 р. 50 к. сер.

28 февраля. Провела целый день у несравненной Свербеевой.

МАРТ

1 марта, четверг. Вечером я захворала и не спала ночь.

2 марта. Дело в губернском правлении о выдаче Васе паспорта все еще не оканчивается.

3 марта, суббота. Опять целый день у Свербеевых. Я провела его с больной Варинькой, как и прошлую среду. Как меня беспокоит болезнь ее! Боюсь нервической горячки. Грустно еще и потому, что в этот день исполнится год первой горестной истории Зыкова, когда на него напали ночью подкупленные люди.

4 марта. Была целый день у Свешниковой. Вечером в доме Катерины Петровны [Зыковой]. Она еще во Владимире, но Александр Семенович [Зыков] уже возвратился.

В пятницу, 2 марта, вероятно, были получены мои письма в Новгороде, Курске и Воронеже. Ответы должны прийти 9-го.

5 марта, понедельник. На нынешний день видела я во сне моего любезного, любимого государя Александра. Он разговаривал так благосклонно со мною, что этот сон много меня утешил.

6 марта. По приглашению несравненной Катерины Александровны я была на первой лекции Грановского. Он читал превосходно! Все слушатели были довольны¹⁹⁷.

7 марта. Получила письмо из Воронежа. Слава Богу! Милый внук мой здоров! Я сидела до полуночи и писала в любезный город. Но вот было затруднение: передать письмо от А.А.(?) особе первых пяти классов(?), но и то было исполнено.

8 марта. Вася мой все болен; справки в Казенной палате не двигаются; там ждут денег, а у нас их нет.

9 марта. Грустно, когда подумаешь, что добродушного Корнильева¹⁹⁸ уже нет на свете! Грустно, что я не могла видеть его после благоприятного решения дела о моих племянниках, поговорить лицом к лицу и поблагодарить его. Корнильев был в то время так болен, что к нему никого не допускали, но Кудрявцев¹⁹⁹, однако же, передал ему и счастливое окончание дела, и мое желание благодарить его за ходатайство у Вишневого.

23 марта. В течение времени с 8-го по нынешний день времени прошло довольно, а писать не хотелось. Были приятные часы, когда могла я говорить с несравненной по душе Свербеевой, была я по ее благосклонности еще на двух лекциях Грановского и слушала умного профессора с удовольствием.

Брат мой возвратился вчера из Казани, руки его еще плохо действуют, дела невестки идут худо, у нее недостает дохода на прокорм своего семейства; за неполучением паспорта, Васинька, может быть, уже лишился места; можно ли думать, что Колемин будет терпеливо ждать неизвестного молодого человека?

Сегодня день рождения Свербеевой. Я взяла всех троих своих племянников, и мы пошли принести наше поздравление

Дмитрию Николаевичу. Васинька понес в подарок новорожденной белую азалию, Саша — гиацинт, Ваня — рисованную им головку, и к каждому подарку были приклеены краткие записочки с благодарным приветствием. Как благосклонно приняла все это несравненная Катерина Александровна! Конечно, утром, когда мы были, она еще не вставала, но я у них обедала, и тогда она много милого насказала мне. Катинька опять пришла мне на помощь: я взяла у нее 15 р. сер. взаймы, а Бог знает, когда отдам!

28 марта. Вася получил паспорт из губернского правления! Теперь он свободный гражданин! Мать его была в полной радости. Я пошла прямо к Свербеевым разделить с ними мою радость, с ними первыми! После обеда приехал к ним милый Николинька из Петербурга, а Свербеева выпросила-таки у мужа новую рекомендацию Васе к А.И. Кошелеву²⁰⁰, а тот написал подобную от себя к Колемину.

АПРЕЛЬ

1 апреля. Была я с поздравлением у Марьи Алексеевны Хомяковой, у Машеньки Спиридоновой, обедала у Елагиных.

2 апреля. Заставила говеть всех моих племянников и племянниц, что стало мне 3 р. сер., сделала платье и разные вещи для Васи на 20 р. сер. Колемин принял его в службу, посылает его в Курск к своему тамошнему управляющему, Пирогову, а куда пошлет Пирогов — неизвестно. Грустно расстаться с добрым Васею, но делать нечего! Кормиться матери его почти нечем, кому-нибудь работать надобно.

10 апреля. Скучно, грустно и тревожно — и о моем Васе, которого аз посылаю аки овча посреди волков, и о Николиньке Свербееве, который отправится в Иркутск 18 мая; невыразимо тревожно и оттого, что нет писем от Федора Борисовича.

13 апреля. Милая Варинька Свербеева прислала мне 25 р. сер. и предлагает их взаймы на отправку моего племянника. Я взяла 10 р. сер., потому что Колемин дал ему 40 р., из коих Вася оставил матери 3 р.

18 апреля. Собирается в дорогу милый наш Вася! Господи, благослови его! Пошли ему в товарищи доброго человека, а не развратника и не бездельника!

23 апреля. Милая моя Катерина Александровна расспрашивала меня с участием о предметах, дорогих моему сердцу; душе отраднo при разговоре с нею. Получила я желанную весточку, и смущенная душа успокоилась.

24 апреля, вторник. По недостатку моих денежных средств я ничего не готовлю, никого не зову и никому не отказываю. Прискорбно мне, что и нынешний год не будет у меня Катерина Александровна и Николинька, сын ее. Николинька Елагин здесь, но и его угощать мне нечем. Куда затевать какую-нибудь стряпню, когда невестке нечего почти есть?

Ходила я к ранней обедне, и добрая Марья Васильевна [Киреевская] также. По возвращении из церкви я стала пить чай, а Марья Васильевна принесла мне прекрасный и полезный подарок, именно — летнюю шляпу. Я собиралась купить ее, но видя, что у племянницы нет шляпы, истратила свои деньги на покупку для нее необходимой вещи, а сама должна была дожидаться 10-го числа мая, когда получу 15 р. сер. от Свербеевых. Другие подарки хороши, прекрасны, но не так полезны; лучше было бы получить деньгами: я сделала бы помощь деньгами моей невестке. Николай Алексеевич [Елагин] подарил мне 40 пакетов с казенными печатями. Я продам их для уплаты в лавку за чай и сахар, который брала в этом месяце для себя и для невестки.

У меня были сегодня Юлинька, Конкордия и Ваня. Вечером была Анюта Кудрявцева с дочерьми.

За недостатком помещения в моем углу я не могла пригласить никого из любезных мне людей, а те, у кого просторно, не могли, не догадались предложить мне своего простору.

25 апреля. Свербеева выговаривала мне, что я не пригласила ее; этой милой женщине я могла сказать откровенно, почему я этого не сделала.

26 апреля. Видела я Николиньку Свербеева у Анны Александровны [Елагиной]. Разговор с ним оставил в душе моей грустное впечатление.

28 апреля. Дела мои и дела родных моих очень плохи: брат без места, жильцов у невестки нет, по отъезде Свербеевых я останусь вовсе без дохода. Невестка хочет Юлиньку сделать наставницей детей, а Юлинька едва умеет читать даже по-русски! Она может быть только швеей в каком-нибудь магазине.

МАЙ

1 мая. Я непременно была бы на кладбище, где схоронен мой отец, но дождь помешал мне в исполнении этой обязанности.

4 мая. Была я с Юлинькой у Кудрявцевых на вечере.

7 мая. Дошел до меня слух о том, что в Таганской улице, в доме бывшем Шепелева, потом Баташева, хотят устроить какой-то новый Мариинский институт, на счет жены наследника нашего государя. Устройство заведения, кажется, поручено Опекунскому совету, но все это надобно узнать повернее.

8 мая, вторник. Опять дождь! Опять невозможность пуститься в дальний путь.

9 мая. Осталась дома и пропустила урок у Свербеевых, потому что сегодня день именин Николая Алексеевича [Елагина] и день его отъезда в деревню.

10 мая. Стала я списывать «Деревенские элегии» Михайлы Дмитриева; стихи прекрасные! Чувство одиночества горожанина в степной деревне очень мило и умно выражено. Списываю для себя и для удовольствия разделить мое впечатление с любящей душой. Приятен труд, легка работа с такой надеждой, облегчается забота, и время летит! А ведь дорого нам земное счастье! Как оно привлекательно и как естественно нам любить его! Отрекаясь от него добровольно, мы приобретаем право на почтение, но нельзя не вздохнуть о том, что в наших руках была чаша благополучия и что мы сами отставили ее от уст своих!

Но и в море мглы и теней
Есть ты, капля наслаждений!
Миг тебя единый пить,
Выпить всю и пасть в могилу—
Есть — облечься в нову силу,
Есть — бессмертие вкусить!

14 мая.

Минувшее с своей красой
Как в душу ни теснится,
Его бывалой красотой
Душа не оживится!

23 мая, среда. Авдотья Петровна, Марья Васильевна и Катерина Ивановна [Елагина] поехали в Ростов.

Единственная по доброте Катерина Александровна дала племяннице моей рекомендательное письмо к одной госпоже, Марье Павловне Полугарской²⁰¹. Эта госпожа хотела взять к себе какую-нибудь женщину или девушку, но, видно, моя племянница не отвечала ее идее, следовательно, Полугарская отказала, но по просьбе Свербеевой обещала доставить место Юлиньке у одной из своих родственниц, дамы весьма злой и капризной. За все великодушные старания Катерины Александровны мы обязаны были прийти благодарить ее. К сожалению, бедной Юлиньке везде неудача, и в любви, и в том, чтобы видеть прекрасное лицо своей благотворительницы. Мы пришли в час, но хозяйка уже уехала, дети ее собирались завтракать. Катинька и Олинька [Свербеевы] приняли нас и пригласили завтракать, к завтраку возвратилась Варинька с прогулки по бульвару; она вошла в комнату, где мы были, для того чтобы взглянуть на Юлиньку, и в самом деле несчастная девица только что взглянула на молодую гостью, ту же минуту она ушла в свою комнату, двери за нею затворили и положили ее в постель.

Видя, что Варинька занемогла, и зная, что мать ее возвратится в 4 часа, я ушла с Юлинькой. У Вариньки давно уже сильные головные боли, расстройство нервов, а с неделю назад ей рассказали со всеми подробностями смерть Докторова, которого разбили лошади; рассказ поразил ее сильно по слабости ее нервов. Рассказывал отец.

28 мая. У Вариньки нервическая горячка, но это еще самое сносное для воображения; я знаю, что с этою болезнью соединена белая горячка — расстройство, которое может остаться и после! Какой ужас! Как жаль мать и отца! За ним посылали нарочного.

31 мая. Отец, запершись один в комнате, три дня плакал. В седьмой день Вариньке было лучше, но теперь опасность возобновилась. Боже! спаси эту милую девицу на радость и на утешение родителям! Отец никого из посетителей не хочет видеть: ему тяжело передавать многим лицам подробности о болезни любимой дочери, а мать, полная христианского смирения при всей тяжкой скорби, принимает посетителей, отвечает коротко на вопросы, которые последние скоро прекращают. Два дня тому назад приехал сюда из Петербурга Алек-

сандр Николаевич Попов. Его Дмитрий Николаевич примет, и с ним все будет человек, который сколько-нибудь рассеет его, если болезнь не пойдет хуже.

У больной Вариньки поселилась для ходьбы за нею тетка ее, Анна Александровна. Это в порядке вещей, но жаль, что она удалила из комнаты больной отца и мать! Варинька может думать, что она брошена, и при нервном расстройстве это будет ее огорчать, а в крайнем случае — отец и мать не будут сметь взойти, чтобы не смутить дочь. Радость ее при виде их, конечно, выразится слезами и, может быть, нервным припадком. Удержатся ли тогда родители от рыдания? Не потревожит ли больную еще более их плач? Кудрявцева говорит правду, что где естественный ход нарушен, там нет хорошего! Анна Александровна его нарушила. Родители родили детей, они же должны и ходить за ними.

ИЮНЬ

8 июня. Тревожные и страшные были эти дни о болезни Вариньки. Бред ее так был постоянен, что я думала, что она или умрет, или останется сумасшедшею. Теперь ей, кажется, лучше, но бедная мать жестоко страдает от зубной боли; после открылся на десне нарыв, его прорезали, и боль кончилась.

Марья Васильевна [Киреевская] навещала нашу несравненную Катерину Александровну, и я рада была, что две добрые души сходились.

Сегодня день именин Федора Осиповича [Свешникова]. Я заходила к нему в лавку, его там не было. Приказчики сказали мне, что он вчера уехал с матерью в Болшево. С ними поехал молодой Кондратьев.

Мое хождение по делам все еще продолжается. Еще в прошлый понедельник я купила гербовой бумаги 2 листа по 90 к. сер. на свидетельство о рождении и крещении Ивана и Конкордии, 2 листа по 30 к. с. для приложения и лист в 60 к. для написания прошения. Деньги на это заняла я у доброй Марьи Васильевны, а потом два дня отыскивала моего брата, чтобы он подписал прошение, наконец — отыскала! Вышло, что ему подписывать нельзя, оттого что он ни в какой части города не записан. Опять остановка! и все от него! Между тем жена

его, не имея жильцов, решилась было переменить квартиру. Надобно было подождать, где она займет ее, и тогда уже записаться, а время летело!

В четверг Марья Семеновна [Зыкова] сказала мне, что Александр Семенович по ее просьбе согласен дать моей невестке даром, в своем доме, комнату. Невестка, узнав об этом, вдруг осталась там же.

13 июня. Отъезд в деревню Елагиных. Вариньке лучше, но цел ли будет разум?

14 июня, четверг. Не писала я от болезни, которая сначала оставляла мне утро для действия, а в 2 часа пополудни овладевала мною, а потом завладела и утренним временем.

С 8 июня случилась для меня горестная потеря: смерть Елены Федоровны Свешниковой. Происшествие это случилось в Болшеве, в доме Тугариновых. Поутру 8 июня Елена Федоровна, чувствуя легкий озноб и головную боль, осталась в постели. Ни сама старушка, ни дети ее не почитали болезнь опасною. После обеда Федор Осипович вместе с молодым Кондратьевым, по настоящему требованию Елены Федоровны, пошли прогуляться кругом дома, Тугаринов лег отдохнуть, Катинька вышла в детскую, при больной осталась любимая племянница ее, Анна Леонтьевна Свешникова. Эта молодая девушка сидела подле окна и минут 5 смотрела в окно, потом оборотилась к больной и увидела неподвижный, мутный взор. Это испугало ее, она выбежала и закричала слуге, чтобы он бежал за Федором Осиповичем. Катинька [Тугаринова], услышав ее голос, бросилась к матери и нашла ее уже мертвою!

Сын был огорчен до крайности. Вот доказательство, что он любил и ценил свою мать, ее любовь и заботливое попечение о том, чтобы избавить его от забот по дому и по хозяйству. Итак, выходит, что несправедливо было сказано, что он не женится при жизни матери. Ежели он еще не женат, то значит, что не нашел по сердцу.

24 июня. День именин милого моего внука. Писала я к нему и за неделю пред сим и сегодня, а мне желанной грамотки нет.

Свидетельства из духовной консистории я получила, подала просьбу в губернское правление о выдаче гражданских видов для Юлиньки, Вани и Конкордии. Около 20-го числа не-

вестка моя переехала в Новую Басманную, очень близко от дому Елагиных.

Моя лихорадка продолжается. Она бывает через день. В те дни, когда я здорова, ко мне приходят Конкордия и Ваня. Он рисует, а она читает Евангелие, потом читает по-французски и пишет.

28 июня. У меня была милая Машенька Спиридонова. Elle m'a fait cadeau de 3 roubles en argent blanc. Elle comprend que les malades ont besoin de beaucoup de choses.

Вариньку Свербееву в это время причащали, и она приняла Святые Тайны с полным сознанием. Однако любящий ее отец все еще в страхе, и жалко смотреть на него, до какой степени он расстроен.

29 июня. Опасаясь, что Николинька уедет в Иркутск и что я не увижу его перед отъездом, я собрала все свои силы и поехала на Тверскую. Однако Муравьев еще не бывал; итак, Николинька еще с неделю пробудет здесь.

ИЮЛЬ

1 июля. Николинька Свербеев отвечал на мою прощальную записку премилым письмом. Уверяет, что ни расстояние, ни занятия не изменят его привязанности к друзьям, приобретенным им в его славное прошедшее. Да, великое благодеяние Божие ко мне дружба этого достойного молодого человека! — Вариньке лучше. Спаси ее Господи!

4 июля. Наконец, мои судебные хлопоты кончились! Все свидетельства, и духовные, и гражданские, для моих племянников получены. Дело стало мне 12 р. сер. Получив бумаги из губернского правления, я пошла прямо к Свербеевым, с ними первыми порадоваться успехом, и потом, чтобы они видели своими глазами, что я не обманывала их, что бумаг много, а следовательно — и денег за них довольно. Катерину Александровну я не видала, она сидела у больной дочери; но мы переписывались из разных комнат. От утомления лихорадка моя возобновилась, и Катинька уложила меня в комнате меньших сестер, которые теперь в деревне. В 4 часа пополудни лихорадочный приступ кончился, я сошла в залу и обедала с милыми хозяевами. Видела я Николиньку, просила его от Зыковых

передать или переслать из Иркутска в Нерчинск коробочку с образом и письмо несчастному Николаю Семеновичу [Зыкову].

6 июля. Беспокойство душевное и телесное утомление продолжает лихорадку. Писем нет! Невестка хочет опять оставить квартиру; за неимением жильцов квартира для нее дорога, на приискание другой нужны деньги. Но чем будет жить невестка в другом месте? Надобно приискать работу себе и дочери, а мать ленива на этот счет, все хочет, чтобы я за всем ходила, да я отказалась. Денег дала им золотой, Юле 1 р. сер.

11 июля. День именин милой Ольги Свербеевой и день отъезда Николиньки в Иркутск.

16 июля. Всегда и везде является мне добрым ангелом Катерина Александровна. Она прислала мне 10 р. сер. на бумаги. Из этих денег я купила Ване сапоги, племянницам башмаки, 1 р. сер. дала невестке на платье и заплатила 3 р. сер. за стол.

20 июля. Писем все нет! Нетерпение и горесть терзают душу.

Милая Машинька Спиридонова, узнав о моей болезни, поспешила навестить меня и привезла мне кофию и еще 10 р. сер., что было мне большою помощью.

22 июля. Лихорадка помешала мне быть у Марьи Семеновны Зыковой.

25 июля. Ко мне приходит моя меньшая племянница три раза в неделю, т. е. в те дни, когда у меня нет лихорадки. Я заставляю ее читать, писать и шить. Первым двум предметам мать учить дочь не может, а последнему может, да не хочет.

26 июля. Я переписываюсь по городской почте с Катинькой Свербеевой. Ведь с 18 июля они переехали на дачу в Зыково, деревню, находящуюся между Петровским парком и Петровско-Разумовским.

27 июля. Какая приятная перспектива! Жуковский приедет в Москву 21 августа и пробудет здесь 10 дней. Я могу просить его о переводе моего любимейшего внука к бабептице (В. В. Пеликану), о счастье многих, и многие будут просить его о себе.

АВГУСТ

1 августа. К 22 августа будет в Москву государь с государыней, с наследником и его женой, вот главные лица из царского семейства; не говорю о прочих, потому что на первых основываются мои отдаленные надежды, действителем будет Жуковский, а я только укажу, для кого и в чем надобно действовать. Здесь будет и Пеликан²⁰²; я его и во сне не видывала, а для меня он — лицо интересное. При переводе кого-либо из провинции в Москву необходимо распоряжение этого человека, а заставить его распорядиться нужно слово людей с весом, а вызвать доброе слово из уст их необходима просьба Жуковского. Но слишком велико это счастье во второй раз доставить спокойствие тому, кого уважаешь всей душой! Верно, и Жуковский обманет все надежды.

6 августа. Великий праздник Преображения и день радости: письмо, желанное и жданное письмо! Слава в вышних Богу и в душе мир.

Наталья Петровна Киреевская прибыла в Москву.

9 августа. Жуковский в Москву не будет. Три дня прошло, лихорадки у меня нет.

21 августа, среда. Приехал утром Ив. Вас. Киреевский, привез новость, два года нам известную, что сей дом, что у Красных Ворот, где я обитаю, подарен ему от Авдотьи Петровны. Два года тому назад Наталья Петровна поймала на слове свекровь, а той было совестно сказать: «Я ошиблась; ты напрасно думаешь, что я дарю вам этот дом».

Вечером я виделась с новыми владельцами. Иван Васильевич сказал мне холодно о подарке матери, я отвечала также, что эта передача не из роду, а в род, и потому неприятной мне быть не может. Иван Васильевич говорил мне еще, чтобы я оставалась жить по-прежнему в их доме и что порядок будет тот же, как и при маминьке. Я поблагодарила его и отвечала, что уверена, что Киреевские меня не выгонят, пока судьба не расположит мной иначе.

Вчера получила я объявление из Воронежа о присылке мне 50 р. сер. от милого и доброго Федора Борисовича, а сегодня получила я эти деньги в почтамте.

22 августа. Писала в Воронеж.

23 августа. Ходила в Петровский парк для доставления письма от М.В. Киреевской Анне Александровне Елагиной.

Видела на минуту бедную милую Вариньку; как она печальна! Вид ее запечатлелся в душе моей. Отдохнув у Катерины Александровны не более часу, я пошла назад в Москву, куда пришла в 6 часов вечера.

25 августа. Позволением Киреевских оставаться в их доме, кажется, я не долго буду пользоваться. Здесь я жила с семьею Анны Ивановны [Соколовой], а теперь она, и муж ее, и дети здесь не останутся. Авдотья Петровна предлагает своему прежнему поверенному в делах, дворецкому и управителю или получить вольность, или переехать в деревню. Он выбрал первое и когда будет вольным, то пойдет странствовать по свету, а я не останусь в доме без людей.

Надобно пока сделать себе шубу, но посредственную, чтобы осталось рубля три сер. на одежду для Вани, и потом про запас. В решительное время приятно иметь помощь от дружеской руки.

27 августа. Шуба моя будет стоить 100 р. асс., легкая одежда мне и Конкордии — 5 р. сер.; обувь для меня, для Вани, для Юлиньки и Конкордии — 6 р. сер. За стол за август и будущий сентябрь 10 р. сер.; Анне Ивановне Соколовой в подарок на случай выселения из здешнего дома в иную страну света 10 р. сер.; Ивану на кисти и карандаши 50 к. сер.; на одежду для меня 4 р. сер.

30 августа. Вот и Саша кончил курс учения в Межевом институте. В конце сентября надобно ждать определения из Петербурга о жалованье, на которое *sa mère avide tend déjà sa main; elle a exigé de l'argent de son aîné, qui est à Koursk et qui lui a envoyé au mois de Juillet 5 r. en arg. blanc.*

31 августа.

Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Хотя твой образ несравненный
Порой чужд сердца моего,
Но первый час уединенный
Мне возвращает вновь его.
Страшусь, чтоб свет, к злоречью жадный,
Тоски моей понять не мог,
И сердцу по тебе отрадный
Мой не подслушал тайный вздох.

Грядет будущее время, что принесет — неизвестно! Однако я не унываю, надежда теснится в душу.... Пишу письмо, и душа моя веселится.

СЕНТЯБРЬ

6 сентября. Александра Васильевна вместе с Марьей Васильевной [Киреевской] была в Киеве, а нынешнюю осень в другой раз вздумала туда же идти. Она собралась так скоро, что я не успела сделать ей основательного возражения; путешествие бесполезное и разорительное, а денег у нее немного. Просила она меня, если ей будет недоставать денег, то прислать ей в Киев 3 р. сер.; такую сумму послать я могу, но и то очень для меня тяжело, когда дети моего брата и мать их в крайности. Безрассудная богомолка просила прислать ей денег, но куда же их адресовать? Я только имела время сказать ей, чтобы она писала с дороги, потому что письма идут медленно.

Нынче Бог послал мне радость вовсе неожиданную: письмо от Николиньки Свербеева. Оно из Томска от 15 августа; письмо ласковое, дружеское; Николинька говорит о Батенкове²⁰³, конечно, для того, чтобы это было передано Елагиным, жалеет, что не встретил на дороге несчастного Зыкова, и сообщает, что успел переслать посылку Марьи Семеновны [Зыковой] в Тобольск в надежные руки.

13 сентября. Пошла я в Симоновскую слободку и на дороге встретила Ваню. «Я шел к вам». — Что тебе нужно? — «Меня хотят выключить из училища». — За что? — «Я пропустил 6 воскресных классов». — Почему? — «Маминька все посылала меня на площадь с разными безделицами, а когда я говорил, что мне нужно идти в класс, то мне грозили побоями и тем, что не дадут есть». — Для чего же ты не сказал мне давно об этом? Теперь я не ворочусь назад, но через два дня буду в Москве у директора школы и потом у твоей матери.

16 сентября. Досада на безумие моей невестки и жалость к нелюбимому сыну волновали душу мою в течение этих дней. В 5 час. пополудни я была вчера в квартире моей невестки. Ее не было дома, но я сказала дочери, с тем, чтобы она передала своей благоразумной и справедливой маминьке, что если Ваню выключат из училища, тогда ему останется одна

дорога — занять должность дворника, но что если он чему-нибудь выучится, тогда у него больше будет денег. Последнее слово одно может подействовать на злую мать.

17 сентября. Матушка бедного Вани пришла ко мне извиняться и говорила так сладко и так гладко, что обманула бы всякого, кроме меня.

25 сентября. Письмо от Александры Васильевны из Киева; она просит денег, а не пишет, сколько. Да я послала ей 7 сентября 3 р. сер., а больше никак не в состоянии; сверх того, Катя Яковлева выпросила у меня месяц тому назад 3 р. сер. на три дня, да и до сей поры не отдает. Богомолки ужасно бестолковы: Александра Васильевна спрашивает на почте, есть ли к ней письма, а в денежной экспедиции не подумает справиться.

Была я у Свербеевых на даче; видела Вариньку и говорила с нею, потому что безрассудно-осторожной тетушки там не было. Какое счастье, что она не с нами!

Анна Ивановна Соколова, моя сожительница и моя любимая сестра по душе, лежит на одре болезни от паралича, поразившего левую ее руку, бок и ногу. Душевная тревога произвела все это. Анна Ивановна сначала боялась, что Авдотья Петровна не даст свободы детям ее; получив свободу, излишне тревожилась о том, каким образом приобрести достаточное содержание для всей семьи, — и вот последствия малого упования на Промысел Божий! Иван Васильевич [Киреевский] еще месяц тому назад обратил внимание на болезненный вид Анны Ивановны, говорил с участием, что ей надобно лечиться, спрашивал доктора, одним словом, поступил как благосердный и просвещенный человек. Анна Ивановна больна уже три года, а причиною болезни полагать надобно страх разлучиться с дочерью; Авдотья Петровна хотела взять Дуняшу в деревню. Год назад или менее Авдотья Петровна была в Москве, видела Анну Ивановну еще в худшем виде, нежели как Иван Васильевич нашел ее в прошлом августе, и вовсе не обратила внимания на болезнь ее, сказав, что она не понимает, отчего у нее слабость. Теперь Иван Васильевич просил своего доктора, Феля, заняться больною. Да благословит Бог обоих, а также и Наталью Петровну!

30 сентября. Опять надобно было хлопотать о том, чтобы Ване не мешали ходить в школу. Саша вышел из Межевого института и живет у матери.

ОКТЯБРЬ

1 октября, понедельник. Вечером в 5 часов возвратилась я из Симоновской слободки с моей старшей племянницей. Нынче день рождения моего Саши; я могла подарить ему только белый хлеб, 10 яблок и 30 коп. сер.

Неприятно было мне узнать, что одеяло, подаренное мною Ване, продано на площади за 20 к. сер.! Следовательно, у Вани отняли его малую собственность, и в настоящее холодное время он должен одеваться изорванным старым халатом, который не может закрыть ног. Я дала племяннику свое одеяло, сказала, что даю одеяло не вовсе, а только на время. Бедный Ваня вовсе не имеет белья, а у меня нет денег. Надобно будет взять ему на рубашки ситцу в долг; Ульяна Петровна подождет.

2 октября. Писала я к Прасковье Михайловне Бестужевой и к Варваре Ивановне, баронессе Черкасовой. Первую просила я помочь семейству Михайлы Никитича в расходах при получении вольной от Елагиных; дочь Михайлы Никитича, Маша, была крестница Ник. Мих. Языкова, и Прасковья Михайловна, когда была в Москве, то хотела даже откупить Машу, да тогда не захотел отец Маши. У Варвары Ивановны просила я помощи для себя и для Вани. Что-то Бог даст!

5 октября, суббота. Сегодня день радости: письмо из Воронежа!

10 октября. С завтрашнего дня начнутся мои уроки у Свербеевых. Старая Селивановская соскучила держать у себя внучку свою, Залюбовскую²⁰⁴. Несправедливыми подозрениями и гонениями она заставила девушку оставить ее дом, и Залюбовская уехала из Москвы искать по России приюта. Старуха толкует в дурную сторону ее отъезд и не велит матери Александры Александровны говорить о том, что дочь писала последней из Тулы! Молчание матери о месте пребывания дочери подтвердит дурные подозрения; я сказала матери, что в этом случае она не должна молчать. Такой поступок старухи ужасно мне противен! И она зовет меня жить к себе! Никогда!

12 октября. Получила письмо от милого Николинки Свербеева из Иркутска.

15 октября. Катерина Петровна Зыкова получила письмо от сына из Тюмени; вышедши из Казани, он был очень болен,

в Тобольск должен был прийти 2-го или 3-го сего месяца. Захворал Николай, старший сын Анны Ивановны [Соколовой], мой крестник. Я просила Михаила Ивановича Гилярова²⁰⁵ прийти посмотреть мальчика, чтобы узнать, какая у него болезнь. Михаил Иванович сказал, что горячка. Предлагала я отцу и матери, что попрошу Феля²⁰⁶ прописать лекарство мальчику, но они не захотели, особливо мать, не хотевшая принять одолжение от Киреевских и досадовавшая на Феля за то, что он не помог ей сразу. Уговаривать бесполезно! Она и то раздражается чрезвычайно, когда говоришь ей о больнице; итак, судьбы определение должно совершиться!

22 октября. На мое письмо к Бестужевой нет ответа! От Варвары Ивановны, баронессы Черкасовой²⁰⁷, отказ как шест! Писала я к Анне Петровне [Зонтаг] и просила у нее помощи. К.А. Свербеева хлопочет о том, чтобы поместить Конкордию в школу, заведенную Талызиной.

НОЯБРЬ

1 ноября. Больным Соколовым хуже. Пелопидас лечит мальчика.

4 ноября, воскресенье. Сегодня уехала моя несравненная Катерина Александровна с Варинькой, Катинькой и Олинькой. Я заплатила долг мой Вариньке 45 р. 50 к. монетою. Деньги 25 р. сер. прислала мне Анна Петровна, да благословит ее за то Бог! Заплатила я за ноябрь месяц 5 р. сер. Соколову. Ему нужны деньги, у него двое больных. Катиньке я осталась должна 15 р. сер., она отложила плату до ее возвращения из чужих краев.

Николаю Соколову гораздо хуже.

7 ноября. Только вчера узнала я, что Катерина Семеновна Зыкова выходит замуж.

8 ноября. Бедному Николинке Соколову стало гораздо хуже с воскресенья. Ночью на этот день мать его стала метаться, стонать и готовиться к смерти. Сын все это слышал из смежной комнаты, и с воскресенья начался у него страшный бред, началась нервическая горячка. Что делать бедному отцу? Решили отвезти Николинку в больницу, чтобы он не видал смерти матери. Мюльгаузен, главный доктор Шереметевской больницы, обещал принять больного²⁰⁸. Отец мальчиков

просил у Ивана Васильевича пролетки, что Иван Васильевич и обещал. Но добрая Авдотья Васильевна Пелопидас, которая живет в Москве с мужем и с детьми, прислала свою карету. Принять больного назначено 9-го числа в пятницу.

9 ноября. Бред Николинькин раздирает сердце. Он видит в гробу то себя, то мать свою, то просит священника не сердиться за малость платы, просит дьячков не ругать при нем отца его! Утром и вечером читает громко обыкновенные свои молитвы, говорит здравствуй и прощай — матери. Утром в 8 час. карета приехала. Николиньку взял на руки Александр, слуга Киреевских, и вынес из дому. Мать смотрела на все так равнодушно, как будто бы выносили кошку! Видно, что болезнь поразила не одно ее тело, но и умственные способности.

Отец Николая надеялся, что ему позволят остаться при сыне, а сестры Николаевы и я дожидались возвращения Александра, чтобы узнать, в какую палату положили Николая, как он принял свое перемещение от родителей в больницу. Время шло, а слуга не шел! Пошла я к Авдотье Васильевне, зная, что карета приедет скорее к ней, нежели как может пешком дойти сюда Александр. Только что вошла я к Авдотье Васильевне, у которой сидела хозяйка дому, Марья Ивановна Янова, как Пелопидас вошел к жене и сказал: «Карета давно приехала, но вот Михайла Никитич просит опять кареты — Мюльгаузен отказал в приеме больного! Я велел закладывать карету».

Всех возмутила несправедливость Мюльгаузена, опасность развозить ребенка по улицам, мысль, что его привезут назад, может быть, в то время, когда мать будет при последнем издыхании — все взволновались! Но что делать? Я хотела ехать в больницу просить Мюльгаузена, но что значила моя просьба, когда этот деревянный человек не уважил просьбы Киреевского и своей родной дочери, Грановской? Марья Ивановна [Янова] сказала мне: «Просите Мюльгаузена от моего имени», но после минутного раздумья сказала: «Я сама поеду!» Некогда было спрашивать, как знакома она с Мюльгаузенем и каким образом надеется успеть. Она побежала одеваться, села в карету и поехала. Я побежала в больницу узнать, чем кончится дело. Марья Ивановна не застала Мюльгаузена в больнице, он уехал! Не останавливаясь, поехала она оттуда к Елизавете Алексеевне Аргамаковой, племяннице Верещагина²⁰⁹, а Верещагин управляет Шереметевской больницей.

Аргамакова не отказалась участвовать в добром деле, и обе возвратились в больницу, отыскивали Верещагина, и Марья Ивановна так хорошо объяснила ему горестное состояние старика, готовящегося к потере жены и сына, что Верещагин почувствовал сострадание и приказал принять мальчика. Ему возражали, что болезнь мальчика опасна. «Для меня принять его!» — отвечал Верещагин. «Да у него и отпускная не явлена в суде...» «Все-таки принять!»

Итак, Николинку оставили в больнице! Опасна, очень опасна болезнь его, но человек хватается и за соломинку, когда тонет! По человеческому благоразумию больного отдалили, чтобы он не видал предсмертных страданий матери, но ум его так поражен печальным будущим, что и в больнице смерть родных составляет предмет его бреда. Николай живет уже не телом, а сердцем и мыслию. Божие всемогущество может возвратить его к земной жизни, но его выздоровление будет истинное чудо!

Между тем все хлопоты о помещении Николая кончились в час пополудни. Не будучи вполне уверена в успехе Яновой, я возвращалась домой, чтобы предупредить сестер о том, что брата их привезут, может быть, назад. Анна Ивановна лежала в бесчувствии. Потом я вошла к новому хозяину дома, к Ивану Васильевичу, сказать ему о том же и объяснить причину, почему нет еще слуги его. Иван Васильевич и Наталья Петровна — люди подозрительные, тотчас вообразят, что слуга просидел долго в кабаке, и слуга, возвратясь, получил бы пощечину прежде, нежели сказал бы слово к своему оправданию. Иван Васильевич и Наталья Петровна — люди трусливые, боятся всяких болезней, и с тех пор как Николинка занемог, они запретили своим людям ходить к нему, а те и без запрещения не ходили, потому что им нет времени.

Когда я сказала Ивану Васильевичу о неудаче и о возможности видеть опять ребенка в его доме, тогда Иван Васильевич сказал с видимым ужасом: «Итак, его привезут сюда?» — «Да что же делать?» — возразила я с живостью, — не на улице же оставить мальчика!» — Природная, прежняя доброта Ивана Васильевича взяла верх над трусостью, и он сердечно жалел о старике.

Наконец, Александр возвратился, успокоил сестер Николаевых вестью об успехе старания Марьи Ивановны, а я по-

шла к Авдотье Васильевне [Пелопидас], чтобы поблагодарить и ее, и Янову от имени человечества.

22 ноября, четверг. Дорого обходится смерть! Бедная Анна Ивановна с 9-го по сие число несколько раз готовилась умирать, но опять возвращалась к жизни или, лучше сказать, к страданию. Николай все еще между жизнью и смертью. Несчастный отец и муж не знает, о ком молиться, о ком более плакать. Боится идти в больницу, боится возвращаться домой. Боже! Прекрати страдания бедной женщины!

Получила я письмо от милого моего внука, но оно не много меня порадовало. У него лихорадка, а в осеннее время при его слабом сложении она опасна. Спаси Господи и помилуй милого моего внука Феодора, и я молитвы моя Господеви воздам во дворах дому Его, посреди людей Твоих, посреди тебя, Иерусалиме! Под именем Иерусалима разумею я церковь Божию, всякую, а не Палестинский Иерусалим.

Было сегодня же письмо и от Марьи Васильевны [Киреевской]. Она написала приветливое слово к бедной болящей, но та сказала мне, когда я прочла ей это слово: «Ведь я уж это от вас слышала», а она слышала прежде от меня то, что писала Катерина Ивановна Елагина.

Есть люди добрые, но недаленовидные и непредусмотрительные; они не откажутся помочь, да помощь их будет дана задним числом, т. е. когда пройдет время. Не такова моя несравненная Катерина Александровна; она понимает великое правило в делах милосердия — вовремя, в пору, кстати.

23 ноября. День кончины Валуева и день кончины Анны Ивановны [Соколовой]. Она скончалась на сие число в 3 часа утра. Тиха была жизнь ее, и тиха была кончина. Я взяла 15 р. сер. у Свербеевой, чтобы дать их Михайле Никитичу на необходимые издержки; я знаю, что у него денег нет.

26 ноября, понедельник. Сегодня похоронили любезную сестру мою на новом (или на втором) Лазаревском кладбище. Могила ее находится возле известкового небольшого камня, поставленного над могилою жены рядового Зубова, Марьи Ефимовой. Похороны Анны Ивановны стали 15 руб. сер.

27 ноября. Пишет ко мне Катерина Ивановна Елагина разные разности, приветствие Анне Ивановне, жалеет о муже ее, пишет, что молится о больных, а ничего не пришлет для здоровых.

Я надоумила Катерину Ивановну писать чаще к Федору Борисовичу, она обещает исполнять мой совет. Поставлю же я ему это на вид, чтобы он знал, что мне за то обязан, *roug avoir plus de droits sur son coeur*.

30 ноября. Сегодня, в осьмой день, поминали Анну Ивановну.

Хотелось мне кончить все скучные дела, да не удалось. Приходится завтра ехать к Щербининой, и мое желание провести тихо, в уединении, 1-е число не исполнится.

Николаю, слава Богу, лучше.

ДЕКАБРЬ

1 декабря, суббота. Я могла быть у себя дома, а это не малое утешение; была у обедни, остальной день провела посредственно. Гостями у меня были мой брат, две его дочери и средний сын. Милой моей избранной сестры, Анны Ивановны, уже не было со мною.

8 декабря. Жду и не дождусь письма из Воронежа.

9 декабря, воскресенье. Была в Шереметевской больнице у Николиньки Соколова. Бедный мальчик все еще не знает, что матери его нет уже на свете, а сказать ему бояться. Начальство больницы требует, чтобы выписали Николиньку домой, но еще надобно помедлить, чтобы он более укрепился в силах. По этому предмету я пошла к Авдотье Васильевне [Пелопидас], чтобы предупредить на всякой случай ее и благодетельную Марью Ивановну Янову. Мы провели вместе вечер, я читала им драму графини Ростопчиной «Семейная тайна»²¹⁰.

10 декабря. Катерина Александровна едет благополучно; и вот что делает приближение к чужим краям: в Варшаве Олинька в 14 лет от роду была в театре, тогда как здесь она еще два года не знала бы этого удовольствия.

16 декабря. Милое письмо от Николиньки Свербеева. Он сообщает мне выписку из письма к нему от советника Тобольского губернского правления, содержащего уведомление о прибытии больного Николая Семеновича Зыкова в первых числах октября в Тобольск. Николинька прибавляет, что в холодной Сибири есть сердца, согретые участием к ближнему, и просит передать все это несчастной матери Зыкова.

Другое письмо было от Федора Борисовича с возвращением посланного мною письма от Катерины Ивановны Елагиной, в котором она обещала следовать моему совету писать чаще брату. Получив давно желанную грамоту из Воронежа, я не ощутила большой радости, и предчувствие сердца оправдалось; Федор Борисович здоров, но досадует на мое беспокойство о нем; il parle comme parlent les despotes: «Je n'aime pas qu'on s'inquiète de moi». Puis s'informant, si je compte rester dans ce logement que j'occupais dans la maison de m-me Elaguine et que j'occupe maintenant dans celle de Kiréefsky, il ajoute: «Je vous plains, si vous prenez une place quelconque; la vie des gouvernantes est bien triste, et vous même, vous êtes assez capricieuse». Voilà donc ce qu'il pense de moi, et je tâchais toujours de lui montrer de la bienveillance, de l'amitié, de la sollicitude, et dans mes lettres de la plus grande moderation dans mes reproches, quand il me faisait attendre longtemps ses réponses! Quand un homme cherche des defaults dans son ami, c'est clair qu'il veut rompre avec lui. Cette affreuse pensée m'a rendue extrêmement triste. Je ne me consolerais jamais. Il faut pourtant se consoler.

20 декабря. Авдотья Петровна приглашает меня в деревню к себе, на случай какого-то бездействия. Какого? Я действую теперь для своего существования, т. е. даю уроки; когда же они прекратятся, тогда надобно будет искать новых, а поехать в деревню пользы не будет. Кто же мне даст одежду и обувь, не говоря о том, что мне нельзя будет и рублем помочь родным моим! Авдотья Петровна не обдумала хорошо своего предложения. Не она ли сочла глупостью приезд к ней осенью Петерсона в 1849 г.? Тот поехал из дружбы, желая разделить с нею скучное время, и его усердие было названо глупостью! Кто же после этого вздумает сделать то же, что Петерсон?

Марья Васильевна исполнила мою просьбу, не оставила при смерти Анну Ивановну; она прислала на ее погребение 15 р. сер., но как этих денег было недостаточно, то я прибавила к ним 10 р. сер.

22 декабря, суббота. Катерина Александровна Свербеева поручила Настасье Павловне Щербиной стараться о помещении меньшей моей племянницы, Конкордии, в институт г-жи Талызиной. Щербина дала мне ответ неудовлетворительный: Талызина не может брать новых воспитанниц по недостатку мест, но она распространит свой дом, и тогда примет

просьбу. Когда же будет перестройка дома и когда кончится? Если через три года, тогда Конкордию надобно будет не учить, а выдавать замуж. Я желала бы, чтобы эта девочка училась и не жила у матери, которая балует ее чрезвычайно, даже не приучает ни к какой женской работе.

23 декабря, воскресенье. Николаю сказали о смерти матери и привезли домой. Он плакал, но снес горе.

24 декабря, понедельник. Была я у Свербеевых не для урока, а для того, чтобы детям доставить книгу. Там видела Александра Мих. Языкова, он сказал мне приятную для меня весть, что в Москву приедет Прасковья Михайловна Бестужева²¹¹. Сердце мое еще способно радоваться, а следовательно, и любить.

25 декабря. Обедала я у Строевых. С визитами не поеду никуда, чтобы сберечь деньги.

26 декабря. Прасковья Михайловна [Бестужева] уже в Москве.

Вот положение дел моих родных и состояние моих финансов:

В эти два года семья моего брата много мне стоила. Теперь невестка получает с жильцов за квартиру и стол около 30 р. сер. Муж ее помогает ей. Второй сын их, окончивший свое ученье в Межевом институте, получает в месяц 12 руб. сер. жалованья и может помогать матери, у которой он сам имеет квартиру и стол. Служба царская дана ему от меня; теперь пускай живет своими трудами.

Старший мой племянник, Василий, живет в Курске, при винной конторе. Получает через меня 14 р. сер. в месяц жалованья. Если потеряет место, то пусть сам ищет нового.

Остается на моем отчете меньшей мой племянник и крестник, Ваня, которому в прошлом июне минуло 19 лет. Два года прошло с тех пор, как я отдала его в рисовальную школу. Ваня, не любимый матерью, кажется, добр и трудолюбив, он сам нашел себе работу у славного литографщика Кирстена. С ноября будет получать небольшое жалованье; треть его поступит ко мне, постараюсь сберечь ее для Вани же.

28 декабря.

Мои расходы:

В лавку за чай, сахар и пр.	15 р. сер.
Кудрявцевой	2 р. (отданы).

А. Вас. Пелопидас	3р. (отданы).
За Ваню портному	2 р. 10 к. (отданы).

Деньги, которые получу я в конце января, пойдут в уплату в лавку Ив. Дмитриева, к 1 февраля у меня останется ровно ничего. Сколько ни стараюсь, никак не могу прикопить какой-нибудь суммы на уплату важнейшего и приятнейшего долга, и потом — для уплаты через год Катерине Дмитриевне Свербеевой.

1 февраля должно будет заплатить за стол 5 р. сер., крестнице в день ее рождения 1 р. сер., на чай, сахар и кофе 3 р. сер. в месяц, итого выходит 9 р. сер.

А доходу мне 15 р. сер. в месяц, но следует положить на извозчиков, прачке и проч. 5 р. сер.

В остаче — один рубль серебром!

Нужна мне будет помощь Машеньки Спиридоновой. Марья Семеновна Зыкова дала мне 9 руб. сер., с тем чтобы в церковь Трех Святителей, что у Красных Ворот, отдать 3 р. сер., в церковь Рождества Богородицы, что на Старом Симонове, — 3 р. сер., бедным — 3 р. сер. (отданы).

Каким образом устроить мне судьбу свою, чтобы иметь довольно денег на прожиток? Где же взять на обувь, на платье? Иногда встретишь бедного и подашь ему копейку, а, смотря по человеку, и 30 к. сер. Кроме того — расход на письма и за получение писем, бумага, сургуч, пакеты.

1852 год

ЯНВАРЬ

1 января. Новый год встретила у Катерины Петровны Зыковой. В Москве Бестужевы, это мне большая радость.

7 января. Kossuth dans l'Amérique des Etats-Unis travaille pour faire réussir le but qu'il atteindre. Ce but c'est l'intervention morale de la part de trois grandes puissances du monde, l'Angleterre, l'Amérique, la France, en faveur de la Hongrie, et il prétend que s'il peut obtenir cela, la Hongrie sera assez forte pour résister au pouvoir autrichien et même le vaincre.

8 января. Дмитрий Николаевич Свербеев получил письмо от сына из Иркутска, но оно не порадовало ни отца, ни меня: неизвестно почему, Николинька оставил Иркутск, где начальник к нему был благосклонен, общество приятно, и вдруг уехал вместе с каким-то Струве в Якутск открывать новую губернию! Такая скорая мена места и службы очень странна и не обещает хорошего в будущем.

10 января, четверг. Вот и другой неожиданный пример непостоянства со стороны моего меньшого племянника: он, не спросясь со мною, оставляет рисовальную школу и переходит совсем к литографщику Кирстену. Я нахожу этот переход безрассудным; Ваня оставляет школу, не доучившись, проведя год в литографии, все еще не будет мастером, и хорошо, если постоянно будет идти по избранной им самим дороге. Отцу и матери нет дела ни до чего; они сказали сыну: делай, что хочешь; ни тот, ни другая целую неделю думали и не вздумали прийти посоветоваться со мною; сын уже сказал им о своем плане. Если Ване не посчастливится в литографии, тогда он хочет поступить в канцелярские служители! Итак, опять мена! Опять быть учеником и между подьячих!

14 января, понедельник. Вчера получила письмо от Катерины Ивановны Елагиной; отец ее, добрый честный Мойер, очень болен. Он занемог 23-го прошлого декабря, ему сделалось так дурно, что он не узнал вошедшей дочери и зятя. Жаль будет его! Хорошо, если бы он пожил на свете! Он был в высшей степени нравственный человек, после Жуковского этого старца уважала я более всех, кого только знала и знаю лично и по слуху.

20 января. Свербеев, Дм. Ник., убедил меня поговорить отцу и матери Ванички, что они портят будущее последнего, соглашаясь на мену его занятий. Была я у невестки, сказала, чтобы ко мне прислала она моего брата, который явился только через 4 дня с ассистентом, с Сашею. Видно, что отец и мать сбили с толку мальчика; они убедили его пойти в полную службу к литографщику, чтобы отнимать небольшое Ванино жалованье. Грустно было мне за Ваню. Родители не научили сына, как выйти с честью и порядком из школы, где в течение двух лет он приобрел довольно знания. Начальник школы мог получить очень дурное мнение об ученике, который, неизвестно почему, не является в классы с 7 января.

21 января. Николай Елагин приехал в Москву.

Катерина Михайловна Хомякова сделалась ужасно больна, у нее злая горячка, и это приключилось на 7-м месяце беременности! Как грустно смотреть на Хомякова и на детей его!

23 января. Больной несколько лучше.

27 января, воскресенье. Катерина Михайловна скончалась на третий день по разрешении от бремени²¹².

28 января. Молодая Арбузова, вторая жена его, скончалась от воспаления в легких на 4-м месяце беременности²¹³.

29 января. Похороны Катерины Михайловны в Даниловом монастыре.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля. Была у Кудрявцевых. У них больна вторая дочь их, Анночка, и больна серьезно.

3 февраля. Жду писем с юга, от верного друга, но писем нет! Могу ли выразить мое беспокойство, и кому его выра-

зить? Да и на что? Пусть во глубине души остается! Видно, жить мне с печалью до желанного предела.

5 февраля. Елагина, Авдотья Петровна, и Марья Васильевна [Киреевская] приехали в Москву.

7 февраля, четверг. Возвратясь домой со Знаменки, от Авдотьи Петровны, я нашла дома письмо от Катерины Ивановны [Елагиной]: она просит от меня известия о брате, а я сама уже давно не получаю от него ни строчки. Завтра надобно будет отвечать ей, завтра надобно ехать в Симонов — как успеть?

20 февраля. Николай Елагин был болен. Страшно было за него и за бедную мать его; она и так перенесла много потерь. А мне было очень грустно, кроме этой печали; неизвестность о Федоре Борисовиче мучила меня, и я наконец решилась послать страховое письмо в Воронеж. Оно послано 8 февраля.

Слава Богу! Сегодня получила я весть от Федора Борисовича, он был болен 4 недели лихорадкою (я это чувствовала).

21 февраля. Кончина Николая Вас. Гоголя.

23 февраля. Погребение Гоголя в Даниловом монастыре. Отпевали покойника в университетской церкви²¹⁴.

26 февраля. Николай Елагин сказывал мне, что Катерина Ивановна Елагина хочет ехать в Воронеж, не получая так долго писем от Федора Борисовича. Насилу хватилась утешить брата! Вместо того, чтобы десять раз каждый год ездить в Петрищево, лучше было бы съездить на неделю в Воронеж и утешить брата, живущего там в одиночестве.

28 февраля. Смущает меня сон, виденный мною на сей день: прощание было с дорогим человеком. Он плакал, а я и во сне не могла плакать, как наяву.

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Щербатов, кн. Алексей Григорьевич (1777—1848), московский генерал-губернатор с 1844 по 1848 гг.

² В «Моск. ведом.» 1846 г., № 39, была напечатана известная статья Конст. Аксакова «Семисотлетие Москвы»; эта статья вошла в 1-й том его Сочинений. М., 1861, с. 598—605.

³ Уваров, гр. Сергей Семенович (1786—1855), министр народного просвещения с 1833 по 1849 гг.

⁴ Шевырев Степан Петрович (1806—1864), профессор Моск. университета, историк русской литературы, критик и публицист.

⁵ Голицын, кн. Дмитрий Владимирович (1771—1844), московский генерал-губернатор с 1820 по 1844 гг.

⁶ Другов, о. Николай Петрович, протоиерей Трехсвятительской, что у Красных Ворот, церкви, род. 5 декабря 1777 г., умер 27 апреля 1858 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 404).

⁷ Анна Ивановна Соколова, жена Михайлы Никитича Соколова, крепостного человека Авдотьи Петровны Елагиной, управлявшего ее домом у Красных Ворот, где жила и Елиз. Ив. Попова; Маша — дочь их. Анна Ивановна умерла 23 ноября 1851 г. О болезни и смерти ее — см. дневник под 4, 9, 22 и 23 ноября 1851 г.

⁸ Ефремов Александр Павлович, род. 11 декабря 1811 г., умер 24 марта 1876 г., друг А.В. Станкевича, который умер на его руках в Италии в 1840 г. Ефремов был близок ко всему кружку Станкевича, находился в переписке с Белинским, Грановским и др. и вместе с тем был дружен со многими славянофилами, в особенности с К. Аксаковым. С 1843 г. он состоял преподавателем географии в Московском университете, в 1848 г. вышел в отставку. Был с 1848 г. действ. членом Имп. Русского географического общества и собрал прекрасную библиотеку по своей специальности. (Моск. ведом. 1876, № 78; Иллюстр. газ. 1876, № 19; Биографии профессоров Моск. ун-та, т. I; Анненков. Н.В. Станкевич. М., 1857).

⁹ Диссертация Конст. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» напечатана в Москве в 1846 г. Защита ее состоялась 6 марта 1847 г. (см. об этом в дневнике под указанным числом).

¹⁰ Наумовы, дети Варвары Алексеевны Наумовой, сестры Вас. Ал. Панова. О ней и ее детях — см. дневник под 9 июня 1847 г.

¹¹ Катков Михаил Никифорович, известный публицист. В 1847 г. он состоял адъюнктом по кафедре философии в Московском университете.

¹² Свербеев Николай Дмитриевич, старший сын Дм. Ник. и Екат. Ал. Свербеевых, род. в Киеве 27 августа 1829 г. Окончив образование в Моск. университете по историко-филологическому факультету в 1850 г., он отправился на службу в Иркутск, где служил при гр. Н.Н. Муравьеве. 2 декабря 1851 г. был назначен советником губерн. правления в Якутске, откуда два раза был командирован в Удский край. Эти поездки описаны им в двух «Сибирских письмах»: первое напечатано в № 111 и 112 «Моск. ведомостей» 1852 г., второе — в Вестнике Имп. Рус. геогр. о-ва 1853 г., ч. 8-я, с. 95—109. В январе 1853 г. Н.Д. Свербеев вернулся в Иркутск, в 1854 и 1855 гг. сопровождал Муравьева в двух Амурских экспедициях и принимал участие, в качестве секретаря по дипломатической части, в переговорах с китайскими представителями. В конце 1856 г. возвратился в Москву, а 6 декабря 1860 г. скончался в Орле. (Сочинения А.С. Хомякова. М., 1900, т. VIII, с. 426, примеч. изд.). Был женат на дочери декабриста кн. Сергея Петровича Трубецкого, Зинаиде Сергеевне.

¹³ Свешников Федор Осипович, сын книгопродавца Осипа Леонтьевича (см. примеч. 52), московский 1-й гильдии купец, род. 26 мая 1824 г., умер 12 июня 1885 г. (Моск. некрополь, т. III, с. 85).

¹⁴ Коссович Каэтан Андреевич, профессор С.-Петербургского университета по кафедре санскритской словесности (1815—1883). Его брат, Игнатий (в дневнике — Викентий Андреевич (1808—1878) был профессором Варшавского университета по кафедре греческой словесности. Биографии обоих братьев — см.: Рус. биогр. слов. СПб., 1903 (т. «Кнаппе—Кюхельбекер», с. 301—303). В 1847 г. Каэтан Коссович был преподавателем греческого яз. во 2-й Московской гимназии; в 1850 г., благодаря хлопотам Шевырева и Хомякова и покровительству гр. Д.Н. Блудова и его дочери, он получил место редактора ученых работ при Имп. Публ. библиотеке (Сочинения А.С. Хомякова. М., 1900, т. VIII, с. 201, 205, 402).

¹⁵ Петерсон Александр Петрович, педагог, незаконнорожденный сын отца Авд. Петр. Елагиной, Петра Николаевича Юшкова. Жена его — Елизавета Францевна, рожденная Реми (см.: Уткинский сборник. М., 1904, с. 202, 209—212, 218, 225, 260).

¹⁶ Селиверст, слуга Н.М. Языкова. О нем упоминает Гоголь в письмах к Языкову (Письма Гоголя, т. II, с. 352, 412; т. III, с. 285).

¹⁷ Иноземцев Федор Иванович, известный московский врач (1802—1869). Биографию его — см.: Рус. биогр. слов. СПб., 1897 (т. «Ибак—Ключарев», с. 124). Д.Н. Свербеев пишет о нем по поводу болезни Языкова в своих Записках (М., 1899, т. II, с. 98: «Напрасно Иноземцев, друг и товарищ его (Языкова) по Дерпту, лечил его с горячим участием, как родного брата; ослепленный этим чувством, он не хотел видеть опасности и за полчаса до кончины уверял меня в его выздоровлении».

¹⁸ Языков Петр Михайлович, старший брат поэта Николая Михайловича. Характеристика его — см.: Записки Д.Н. Свербеева (М., 1899, т. II, с. 87—91, 93).

¹⁹ Варенька — Варвара Дмитриевна Арнольди, рожд. Свербеева, старшая дочь Дм.Н. и Ек.Ал. Свербеевых, род. 25 марта 1831 г., была замужем с 1853 г. за Львом Иван. Арнольди, сводным братом Александры Осиповны Смирновой, рожд. Россет.

²⁰ Катенька — Екатерина Дмитриевна Свербеева, дочь Дм. Ник. и Ек. Ал. Свербеевых, род. в 1832 г., умерла девицей 20 октября 1897 г.

²¹ Лилушка — Елизавета Алексеевна Елагина, младшая дочь Авдотьи Петровны Е., род. в 1825 г., умерла 4 июля 1848 г. О смерти ее — см. в дневнике под 12 июля 1848 г. О ней упоминает Кавелин в своей статье об А.П. Елагиной (Сочинения Кавелина. СПб., 1899, т. III, с. 1123, 1124).

²² Киреевская Мария Васильевна, дочь Авдотьи Петр. Елагиной от первого брака, сестра Ивана и Петра Васильевичей Киреевских, род. 8 августа 1811 г., умерла 5 сентября 1859 г. (Сочинения Кавелина, т. III, с. 1117, 1124). «Почерк был у нее прекрасный, и много переписывала она для братьев и друзей. Полная Библия в русском переводе Болховского, архимандрита Макария (в то время не дозволяемая к печати) дважды переписана ее рукой» (примеч. издателя к письмам Хомякова в т. VIII Сочинений Хомякова. М., 1900, с. 93; *ibid*, с. 435).

²³ Гр. Строганов, Сергей Григорьевич (1794—1882) был попечителем Московского университета с 1835 по 1847 гг.

²⁴ Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями», которые вышли в свет в декабре 1846 г.

²⁵ В январском номере «Отеч. записок» 1847 г. (т. L) в разделе «Библиографическая хроника», на с. 69—71, напечатана заметка о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. Заметка эта не подписана; она принадлежит перу Валериана Майкова.

²⁶ Мать Константина и Ивана Серг. Аксаковых, Ольга Семеновна, рожденная Заплатина, род. 1 марта 1793 г., умерла 2 мая 1878 г.; замужем была с 1816 г. за Сергеем Тимоф. Аксаковым.

²⁷ Панов Николай Алексеевич (брат Василия Алексеевича), женился на Елизавете Александровне Валуевой, сестре Д.А. Валуева. Умер 7 июня 1899 г. в имении Гиреево, близ Кускова, Московской губ. (Рус. ведомости. 1899, № 157; Моск. некрополь, т. III, с. 427—428).

²⁸ Елагин Николай Алексеевич, младший сын Алексея Андреевича и Авдотьи Петровны Елагиных, род. 23 апреля 1822 г., умер 11 февраля 1876 г.; издатель «Белевской Вивлиофики».

²⁹ Елена Федоровна Свешникова — жена московского книгопродавца Осипа Леонтьевича Свешникова; о смерти ее 8 июня 1851 г.

— см. дневник под 14 июня 1851 г. Надинька — ее дочь, Надежда Осиповна Шохина, род. 27 августа 1817 г., умерла 19 июля 1847 г. (о смерти ее — см. дневник под 20 июля 1847 г.). Муж ее — Дмитрий Александрович Шохин, род. 29 марта 1809 г., умер 19 февраля 1845 г. (Моск. некрополь, т. III, с. 363). О сыне Свешниковых, Федоре Осиповиче — см. примеч. 13.

³⁰ Авдотья Осиповна Лебедева, умерла 5 июня 1848 г. Жизнеописание и характеристика ее — см. в дневнике под 5 и 7 июня 1848 г.

³¹ Армфельд Александр Осипович, профессор медицины Московского университета и инспектор Николаевского сиротского института, род. в Москве 18 февраля 1806 г., умер 12 марта 1868 г. Биография его — см.: в Рус. биогр. слов. СПб., 1900 (т. «Алексинский — Бестужев-Рюмин», с. 293).

³² Балдов, управитель Петра Мих. Языкова. О нем упоминает Гоголь в письме к Н.М. Языкову от 10 февраля 1841 г. (Письма Гоголя, т. II, с. 144). Настоящая фамилия его Балдин (*ibid.*, примеч.).

³³ Д.А. Валувев начал издавать с 1843 г. журнал «Библиотека для воспитания», под влиянием своего знакомства с Анной Петр. Зонтаг. Хомяков в письме к А.В. Веневитинову от 18 мая 1844 г. писал: «Тебе надобно интересоваться «Библиотекой для воспитания»; в ней участвуют почти все университетские деятели, участвую и я» (Сочинения, т. VIII. М., 1900, с. 74).

³⁴ По поводу письма Д.Н. Свербеева к С.Т. Аксакову о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», С.Т. Аксаков писал своему сыну Ивану: «Свербеев написал письмо ко мне, в котором очень умно и зло разбирает книгу Гоголя; уже четыре дня я держу его в своих руках и не имею духу послать; боюсь, не оскорбится ли он» (И.С. Аксаков в его письмах, т. I, с. 409 примеч. и 414). Однако С.Т. Аксаков решился отправить письмо Свербеева Гоголю, который по этому поводу писал ему 6 марта 1847 г. из Неаполя (Письма Гоголя, т. III, с. 394—396): «Поблагодарите также доброго Д.Н. Свербеева и скажите ему, что я всегда дорожу замечаниями умного человека, высказанными откровенно. Он прав, что обратился к вам, а не ко мне. В письме его есть, точно, некоторая жестокость, которая была бы неприлична в объяснениях с человеком, не очень коротко знакомым. Но этим самым письмом к вам он открыл себе теперь дорогу высказывать с подобной откровенностью мне самому все то, что высказал вам. Поблагодарите также и милую супругу его за ее письмо. Скажите им, что многое из их слов взято в соображение и заставило меня лишний раз построже взглянуть на самого себя. Мы уже так странно устроены, что до тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это. Замечу только, что одно обстоятельство не принято ими в соображение, которое, может быть, иное показало бы им в другом виде, а именно:

что человек, который с такой жадностью ищет слышать все о себе, так ловит все суждения и так умеет дорожить замечаниями умных людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человек не может находиться в *полном и совершенном* самоослеплении».

Письма Д.Н. и Е.А. Свербеевых напечатаны Шенроком в «Материалах для биографии Гоголя», т. IV, с. 519—526. Для характеристики обоих писавших считаем нелишним привести здесь эти письма полностью:

Письмо Д.Н. Свербеева к С.Т. Аксакову от 16 января 1847 г.: «Нет, не решаюсь я, Сергей Тимофеевич, по вызову вашему, писать прямо Гоголю замечания мои на его новую книгу. Меня удерживает чувство приличия, всегда мною уважаемое, всегда мною хранимое. В приличиях вижу я не пустую форму, а принятые обществом условия, в силу которых оно существует и в которых всегда скрывается верная, часто глубокая мысль или полезная в общественной жизни истина. Не доволюсь дружен, не доволюсь даже знаком я с Гоголем, чтобы писать ему откровенно, и одно уважение мое к его гениальному таланту, как бы велико оно ни было, не дает еще мне никакого права на такую откровенность. Я боюсь оскорбить его; признаюсь вам, боюсь еще более увидеть в печати ответ его ко мне, а этот ответ невольно пристегнет и меня к его знаменитости, тогда как я решительно не хочу быть прихвостником ни у какой знаменитости. Письменные же сношения с Гоголем — вы сами это видите — опаснее, нежели с кем бы то ни было. Он как-то и почему-то поставил себя вне всех приличий, и доказательством этому самая та книга, на которую требуете вы моих замечаний. Ну, как ему вздумается и меня, пребывающего вне службы семьянина, отсылать по утрам в детскую или на гумно, как он велит посылать в департамент одного служащего своего приятеля; ну, как заставит и меня делить на семь кучек мои скромные доходы, да еще запретит, невзирая ни на какую крайнюю нужду, занимать из одной кучи для другой; ну, как он все эти строгие указы, данные на мое имя, еще обнародует для примера другим. Виноват, я тоже человек; может быть, и рассержусь на такие печатные предписания. Следовательно, лучше на них и не напрашиваться. — Вы возразите мне: «Все это внушает вам ваше самолюбие, а на вас лежит нравственная обязанность исполнить волю великого писателя». Но что же делать, если в наше время для каждого, положим — обыкновенного, человека «*charité bien ordonnée commence par soi*», и то еще слава Богу, когда совесть не подсказывает, *qu'elle commence et finit par soi*.

Иное дело, если вы возьмете на свою ответственность передать ему на бумаге все, что я говорил вам прежде о его книге, если вы сверх того оградите меня вашим словом от всякого печатного и даже письменного поучения. На этих условиях вот вам мои за-

мечания: располагайте ими, как вам угодно, но не иначе, как под вышесказанной с вашей стороны ответственностью.

Сперва повторю я чужие мнения о книге, которые удалось мне выслушать справа и слева от прочитавших «Избранные письма Гоголя», а может быть, и от тех, которым совестно было бы признаться, что они их еще не читали. Были такие читатели — их немного, — которые обливали слезами умиления и предисловие, и завещание Гоголя, и особливо два письма его о нашей церкви. В простоте сердца они *сознали* своим плачем не только его великий гений, но и его великое смирение. Другие, напротив, робко выражали свои сомнения насчет этого смирения. Третьи, посмелее, называли уже книгу первым неудачным опытом автора в этом великом подвиге христианина. Но поразил меня отчаянный смельчак, который — видно, сердит он был на Гоголя за Ноздрева, — во всеуслышание объявил, что автор писем отныне должен называться не Николаем, а Тартюфом Васильевичем.

Еще страннее, что у некоторых читателей было заготовлено по несколько мнений на эту книгу: в своем кабинете и в короткой беседе они говорили одно, в гостиных — другое. Потом нашелся даже один такой читатель, который восхищался многим, всего более восхищался в Гоголе его резким, выходящим из пределов приличия тоном, с которым он говорит всему русскому обществу, и его дерзкой откровенностью с друзьями, на которых он прямо указывает всем своим грозным, карающим перстом, и его требованием выменять дурной портрет его на изящный образ Преображения, и его проповедью всем и каждому обратиться к добру, а не ставить ему памятника, и его волею обнародовать свое завещание во всех журналах и ведомостях Российской империи и пр. и пр. Выражая этими именно выражениями свое удивление, свое сочувствие к Гоголю, этот читатель сказал мне: «Русская публика, русское общество — нуль. Ему все сказать возможно, и чем смелее, чем дерзновеннее писатель, чем выше ставит он себя перед русским обществом, чем откровеннее выражает свое гордое к нему презрение, тем более и более благоговеет перед ним это общество, тем ниже преклоняет оно свою голову».

Такой грозной выходки не мог уже оставить я без возражения непрощенному защитнику великого писателя, от которого, я уверен, сам Гоголь отскочил бы с ужасом. «Нет, — отвечал я ему, — русское общество не так пошло, как вы осмеливаетесь о нем думать. Оно умеет замечать странности своих знаменитостей, скорбит о том, когда эти странности нисходят до мании, но хранит еще к ним свое уважение, терпеливо ожидая благодетельного для них кризиса, и в этом своем ожидании все странности замечательного писателя, всякую манию достойного по высокому характеру чело-

века долго, может быть, слишком долго, прикрывает своим благодушным снисхождением».

После всех этих разнообразных мнений можно, кажется, сказать, что книга наделала много шума и, как некогда «Мертвые души», стала камнем преткновения, о который спотыкаются многие, получая порядочные синяки от этого падения. А каких бы еще диковинных мнений наслушались мы, если бы наши московские торгашки книгами не отсылали от себя покупателей за неимением книги. После будет поздно; первая вспышка пройдет. Привилегированные умники, уже давно прочитавшие книгу, наложат на общество свое собственное мнение, ему обрадуется большинство и примет с голоса. Есть люди осторожные, слишком к себе недоверчивые, которые этого именно и ждут.— Еще одно мнение слышал я от умного, скромного и религиозного читателя, который был удивлен непонятым применением стихов Пушкина к идеалу царя, изображенному Гоголем. Самый идеал казался ему не совсем верным выводом из христианского учения. Я начал было защищать мысль Гоголя; он со мною спорил и вдруг от меня вышел, сказав: «Не приходится».

Мое собственное мнение о книге могу выразить тремя на ней подписями: 1) уничижение паче гордости, 2) гордость смирения, 3) надувательство. По мере чтения приходили мне в голову две первых подписи. Не знаю, ясным ли покажется вам ясное для меня их различие. По прочтении всей книги — «Просто надувательство!» сказал я громко, один в своей комнате, и тут же с грустью закрыл и положил ее на стол. Потом я как будто испугался: такое слово показалось мне диким, страшным, и вот я начал доискиваться в себе, откуда оно у меня вылетело. Случалось ли вам запутываться даже тогда, когда вы даете самому себе отчет в какой-нибудь резко представившейся вам мысли? Со мной это случалось не раз, и я часто не доверяю себе в своих объяснениях, особливо когда выражаю их письменно. С одной стороны, усиливается во мне какое-то упорство защитить самому себе мою первую мысль, мое решительное определение; с другой, в то же время проявляются сомнения: добросовестны ли мои объяснения, мои доказательства; полно, не насилую ли я моего мышления; оправдываю перед собою мою главную мысль и развиваю ее в систему.— У древних риториков была, помнится, поговорка: *docendo docemur*. У нас можно переменить ее на другую; для одних: надувая, надуваемся, для других, более добросовестных: надуваясь, надуваем. «Видно, уж у нас такая надувательская сторона»,— сказал Гоголь. И это слово со всеми его грамматическими видоизменениями глубоко в меня запало. Им только могу я объяснить для себя и те многие различные системы для разных наших партий, которые до того насилуют свое мышление, что сами наконец получают веру в свою систему. Почему же не могло случиться этого и с Гоголем в отношении к его глав-

ной системе, которую, кажется, он составил о себе самом? Только одного не берусь я решить ни вам, ни для себя: надувает ли он (от чего Боже сохрани), прежде чем сам надувается, или же надувается прежде сам, а потом уже надувает своих читателей.

Еще два слова. После такого тяжелого, такого горького урока, который дал нам великий поэт своим падением, мы еще в нем не отчаиваемся, мы ожидаем от него вешего, утешительного голоса о его бодром, победном над собой восстании. Весь ваш Свербеев. 16 января 1847 г. Москва».

Письмо Е.А. Свербеевой к Гоголю от 20 января 1847 г.

«С грустным впечатлением оставила меня ваша книга, Николай Васильевич. Все кричат о ней, все удивляются этому учению христианскому, вашему призыву всем обратиться к Богу, и все это учение облекается самою страшною гордынею. Вы призываете на молитву за вас святителей и всю Россию: не есть ли это уверенность в заслуге всемирной? Многие радуются, что вы разбиваете вашу славу писателя, а мне грустно не за талант, мне грустно состояние души вашей: в нем видно увлечение, добросовестное увлечение, но нет смирения, а дышит дух превозносящийся. Молю Господа, да придет на помощь к вам и утвердит вашу душу на должной степени того христианского смирения, которого вы имеете только обманчивый отблеск. Вы как будто впали в прелесть — таково впечатление, которое производит на меня ваша книга. Я не могу не выразить вам моего чувства, не высказать моей мысли о ней и не перестану молиться о вас.

Смерть нашего доброго Языкова, верно, поразила вас. Я часто думаю о вас; знаю, что вы любите его и что эта утрата вам падет тяжело на сердце. Его чистая, прекрасная душа непременно своей гармонией приносила и в вашу ту святую истину, которою обладала она вполне. Не отражалась ли она на всех, кто был близок к нему? Мы тоскуем теперь: мы лишились лучшей нашей драгоценности. Теперь осталась одна память о нем, и она даже приводит все существо в гармонию.

Языков в последнее время жизни много думал о вас, и сердечная тревога о вашем душевном состоянии не оставляла его. Не дожил он до вашей книги, но преждевременно заботился о ней и боялся ее появления.— Прочтите эти строчки и признайте в них глубокое чувство сердечного почтения к вам, как к человеку, которого люблю я истинно. Да будет над вами благодать. Екатерина Свербеева. Москва, 20 января 1847 г.».

«В письме Свербеевой,— замечает Шенрок,— Гоголя сильно задело за живое выражение: «Вы впали в прелесть». Ни ей, ни мужу он не ответил, так как ответ был устранен заранее; но, отвечая Аксакову (С.Т.), Гоголь подтверждал мысль Свербеева, что со стороны последнего было бы неприлично обратиться к нему с таким

жестоким письмом, и хотя благодарил за письма и признавал их для себя полезными, но возражал против самого существенного, — что он находится в ослеплении, и в письме к кн. В.В. Львову высказался яснее и откровеннее, так как ему не могло быть известно, чьи именно мнения опровергаются. «Нет, — замечал Гоголь, — не допустит Бог впасть меня в ту *прелесть*, в которую подозревают меня впадшим. Ради молитв тех праведников, которые обо мне молятся, Он спасет меня» (с. 525).

³⁵ И.В. Киреевский ничего не написал о Языкове по поводу его кончины, как надеялись близкие ему люди. Существуют лишь письма его к его матери, А.П. Елагиной, и к брату Петру Васильевичу о смерти Языкова (Сочинения И.В. Киреевского, т. I, с. 96—99). Статья его «О стихотворениях г. Языкова» (Соч. т. I, с. 126—138) появилась в «Телескопе» 1834 г., ч. XIX.

³⁶ «Статья Кавелина о Новгороде». В кн. 1 «Современника» за 1847 г. напечатана известная статья Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», где есть несколько упоминаний и о Новгороде. В «Отечественных записках» за 1846 г., кн. 12-я, появилась его же статья по поводу книги Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям». Не эту ли последнюю статью разумеет автор дневника?

³⁷ «Брат и племянник», т. е. Н.М. Языков и Д.А. Валуев, мать которого была сестрой Языкова, а также сестрой Екатерины Михайловны Хомяковой, жены А.С. Хомякова. Александр Михайлович Языков, второй после Петра Михайловича брат поэта, род. 14 сентября 1799 г., умер 9 января 1874 г. См. отзыв о нем Д.Н. Свербеева в «Записках» его. М., 1899, т. II, с. 99.

³⁸ Киреевская Наталия Петровна, жена Ив. Вас. Киреевского, рожденная Арбенева. Она приходилась троюродной сестрой своему мужу; брак их состоялся 30 апреля 1834 г. И.В. Киреевский, посватавшись к ней еще в 1830 г., первоначально получил отказ и под влиянием перенесенного вследствие этого нравственного потрясения уехал за границу; лишь 4 года спустя Н.П. Арбенева согласилась выйти за него замуж. «Она молода, красива, любезна и насмешлива, — писал о ней Грановский в 1840 г. — Ее насмешливость совсем особенная, в высшей степени оригинальная и иногда очень ядовитая. Есть люди, которые ее боятся, но я имел смелость дать ей отпор, и теперь мы с нею вполне ладим» (Станкевич А. Грановский и его переписка. Изд. 2-е. М., 1897, т. 11, с. 184; Сочинения Хомякова, т. VIII. М., 1900, с. 38 примеч.).

³⁹ Статья — некролог Языкова, написанный С.П. Шевыревым, напечатана в № 6 и 7 «Московского городского листка» за 1847 г. Погодин напечатал одновременно в «Москвитянине» 1846 г., ч. VI, № 11 и 12, «Воспоминания о Н.М. Языкове». Некролог его помещен был также в «Современнике» 1847 г., кн. I.

⁴⁰ Мойер Иван Филиппович (умер 1 апреля 1858 г.), профессор медицины в Дерптском университете. Он был женат с 14 января 1817 г. на Марии Андреевне Протасовой (умерла 18 марта 1823 г.), дочери Екатерины Афанасьевны Протасовой, рожд. Буниной. Последняя по отцу приходилась сестрой Жуковскому, который был долгое время влюблен в Марию Андреевну, свою племянницу. Любовь к М.А. Протасовой, впоследствии — Мойер, сыграла выдающуюся роль в жизни и в поэтическом развитии Жуковского (см. об этом: Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904). Мойер вышел в отставку в 1836 г. и в следующем году переехал в Бунино, имение Протасовых в Белевском у.; здесь он и умер. (См. воспоминания о нем его дочери Е.И. Елагиной в «Рус. архиве» 1902 г., т. I, с. 476—482).

⁴¹ Алексей Андреевич Елагин, муж Авдотьи Петровны, умер 11 марта 1846 г. Андрюша — второй сын их, род. 18 сентября 1824 г., умер 27 декабря 1844 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 429). Хомяков писал Ю.Ф. Самарину 6 апреля 1846 г.: «Алексей Андр. Елагин кончил ударом. Это страшная потеря для семьи и истинная потеря для друзей. В этом человеке, по-видимому, грубом и неотесанном, много было теплоты чувства и ума» (Сочинения, т. VIII, М., 1900, с. 264).

⁴² Елагин Василий Алексеевич, старший сын Алексея Андреевича и Авдотьи Петровны Елагиных, род. 2 июня 1818 г., умер 11 июля 1879 г. в Дерпте. С 14 января 1846 г. был женат на Екатерине Ивановне Мойер, дочери Ивана Филипповича и Марии Андреевны Мойер (см. примеч. 40). «Это был человек обширных сведений, дарований и мысли всегда самобытной. К сожалению, он мало писал и еще менее печатал, но все им напечатанное было замечательно; его статьи были напечатаны в «Рус. беседе» (о Венгрии), в «Чтениях О-ва истории и древностей рос.» и в «Беседе», изд. С.А. Юрьева. Он был «отличный знаток средневековой истории». (Примеч. изд. к письмам А. С. Хомякова. Соч., т. VIII. М., 1900, с. 254 и 433).

⁴³ Соколов Михаил Никитич, крепостной человек и управляющий дома А.П. Елагиной (см. примеч. 7).

⁴⁴ Ольга Дмитриевна, дочь Д.Н. и Е.А. Свербеевых, род. 19 декабря 1837 г.

⁴⁵ Анна Александровна Елагина, рожд. кн. Щербатова, сестра Ек. Ал. Свербеевой, была замужем за Александром Николаевичем Елагиным (умерла 11 февраля 1847 г.).

⁴⁶ Варвара Петровна Обрескова была дочерью Петра Алексеевича и Софии Александровны Обресковых. С.А. Обрескова, род. в 1800 г., умерла 18 июля 1824 г., рожденная кн. Щербатова, была сестрой Анны Ал. Елагиной и Екатерины Ал. Свербеевой. Таким образом, Варвара Петр. Обрескова приходилась двум последним племянницам. В свою очередь Обресков приходился родственни-

ком Дм. Ник. Свербееву, мать которого, Екатерина Васильевна, жена Николая Яковлевича Свербеева, была рожденная Обрескова (род. 21 ноября 1763 г., умерла 9 февраля 1801 г.).

⁴⁷ Кн. Андрей Михайлович Голицын, тульский губернатор с 9 сентября 1840 г. по 16 июня 1846 г., потом витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор с 1846 г. по 29 мая 1853 г., генерал от инфантерии, род. 6 апреля 1792 г., умер 18 мая 1861 г. Таким образом, переданный Е.И. Поповой слух о смерти его неверен.

⁴⁸ Володя — Владимир Дмитриевич Свербеев, сын Д.Н. и Е.А. Свербеевых, род. в 1836 г., умер в 1886 г. Саша — Александр Дмитриевич Свербеев, д. т. сов., сенатор, сын Д.Н. и Е.А. Свербеевых, род. 25 марта 1835 г.

⁴⁹ Селивановская Екатерина Федоровна, умерла 13 января 1860 г. Муж ее — Николай Семенович Селивановский, род. 25 ноября 1806 г., умер 15 марта 1852 г. (Моск. некрополь, т. III, с. 87, 88), был владельцем известной в Москве типографии.

⁵⁰ См. выше примеч. 39.

⁵¹ Баронесса Черкасова Пелагея Андреевна, 2-я жена действ. ст. сов. барона Ивана Петровича Черкасова. Черкасовы были соседями и друзьями семьи Жуковского. См. о них: Уткинский сборник. М., 1904, с. 9, 145, 280.

⁵² Свешников Осип Леонтьевич, книгопродавец, умер 25 июля 1847 г. на 62-м году (Моск. некрополь, т. III, с. 85). О смерти его — см. дневник под 25 и 28 июля 1847 г. О семье его — см. примеч. 13, 29, 64 и 152.

⁵³ Ермоловы были в родстве с Н.С. Хомяковым и его женой Екатериной Михайловной, рожд. Языковой (сестрой Петра, Александра и Николая Мих. Языковых) через мать Языковых, рожденную Ермолову.

⁵⁴ Снегирева Анна Андреевна, жена известного московского археолога и профессора Ив. Мих. Снегирева (род. 23 октября 1792 г., умерла 9 декабря 1868 г.). О характере ее дает яркое понятие дневник Снегирева, напечатанный в «Рус. архиве» 1902 и 1903 гг.

⁵⁵ Сушков Николай Васильевич, писатель, род. 15 ноября 1796 г., умер 7 июля 1871 г. Глинка Федор Николаевич, писатель и поэт, род. 1786 г., умер 1880 г.; с 1835 по 1853 гг. жил в Москве. О ссоре Сушкова с Глинкой — см.: Барсуков Жизнь и труды М.П. Погодина, т. VIII, с. 517—519.

⁵⁶ Здесь подразумевается подготовленный Валуевым к печати второй «Московский сборник» 1847 г., изданный Пановым после смерти Валуева.

⁵⁷ О приведенном стихотворении гр. Ростопчиной и вызванных его напечатанием в «Сев. пчеле» последствиях — см.: Лемке М. Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1904, с. 399—400.

⁵⁸ Чижев Федор Васильевич, известный общественный деятель, род. 27 февраля 1811 г., умер 14 ноября 1877 г. Подробная биография его: Рус. биогр. слов. (т. «Чаадаев — Швитков»). СПб., 1905, с. 377—381. В начале 1840-х годов он жил в Риме в одном доме с Гоголем и Языковым; в 1845 г. он прибыл в Москву и вступил в кружок славянофилов; здесь возникла мысль об издании журнала; Чижев в 1846 г. ездил (вторично) в славянские земли для приискания сотрудников журнала среди славянских ученых и общественных деятелей, но по возвращении в Россию ему временно запрещено было жить в столицах.

⁵⁹ Попов Александр Николаевич, историк и юрист, род. в 1820 г., умер 16 ноября 1877 г. Биография его: Рус. биогр. слов. (т. «Плавильщиков — Примо»). СПб., 1905, с. 514—517. Попов был близок к семье Елагиных; Василий Алексеевич Елагин был ему товарищем по Московскому университету (примеч. изд. к письмам Хомякова к Попову. Сочинения, т. VIII, с. 166).

⁶⁰ Семейство Зыковых состояло из отца, ветерана Суворовских походов, Семена Сергеевича (умер 26 июня 1848 г., 82 лет; о смерти его — см. дневник под 5 июля и 18 сентября 1848 г., там же и жизнеописание его), из матери — Екатерины Петровны (умерла 29 июля 1864 г., 74 лет), нескольких дочерей и сыновей. Из дочерей — Елизавета Семеновна Арбузова (жена тит. сов. Аркадия Герасимовича Арбузова, род. 22 января 1805 г., умер 1 октября 1883 г.) умерла 6 марта 1847 г., 35 лет (род. 7 апреля 1812 г.); о смерти ее — см. дневник под 7 марта 1847 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 51—52, 483—484). Сын Зыковых, Николай Семенович, послушник Донского монастыря, убил из ревности княгиню Веру Дмитриевну Голицыну в 1850 г.; см. об этом дневник под 14, 18, 22 апреля 1850 г.

⁶¹ Описание диспута К. Аксакова — см. у Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. VIII, с. 343—345. См. примеч. 9.

⁶² Голохвастов Дмитрий Павлович, помощник попечителя Московского университета, с 1847 г. — попечитель его (1796—1849 гг.).

⁶³ В «Биогр. словаре профессоров Моск. университета» имени Фабрициуса нет.

⁶⁴ Кудрявцева Анна Осиповна, дочь книгопродавца Осипа Леонтьевича Свешникова (см. примеч. 13, 29 и 52).

⁶⁵ Лиля (Елагина) — см. примеч. 21. А.А. Елагин — см. примеч. 41.

⁶⁶ Саша, один из племянников Е.И. Поповой, сын ее брата Александра Ивановича Попова и жены его, Юлии Михайловны.

⁶⁷ Павлова Каролина Карловна, рожд. Яниш, жена Н.Ф. Павлова, поэтесса и писательница (1810—1894). Отрывок из романа ее в стихах «Двойная жизнь» напечатан был в «Московском сборнике» 1847 г., с. 689—700.

⁶⁸ В «Московском сборнике» 1847 г. (с. 611—666) напечатаны «Сербские народные песни» в переводе Н. Берга, с предисловием редактора (Панова).

⁶⁹ Статья Хомякова в «Московском сборнике» 1847 г. — «О возможности русской художественной школы» (напеч. в «Сочинениях» Хомякова. М., 1900, т. 1, с. 73—101).

⁷⁰ В «Московском сборнике» 1847 г. появилось продолжение «Писем из Вены» Н. Ригельмана, с. 193—260. Начало этих «Писем» было напечатано в «Московском сборнике» 1846 г.: «Два письма из Вены», с. 371—402.

⁷¹ Под псевдонимом «Имрек» напечатаны в «Московском сборнике» 1847 г. три критические статьи Конст. Аксакова (с. 3—44); 1) по поводу сборника «Вчера и сегодня», изданного гр. В. Соллогубом. СПб., 1845; 2) по поводу «Опыта истории русской литературы» акад. Никитенко. СПб., 1845, и 3) «Петербургского сборника», изданного Некрасовым.

⁷² Может быть, здесь имеется в виду перевод сочинения Леопольда Ранке «Serbien und die Türkei im XIX Jahrhundert». Но перевод этого сочинения, сделанный П.И. Бартеневым, появился лишь в 1857 г. (2-е изд. — М., 1876).

⁷³ В «Московском сборнике» 1846 г. напечатана биография Вука Стефановича Караджича, составленная И.И. Срезневским, и начало «Писем из Вены» Ригельмана (см. примеч. 70).

⁷⁴ Васильчикова Александра Ивановна, рожд. Архарова, жена д. тайн. сов. Алексея Васильевича Васильчикова, род. 2 февраля 1795 г., умерла 2 июля 1855 г.

⁷⁵ Об Авдотье Осиповне Лебедевой — см. примеч. 30; об Анюте Кудрявцевой — см. примеч. 64; об Елене Фед. Свешниковой — см. примеч. 29. Прасковья Осиповна Копытова — сестра Авдотьи Осиповны Лебедевой; о ней см. дневник под 7 июня 1848 г.; о смерти ее — под 5 июля 1848 г.

⁷⁶ См. примеч. 16.

⁷⁷ Ами Буэ (Ami Boué), известный геолог (1794—1881), родился в Германии, происходил из семьи французских эмигрантов; путешествовал по средней и южной Европе, жил в Шотландии, в Париже и в Вене; основал в Париже геологическое общество. Его сочинение в 4 томах «La Turquie d'Europe» вышло в Париже в 1840 г.

⁷⁸ Вук Стефанович Караджич (1787—1864), преобразователь сербского литературного языка. Его сочинение «Montenegro und die Montenegriner» вышло в Германии в 1837 г.

⁷⁹ См. примеч. 29; см. также дневник за 1 мая.

⁸⁰ Настоящее стихотворение К. Аксакова не было до сих пор напечатано в Собраниях его стихотворений; не вошло оно и в последнее издание стихотворений Аксакова (М., 1909). Оно сообщено нами для напечатания в книге: Аксаков К. — Воспоминание студентства 1832—1835 гг. СПб., 1911.

⁸¹ Овер Александр Иванович, род. 18 сентября 1804 г., умер 23 декабря 1864 г., известный врач, профессор Московского университета (биография его — Рус. биогр. слов., том на букву О. СПб., 1905, с. 75—77). Рихтер Александр Андреевич, тайн. сов., директор Медицинского департамента М-ва внутр. дел с 1842 по 1855 гг. (Сборник Имп. Рус. ист. о-ва, т. LXII, с. 213). Фель (Pföel) Карл, доктор медицины, умер в 1873 г., 72 лет от роду (Моск. некрополь, т. II, с. 483).

⁸² См. примеч. 15.

⁸³ Кампиони — мастерская в Москве по мраморным и бронзовым работам, существовавшая до последних лет. Глава фирмы, итальянец Сантин Петрович Кампиони, орнаментальный скульптор, род. в 1774 г., умер 27 января 1847 г. (Его биография — Рус. биогр. слов., том «Ибак — Ключарев». СПб., 1897, с. 445).

⁸⁴ Терновский, о. Сергей Григорьевич, протоиерей, магистр Московской духовной академии, проповедник, род. 19 марта 1801 г., умер 13 сентября 1868 г. Его проповеди печатались в «Душеполезном чтении» и были изданы отдельно в Москве в 1860 г. под заглавием «Слова, говоренные преимущественно для назидания простого народа» (Энцикл. слов. Брокгауза—Ефрона; Моск. некрополь, т. III, с. 198).

⁸⁵ Речь идет о Наталии Петр. Киреевской, жене И. В. Киреевского (о ней — см. примеч. 38).

⁸⁶ Сельце Абрамцево, близ Хотькова монастыря, Дмитровского у. Московской губ.

⁸⁷ Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович, старший сын масона и основателя СПб. общества поощрения художеств, Александра Ивановича Д.-М., «художник и мыслитель замечательный, но почти ничего не произведший» (примеч. изд. к письмам Хомякова. Сочинения, т. VIII, с. 174). Сохранился ряд прекрасных эскизов его с близких ему людей, главным образом — с членов славянофильского кружка 40—50-х годов; некоторые его эскизы обнародованы, например, портрет И.С. Аксакова в приложении к изданию «И.С. Аксаков в его письмах». Мамоновым же исполнен приложенный к настоящему изданию портрет Е.И. Поповой, принадлежащий А.Д. Свербееву.

⁸⁸ Княжеский Захар Петрович, болгарин, учитель, «едва ли не первый из болгар, появившийся в московском обществе; он приезжал, чтобы познакомиться с Россией, завязать сношения с обществом и найти поддержку для издания болгарских книг для болгар-

ских школ» (примеч. изд. к письмам Хомякова. Сочинения, т. VIII, с. 282). Хомяков писал о нем Ю. Самарину 1 сентября 1852 г.: «Посылаю вам 200 р. для бедного Княжеского. Об миссионерах русской мысли грех сказать, чтобы они обогащались, как говорят об англичанах... Бедный Княжеский! Сколько лишений, сколько забот, трудов и пожертвований, а какая же награда? Ни сочувствия, ни уважения. Много-много, если кто-нибудь взглянет на него с тем сострадательным почтением, которое внушают юродивые» (там же, с. 283). Упомянут у Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. XI, с. 239, 240; т. XIII, с. 136.

⁸⁹ Венелин Юрий, известный славист (1802—1839).

⁹⁰ Строевы — семейство известного археографа Павла Михайловича Строева, который был женат (с 1824 г.) на Олимпиаде Петровне Ставровской, племяннице С.А. Селивановского (Н. Барсуков. Жизнь и труды Строева. СПб., 1878, с. 89).

⁹¹ Митинька — Дмитрий Дмитриевич Свербеев, род. 23 августа 1845 г., шталмейстер Высочайшего двора.

⁹² Солнышково, имение, доньше принадлежащее семье Свербеевых, в Серпуховском у. Московской губ.

⁹³ О Н.С. Зыкове — см. примеч. 60 и 171.

⁹⁴ Сергей Павлович Строев, сын Павла Михайловича Строева.

⁹⁵ Под именем «Сергия», вероятно, разумеется гр. Сергей Григ. Строганов, попечитель Московского университета, относившийся неблагоприятно к учению славянофилов.

⁹⁶ Екатерина Михайловна Хомякова, рожд. Языкова, жена А.С. Хомякова, умерла 27 января 1852 г. Она ездила в 1847 г. с мужем за границу для поправления здоровья.

⁹⁷ Ганка и Шафарик, знаменитые деятели чешского просвещения. В альбоме Ганки Хомяков, находясь в 1847 г. в Праге, написал заметку, напечатанную в «Сочинениях» его. М., 1900, т. IV, с. 240; здесь же, вероятно, разумеется стихотворение его «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (ibid, с. 241).

⁹⁸ Под именем «Варяга», по-видимому, разумеется гр. С.Г. Строганов.

⁹⁹ Елизавета Алексеевна Жуковская, рожд. Рейтерн, жена В.А. Жуковского.

¹⁰⁰ См. примеч. 60 и 88.

¹⁰¹ См. примеч. 81.

¹⁰² Авдотья Васильевна Вельс, потом — Пелопидас, рожд. Азбукина, дочь Василия Андреевича Азбукина (побочного сына Андр. Ив. Протасова, мужа Екатерины Афанасьевны Протасовой, рожд. Буниной) и Екатерины Петровны, рожденной Юшковой, сестры А.П. Елагиной. Авдотья Васильевна Азбукина была замужем в первом браке за американцем Вильямом Вельсом, племянником Егора Вас. Зонтага (мужа Анны Петровны Зонтаг), а во втором браке —

за доктором И.Д. Пелопидасом (см.: Уткинский сборник. М., 1904, с. 56, 59, 112).

¹⁰³ Мордвинов, гр. Николай Семенович, известный государственный деятель (1754—1845). О какой книге идет здесь речь, нам неизвестно.

¹⁰⁴ Тургенев Николай Иванович, декабрист, писатель, автор известного сочинения «*La Russie et les Russes*» (1789—1871).

¹⁰⁵ Здесь заканчивается первая часть дневника Е.И. Поповой. После этого числа (31 июля 1847 г.) дневник обрывается до апреля 1848 г., хотя, по-видимому, автор продолжал вести его за весь указанный промежуток времени. Вторая часть дневника начинается с новой тетради, одинакового формата и внешнего вида с первой частью.

¹⁰⁶ Мария Алексеевна Хомякова, рожд. Киреевская, мать Алексея Степановича Хомякова, умерла 24 июня 1857 г., 87 лет от роду. См. письмо о ней Хомякова к С.Т. Аксакову 1857 г. (Сочинения, т. VIII, с. 341).

¹⁰⁷ Бестужева Прасковья Михайловна, рожд. Языкова, сестра Николая, Петра и Александра Михайловичей Языковых и Екатерины Мих. Хомяковой; была замужем за Петром Александровичем Бестужевым.

¹⁰⁸ Андросов Василий Петрович, род. 16 апреля 1803 г., умер 19 октября 1841 г., ученый и публицист, редактор «Московского наблюдателя». См. о нем Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. VI, с. 239—242.

¹⁰⁹ Елагина Екатерина Ивановна, рожд. Мойер, супруга Василия Алексеевича Елагина. Воспоминания ее об отце, Иване Филипповиче Мойере, напечатаны в «Рус. архиве» 1902 г., т. I, с. 476—482. (См. примеч. 40 и 42).

¹¹⁰ Кремпин — врач в Воронеже, где в 1847 г. служил Ф.Б. Тидебель. В Сборнике Императорского Русского исторического общества, т. LX, с. 447, упоминается Петр-Иоганн Кремпин, доктор медицины во флоте при Александре I.

¹¹¹ София Петровна Бестужева, дочь Петра Александровича и Прасковьи Михайловны Бестужевых (см. примеч. 107). В 1848 г. ее руки искал Александр Николаевич Попов (о нем см. примеч. 59), но безуспешно; о сватовстве его несколько раз упоминается в письмах к нему Хомякова, который по жене своей приходился дядей С.П. Бестужевой (см.: Сочинения, т. VIII, с. 173, 185—186, 188). Она впоследствии вышла замуж за Н.Д. Давыдова, а А.Н. Попов в 1853 г. женился на Марии Петр. Мосоловой (примеч. изд. к письму Хомякова к Попову от 4 мая 1848 г. — Сочинения, т. VIII, с. 173).

¹¹² Юлия Михайловна Попова, жена брата Е.И. Поповой, Александра Ивановича.

¹¹³ Екатерина Федоровна Муравьева, рожд. баронесса Колокольцова, род. 2 ноября 1771 г., умерла 21 апреля 1848 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 292), жена попечителя Московского университета и писателя Михаила Никитича Муравьева (1757—1807). Сыновья их, Александр и Никита Михайловичи, были декабристами.

¹¹⁴ Эта песня не вошла в собрание «Сочинений Имп. Екатерины II», изданное Имп. Академией наук под редакцией А. Н. Пыпина. Можно сомневаться, принадлежит ли она действительно имп. Екатерине.

¹¹⁵ В письме к А. В. Веневитинову (март 1844 г.) Хомяков пишет (Сочинения, т. VIII, с. 69): «Есть некто Штадлер или Стадлер, чиновник по особым поручениям у тульского губернатора.... Этот Стадлер ненавидим всеми нашими тульскими плутами и, может быть, без всякого преувеличения, один из замечательнейших людей, воспитанных Московским университетом».

¹¹⁶ См. примеч. 108.

¹¹⁷ Бодянский Осип Максимович, род. 3 ноября 1808 г., умер 6 сентября 1877 г., профессор Московского университета по кафедре славянской истории и литературы, секретарь Общества истории и древностей российских. В «Чтениях» о-ва за 1848 г., кн. 9, помещена часть собранного П.В. Киреевским материала по народной поэзии, а именно «Духовные стихи» (см.: Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. X, с. 13—21); после этого печатание прекратилось и было возобновлено Бессоновым лишь в 1860 г. под заглавием «Песни, собранные П.В. Киреевским». На прекращение издания этих песен в «Чтениях» повлияло, вероятно, отстранение Бодянского от звания секретаря Общества истории и древностей российских, за напечатание в том же 1848 г. в «Чтениях» перевода сочинения Флетчера о Московском государстве в XVI веке. Биография Бодянского — см.: в Рус. биогр. слов., т. «Бетанкур — Бякстер». СПб., 1908, с. 161—166. Считаем нужным отметить, что в предисловии к изданному в «Чтениях» 1848 г. собранию духовных стихов П.В. Киреевский, в числе других лиц, выражает признательность и Е.И. Поповой за сообщение ему некоторых из напечатанных им текстов.

¹¹⁸ Протасова Екатерина Афанасьевна, рожд. Бунина, сестра (по отцу) Жуковского, мать Марии Андреевны Мойер (см. примеч. 40) и Александры Андреевны Воейковой (см. примеч. 119). Умерла 12 февраля 1848 г.

¹¹⁹ Воейкова Мария Александровна, дочь Александра Федоровича Воейкова и Александры Андреевны, рожд. Протасовой, дочери Екат. Афан. Протасовой («Светлана» Жуковского) (умерла 16 февраля 1829 г.). См.: Веселовский В.А. Жуковский, с. 247 примеч.

¹²⁰ См. примеч. 94.

¹²¹ Языкова Наталия Алексеевна, рожд. Наумова, жена Александра Михайловича Языкова (о нем — см. примеч. 37).

¹²² См. примеч. 7.

¹²³ Гиляров Михаил Иванович, доктор медицины, ст. сов., умер 30 октября 1895 г., 78 лет (Моск. некрополь, т. I, с. 270).

¹²⁴ Долгов Лука Лукич, гв. прапорщик, сын президента Московского магистрата Луки Иван. Долгова; умер 21 сентября 1840 г., 68 лет и 11 мес. (Моск. некрополь, т. I, с. 386).

¹²⁵ Старов Александр Иванович, дворцовый архитектор в Москве, колл. сов., сын знаменитого архитектора Ивана Егоровича Старова, строителя собора Александро-Невской лавры, Таврического дворца и др. А.И. Старов умер 29 сентября 1838 г., 69 лет 10 мес. и 12 дней (Моск. некрополь, т. III, с. 155).

¹²⁶ См. примеч. 17.

¹²⁷ См. примеч. 121.

¹²⁸ О Зыкове — см. примеч. 60; о Прасковье Осиповне Копытовой — см. примеч. 75.

¹²⁹ О Елизавете Алексеевне Елагиной (Лилушке) — см. примеч. 21.

¹³⁰ «Бабушка» — Екатерина Афанасьевна Протасова; «сестрица» — Екатерина Ивановна Елагина, рожд. Мойер; «матушка» — Авдотья Петровна Елагина.

¹³¹ Т. е. Авдотьи Петровны Елагиной, бывшей в первом браке за В.И. Киреевским. Долбино — имение Киреевских в Тульской губ.

¹³² Анна Петровна Зонтаг, рожд. Юшкова, сестра А.П. Елагиной, писательница, умерла в Мишенском 19 марта 1864 г. Была замужем за начальником карантина в Одессе Егором Васильевичем Зонтагом (умер в 1842 г.). Мишенское, село Белевского у., родина Жуковского, принадлежало отцу А.П. Зонтаг, П.Н. Юшкову (см. статью П. Мартынова «Село Мишенское», в «Ист. вестнике» 1887 г., кн. I, с. 110—126).

¹³³ См. примеч. 108.

¹³⁴ Бар. Черкасов, Гавриил Иванович, сын д. ст. сов. барона Ивана Петровича Ч., род. в 1825 г. См. примеч. 51.

¹³⁵ Об Андрюше (Андрее Алексеевиче) Елагине — см. примеч. 41.

¹³⁶ Дочери Павла Михайловича Строева; София Павл. Строева умерла 22 лет в августе 1853 г., Анна Павл. — 26 лет, 7 августа 1855 г. (Барсуков. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878, с. 495, 524—525).

¹³⁷ Об Е.Ф. Селивановской — см. примеч. 49. Об Олимпиаде Петровне Строевой — см. примеч. 90.

¹³⁸ Очевидная ошибка; следует читать «Беннигсен».

¹³⁹ Бакунин Александр Александрович, младший брат известного эмигранта и анархиста Михаила Александровича Бакунина.

¹⁴⁰ Михаил Дмитриевич Свербеев, сын Д.Н. и Е.А. Свербеевых, умер 10 января 1903 г.

¹⁴¹ См. примеч. 107.

¹⁴² Заключение Ю.Ф. Самарина в крепость 5 марта 1849 г. вызвано было появлением в рукописи его сочинения «Рижские письма» (напеч. в т. VII «Полн. собрания сочинений Ю.Ф. Самарина», М., 1889; см. там же, с. XC—XCIII, историю его ареста). Суворов, кн. Александр Аркадьевич (1804—1882), был прибалтийским генерал-губернатором с 1848 по 1861 гг.

¹⁴³ См. примеч. 111.

¹⁴⁴ См. примеч. 15.

¹⁴⁵ Облеухов Дмитрий Дмитриевич, умер в 1889 г.; был женат на Екатерине Григорьевне Белавиной. Екатерина Ивановна Облеухова, рожд. бар. Черкасова — его мать.

¹⁴⁶ См. примеч. 87.

¹⁴⁷ См. примеч. 58.

¹⁴⁸ Это послание к Е.А. Свербеевой было напечатано в № 1 «Европейца» 1832 г., издававшегося И.В. Киреевским.

¹⁴⁹ Мария Егоровна Гутмансталь, единственная дочь Анны Петровны Зонтаг, замужем за австрийским подданным, бывшим консулом в Одессе, Людвигом Гутмансталем-Бенвенути. (Об А.П. Зонтаг — см. примеч. 132). См. статью П. Мартынова «Село Мишенское» в «Ист. вестнике» 1887 г., кн. 1, с. 120—121.

¹⁵⁰ Брат Е.И. Поповой — Александр Иванович Попов.

¹⁵¹ Невзоров Максим Иванович, поэт и публицист, умер 27 сентября 1827 г., 64 лет (Моск. некрополь, т. II, с. 323). Его биография, написанная Бессоновым, помещена в «Рус. беседе» 1856 г., т. III; см. также: «Библиогр. записки», т. I, 1858 г. и «Отеч. записки» 1827 г., ч. XXXII.

¹⁵² Тугаринова Екатерина Осиповна, рожд. Свешникова, дочь Осипа Леонтьевича и Елены Федоровны Свешниковых (см. примеч. 29 и 52).

¹⁵³ Об Андрюше Елагине — см. примеч. 41-е. Воейкова Екатерина Александровна, девица, род. 26 июня 1815 г., умерла 28 января 1844 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 215). Она была дочерью Александра Федоровича Воейкова и Александры Андреевны, рожд. Протасовой (см. примеч. 119). Е.А. Воейкова была крестницей Жуковского. Похоронена вместе с Андр. Елагиным. См.: Веселовский, В.А. Жуковский, с. 247 примеч.

¹⁵⁴ См. примеч. 35.

¹⁵⁵ Екатерина Алексеевна Аксакова, рожд. Панова, сестра В.А. Панова, была замужем за Николаем Тимофеевичем Аксаковым, братом Сергея Тимофеевича.

¹⁵⁶ Петр Павлович Строев, сын известного ученого Павла Михайловича Строева.

¹⁵⁷ Высоцкий Григорий Яковлевич, профессор хирургии Московской медико-хирургической академии, род. в 1781 г., умер 24 августа 1849 г.

¹⁵⁸ Бестужев Петр Александрович, муж Прасковьи Михайловны Бестужевой, рожд. Языковой (см. примеч. 107).

¹⁵⁹ См. примеч. 149.

¹⁶⁰ Максимович Михаил Александрович (1804—1873), известный ученый, историк Малороссии и малороссийской литературы, друг Гоголя. В 1832 г. («за 15 лет пред сим») был командирован, по окончании Московского университета, на Кавказ для исследования его флоры (Максимович был ботаником по образованию).

¹⁶¹ Оболенский, кн. Андрей Петрович, брат матери Е.А. Свербеевой, кн. Варвары Петровны Щербатовой, род. 1 августа 1769 г., умер 19 февраля 1852 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 356). См. о нем статью Д.Н. Свербеева в «Моск. ведомостях» 1852 г., перепечатанную Барсуковым в т. XII «Жизни и трудов Погодина», с. 14—17.

¹⁶² Енохин Иван Васильевич, лейб-медик, род. 24 июня 1791 г., умер 12 июля 1863 г. В 1849 г. он был назначен главным врачом военно-учебных заведений на место баронета Виллие.

¹⁶³ В.А. Панов умер в ноябре 1849 г. (точная дата не указана в новейшей биографии его в «Рус. биогр. слов.». СПб., 1902, т. «Павел — Петр», с. 262).

¹⁶⁴ См. примеч. 46.

¹⁶⁵ Своехотов Михаил Егорович (или Гаврилович), сопровождал больного Валугева по пути за границу и присутствовал при кончине его в Новгороде в 1845 г. Род. в 1820 г., умер в 1870-х годах. Это был «очень своеобразный человек, самоучка-живописец, стихотворец, врач-гомеопат и нередко весьма ядовитый острослов» (примеч. изд. к письмам Хомякова. Сочинения, т. VIII, с. 116). См. о нем также: Рус. арх. 1899, кн. IX, с. 130—139 — биография Валугева.

¹⁶⁶ Вероятно, Алексей и Николай Осиповичи Левицкие-Бунины, родственники Буниных, а следовательно — и А.П. Елагиной, владельцы с. Пронина в Белевском у. Алексей Осипович род. 15 июня 1826 г., умер 21 марта 1858 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 140). Николай Осипович умер в 1880-х годах. С ним пресекался род Левицких-Буниных (Мартынов. Село Мишенское // Ист. вестн. 1887, кн. I, с. 114).

¹⁶⁷ Залюбовская Александра Александровна, внучка Е.Ф. Селивановской.

¹⁶⁸ Пузырев Ефрем Иванович, род. 3 ноября 1811 г., умер 12 ноября 1856 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 477).

¹⁶⁹ Нам не удалось установить, из какого произведения Достоевского заимствованы эти строки.

¹⁷⁰ См. примеч. 106.

¹⁷¹ Кн. Вера Дмитриевна Голицына, рожд. княжна Голицына, род. 5 июля 1807 г., убита 7 апреля 1850 г.; была замужем с 1829 г. за ген.-лейт. кн. Николаем Яковлевичем Голицыным (род. 5 сентября 1788 г., умер 18 января 1850 г.). Об убийстве ее Н.С. Зыковым рассказано в «Рус. архиве» 1893 г., т. I, с. 230—248.

¹⁷² См. примеч. 6.

¹⁷³ См. примеч. 155.

¹⁷⁴ Щуровский Григорий Ефимович (1803—1884), профессор геологии и минералогии Московского университета.

¹⁷⁵ См. примеч. 31.

¹⁷⁶ Базунов Иван Васильевич, известный книгопродавец в Москве и Петербурге, умер в феврале 1866 г. на 81-м году. Книжная торговля Базуновых основана была в 1810 г. его отцом, Василием Ивановичем, в Москве. В 1835 г. его младший брат, Федор Васильевич, открыл книжную лавку в Петербурге; Ф.В. умер в июле 1854 г., 44 лет от роду. Ему наследовал сын его Александр Федорович, при котором дела расстроились и торговля была прекращена (в 1870 г.). КATALOGИ магазина Базунова за 1825—1874 гг. составлены Межовым. (Энцикл. слов. Брокгауза-Ефрона).

¹⁷⁷ См. примеч. 176.

¹⁷⁸ См. примеч. 59.

¹⁷⁹ См. примеч. 49.

¹⁸⁰ См. примеч. 64 и 152.

¹⁸¹ Двигубский Алексей Иванович, сын профессора и ректора Московского университета Ивана Алексеевича Двигубского (1771—1839), умер 13 июня 1850 г., 25 лет (Моск. некрополь, т. I, с. 362).

¹⁸² Кн. Иван Мих. Долгорукий, поэт и писатель (1764—1823).

¹⁸³ Арбузов Аркадий Герасимович, тит. сов., род. 22 января 1805 г., умер 1 октября 1883 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 52). В 1-м браке был женат на Елизавете Семеновне Зыковой, умершей 6 марта 1847 г., 35 лет (см. примеч. 60); во 2-м браке — на Ольге Васильевне Ивановой (дочери Вас. Вас. Иванова), род. 4 марта 1827 г., умерла 28 января 1852 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 51); о смерти ее — см. дневник под 28 января 1852 г.

¹⁸⁴ См. примеч. 84.

¹⁸⁵ Кондратьев Павел Иванович, колл. сов., умер 7 января 1874 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 77).

¹⁸⁶ Корнильев Василий Дмитриевич, колл. асес., род. 23 октября 1793 г., умер 17 февраля 1851 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 85). См. некролог его, написанный Погодиным, у Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. XI, с. 327—328.

¹⁸⁷ Софья Семеновна Чирикова — одна из дочерей Семена Сергеевича и Екатерины Петровны Зыковых; Мария Семеновна Зыкова — их же незамужняя дочь (см. примеч. 60).

¹⁸⁸ См. примеч. 185.

¹⁸⁹ Мурзалимов Григорий Иванович, колл. асес., умер 20 октября 1860 г., 58 лет. (Моск. некрополь, т. II, с. 295).

¹⁹⁰ Гр. Муравьев-Амурский Николай Николаевич, государственный деятель, род. 11 августа 1809 г., умер 18 ноября 1881 г. О службе Н.Д. Свербеева при нем в Сибири — см. примеч. 12.

¹⁹¹ Жуковский Николай Васильевич, с.-петербургский гражд. губернатор с 1843 по 1851 гг., затем сенатор, тайн. сов., умер 15 марта 1852 г.; автор сочинения «Хронологическое обозрение событий Оренбургского края» 1832 г. (в 1832—1835 гг. был оренбургским губернатором, после того — волынским и калужским). (Сборник Имп. Рус. ист. о-ва, т. LX, с. 258; т. LXII, с. 785).

¹⁹² Ярцев Януарий Осипович, род. в 1794 г., д. ст. сов. (с 1854 г.); служил с 1819 г. в Коллегии иностр. дел; с 1835 г. был первым драгоманом Азиатского департамента. Был адъюнктом Академии наук по кафедре восточных языков (с 1818 г.).

¹⁹³ См. примеч. 145.

¹⁹⁴ Черкасов, бар. Петр Иванович, шт.-ротм., род. в 1828 г., сын бар. Ивана Петровича Черкасова. О нем см.: Уткинский сборник. М., 1904, с. 280. См. примеч. 51.

¹⁹⁵ Вел. княгиня Екатерина Михайловна, дочь вел. князя Михаила Павловича и вел. княгини Елены Павловны, род. 16 августа 1827 г., умерла 30 апреля 1894 г.

¹⁹⁶ См. примеч. 139.

¹⁹⁷ Это были последние публичные лекции Грановского, содержавшие четыре характеристики: Тамерлана, Александра Македонского, Людовика IX и Бэкона. Они были изданы в Москве в 1852 г. и переизданы в Собрании сочинений Грановского. (См.: Станкевич. Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. I, с. 238—239).

¹⁹⁸ См. примеч. 186.

¹⁹⁹ Муж Анюты (Анны Осиповны) Кудрявцевой, рожд. Зыковой.

²⁰⁰ Кошелев Александр Иванович, известный обществ. деятель, публицист, славянофил, род. 6 мая 1806 г., умер 12 ноября 1883 г.

²⁰¹ Полугарская Мария Павловна, жена Ильи Иван. Полугарского, умерла 11 июня 1874 г. (Моск. некрополь, т. II, с. 442).

²⁰² Пеликан Венцеслав Венцеславович, род. 11 сентября 1790 г., умер 2 июля 1873 г., профессор Виленского университета, потом профессор и президент (с 1851 г.) Имп. Медико-хирургической академии. С 1838 по 1846 гг. был старш. врачом Московского военного госпиталя, осенью 1846 г. назначен директором Медицинского департамента Военного м-ва, коим оставался до 1857 г. С 1865 г. был председателем Медицинского совета М-ва внутр. дел (Рус. биограф. слов., том «Павел — Петр». СПб., 1902, с. 471—474).

²⁰³ Батенков Гавриил Степанович, декабрист, род. 25 марта 1793 г., умер в октябре 1863 г. Пробыв 20 лет в одиночном заключении в Петропавловской крепости, он был в 1846 г. сослан на поселение в Томск. Гр. Муравьев-Амурский покровительствовал ему и всегда заезжал к нему при проезде через Томск. Он был боевым товарищем Алексея Андр. Елагина, мужа Авдотьи Петровны, и был в дружеских отношениях со всей его семьей, так что по возвращении в 1856 г. из ссылки поселился у Елагиных в Петрищеве. В 1857 г. Батенков переехал на житье в Калугу, где и умер, но тело его было перевезено в Петрищеве и погребено рядом с телом Алексея Андр. Елагина (Рус. биограф. слов., т. «Алексинский — Бестужев-Рюмин». СПб., 1900, с. 570—572).

²⁰⁴ См. примеч. 167.

²⁰⁵ См. примеч. 123.

²⁰⁶ См. примеч. 81.

²⁰⁷ Черкасова, баронесса Варвара Ивановна, дочь д. с. с. барона Ивана Петровича Черкасова.

²⁰⁸ Мюльгаузен Богдан Карлович, д. ст. сов., профессор Московской медико-хирургической академии, главный доктор Странноприимного дома гр. Шереметевых, род. в 1782 г., умер 23 июня 1854 г. На дочери Мюльгаузена, Елизавете Богдановне, женат был Т.Н. Грановский (см. отзыв последнего о Мюльгаузене в письмах его по случаю его смерти к Фроловым и к Станкевичам — в книге А. Станкевича «Т.Н. Грановский и его переписка». Изд. 2-е. М., 1897, ч. II, с. 303 и 431).

²⁰⁹ Аргамакова Елизавета Алексеевна, жена Александра Алексеевича Аргамакова, умерла 14 января 1898 г. (Моск. некрополь, т. I, с. 52).

²¹⁰ Драма гр. Ростопчиной «Семейная тайна» напечатана была в «Библиотеке для чтения» 1851 г., кн. I.

²¹¹ См. примеч. 107.

²¹² См. примеч. 96.

²¹³ См. примеч. 183.

²¹⁴ По свидетельству Д.Д. Свербеева, Е.И. Попова читала в университетской церкви Псалтырь у гроба Гоголя.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамс, советник Казенной палаты 251, 254, 257, 258
Азбукин Вас. Андр. примеч. 102
Азбукина Авд. Вас. — см. Пелопидас Я. В.
Азбукина Екат. Петр., рожд. Юшкова, примеч. 102
Аксаков Ив. Серг. 24, 25, 79, 89, 115; примеч. 26, 34, 87
Аксаков Конст. Серг. 4, 6—8, 17, 25, 41, 43, 45, 47—49, 67, 71, 77—80, 83, 90, 101—103, 110, 115, 117, 124; примеч. 2, 8, 9, 26, 61, 71, 80.
Аксаков Ник. Тимоф. 35; примеч. 155
Аксаков Серг. Тим. 35, 51; примеч. 26, 34, 106, 155
Аксакова Вера Серг. 79
Аксакова Екат. Алексеевна, рожд. Панова 35, 199, 228; примеч. 155
Аксакова Мария Серг. 79
Аксакова Ольга Сем. 17, 49—51, 115; примеч. 26
Аксакова Ольга Серг. 115
Александр I, император 30, 49, 121, 127, 175, 214, 249, 261; примеч. 110
Александр Невский, св. 201
Амвросий, казначей Данилова монастыря 109
Андреев, д-р 146
Андросов Вас. Петр. 87, 125, 129, 166; примеч. 108
Арбузов Аркад. Герас. 243; примеч. 60, 183
Арбузова Елиз. Семен., рожд. Зыкова 77, 80, 86, 87, 175; примеч. 60, 183
Арбузова Ольга Вас., рожд. Иванова 284; примеч. 183
Аргаматов Ал-др Алексеевич примеч. 209
Аргаматова Елиз. Алексеевна 276—277; примеч. 209
Армфельд Ал-др Осип., д-р 50, 229, 230; примеч. 31
Арнольди Лев Ив. примеч. 19
Асланбеговы, девицы 251
Ахмат, хан 193
Бабунов Ал-др Фед. примеч. 176
Бабунов Вас. Ив. примеч. 176
Бабунов Ив. Вас. 230, 231, 234, 239; примеч. 176
Бабунов Фед. Вас. 231; примеч. 176
Бакунин Ал-др Ал-дрович 177, 181, 202, 205, 214, 220, 260; примеч. 139
Бакунин Мих. Ал-дрович примеч. 139
Балдов (Балдин), управитель Языковых 50, 56, 110; примеч. 32
Бартенев П.И. примеч. 72
Баташев 264
Батеньков (Батенков) Гавр. Степ. 272; примеч. 203
Бахметев Ник. Фед. 94
Безсонов П.Я. примеч. 117 и 151
Белавина Екат. Григ. примеч. 145
Белинский В.Г. примеч. 8
Беннигсен, гр. Л.Л. 175; примеч. 138
Берг Ник. Вас. 85; примеч. 68
Бестужев Петр Ал-дрович 203; примеч. 107, 111 и 158

- Бестужева Праск. Мих., рожд. Языкова 124, 127, 129, 180, 198, 205, 274, 281; примеч. 107, 111, 158
- Бестужева София Петр. 127, 186; примеч. 111
- Беэр Мария Вас., рожд. Елагина 38
- Блудов, гр. Дм. Ник. примеч. 14
- Бодянский Осип Макс. 129; примеч. 117
- Бринкман, полковник 151
- Бродский Н.Л. 24
- Брокке, д-р 180
- Броссе, д-р 148, 149, 151, 155, 156, 158, 184, 221
- Буксгевден — см. Беннигсен.
- Булгарин Фаддей Вен. 73
- Бургер 252
- Бурнашева София Ив. 82, 87, 101, 127, 187
- Буэ Ами 96; примеч. 77
- Валуев Дм. Ал-дрович 4, 6, 7, 9, 16, 32—35, 38, 41—43, 46, 47, 49, 52, 56, 57, 63, 67, 77, 84, 88, 89, 96, 97 (портр.), 98, 99, 107, 109, 110, 117, 118, 120, 129, 132, 166, 172, 178, 180, 185, 192, 193, 195, 201, 205, 207, 211, 214, 215, 218, 219, 221, 250, 251, 260, 278; примеч. 27, 33, 37, 56, 165
- Валуева Ал-дра Мих., рожд. Языкова 32
- Валуева Елиз. Ал-дровна — см. Панова Е.А.
- Васильчиков Алексей Вас. примеч. 74
- Васильчикова Ал-дра Иван. 91; примеч. 74
- Вельс Авд. Вас. — см. Пелопидас А.В.
- Вельс Вильям примеч. 102
- Вельс 246
- Веневитинов А.В. примеч. 33, 115
- Венелин Юрий 111; примеч. 89
- Верещагин, управл. Шереметевской больницей 276, 277
- Виллие, бар., лейб-медик 209; примеч. 162
- Вильямс 33
- Винтулов 154
- Вишневский, нач. отделения в М-ве фин. 246, 254, 261
- Воейков Ал-др Фед. примеч. 119, 153
- Воейков Влад. Ал-дрович 105
- Воейкова Ал-дра Андр., рожд. Протасова примеч. 118, 119, 153
- Воейкова Екат. Ал-дровна 195; примеч. 153
- Воейкова Мария Ал-дровна 132; примеч. 119
- Вольтер 48
- Воронков (Воронов) 43
- Высоцкий Григорий Яковл., врач 201; примеч. 157
- Вяземский, кн. Петр. Андр. 37, 128, 249
- Гальфтер, директор Строгановского училища рисования 214
- Ганка Вацлав 117; примеч. 97
- Гарасс, г-жа 187
- Георгий (Гюргей), венгер. предводитель 200
- Герхен Фед. Карл. 7, 14, 214, 217, 229, 230, 235, 237—240, 245, 250, 252
- Гиляров Мих. Иван., д-р 136, 275; примеч. 123
- Глинка Фед. Ник. 66; примеч. 55
- Гоголь Н. В. 37, 47, 51, 66, 192, 285; примеч. 16, 25, 32, 34, 58, 160
- Голицын, кн. Андр. Мих. 61; примеч. 47

- Голицын, кн. Дм. Влад., моск. ген.-губернатор 41; примеч. 5
- Голицын, кн. Ник. Як. примеч. 171
- Голицына, кн. Вера Дм. 223; примеч. 60, 171
- Головинская Анна Андр. — см. Панова А.А.
- Головинские 99
- Головинский Андр. Фед. 210
- Голохвастов, Дм. Павл. 79; примеч. 62
- Горбунов Р.К. 38
- Грановская Елиз. Богд., рожд. Мюльгаузен 276; примеч. 208
- Грановский Тим. Ник. 30, 37, 104, 261; примеч. 8, 38, 197, 208
- Григорович Д.В. 214
- Гутмансталь Бенвенути Людв. примеч. 149
- Гутмансталь Мария Егор., рожд. Зонтаг 189, 204, 236; примеч. 149
- Давыдов, Денис Вас. 128 (послание кн. Вяземского).
- Давыдов Н.Д. примеч. 111
- Даниил Александрович, кн. Московский 201
- Двигубский Алексей Ив. 235; примеч. 181
- Двигубский Ив. Алексеев. примеч. 181
- Деннет Алексей 62
- Димитрий Ростовский, св. 53
- Дмитриев Мих. Ал. 73—75, 264
- Дмитриев-Мамонов Александр Ив. примеч. 87
- Дмитриев-Мамонов Эмман. Алекс. 38, 111, 127, 187, 189, 196, 212, 236; примеч. 87
- Докторов 265
- Долгов Лука Ив. примеч. 124
- Долгов Лука Лукич 137—138; примеч. 124
- Долгорукий, кн. Ив. Мих. 242; примеч. 182
- Достоевский Ф.М. 223; примеч. 169
- Другов Ник. Петр., протоиерей 42, 226; примеч. 6
- Дудышкина Анна Иван. 174, 194
- Екатерина II, императрица 127; примеч. 114.
- Екатерина Михайловна, вел. княгиня 258; примеч. 195
- Елагин Ал-др Ник. 35, 61; примеч. 45
- Елагин Алексей Андр. 57, 60, 82, 171, 184; примеч. 28, 41, 42, 203
- Елагин Андр. Алексеев. 172, 195; примеч. 41, 153
- Елагин Вас. Алексеев. 37, 57, 64, 105, 106, 109, 110, 151, 164, 167, 170, 182—184, 186, 218, 234; примеч. 42, 59, 109
- Елагин Ник. Алексеев. 11, 49, 50, 54, 62, 63, 66, 87, 90, 95, 104, 105, 144, 152, 165, 167—169, 171, 184, 186, 194, 196, 218—220, 259, 263, 264, 284, 285; примеч. 28
- Елагина Авд. Петр., рожд. Юшкова 3, 19, 20, 28—30, 35—37, 47—49, 57, 63, 77, 82—84, 88, 89, 95, 103, 105, 106, 127, 131, 152, 165, 168, 174, 182—184, 186, 195, 196, 198, 205, 211, 212, 218, 227, 229, 234, 260, 265, 270, 271, 273, 280, 285; примеч. 7, 15, 21, 22, 28, 35, 41, 42, 102, 130, 131, 132, 166, 203
- Елагина Анна Александр., рожд. кн. Щербатова 10, 11, 18,

- 35, 75, 86, 106—108, 112, 113, 116, 121, 125, 128, 132—135, 141, 166, 173, 186, 201, 221, 228, 235, 249—251, 263, 270; примеч. 45, 46
- Елагина Екат. Ив., рожд. Мойер 37, 105, 106, 126, 154, 155, 164, 183, 186, 211—213, 218, 219, 222, 226, 265, 278—280, 284, 285; примеч. 40, 42, 109, 130
- Елагина Елиз. Алексеевна (Лиля) 62, 63, 77, 82—84, 87—89, 95, 105, 122, 127, 153—155, 163—165, 170—172, 183, 186, 194, 195; примеч. 21
- Елена Павловна, вел. княгиня примеч. 195
- Емельянов, племянник
О.Л. Свешникова 82
- Енохин Ив. Вас., лейб-медик 209; примеч. 162
- Ермолов 65
- Ермоловы примеч. 53
- Ефремов, Ал-др Павл. 42; примеч. 8
- Желтухин, помещик 247, 255
- Жуковская Елиз. Алекс., рожд. Рейтерн 117; примеч. 99
- Жуковский, Вас. Андр. 4, 26, 28—30, 37, 56—58, 69, 70, 117, 169, 182, 220, 254, 269, 270; примеч. 40, 51, 99, 118, 119, 153
- Жуковский Ник. Вас. 254; примеч. 191
- Закревский, гр. Ал. Андр. 245, 248
- Залюбовская Ал-дра Ал-дровна 220, 274; примеч. 167
- Зонтаг Анна Петр., рожд. Юшкова 30, 33, 165, 168, 182, 185, 186, 189, 191, 192, 195, 203—205, 208, 215, 217, 236, 239, 247, 249, 250, 255, 256, 260, 275; примеч. 33, 102, 132, 149
- Зонтаг Егор Вас. примеч. 102, 132
- Зубова Мария Ефим. 278
- Зыков Ал-др Сем. 261, 267
- Зыков Ник. Сем. 115, 118, 119, 176, 211, 223—225, 228—230, 243, 256, 259, 269, 272, 274, 275, 279; примеч. 60, 171
- Зыков Семен Серг. 149, 175; примеч. 60, 187.
- Зыкова Екат. Петр. 77, 86, 176, 211, 223, 224, 241, 243, 245, 247, 251, 258, 259, 261, 274, 275, 283; примеч. 60, 187
- Зыкова Елиз. Сем.— см. Арбузова Е.С.
- Зыкова Мария Сем. 176, 247, 256, 257, 267, 269, 272, 282; примеч. 187
- Иванов Вас. Вас. примеч. 183
- Иванова Ольга Вас.— см. Арбузова О.В.
- Ивинский, свящ. в Новгороде 226, 227, 229
- Имрек (псевдоним К. Аксакова) 86; примеч. 71
- Иноземцев Фед. Ив., д-р 45, 46, 54, 139, 166, 176, 180, 181; примеч. 17
- Иоанн III, вел. князь 193
- Кавелин Кон. Дм. 33, 37, 52; примеч. 21, 36
- Казанцев Петр Екимович 118
- Кампиони, скульптур. мастер 107, 129, 132; примеч. 83

- Караджич Вук Стефанович 7, 89, 96; примеч. 73, 78
 Карамзин Н. М. 26—28, 30
 Карецкая Ал-дра Семен., рожд. Зыкова 175
 Карецкий Петр Матв. 175
 Катков Мих. Никиф. 43; примеч. 11
 Каченовский Мих. Троф. 28
 Киреевская, Мария Вас. 12, 18, 47, 82—84, 95, 105, 106, 109—112, 124, 126, 127, 130, 131, 134, 144, 168, 172, 184, 195, 209, 220—222, 224, 227, 229, 230, 236, 241, 242, 245, 250, 260, 263, 265, 266, 270, 272, 278; примеч. 22
 Киреевская Наталья Петровна, рожд. Арбенева 8, 9, 12, 15, 68, 91, 121, 181, 182, 205, 206, 209, 224, 233, 234, 239—241, 245, 255, 256, 270, 277; примеч. 38, 85
 Киреевский Вас. Ив., 1-й муж А.П. Елагиной примеч. 131
 Киреевский Вас. Ив., сын Ив. Вас. 242
 Киреевский Ив. Вас. 24, 47, 50—52, 54—56, 63, 68, 70, 103—106, 108, 121, 129, 130, 174, 181, 198, 200, 212, 234, 239, 241, 243, 270, 273, 276, 277; примеч. 22, 35, 38, 148
 Киреевский Николай Ив. 181
 Киреевский Петр Вас. 7, 45, 49, 52, 53, 56, 57, 59, 63, 64, 67, 82, 93, 95, 103—106, 109—114, 116, 120, 121, 129, 131, 144, 163—165, 171, 186, 211, 222, 236; примеч. 22, 35, 117
 Кирсанов, д-р 146
 Кирстен, литографщик 281, 283
 Княжеский Захар Петр., болгарин 111, 118, 119; примеч. 88
 Коврайская Нат. Фед. 227
 Колемин 261, 262
 Кондратьев, Пав. Ив. 245, 248, 257; примеч. 185
 Кондратьев 266—267
 Кондратьевы 210
 Копытов Ив. Петр. 138
 Копытова Прасковья Осип. 136, 138, 139, 149, 172, 233; примеч. 75
 Корнильев, Вас. Дм. 246, 254, 257, 261; примеч. 186
 Коссович Игнатий (Викентий) Андр. 45; примеч. 14
 Коссович Каэтан Андр. 33, 45, 46; примеч. 14
 Кошелев Ал-др Ив. 262; примеч. 200
 Кремпин, д-р 126, 143, 144, 146, 152, 154—157; примеч. 110
 Кудрявцев 240, 254, 261; примеч. 199
 Кудрявцева Анна Осип., рожд. Свешникова 81, 93, 98, 100, 119, 120, 122, 127, 129, 155, 167, 193, 195, 198, 199, 210, 215, 217, 226, 230, 233, 242, 251, 255, 259, 263, 281; примеч. 64, 199
 Лебедев Захар Дмит. 137—138
 Лебедева Авд. Осип. 50, 93, 135—138, 154, 172, 176, 185, 192, 233; примеч. 30, 75
 Лебедева Анаст. Дмитр. 136—138, 176
 Левицкие-Бунины 220; примеч. 166
 Ломоносов (диссертация К. Аксакова) 47, 50, 77, 78; примеч. 9.
 Львов, кн. В.В. примеч. 34

- Майков Валер. Ник. примеч. 25
 Макарий Болховской архимандрит примеч. 22
 Максимович Мих. Александрович 206; примеч. 160
 Мамонов — см. Дмитриев-Мамонов Э.А.
 Маркелова Мария Серг. 164
 Межов В. примеч. 176
 Мекленбург-Стрелицкий, принц Георгий 258
 Михаил Павлович, вел. князь 202; примеч. 195
 Модзалевский Б.Л. 35
 Мойер Ив. Филипп. 7, 37, 57, 107, 131, 132, 145, 151, 162, 164, 168, 169, 182, 183, 186, 194, 219, 284; примеч. 40, 42, 109
 Мойер Мария Андр., рожд. Протасова 37; примеч. 40, 42, 118
 Мординов, гр. Ник. Семен. 121, 122; примеч. 103
 Морозов 258
 Мосолова Мария Павл. примеч. 111
 Муравьев Мих. Никит. 127; примеч. 113
 Муравьев (Амурский), гр. Ник. Ник. 249, 268; примеч. 12, 190, 203
 Муравьева Екат. Фед. 127; примеч. 113
 Муравьевы Ал-др и Никита Мих. примеч. 113
 Мурзелимов Григ. Ив. 248, 258; примеч. 189
 Мюльгаузен Богд. Карл., д-р 275, 276; примеч. 208
 Наумова Варв. Алексеевна, рожд. Панова 108; примеч. 10
 Наумовы, племянники В.А. Панова 43; примеч. 10
 Невзоров Макс. Ив. 194; примеч. 151
 Некрасов Вас. Григ. 248, 253
 Некрасов Н.А. примеч. 71
 Никитенко А. В. примеч. 71
 Николай I, император 41, 73, 203
 Новиков Ник. Ив. 26, 30
 Новосильцова Л.Д., рожд. Свербеева 38
 Облеухов Дм. Дм. 187, 257; примеч. 145
 Облеухова Екат. Ив. 49, 63, 82, 87, 101, 186, 221, 240; примеч. 145
 Оболенский, кн. Андр. Петр. 207; примеч. 161
 Обресков Петр Алексеевич примеч. 46
 Обрескова Варв. Петр. 61, 213; примеч. 46
 Обрескова, София Ал-дровна примеч. 46
 Обресковы — см. Свербеева Е.В., Панова М.А.
 Овер Ал-др Ив., д-р 103—105, 119; примеч. 81
 Одоевский, кн. Вл. Фед. 85
 Орлов, гр. Алексей Фед. 73
 Орнатский, от. Василий, свящ. в Новгороде 226, 227, 229, 260
 Павел I, император 175
 Павлов Ник. Фил. примеч. 67
 Павлова Каролина Карл. 83; примеч. 67
 Пален, гр. 175
 Панке, шурин Е.И. Поповой 191
 Панов Вас. Алексеев. 21, 32, 34, 35, 41—43, 45—47, 49, 56, 59, 60, 63—71, 77, 80—84, 86, 89, 91—93, 95, 96, 99, 107—110, 113—115, 120, 122, 124—127, 147, 174, 180, 181, 210, 211, 216, 218,

- 219, 221, 250; примеч. 10, 27, 56, 68, 155, 163
- Панов Ник. Алексеев. 50; примеч. 27
- Панова Анна Андр., рожд. Головинская 58, 65, 66, 69, 70, 86—88, 90, 95, 114, 125—127, 139, 144, 147, 156, 167, 183, 185, 202, 207, 210, 221, 227, 232, 240, 241, 245, 250
- Панова Елиз. Ал-дровна, рожд. Валуева 50, 65; примеч. 27
- Панова Мария Ал-дровна, рожд. Обрескова 35
- Пато 165
- Пеликан Венцеслав Венц. 269, 270; примеч. 202.
- Пелопидас Авд. Вас. (в 1-м браке Вельс, рожд. Азбукина 119, 166, 276, 278, 279, 282; примеч. 102
- Пелопидас И.Д., д-р 275, 276; примеч. 102
- Петерсон Ал-др Петр. 63, 75, 84, 103—105, 248, 280; примеч. 15
- Петерсон Елиз. Франц. 45, 47, 48, 75, 119, 186; примеч. 15
- Петр 1, император 201
- Пирогов 262
- Погодин Мих. Петр. примеч. 39, 186
- Полевой Ксен. Алексеевич 27
- Полевой Ник. Алексеевич 27
- Полугарская Мария Павл. 265; примеч. 201
- Полугарский Илья Ив. примеч. 201
- Поляковы 169
- Пономарева, член попечительного общества 225
- Попов Ал-др Ал-дрович (Саша), племянник Е.И. Поповой 215, 229, 234, 237, 247, 248, 252, 253, 256, 262, 271, 273, 274; примеч. 66
- Попов Ал-др Ив., брат Е.И. Поповой 137, 177, 226, 230, 235, 237—241, 244, 245, 247, 252—255, 259, 261, 263, 266, 281, 284; примеч. 66, 112, 150
- Попов Ал-др Никол. 77—80, 130, 186, 232, 245, 252, 266; примеч. 59, 111
- Попов Вас. Ал-дрович (Вася), племянник Е.И. Поповой 229, 232, 237, 244, 245, 247, 252—257, 260—262, 281
- Попов Ив. Ал-дрович (Ваня), племянник Е.И. Поповой 181, 213—215, 229, 232, 235, 245, 247, 252, 253, 262, 263, 267—269, 271—274, 281, 283, 284
- Попов Ив. Вас., отец Е.И. Поповой 6, 26—28, 30, 214, 231, 238, 253
- Попов Мих. Вас., дядя Е.И. Поповой 210, 230, 231, 237—241
- Попов, столоначальник Казен. палаты 245
- Попова Конкордия Ал-дровна, племянница Е.И. Поповой 237, 243, 247, 252, 255, 263, 271, 275, 280, 281
- Попова Юлия Ал-дровна, племянница Е.И. Поповой 181, 211, 214, 237, 255, 263—265, 267, 271
- Попова Юлия Мих., невестка Е.И. Поповой 177, 203, 209, 213, 214, 226, 237, 238, 240, 242, 244, 245, 249, 254, 255, 263, 267—269, 272, 273, 281, 284; примеч. 66, 112
- Протасов Андр. Ив. примеч. 102
- Протасова Екат. Афан., рожд. Бунина 131, 132, 137, 163, 164, 178, 219; примеч. 40, 102, 118, 119, 130

- Протопопов, нач. отделения в
М-ве фин. 246
- Прохорова, белев. купчиха 182
- Пузырев Ефрем Ив. 176, 220;
примеч. 168
- Пушкин А.С. 37, 56; примеч. 34
- Пыпин А.Н. примеч. 114
- Ранке Леоп. примеч. 72
- Решетников 232
- Ригельман Н. 85, 89; примеч. 70,
73
- Рихтер Ал-др Андр., д-р 103, 119,
126, 133; примеч. 81
- Ростопчина, гр. Евд. Петр., 71—
73, 279; примеч. 57, 210
- Самарин Юрий Фед. 33, 111, 185,
186, 192; примеч. 41, 88, 142
- Свербеев Ал-др Дм. 29, 38, 62;
примеч. 48, 87
- Свербеев Влад. Дм. 62; при-
меч. 48
- Свербеев Дм. Дм. 113, 114, 167;
примеч. 91, 214
- Свербеев Дм. Ник. 18, 29, 33—
36, 51, 52, 54, 107, 117, 118,
199, 208, 214, 220, 223, 224,
228, 229, 246, 249, 252, 260,
262, 265, 266, 268, 283, 284;
примеч. 12, 17, 18, 19, 20, 34,
37, 44, 46, 48, 140, 161
- Свербеев Мих. Дм. 179; при-
меч. 140
- Свербеев Ник. Дм. 45, 47, 57, 59,
62, 117, 122, 168, 174, 204,
208, 212—214, 231, 234,
241, 249, 262, 263, 268, 269,
272, 274, 279, 283; примеч.
12, 190
- Свербеев Ник. Яковл. примеч. 46
- Свербеева Варв. Дм., в замуже-
стве Арнольди 46, 61, 179,
256, 260, 262, 265, 266—
268, 271, 275; примеч. 19
- Свербеева Екат. Александр.
9—12, 15—18, 21, 35,
36—38, 43, 46—48, 50—57,
60, 63, 65, 67, 68, 71, 75,
77, 79, 80, 83, 84, 86, 87, 89,
91—94, 104, 105, 107—109,
111, 113, 114, 116—118,
120, 121, 124, 125, 127—
129, 134, 156, 159, 166, 167,
170, 172—174, 179—181,
185—189, 190 (портр.), 191,
192, 194, 199, 204—206,
208, 211—217, 220, 221,
223, 228—230, 234, 235,
241, 245—247, 249, 250,
254—256, 259—263, 265,
266, 268, 269, 271, 275,
278—280; примеч. 12, 19,
20, 34, 44—46, 48, 140, 148,
161
- Свербеева Ек. Вас., рожд. Обре-
скова примеч. 46
- Свербеева Екат. Дм. 13, 47, 61,
113, 265, 268, 269, 275, 282;
примеч. 20
- Свербеева Зин. Серг., рожд. кн.
Трубецкая примеч. 12
- Свербеева Ольга Дм. 38, 117,
214, 265, 269, 275, 279; при-
меч. 44
- Свешников Осип Леонт. 63, 120;
примеч. 13, 29, 52, 64, 152
- Свешников Фед. Осип. 45, 99,
100, 116, 120, 204, 208, 233,
266, 267; примеч. 13
- Свешникова Анна Леонт. 267
- Свешникова Елена Фед. 50, 93,
197, 204, 207, 220, 226, 230,
233, 243, 251, 252, 261, 267;
примеч. 29, 152
- Своехотов Мих. Егор. 219; при-
меч. 165
- Селивановская Екат. Фед. 62,
173, 196, 200, 220, 259, 274;
примеч. 49, 167

- Селивановский Ник. Сем. 232; примеч. 49
 Селивановский С.А. примеч. 90
 Селиверст, слуга Н.М. Языкова 45, 51, 57, 60, 94; примеч. 16
 Семен, типограф. ученик 232, 251—254, 256—258, 260
 Симони П.К. 27
 Скорнякова Мария Ив. 207, 211
 Смирнова Ал-дра Осип., рожд. Россет примеч. 19
 Снегирев Ив. Мих. примеч. 54
 Снегирева Анна Андр. 66; примеч. 54
 Соколов Мих. Никит. 60, 82, 83, 103, 116, 152, 153, 156, 157, 172, 237, 259, 274—276, 278; примеч. 7, 43
 Соколов Николай, сын Мих. Никит. Соколова 275—277, 279, 281
 Соколова Анна Иван. 17, 42, 135, 156, 161, 166, 172, 177, 182, 198, 202, 207, 212, 228, 271, 273; примеч. 7
 Соколова Дуняша 152, 153, 172, 228, 273
 Соколова Маша 172, 228, 274; примеч. 7
 Соллогуб, гр. Влад. Алекс. 85; примеч. 71
 Солнцев, содержатель модн. магазина 224, 255, 256
 Соловьев С. М. примеч. 36
 Спиридонов, муж Спиридоновой М.Б. 215
 Спиридонова Мария Богд. 11, 152, 159, 166, 204, 205, 210, 211, 262, 268, 269, 282
 Срезневский И.И. примеч. 73
 Стадлер (Штадлер) 128—129; примеч. 115
 Станкевич Ник. Влад. примеч. 8
 Станкевичи примеч. 208
 Старов Ал-др Ив. 138; примеч. 125
 Старов Ив. Егор. примеч. 125
 Строганов, гр. Серг. Григ., попечитель Моск. унив-та 47, 77, 79; примеч. 23, 95, 98
 Строганов, гр. 213
 Строев Павел Мих. 200, 235, 254, 257; примеч. 90, 94, 136, 156
 Строев Петр. Павл. 200, 203; примеч. 156
 Строев Сергей Павл. 116, 136, 199; примеч. 94
 Строева Анна Павл. 172, 176, 179, 181, 200, 252; примеч. 136
 Строева Олимпиада Петр. 173, 174, 181, 212, 230, 235, 242, 252; примеч. 90
 Строева София Павл. 172, 176, 179—181, 200; примеч. 136
 Струве 283
 Суворов, кн. Ал-др Аркад. 185; примеч. 142
 Суворов, кн. Ал-др Вас. 149, 175
 Сумароков Панкратий 28
 Суходольская Анна Кондрат. 135, 136, 140, 142
 Сушков Ник. Вас. 66; примеч. 55
 Талызина 275, 280
 Терновский, от. Сергей Григ. 107, 113, 244, 257; примеч. 84
 Тидебель Фед. Бор. 7, 10, 11, 13, 14, 19, 51, 57, 82, 87, 91, 93, 98, 99, 103—105, 107, 110, 112—114, 119—126, 130—134, 139, 140, 142—171, 176, 178—185, 187, 191—197, 201—204, 208—213, 215, 218—222, 226, 227, 230, 232, 237, 240, 242, 243, 246, 256, 258, 260, 262, 270, 278—280, 285; примеч. 110
 Трубецкой, кн. Серг. Петр. примеч. 12
 Тугаринов Дм. Алексеев. 179, 267

- Тугаринова Екат. Осип. 195, 209, 233, 267; примеч. 152
 Тургенев Ал-др Ив. 37
 Тургенев Ник. Ив. 182; примеч. 104
 Тургенева, генеральша 141, 168
 Уваров С. С., гр., министр нар. просв. 41, 47, 174; примеч. 3.
 Фабр 170
 Фабрициус 79; примеч. 63
 Федяшева Пелагея Ив. 256
 Фель (Пфель) Карл, д-р 103, 104, 273, 275; примеч. 82
 Филарет, митроп. Московский 42, 68, 201
 Фроловы примеч. 208
 Хемницер 88
 Хомяков Алексей Степ. 24, 32, 33, 35, 46, 67, 76, 85, 91, 99, 107, 116, 233, 260; примеч. 14, 33, 37, 41, 53, 69, 88, 96, 97, 106, 111, 115
 Хомякова Екат. Мих. 32, 117, 187, 189, 214, 229, 284; примеч. 37, 53, 96, 107
 Хомякова Мария Алексеевна 35, 124, 223, 262; примеч. 106
 Христиановичи, семейство 169
 Цветковы 142
 Чаадаев Петр Як. 4, 37, 52, 91, 92
 Черкасов Гавр. Ив., бар. 169; примеч. 134
 Черкасов Ив. Петр., бар. примеч. 51, 134, 194, 207
 Черкасов Петр Ив., бар. 257; примеч. 194
 Черкасова Варв. Ив., бар. 168, 274, 275; примеч. 207
 Черкасова Пелагея Андр., бар. 63, 168; примеч. 51
 Чижев Фед. Вас. 75, 76, 93, 187; примеч. 58
 Чирикова София Сем., рожд. Зыкова 247, 257; примеч. 187
 Шарков 133
 Шафарик 117; примеч. 97
 Шаховская, княгиня 87
 Шевырев Степ. Петр. 4, 34, 41, 45—48, 53, 56, 62, 63, 79; примеч. 4, 14, 39
 Шенрок В. примеч. 34
 Шеншин 150
 Шепелев 264
 Шиллер 181
 Шохин Дм. Алексеев. 100; примеч. 29
 Шохина Над. Осип., рожд. Свешникова 63, 98—101, 106, 118, 119, 155, 174, 196, 199; примеч. 29
 Шустов, архитектор 208, 209
 Щеколдин, уездн. лекарь 182
 Щепотьева Ольга Ал-дровна 141, 250
 Щербатов, кн. Ал-др Фед. 36
 Щербатов, кн. Алексей Григ., моск. ген.-губернатор примеч. 41, 42
 Щербатова, кн. Варв. Петр., рожд. Оболенская 36; примеч. 161
 Щербинина Анаст. Павл. 279, 280
 Щуровский Григ. Ефим. 229, 230; примеч. 174
 Эрке, д-р 151, 155, 162, 228, 229
 Юрьев С. Я. примеч. 42
 Юшков Петр Ник. примеч. 15, 132
 Юшковы — см. Елагина А.П., Зонтаг А.П., Азбукина Е.П.

- Языков Ал-др Мих. 76, 132,
187—189, 192, 198, 200,
212, 281; примеч. 37, 53,
107, 121
- Языков Ник. Мих., поэт 16, 33,
37, 42, 43, 45—47, 49, 50,
52, 54—57, 59, 63, 99, 107,
109, 110, 115, 117, 118, 120,
124, 129, 132, 188, 189, 191,
192, 194, 198, 212, 213; при-
меч. 16, 17, 18, 32, 34, 35,
37, 39, 53, 58, 107
- Языков Петр Мих. 75, 76, 110,
188; примеч. 18, 32, 37, 53,
107
- Языкова Наталия Алексеевна,
рожд. Наумова 135, 146,
148, 189; примеч. 121
- Языковы 107, 192
- Яковлева Екат. 173, 174, 273
- Янова Мария Ив. 276—279
- Ярцев Януарий Осип. 254, 257;
примеч. 192

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.В. Беловинский. Дневник приживалки.</i>	
Предисловие	3
Введение	23
Н.В. Голицын. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847—1852.	
1847 год, в который исполнится Москве 700 лет	41
1848 год	124
1849 год	183
1850 год	217
1851 год	254
1852 год	283
Примечания	286
Указатель имен	309

ISBN 978-5-85209-306-6

Подписано в печать 31.07.2013.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 500 экз.
Заказ № 7. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России, 2013.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

*Елизавета Ивановна Попова
рисует картины быта близко
ей знакомого московского общества,
вводит читателя в интимный мир
кружка московских славянофилов и
близких к ним лиц. Дневник написан
с откровенностью и свободой, живыми
диалогами, прекрасным
литературным слогом*

